

7000

СОЮЗ ДВУХ СЕРДЕЦ ОКАЗАЛСЯ ПРОЧНЕЕ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА...

ISBN 5-17-033432-X

9 785170 334322

ВИКТОР
КОРЧНОЙ
ШАХМАТЫ
БЕЗ
ПОЩАДЫ

ВИКТОР КОРЧНОЙ ШАХМАТЫ БЕЗ ПОЩАДЫ

МЕМУАРЫ ШАХМАТИСТА

СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
ПОЛИТБЮРО, КГБ,
СПОРТКОМИТЕТА

ПРЕДИСЛОВИЕ
ВЛАДИМИРА
ВОИНОВИЧА

Мемуары шахматиста

ВИКТОР КОРЧНОЙ

ШАХМАТЫ
БЕЗ
ПОЩАДЫ

СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
ПОЛИТБЮРО, КГБ,
СПОРТКОМИТЕТА

ПРЕДИСЛОВИЕ
ВЛАДИМИРА
ВОЙНОВИЧА

Москва
Астрель • ACT • Транзиткнига
2006

УДК 794
ББК 75.581
К 70

Корчной, В. Л.

К 70 Шахматы без пощады: секретные материалы.../ Виктор Корчной; предисл. Владимира Войновича. — М.: Астрель: ACT: Транзиткнига, 2006. — 415, [1]с. — (Мемуары шахматиста).

ISBN 5-17-033432-X (ООО «Издательство ACT»)

ISBN 5-271-12663-3 (ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 5-9578-2866-1 (ООО «Транзиткнига»)

В новой серии издательства «Астрель» — «Мемуары шахматиста» — публикуется книга одного из сильнейших шахматистов мира, гроссмейстера Виктора Корчного. В ней автор рассказывает о своей спортивной карьере и о жестком соперничестве в борьбе за мировое первенство с 12-м чемпионом планеты Анатолием Карповым в Багио (1978) и Мерано (1981).

Бескомпромиссный и откровенный характер повествования напомнит читателю о драматизме тех дней.

УДК 794
ББК 75.581

ISBN 5-17-033432-X (ООО «Издательство ACT»)

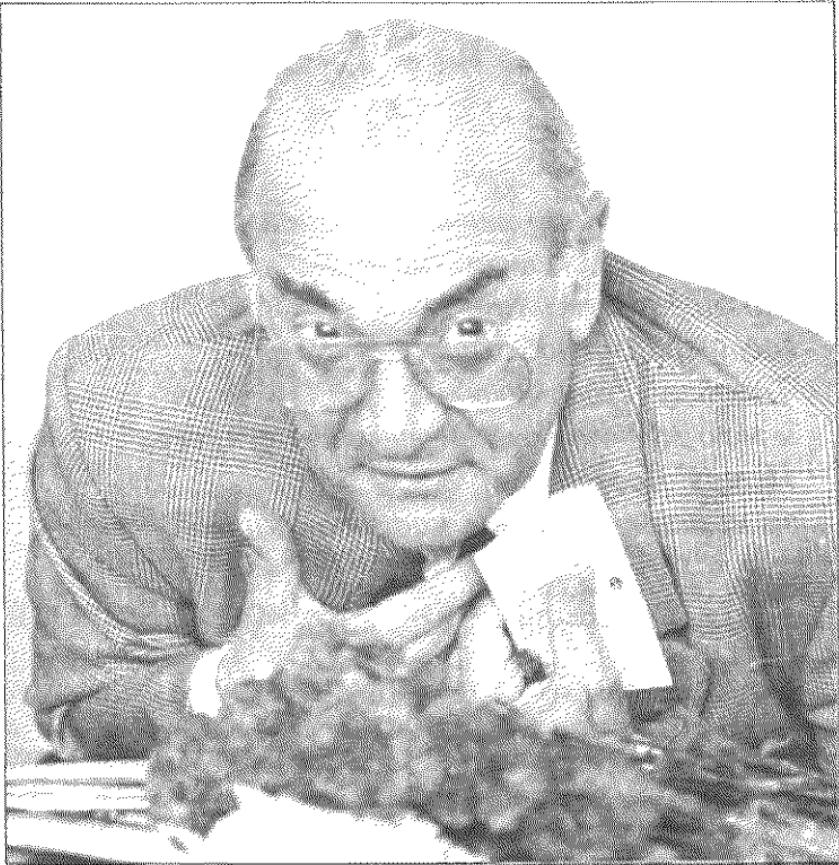
ISBN 5-271-12663-3 (ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 5-9578-2866-1 (ООО «Транзиткнига»)

© Корчной В.Л., 2005
© ООО «Издательство Астрель», 2005

*Искренне благодарю
международного мастера Владимира Барского,
моего давнего товарища
Виктора Хенкина,
гостеприимную хозяйку
Татьяну Губарькову
и мою мудрую долготерпеливую супругу
Петру Лееверик
за помощь в работе над этой книгой.*

Виктор Корчной

*Победить или умереть.
Каждый день после проигрыша
я иду на игру с целью отыграться.
Да, каждый день я иду на игру
с решимостью победить... или умереть.
Изменилось ли во мне что-нибудь
за 10, 20, 30, 40 лет?
Вряд ли.*

В.Нор

Владимир Войнович:

«ЭТУ КНИГУ Я ЧИТАЛ КАК БОЕВИК»

Вот уж кого точно представлять нет нужды, так автора этой книги. Международный гроссмейстер, многократный чемпион СССР, Виктор Корчной трижды поднимался к мировой шахматной вершине и трижды срывался с нее, потому что помимо естественной крутизны перед ним возвышались искусственные препятствия. Чем выше он поднимался, тем больше прилагалось усилий, чтобы его оттуда столкнуть.

Корчной говорит, что он не был диссидентом. В прямом смысле это, возможно, так. Если считать, что диссидент — это сознательный, активный и последовательный борец с режимом. Но Советский Союз был такой системой, где диссидентством считалось малейшее отступление от советских норм, ритуалов, правил игры. В диссиденты можно было попасть за то, что заступился за уволенного товарища, слушал Би-би-си, читал «Доктора Живаго», сказал лишнее слово или, наоборот, не сказал ни-

чего. Помнится, во время советского вторжения в Чехословакию один поэт угрожал согражданам, молча не одобравшим этого действия: «Мы еще вспомним, кто за что молчал».

Я, как многие мои товарищи, в молодости увлекался шахматами на любительском уровне, фамилии всех гроссмейстеров, естественно, знал, но ни за кого особенно не болел. Однако на Корчного обратил особое внимание, когда в 1974 году перед финальным матчем претендентов на вопрос о любимом произведении литературы он, как мне помнится, ответил: «"По ком звонит колокол" Хемингуэя». Только человек с долгим советским опытом жизни может понять, что этот ответ был дерзостью, которую власть не могла пропустить мимо ушей. Конечно, в послесталинском Советском Союзе никто никому не запрещал читать и любить Хемингуэя или любого другого печатаемого (то есть все-таки одобренного властью) писателя, но образцовый советский человек

должен был называть другие имена и другие произведения. Соперник Корчного назвал своим любимым произведением (тоже привожу по памяти) «Как закалялась сталь» Николая Островского. Этим в пространство были посланы два сигнала. Один от Корчного: он свободный человек, интеллектуал, читает, что хочет, и выбор его не ограничен продукцией соцреализма. А сигнал соперника означал, что он понимает правила игры не только шахматной. Что именно он читает на самом деле, это неважно (Карпов потом в журнале «64» сказал, что его любимые авторы — Ильф и Петров), важно, что называет. А судя по тому, что называет, он настоящий советский русский человек, в его благонадежности можно не сомневаться. Обещание благонадежности от потенциального чемпиона было важной предпосылкой к тому, чтобы власти создали ему, как это говорилось, режим наибольшего благоприятствования. С неблагонадежным человеком чемпионского ранга бороться трудно (в этом смысле очень огорчал советских начальников Борис Спасский), проще и соблазнительнее не допустить его до чемпионства. Тогда пусть читает хоть Кафку. Конечно, литературные предпочтения Корчного были не единственной причиной,

почему власть хотела видеть на шахматном Олимпе не его, а его соперника, но и они свою роль, безусловно, сыграли.

Поведав миру о своих вкусах, шахматисты вступили в схватку, которая с перерывами продолжалась много лет и была полна драматизма.

Казалось бы, ну что такое шахматы? Просто настольная игра. Ну древняя, ну мудрая, но игра. И не более того.

Но когда на стороне одного из играющих выступает супердержава, когда в поддержку ему мобилизуют целое войско тренеров, советников, журналистов, парапсихологов, докторов и секретных сотрудников КГБ (часто те и другие в одном лице) и эти люди совместными усилиями подглядывают и подслушивают, портят нервы, давят на психику, лгут, клевещут, распространяют сплетни, плетут интриги и держат семью в заложниках, тогда уже это не игра, это — война. Отличившихся на этой войне государство поощряло: они продвигались в чинах и званиях, награждались привилегиями и орденами.

Эту книгу я читал как боевик или напряженный политический детектив, в котором есть не только текст самого автора, но и всякие документы, которые теперь стали отчасти доступны читателю. Секретные доклады, донесения,

интенсивная переписка между ЦК КПСС, КГБ, Спорткомитетом. Читая это, я почему-то вспоминал пакт Риббентропа — Молотова и секретные документы времен его заключения. И подумал, что, может быть, в ряд причин, по каким советская власть погибла, надо вписать и то, что она не умела отличать важное от неважного, к игре двух шахматистов и к переделу мира относились почти с одинаковой, звериной, как сказал бы Василий Аксенов, серьезностью.

У нас часто спорят, кто виноват в том, что Советский Союз рухнул: Горбачев или Ельцин. Да все советские вожди и сама система в том виноваты!

Я не буду говорить обо всем, что тоталитарный режим натворил, обо всех его злодеяниях, которые потом были названы скромно ошибками, отмечу лишь то, что слишком много советская власть занималась шахматами, литературой и ботаникой.

Корчной трижды проиграл Карпову. Но я не понимаю, как вообще можно было играть, просчитывать ходы, изобретать комбинации в той невыносимой обстановке, которую ему создавали в Багио и в Мерано. Нахрапистая советская делегация при постоянных уступках руководителей

ФИДЕ и самого Кампоманеса (прозванного Карпоманесом) делала все, чтобы вывести его из равновесия, а Карпову создать наилучшие условия. Я не сомневаюсь в том, что Карпов относится к числу крупнейших величин в шахматном мире, но против Корчного он играл всегда с большой форой, и поэтому победы его не были полноценными. Мне кажется, что для человека большого спортивного честолюбия такие победы не могут быть причиной безоговорочной гордости.

Но вернемся к книге. Она не только о битвах между Корчным и Карповым. Это более широкие воспоминания выдающегося шахматиста с рассказом о его происхождении, трудном детстве, не раннем начале шахматной карьеры и ее развитии. О встречах Виктора Львовича не только с коллегами, но и с разными другими людьми, включая адвокатов, антрепренеров, писателей и даже бандитов. Из текста встает образ человека страстного, сильного, упрямого, колючего и непокорного. Настоящий чемпионский характер. Разумеется, в книге приведено много партий, сыгранных автором с разными соперниками, в которые полезно будет вникнуть читателю-шахматисту. А мне, не шахматисту, и текста было достаточно.

Владимир Маланюк,
гроссмейстер

ЧЕСТЬ ИМЕЮ!

Моя первая встреча с Виктором Львовичем состоялась в 1970 году. Я, тогда еще совсем зеленый шахматист, был приглашен во Всероссийскую детскую шахматную школу ДСО «Труд» Ботвинника — Корчного. В связи с тем, что я в то время жил в Архангельске, я попал в Ленинградское отделение к Виктору Львовичу, вместе с моими земляками Татьяной Вороновой (ныне международный мастер, живет в Риге) и Александром Ивановым (международный гроссмейстер, сейчас один из сильнейших шахматистов США). К сожалению, школа по ряду причин просуществовала недолго, хотя в шахматном плане дала нам неоценимый задел на будущее. Занимались с нами ленинградские мастера и гроссмейстеры. Не случайно в последующие годы архангельские и ленинградские ребята доминировали на командных и личных чемпионатах России. В 1973 году команда России победила на Всероссийских юношеских играх в Вильнюсе; в

команде из шести человек было четверо учеников школы Корчного. Команда Ленинграда почти вся состояла из воспитанников этой же школы (Сочагин, Юнеев и другие).

Говорить о шахматном творчестве Виктора Львовича мне бессмысленно — это знает весь мир. Встречаясь сейчас с ведущими молодыми гроссмейстерами мира и обсуждая с ними маститых, ни разу не слышал отрицательного мнения о творчестве Виктора Львовича.

Естественно, я с особым вниманием следил за очень непростой и изломанной шахматной и личной судьбой Корчного. Она коренным образом изменила и мою судьбу. В 1979 году я был призван на Черноморский флот офицером. Вскоре меня вызвали в особый отдел, где предложили написать о человеке, который предал КПСС и советский народ. Ясно, что сделать это было для меня невозможно. Я, правда, написал рапорт, но положительный, и он был немедлен-

но разорван. Так как я выигрывал каждый год чемпионат Вооруженных Сил, меня оставили в покое, но, получив еще от меня отказ вступить в антинародную партию, меня просто сделали невыездным, хотя я тогда играл во всех Высших лигах СССР. Но для меня тогда это было совсем не главным; во всяком случае, гроссмейстера я смог выполнить и в СССР.

Затем меня условно простили, так как в составе сборной ЦСКА, которая в конце 1980-х ехала в Роттердам на Кубок Европы, не хватало, как они выражались, «нападающих». Естественно, в составе команды ехал и, по меткому выражению Б. В. Спасского, «врач-психолог». Мне было категорически запрещено разговаривать с Корчным. Но на заключительном банкете я сел за стол с Виктором Львовичем и госпожой Лееверик, whom ввел в

шок господина «психолога». По возвращении к месту службы в г. Севастополь я был немедленно вызван к командующему Черноморским флотом (который получил «разгон» от главного политкомиссара – генерала С. А. Епишева) и был от имени Министерства Обороны (!) отправлен на гауптвахту на 10 суток (больше нельзя – я был старшим офицером), а затем еще на 5! Это говорит о том, что, спустя годы судьбой Виктора Львовича занимались высшие эшелоны компартии СССР. К счастью, скоро в СССР вакханалия прекратилась, да и Союза не стало, и все вернулось на круги своя.

Я очень благодарен своей судьбе, и вряд ли кто-нибудь в шахматном мире скажет обо мне плохо. С большим уважением и благодарностью к Вам, Виктор Львович, искренне Ваш.

Часть I

ГРАЖДАНИН СССР

Глава 1 ДЕТСКИЕ ГОДЫ

1968 год. На живописной центральной площади Пальма-де-Мальорки мне повстречался человек, который прекрасно говорил по-русски, с барским, аристократическим акцентом. Мы познакомились. Я узнал, что господин Старицкий ведет свое генеalogическое древо с XVI века, с того времени, когда некто Андрей Старицкий поднял крестьянское восстание против Ивана Грозного. Я помог русско-испанскому аристократу обзавестись дополнительной информацией. Используя свои связи с людьми, окончившими исторический факультет ленинградского Университета, я достал журнал «Вопросы истории», тот номер, в котором рассказывалось о восстании Старицкого.

Людям с многовековой родословной можно позавидовать. Такой человек твердо стоит на земле. Он уверен в себе, он испытывает гордость за себя и своих предков. В то же время, чтобы быть достойным своих предков, он чувствует

своим долгом впитывать в себя культуру человечества.

В наше время, когда войны перемежаются с социальными потрясениями, мало кто может похвастаться разветвленным генеалогическим древом. Мне особенно не повезло. Я не знал даже своих дедов. Как рассказывали, один из них, Меркурий Корчной был управляющим имением где-то на юге Украины. Потом он ушел на войну — Первую мировую, и сгинул. Как-то в Нью-Йорке я встретил своего однофамильца. Не в этом ли городе пустил корни Меркурий?

Другой дед, с материнской стороны — Герш Азбель, довольно известный еврейский писатель. Он прожил большую часть жизни в местечке Борисполь под Киевом. О его жене Цецилии, моей бабушке, мне было известно только, что в 1919-м году ее походя проткнул штыком денкинский солдат... Мне довелось знать только свою бабушку — мать отца, польско-украинских аристократических кровей, урожден-

ную Рогалло. О ней я еще расскажу.

Мой отец родился в Мелитополе в 1910 году, мать — в Борисполе в том же году. В конце 20-х годов на Украину уже надвигался ужас проводимой большевиками коллективизации. Позже, в конце 30-х годов было подсчитано, что кампания коллективизации обошлась Украине примерно в одну пятую часть загубленного населения: более 6-ти миллионов погибло от голода, замучено в тюрьмах, расстреляно. А пока что более-менее обеспеченные бежали с Украины. Так примерно в 1928-м году семья моего отца и матери оказались в Ленинграде. Не знаю, где они познакомились. Кажется, мой отец посещал одно время занятия в консерватории, где много лет обучалась моя мать.

Я родился в 1931 году, во время первой «сталинской пятилетки». Семья была очень бедной. Впрочем, ничего особенного: власти регулярно проводили чистки, в первую очередь, чистки карманов населения, — чтобы добиться полного равенства не на словах, а на деле. Так оно и было: накануне войны десятки миллионов семей жили в полной нищете. Мне, ребенку, пришлось нелегко. Моя мать Зельда Гершевна (я называл ее просто Женя) была женщиной взбалмошного характера, и семья

довольно быстро распалась. Я остался у матери, но скоро ей стало невмоготу меня кормить и воспитывать, поэтому она отдала меня отцу. Моя мать была дипломированной пианисткой — она окончила консерваторию, но ее бедность поражала меня: за десятки лет трудовой жизни она так и не смогла приобрести нормальную мебель. В ее комнате не было ничего, кроме старой кровати, стула, табурета, шкафа и осколка зеркала. Даже пианино, рабочий инструмент, она всю жизнь брала напрокат. Десятки раз она потом повторяла, что нам пришлось расстаться из-за того, что ей нечем было меня кормить, и это стало трагедией ее жизни.

У отца был мягкий характер, у матери — резкий и драчливый. Они стали врагами. За пять лет мать шесть раз обращалась в суд, чтобы ей вернули ребенка, но суд неизменно присуждал, чтобы я находился у отца. Отец был членом компартии. Мать пошла в партком фабрики, где он работал, и наябедничала, что отец ходит в церковь, молится. Дело это обсуждали на собрании. Коллеги любили моего отца. Они не допустили его исключения из партии.

Я познакомился с родственниками отца. Дворяне, в прошлом богатые, они теперь, как и все, были равны перед Богом и Сталиным. Впрочем, я все же

С Розой Абрамовной

и Львом Меркуьевичем

помню старинную мебель, красивые книги, патефон и пластинки с классической музыкой и интересными песнями. И беседы, которые касались не только вопроса — как прокормить семью в ближайший месяц...

Мой отец был преподавателем русского языка и литературы. Кроме того, Лев Меркуьевич окончил институт ходильной промышленности и работал на кондитерской фабрике. Там он познакомился с женщиной, которая потом стала его женой и моей матерью. Роза Абрамовна продолжала опекать меня как родного сына несколько десятков лет.

Отец уделял серьезное внимание моему воспитанию, и, хотя в доме приходилось счи-

тать каждую копейку — бывало, ему не хватало на проезд в трамвае, — он считал необходимым с первых же лет моей учебы в школе нанять преподавателя для занятий на дому немецким языком. С его помощью я был записан в библиотеку, брал книги на дом и под опекой отца перечитал таким образом всю литературу, доступную для юношества. Ф. Купер, Жюль Верн, А. Дюма и В. Гюго, Серванте, Диккенс, Свифт, Джек Лондон, Марк Твен, О'Генри — все было перечитано мной, девятилетним. Отец и научил меня играть в шахматы — мне было тогда шесть лет. Я с увлечением сражался с ним и другими членами семьи. Иногда в детском

журнале помещали партии гроссмейстеров. Мы с отцом пару раз пытались разобраться, как играют гроссмейстеры, но успеха не имели.

* * *

А теперь я позволю себе страничку воспоминаний о самом близком мне в детстве человеке.

Моя бабушка любила меня. Я жил у нее с двухлетнего возраста. Она одевала и раздевала меня, пока я сам не научился это делать. Она научила меня молиться перед сном; укладывала меня спать, приговаривая по-польски. Она водила меня в костел, где мы вместе молились. Единственная в моем окружении, бабушка не играла со мной в шахматы. Она не боролась с моими капризами, но и не потакала им. Суровые функции воспитания лежали на моем отце, ее сыне. Я был капризен в еде — в бедной семье такое не принято. Питание было одной из обязанностей Елены Алексеевны, бабушки. Она покупала продукты и готовила еду на керосинке в комнате: до единственной кухни в 13-комнатной коммунальной квартире было метров 80 по темному коридору. А с моими капризами за столом приходилось бороться отцу...

В комнате 4х4 метра мы жили втроем. Бабушка спала на

кровати, отец на диванчике, а я — на стульях посреди комнаты. Комплекс отсутствия кровати я сохранил на десятки лет. В 1960 году я на время расправился с обидным воспоминанием детских лет — купил в Риме мебель для спальни и направил ее в Ленинград. К этому эпизоду я еще вернусь.

Идиллию более-менее благополучной жизни нашей семьи разрушила война с Германией. Отец рассудил, что Ленинград находится близко к границе — город неминуемо окажется в огне, в центре боев, а значит, меня нужно вывезти оттуда. Учреждения, заводы, школы эвакуировались в глубь страны — на Урал, в Среднюю Азию. Меня отправили вместе со школой, где я учился. Но мать вскоре услышала, что эвакуация проходит с большими трудностями: поезда перегружены, многие школы застряли на территории Ленинградской области, некоторые подверглись бомбардировкам. Мать отправилась искать меня. Километров в трехстах от города, южнее озера Ильмень она нашла наш лагерь, забрала меня, и мы с ней вернулись в Ленинград.

Мой отец по возрасту не подходил для действующей армии. Кроме того, он был из квалифицированных кадров, в которых остро нуждалась экономика страны. Но фактичес-

ки все дееспособные мужчины были взяты под ружье. Воинская часть моего отца была отрядом так называемого народного ополчения. Несколько месяцев он проходил военную подготовку. В ноябре он зашел домой из казармы, уже опухший от голода. Больше я его не видел. Как я позже выяснил, баржа с ополченцами попала под бомбежку на Ладожском озере и затонула...

С начала войны были введены продовольственные карточки. Для четырех категорий потребителей. Самая большая норма полагалась военным. Потом шли «рабочие и служащие», затем «дети». Самая скучная норма была для «иждивенцев». Довольно презрительное слово... Мясо, жиры, сахар, макаронные изделия, крупа имели месячные нормы, хлеб — ежедневную. Когда в середине месяца человеку уже нечего было поесть, оставался хлеб. А норма с каждым месяцем все уменьшалась. В голодную зиму 1941-42 года норма для иждивенцев была 125 граммов хлеба.

Та зима оказалась самой тяжелой для ленинградцев. Это был уже не город; ничего не работало. Закрылись почти все магазины, из-за недостатка электроэнергии перестали ходить трамваи, месяц не выходила последняя оставшаяся газета «Ленинградская правда»,

в январе замолчала единственная радиостанция города. А радио было очень важно, ведь оно сообщало о бомбежках. Дома не отапливались. Паровое отопление, если такое существовало, конечно, не функционировало. Нужно было топить печки, но не хватало дров. Жители города обзавелись маленькими железными печками. Их называли «буржуйками». К таким было легче найти топливо. Замерзал водопровод. С двумя ведрами я ходил на Неву, примерно километр от дома, брать воду из проруби.

Роза Абрамовна потеряла двух братьев — одного убили во время финской кампании 1939-40 годов, другой погиб в первые месяцы войны в 1941 году. Ей приходилось сколь возможно долго скрывать эти смерти от матери... Мой дядя Константин (брать отца) украл кусок хлеба в булочной. После этого он исчез — наверное, его трибунал расстрелял... Его жена умерла от голода, осталась дочка Юля четырех лет. Она выдержала эту зиму, и весной 1942-го моя мачеха отправила ее в эвакуацию. Больше я ее не видел.

У бабушки был кот, она звала его «Мачек». Неплохо звучит по-русски, но в переводе с польского это просто «кот». Еще не начался повальный голод в городе, как в сен-

тябре Мачек бесследно исчез. О приближении голода бабушка догадывалась; у нее был сундук, наполненный крупами. Но когда в декабре она его открыла, оказалось, что все содержимое сгрызли мыши.

Первый налет на город был 8 сентября 1941 года. Подожгли склады продовольствия, так называемые Бадаевские склады. Оттуда валил дым. Совершенно очевидно, что на немцев работали осведомители в городе — советская система наплодила столько врагов, что немцы уже все знали и первым делом разбомбили эти склады. Вообще, немцы старались уничтожить важные объекты, чтобы ослабить оборону города. В начале Литейного проспекта под номером 4 стоял так называемый «Большой дом», т.е. управление КГБ; немцы хотели его уничтожить. Но дом охранялся, на крыше стояли зенитки, попасть в него было трудно. Бомбы падали чуть поодаль. Вокруг нашего дома (Литейный, 16) было немало разрушено. Одна бомба, килограмм в 200, упала на тротуар перед нашим домом. Капитальная стена треснула. Но бомба не взорвалась; если бы взорвалась, вряд ли мы бы с вами встретились, читатель. Мой бабушке очень хотелось уехать куда-нибудь подальше от сомнительного соседства.

Уходя на фронт, отец оставил нам свои продовольственные карточки; так что в ноябре было терпимо. Но потом, в декабре, голод и стужа сломили здоровье бабушки. Она все время жаловалась, что ей холодно. Она уже почти не двигалась и просила меня, чтобы я на базаре обменивал ее паек, эти 125 грамм хлеба на дрова. 10-летний мальчик, совершенно не изощренный в искусстве торговаться (ни тогда, ни десятки лет спустя!), я ради бабушки занимался торговыми операциями. Меня никогда не обманывали. Разве что однажды. Бабушка была уже в плохом состоянии; пришел врач, установил крайне тяжелую форму дистрофии, посоветовал напоить ее молоком. Я отправился на Мальцевский рынок поменять хлеб на молоко. Потом, когда я поставил молоко на буржуйку согреть его, оно прыснуло и превратилось в малосъедобную сыворотку. Можете себе представить, как я был расстроен! Было это 1-го марта. А 4 марта, примерно в полночь я увидел, как к потолку в направлении входной двери двинулось облачко. Качнулось, как бы помахало мне на прощанье и исчезло. Я понял, что остался в комнате один...

До войны я разговаривал по-польски. Теперь я проводил в последний путь всех до единого родственников с польской

стороны. Мы с соседкой заворачивали труп в простыню, укладывали на санки, привязывали и везли на Волково кладбище в братскую могилу.

* * *

Через несколько дней пришла мачеха и увела меня к себе. Мать? Мать тоже, наверно, могла забрать бесхозного ребенка, но она сама, действительно, в это время едва ноги волочила. А Роза Абрамовна по-прежнему работала на кондитерской фабрике, которая, непонятно из какого сырья, продолжала выпускать кой-какую продукцию. Несколько раз мачехе — все-таки она была не простой работницей, а начальником цеха — удавалось привести меня на фабрику, чтобы я что-нибудь там поел. Так что чувствовал я себя не очень плохо. Тем не менее летом 1942 года я попал в больницу для дистрофиков.

Война между тем продолжалась, но в районе Ленинграда довольно вяло. По-видимому, немцы, наслышанные о красоте города, построенного Петром Первым, не хотели брать его штурмом, т.е. предпочли бы взять его измором. Кроме того, немцев подвели их союзники-финны. Единственная цель, которую поставила себе финская армия — вернуть земли, захваченные у

них Сталиным в 1940 году. Они дошли до своей границы с СССР 1939 года и — ни шагу вперед! Так что с трех сторон город был плотно блокирован, а с севера нет! Там было кой-какое пространство. В 1944 году я ездил туда под Сестрорецк отдыхать в пионерском лагере. И я отлично помню, как в пионерлагере, блестая отличной памятью, исполнял со сцены стихи Константина Симонова, которые назывались «Убей его»:

Если дорог тебе твой дом,
Где ты русским
выкормлен был,
Под бревенчатым потолком,
Где ты, в люльке качаясь, плыл; -
Если дороги в доме том
Тебе стены, печь и углы,
Дедом, прадедом и отцом
В нем исхоженные полы...

И так далее, далее, и концовка:

Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!

Страшные стихи, за них Симонову было потом стыдно — в полном собрании его сочинений вы их не найдете: война окончилась, а каннибальная энергетика этих стихов осталась...

Считается, что Ленинград был в блокаде 900 дней. Она

была снята в январе 1944 года. Но некоторое оживление общественной, культурной жизни наблюдалось уже в 1943 году, после частичного прорыва блокады в январе того года..

Один год в школе я пропустил — не было никаких занятий, так что из третьего класса перешел сразу в пятый. Я не был трудолюбив, предметы, где нужно было поработать, шли у меня плохо. Зато я был полон честолюбия, и если ставил перед собой какую-то цель, то обычно добивался ее. Я любил литературу, с удовольствием запоминал стихи и охотно их декламировал. Учительница была поражена, сколько стихов Некрасова я запомнил. Она послала меня, как чудо заморское, продекламировать все в параллельном классе. Но жил я в своем некоем обособленном мире. Помню, в 5 классе (1942 год) нам задали на дом написать былину. Я сделал эту работу и назвал в своей былине Гитлера Альфредом. Что же это такое?! Идет война, гибнут миллионы, защищая меня, а я не знаю, кто враг нашей страны?!

В шестом классе я задумал раздвинуть школьные рамки знания литературы и решил выучить наизусть поэму Пушкина «Полтава», а также прочитать «Войну и мир». За год, помнится, я одолел примерно

четыре пятых романа Толстого. Именно в этот год я задумал, помимо школьных предметов, развивать другие, новые интересы. Прежде всего, я направился в музыкальную школу — учиться играть на рояле. Потом — в шахматные организации для школьников. И еще я стал посещать во Дворце пионеров так называемый кружок художественного слова. Особенно активен я был в отношении шахмат. Я рыскал по всему городу в поисках турниров, где можно было принять участие, присутствовал на всех соревнованиях мастеров, однажды был даже демонстратором партий на турнире! Я искал шахматные книги во всех букинистических магазинах. Первыми моими книгами оказались учебник Эм. Ласкера для начинающих и книга С. Тартаковера «Освобожденные шахматы». Занятия музыкой, не прошло и года, пришлось оставить. Чтобы готовить домашние задания, нужен был инструмент — дома. У меня не было ни денег, ни свободной площади в квартире для инструмента. Я бросил занятия музыкой. Без особого сожаления. Что касается моего потаенного желания стать актером, то и здесь возникли препятствия. Выяснилось, что мое произношение не столь безупречно, как хотелось бы. Некоторое время я посещал логопеда, а

потом, хоть и со слезами на глазах, бросил и это занятие.

Остались шахматы, где я шаг за шагом, обычно со второй попытки, брал очередной барьер. Чемпионом города среди юношей я стал со второго раза, в 1946 году. В том же году я впервые сыграл в чемпионате СССР среди юношей. Тот турнир с легкостью выиграл Т. Петросян, а я набрал всего 5 из 15-ти.

Должен отметить, что мне не удалось привить любовь к шахматам своему сыну. Зато интерес к стихам и музыке он унаследовал от меня в полной мере.

Моими первыми шахматными воспитателями были мастера Андрей Батуев и Абрам Модель — в прошлом друг и даже тренер Михаила Ботвинника. Модель был очень острумным человеком и сильным шахматистом: однажды он инкогнито вызвал на матч через газету лучших шахматистов Ленинграда и сыграл с ними очень удачно. Батуев был певцом в академической капелле, а в качестве хобби собрал дома целый зоосад. Еще он любил всякие прибаутки, типа: «Не то здорово, что здорово, а то, что не здорово — то здорово!»

Лекций детям, поистине жаждавшим знаний, Батуев и Модель не читали, зато были превосходными рассказчиками, наполнявшими сердца юных слушателей пылкой страстью к

любимой игре. Мне запомнился один эпизод, связанный с Батуевым. Как-то он увидел, что я играю вслепую с одним из сверстников. «О-о-о! — воскликнул он. — А ну-ка, садись, сыграем!» Взял себе белые, сел за доску, а меня посадил в угол без доски. Помню, была разыграна венгерская партия, помню, что я держался ходов 18. Батуев после партии был доволен. «Будешь мастером», — сказал он. История повторилась лет через двенадцать. 23-й чемпионат СССР 1956 года проводился в Ленинграде. В партии с А. Толушем я защищал тяжелейший эндшпиль с двумя конями против ладьи и двух пешек противника. Я спас эту партию. На выходе из здания мы встретились с Батуевым. «Будешь гроссмейстером!» — сказал он...

В конце 1945 года, демобилизовавшись, на шахматную работу во Дворец пионеров пришел Владимир Зак. Опытный педагог, Зак обладал особым талантом выявлять способности к шахматам у детей, едва передвигавших фигуры. Поэтому учеников у него было много, и среди них немало действительно одаренных. Уроков, лекций для детей он не проводил. Приглашал гроссмейстеров на помощь. Мне запомнились лекции, весьма качественные, Левенфиша и Бондаревского. Со мной, как одним из сильнейших в клубе, Зак во-

шел в постоянный контакт. Играли со мной легкие партии, делился своими анализами. Зак любил песни Вертиńskiego, напевал их, играя блиц со мной. А вот его любимая песня, из репертуара Вадима Козина:

Пара гнедых, запряженных
с зарею,
Тоших, голодных и жалких
на вид,
Вечно бредете вы мелкой
рысцою,
Вечно куда-то ваш кучер
спешит.

Были когда-то и вы рысаками
И кучеров вы имели лихих.
Ваша хозяйка состарилась
с вами,
Пара гнедых, пара гнедых...

По-видимому, учитель, играя со мной, отдыхал, расслаблялся. Вот, бывало, бликует со мной, 15-летним пацаном, и приговаривает: «А я имел в виду гоголь-моголь!» Пару лет спустя я осознал, какой духовной пищей потчевал меня учитель. Вот этот анекдот. Пришла к больному племянница, и он ее просит: «Милочка, покрутите мне яйца!» Когда та принялась за дело, он говорит: «Это тоже неплохо, но я имел в виду гоголь-моголь!» «Почему бы, — подумал я, — почему бы учителю было не начать с других, приличествующих правильному воспитанию молодежи историй!»

Так что со мною, любимым учеником, Зак играл блиц «со звоном», а с другими вел себя куда более жестко. В то же время, как мне казалось, Зак воспитывал людей достаточно свободно. И его любили — как начинающие шахматисты, так и высококвалифицированные.

Как повлияли на меня занятия с Заком? Он всегда был любителем открытого варианта испанской партии с ходом 12...Bg4. По теории, этот ход был нехорош, но когда добрых 30 лет спустя я поведал об этом Майклу Стину, он придумал новинку, на которой я держал матч в Багио!

Зак не старался сформировать мой дебютный репертуар. Я мог показать ему свою партию, и мы ее анализировали. Я пытался самостоятельно искать, и уже в молодости у меня было стремление играть разные схемы. Зак одобрял мое стремление к расширению дебютного репертуара и в некотором роде ему способствовал.

Мы с Заком сохранили дружеские отношения на десятки лет. В 70-е годы совместно написали книгу о королевском гамбите — это была его идея, не моя, у него там были какие-то разработки, анализы. А потом я сел за проверку; помню, я гордился тем, что опроверг гамбит Муцио, продолжил чигоринский вариант и доказал, что черные в порядке. Сам я в

серьезной партии применил королевский гамбит единственный раз — в 1972 году против Малиха на турнире в Амстердаме. В борьбе я сделал ничью. Мы вместе работали для «Информатора» над проблемами открытого варианта испанской партии. У Зака была страсть писать книги. Возможно, здесь играло роль желание улучшить свое финансовое положение. Но чтобы написать хорошую книгу, Заку зачастую не хватало эрудиции.

В дни, когда я стал придирчиво разбирать стиль своей игры, я был близок к тому, чтобы критиковать Зака за то, что он как тренер, как педагог не направил в нужном направлении мою работу. Скажем, в 1957 году в чемпионате СССР я проиграл Антошину позицию, про которую сейчас уже всем известно, что она тяжелая, это азы шахматные. А мне и в голову это не приходило. Я шел своим путем, своим кривым путем, но при этом мне надо же было напоминать о прямых путях! Многое из того, что надо изучить для того, чтобы поднять свой класс до гроссмейстерского уровня, я познавал, уже пребывая в этом звании. Мне представлялось, что в этом виноват Зак. С другой стороны... Некоторые люди, наверно, боялись меня направлять: у него самобытный путь, ну и пусть он по нему идет.

Сейчас я понимаю, что правильно наоборот, начинать не с самобытного, а с ортодоксального пути. Когда же я достиг гроссмейстерского уровня, Зак уже вряд ли был способен давать советы, и это была не вина, а беда его.

Зак бережно относился к своим ученикам. Он нашел Спасского, дал ему первые уроки. Он выяснил, что семья Спасского находится на грани нищеты. Благодаря его усилиям Спасский в десятилетнем возрасте был зачислен на получение государственной стипендии как крупный спортсмен и стал фактически кормильцем семьи.

...1953 год, дело «врачей-убийц», в СССР нагнетается антисемитская кампания. Вспомнили, что Зак — еврей, а среди его учеников во Дворце пионеров много евреев. Очевидно было, что Зака хотят уволить. Чтобы защитить тренера, я пошел в Куйбышевский райком Ленинграда. Должен был пойти и Спасский, но он отказался.

Вероятно, у Зака в жизни не раз бывали страхи, что у него собираются отобрать работу. Наверно, когда Спасский и я уехали, эти страхи приобрели реальные очертания. И вот Зак написал книгу о шахматистах Ленинграда, и в этой книге я отсутствовал. Была партия, которую Фурман у меня выиграл,

и больше там не было обо мне ничего. Книга была выпущена в 1986 году. Я был расстроен. Я считал, что Зак не имел права фальсифицировать историю. Да и не имел права как педагог предавать труд своей жизни. У нас с ним разгорелся спор в письмах. Я выразил свое возмущение. Он ответил мне, что лучше хоть такая книга, чем никакая. Тогда я написал сильное письмо, где, фактически, разобрал его политические взгляды и их практическое применение в жизни. А насчет книги написал, что лучше никакой книги, чем лживая. Письмо получилось слишком сильным. У меня по прошествии лет были основания для утрызений совести...

Я размышляю сейчас о судьбе Зака. Мое бегство сильно ударило по нему — политически, психологически, экономически. Любимые ученики его, Спасский и Корчной, оказались за границей. И помохи на склоне лет ему, заслуженному человеку, ждать было неоткуда. Спасский и я, мы пытались чем-то помочь своему учителю и его семье. Но, надо признать, недостаточно. Он умер в 1994 году, в глубокой бедности...

***

Родители часто спрашивают: когда следует направлять детей на интенсивное обучение

шахматам. А я, вспоминая свои юношеские годы, советую, прошу их не торопиться. Шахматы могут захватить, как лихорадка, заслонить собой процесс общего образования, столь нужный ребенку. Я вот вскоре утратил привычку ежедневного чтения литературы. Некоторые книги, предназначенные сугубо для взрослых, так мною никогда и не были прочитаны. В частности, самый популярный на Западе российский писатель Достоевский.

***

К счастью, сохранилась ученическая «тетрадь №1» Виктора Львовича Корчного с 46-ю его детскими партиями (некоторые с комментариями). Предлагаем вашему вниманию три из них.

1. В. Корчной — И. Дымов

Ленинград, т-р на II категорию, лето 1945 г.

Голландская защита A85

1.d4 e6 2.c4 f5 3.♘c3 ♘f6

4.♗g5.

Обычно играют 4.g3.

4...♗e7 5.♗c2 0-0 6.0-0-0 d6

7.♗f3 ♘bd7 8.e4!

Необычный ход. Черные получают слабую пешку e6.

8...fe 9.♗e4 ♘e4 10.♗:e7

♗:e7 11.♗:e4 ♘f6 12.♗h4 ♘d7

13.♗g5.

Сильнее 13.♗d3 с той же идеей.

13...h6 14.¤f3 ♜f7?

Непонятный ход. Гораздо лучше 14...¤ae8.

15.¤d3 ♜e8? 16.¤he1 ♜f8?

План черных неясен.

17.¤e2?

Гораздо сильнее 17.¤e3!

Ход ¤e2 намного удлиняет сопротивление противника.

17...¤f7?

Серия слабых ходов.

18.¤de1 ♜d7 19.g4! ♜d8?

20.g5! ¤d7 21.¤g1??

Ход 21.¤e4 выигрывает!

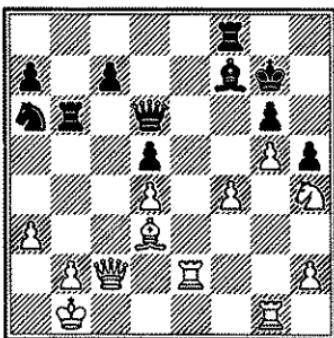
21...h5 22.¤g3??

Выигрывало 22.g6!!!

22...g6 23.¤h4 ♜h7?

После этого хода черные проигрывают пешку, но после 23...¤g7 белые решились бы на 24.¤g6 и выиграли бы.

24.¤f3 ♜g7 25.¤b7 d5 26.cd ed 27.¤c6 ♜b8 28.¤c2 ♜b6 29.f4 ¤b8 30.¤b1 ¤a6 31.a3 ♜d6.

32.f5! ♜:a3 33.f6+ ♜g8 34.¤:g6! ♜:b2+? 35.¤:b2 ¤:g6+ 36.¤:g6 ♜d3+ 37.¤c2 ♜b8+ 38.¤c1 ♜a3+ 39.¤d2 ♜b2 40.¤e8+ ♜f7 41.¤e7+.

Сдался (41...¤g8 42.¤g7X). Пешки f и g сделали свое дело!

2. В. Рагозин – В. Корчной

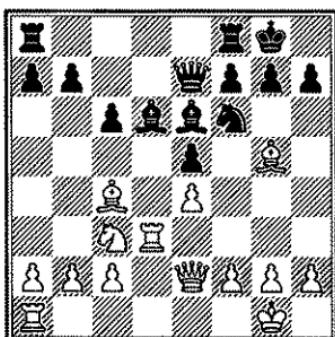
Ленинград 1945 (сесанс)

Венгерская партия C50

1.e4 e5 2.¤f3 ¤c6 3.¤c4 ¤e7 4.0-0 ¤f6 5.d4 d6 6.de ¤:e5 7.¤:e5 de 8.¤e2 0-0 9.¤d1 ¤d6?

Гораздо лучше 9...¤e8!

10.¤g5 ¤e7 11.¤c3 c6 12.¤d3 ¤e6.

13.¤:e6?

Гораздо сильнее 13.¤f3! ¤g4 14.¤:f6 ¤:f6 15.¤:f6 ¤:e2 16.¤:d6 ¤:c4 17.¤d7.

13...¤:e6 14.¤ad1 ¤fd8 15.¤f3 ¤e7 16.¤f5! ¤:f5 17.ef ¤f8 18.¤:f6 ¤:f6 19.¤e4 ¤:d3 20.¤:d3 ¤e7 21.f3 b6.

Подготавливая ¤d8.

22.¤f2 ¤d8 23.¤e3 ¤:d3+ 24.¤:d3 ¤d7 25.g4 h6 26.b4 ¤e7 27.c3 f6 28.a4 b5 29.a5? c5 30.bc ¤c6 31.h4 ¤:c5 32.g5 hg 33.hg ¤e7 34.g6.

Ничья.

Глава 2

УЧЕБА

Проводившийся в Ленинграде чемпионат СССР среди юношей 1947 года выиграл я. Видимо, начало 30-х годов было не слишком урожайным на шахматистов. В турнире, как выяснилось позже, участвовал кроме меня лишь один будущий гроссмейстер — представитель Эстонии Иво Ней. Он отстал на очко. На пол-очка за мной оказался юноша из Киева Владислав Шияновский. Рассматривая критически мое достижение, можно отметить, что я проявил колоссальное упорство в защите и неплохое понимание эндшпиля. В миттельшпиле я был откровенно слаб, уступая в этой части партии едва ли не каждому участнику.

Еще кое-чем запомнился мне турнир. Вообще, в то время неотъемлемой частью партий был ее анализ по окончании — ради удовольствия, пользы обоих играющих. Иногда, когда партнеры были в хороших отношениях, анализ сопровождался «звоном» — в юмористическом тоне один партнер подтрунивал над другим. В турнире, кроме

меня, участвовали еще два ленинградца — М. Ланин и М. Меерович. Я обыграл их обоих черными. И вот во время анализа после партии с Мееровичем он мне говорит: «Что же ты звонишь? Ведь меня заставили тебе проиграть!» Для меня это был шок. Понятно, работа тренеров, спортивных организаций в целом оценивается по успехам их питомцев. Кто проявил инициативу: Зак, какой-нибудь другой тренер или работники спорткомитета Ленинграда, осталось невыясненным. Но факт налицо: вот так ковалась моя победа. И, заглядывая поглубже — вот так воспитывалось в молодых шахматистах профессиональное отношение к игре, к спорту: все продается и покупается!

Ну что ж, за успех в чемпионате я получил ценный, действительно ценный подарок: в театральном ателье мне по мерке был сшит отличный костюм! Видимо, не обошлось без подсказки Зака...

Свой успех, почти без посторонней помощи, мне удалось повторить через год на

чемпионате СССР среди юношеской, проходившем в Таллине. На этот раз я разделил первое место с Неем.

Шахматы... Довольно странное занятие для взрослого человека, особенно если он занимается шахматами профессионально, непрерывно. Этот человек находится в ирреальном мире. Вместо того чтобы смотреть на мир и познавать его, он видит лишь доску из 64-х клеток и фигурки. Они, эти фигурки, живут своей собственной жизнью, но она резко отличается от того, что происходит вокруг. Я не был воспитан в духе подлинного советского воспитания. Виноваты были мои родители и... шахматы. В возрасте 16-ти лет, в 1947 году я позволил себе первое, по сути, политическое выступление. На уроке истории СССР я заявил, что в 1939 году Советский Союз вонзил нож в спину Польше! Учительница истории несколько дней пребывала в страхе животном. Я был ее любимым учеником, — доносить на меня она не хотела. В классе она была одним из любимых преподавателей. Но мог же среди 26-ти учеников найтись Павлик Морозов! Помните эту коммунистическую притчу: мальчик донес на своего отца, что тот — кулак, и тогда Павлика Морозова убили озверевшие односельчане. Притча не повествует, что сделали озверевшие большевики с отцом Павлика. Ладно, по-

скольку я пишу эти строки, нетрудно заключить — подонка не нашлось...

Еще один пример полного отстранения от окружающей жизни. Я был воспитан в семье, свободной от всяких националистических предпочтений и предрассудков. До самых зрелых лет — не без влияния шахмат — я плохо представлял себе разницу в образе жизни, в правах и обязанностях тех или иных народов, населяющих Советский Союз. То есть, разница эта существовала, существовало и отражение этого факта в умах миллионов и миллионов людей, но вот моего ума это мало касалось. А в жизни происходило вот как.

В 16 лет я должен был получить свой первый паспорт. Я отправился к управдому. В паспорте в пятой графе следовало проставить национальность. Я рассудил, что благодаря своей матери-еврейке я точно на 50% еврей; другие проценты, с отцовской стороны, были менее убедительны. Поэтому я попросил управдома записать меня евреем. Когда я пришел домой, моя мачеха-еврейка устроила мне скандал, накричала, что я круглый дурак, побежала к управдому и уговорила того записать меня в паспорте русским.

История повторилась лет через 20. Пришло время моему сыну поступать в школу. Я отправился к директору школы.

Мы с директором стали заполнять анкету на моего сына. И здесь была графа «национальность». Я рассудил, что благодаря своей матери-армянке мой сын на 50% точно армянин; другие проценты, с отцовской стороны, были менее убедительны. Поэтому я попросил директора школы записать моего сына армянином. Когда я пришел домой, моя жена-армянка устроила мне скандал, накричала на меня, что я круглый дурак, побежала к директору школы и уговорила того записать моего сына русским...

В 1948 году я кое-как закончил обучение в школе. Теперь, согласно тогдашним понятиям в СССР, следовало продолжить учебу в высшей школе. На этом очень настаивала мачеха. «Городской мальчик должен окончить институт». Почему «должен», было неясно. Видимо, чтобы лучше жить, лучше зарабатывать в дальнейшем. Это подавалось как аксиома. Хотя, если презреть законы математики и поискать доказательств в окружающей жизни — их не было. Роза Абрамовна победила. Мне предстояло выбрать себе учебное заведение.

Юноша 17 лет, вообще, плохо представляет себе жизнь, далеко не всегда соображает, где он может быть наиболее успешным, где может принести пользу обществу. Особенно, как я уже сказал, юноша, чей

внутренний мир наполнен проблемами шахмат. Сейчас, объездив несколько десятков стран, я понимаю, что мне следовало заняться языками. Интерес к языкам был у меня уже тогда, а пользу знания языков было нетрудно предвидеть. Но в детстве я очень много читал, с особым удовольствием — о жизни в Древней Греции и Риме. И я пошел на исторический факультет Ленинградского университета, не догадываясь, что изучение истории в стране, где у власти коммунистическая диктатура, бессмысленно!

Экзамены на поступление в Университет я сдавал уверенно и не сомневался, что буду принят, но, заглянув в Университет через пару дней, не нашел себя в списках принятых студентов. Оказалось, что я по незнанию да и по рассеянности унес книжечку с отметками на экзаменах домой. А другой информации у приемной комиссии не было. Я, однако, не был обескуражен. Я отправился на спортивную кафедру Университета, напомнил, что я дважды чемпион СССР среди юношей, и с помощью спортивных начальников стал-таки студентом исторического факультета. «Не исключено, — подумал я, — что и вступительные экзамены я сдавал напрасно».

В стенах Университета я провел 6 лет. Разочарование пришло сразу. Я видел в истории правду жизни, преломленную в истори-

ческих событиях. Но вместо истории пришлось изучать марксизм по расширенной программе. Кроме извращенных норм обучения, давила общая обстановка на факультете. Товарищеские отношения, симпатии юношей и девушек друг к другу — все было под контролем, все было извращено в духе партийной идеологии. Пьяники в факультетских группах по праздникам — 7 ноября, 1 мая, 9 мая, 31 декабря — звериное похмелье людей, желающих хоть на мгновение забыть, что происходит с ними в жизни.

Студенческая бедность вошла в поговорку. Вспоминаю себя: в кармане деньги на трамвай, на пачку самых дешевых папирос под названием «Мотор» (в народе переводится так: «Может Отравиться Только Один Рабочий»), совсем редко — на студенческий нищий обед. Если получаешь стипендию — немалое подспорье. Но это мне не всегда удается. Очень плох я был в изучении так называемых социально-экономических дисциплин — диалектического материализма, политэкономии с их псевдологикой. Получишь тройку на экзамене, не сдашь зачет — плакала стипендия на полгода. Тройку можно пересдать, если разрешит комсомольское бюро курса. Видите ли, коммуна, все решают сами студенты! Даром, что деканат поставляет нормы — сколько человек нужно лишить стипен-

дии. Помню заседание бюро на втором курсе. «А тебе зачем пересдавать? — сказали мне якобы товарищи по курсу. — Ты же шахматист, а не историк!»

Правы были, наверно, мои «товарищи». Из-за шахматных соревнований я задержался лишний год в негостеприимных стенах Университета. И плохо помню, как называлась моя дипломная работа. Кажется, «Народный фронт и компартия Франции накануне Второй мировой войны».

Студенческие будни, конечно, не мешали мне участвовать в соревнованиях. Последние встречи на юношеском уровне, где я принимал участие, были в 1949 году. Вместо личных соревнований, в связи с резким увеличением числа молодых дарований, стали проводить командные турниры. Команда Ленинграда во главе с Корчным, Лутиковым, А. Геллером, Спасским была вне конкуренции. На первой доске с результатом 5 из 6-ти я был недосягаем. На мои партии стали обращать внимание взрослые мастера. В анализ одной из партий после ее окончания включился даже Давид Бронштейн.

Мой первый «взрослый» турнир состоялся через полгода. В чемпионате Ленинграда я набрал 4,5 очка против участвовавших там мастеров, обыграл победителя турнира Марка Тайманова, отстал от него на пол-очка. Я

выглядел в те годы хрупким молодым человеком, слабым физически, неспортивным. На занятиях физкультурой в Университете я бегал на средние дистанции, до трех километров. Ленинградский шахматист Михаил Ноах сказал мне, что как будущий шахматный профессионал я должен быть готов к значительным физическим и нервным перегрузкам. Мне необходимо стать физически сильнее. Он посоветовал мне есть овсяную кашу и заниматься гантелями. По его совету я стал есть кашу, иногда только кашу — целый день! — на протяжении нескольких лет. С гантелями я тоже занимался каждое утро. Помнится, на свой первый международный турнир в Бухаресте в 1954 году я отправился с трехкилограммовыми гантелями. И действительно, не знаю, как с физической силой, но в весе я прибавил — за пару лет не менее 10 килограммов...

Как я ни хвастаюсь своими успехами, мое развитие шло довольно медленно. Малопонятное чувство гордости мешало мне воспользоваться предложениями о помощи. Так, в начале 1950-го года такое предложение через посредников сделал сильнейший тогда шахматист города Александр Толуш: «Дайте мне Корчного, и я сделаю из него мастера». «Сам стану», — ответил я. И стал, конечно, вскоре. Но когда через пару лет к Толушу в обучение пришел Спас-

ский и я заметил, как он растет прямо на глазах, — вот тогда я понял, как много потерял из-за своего упрямства. Нечто похожее случилось лет через 10. Я расскажу об этом в свое время.

В Советском Союзе было тогда около пятидесяти мастеров. О каждом, претендующем на это звание, квалификационная комиссия должна была прослушать доклад и решить — соответствует ли реальная сила шахматиста выполненной им норме. Когда пришло мое время, доклад обо мне сделал мастер Владимир Симагин. Скажем прямо — звание международного гроссмейстера получить в наши дни много легче, чем звание советского шахматного мастера 50 лет назад. А плоды столь бережного выращивания кадров, плоды — они очевидны, они разбросаны теперь по всему миру...

В 60-е и 70-е годы обо мне стали говорить как о закаленном бойце. И правда, процесс «закаливания» проходил не один год. Одним из таких запоминающихся турниров был полуфинал 18-го чемпионата СССР в Туле в 1950 году. Я начал турнир с ничьей, а потом меня стали бить все подряд. В 9-ти первых партиях я набрал всего одно очко. В чем дело? Да, каждый день я шел на игру с решимостью победить... или умереть. Так проходил процесс закаливания. Изменилось ли во мне что-ни-

будь за 10, 20, 30, 40 лет? Вряд ли. Каждый день после проигрыша я иду на игру с целью отыграться. Победить или умереть. Просто, сыграв десятки и десятки турниров, я научился быть более практическим, не проигрывать одну партию за другой, не умирать каждый день...

Запомнился мне и полуфинал первенства СССР следующего года. На финише, чтобы добиться успеха, я должен был выиграть едва ли не все партии. Я действительно выиграл три подряд. А в последнем туре мне предстояло играть белыми с гроссмейстером Смысловым. С легкостью он прошел весь турнир и обеспечил себе первое место. Как рассказывают, Смыслов не склонен был играть в тот вечер. Рассчитывая на быструю ничью, он взял билеты в театр. А мне ничья позволяла выполнить норму мастера. Но в случае выигрыша я попадал в финал первенства СССР! Я, конечно, решил играть, я испортил Смылову вечер. Партия после пяти часов игры была отложена в неясной позиции. Потом был ночной анализ вместе с Толушем, потом доигрывание. С трудом мне удалось спасти партию.

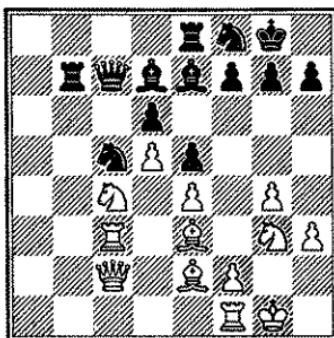
4. В. Корчной – В. Смыслов

Ленинград 1951

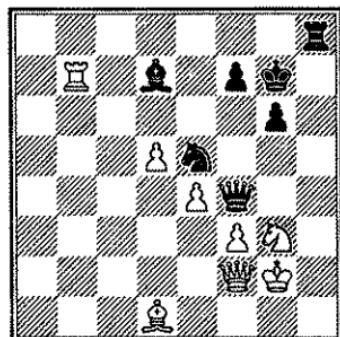
Венгерская партия C50

1.e4 e5 2.¤f3 ¤c6 3.¤c4
¤e7 4.d4 d6 5.d5 ¤b8 6.¤d3 ¤f6

7.h3 c6 8.c4 b5 9.¤c3 b4 10.¤e2
0-0 11.¤e3 cd 12.cd ¤fd7 13.g4
¤ab 14.¤g3 ¤ac5 15.¤e2 ¤e8
16.0-0 ¤a5 17.¤d2 ¤d8 18.a3
¤b8 19.ab ¤:b4 20.¤:a7 ¤:b2
21.¤c4 ¤b7 22.¤a3 ¤c7 23.¤c2
¤f8 24.¤c3 ¤d7.

25.¤:d6 ¤:d6 26.¤:c5 ¤:c5
27.¤:c5 ¤b6 28.¤c1 ¤a8 29.¤c7
¤:c7 30.¤:c7 ¤h6 31.¤b1 ¤h3
32.g5 h6 33.gh ¤:h6 34.¤:e5
¤e8 35.¤h5 ¤f4 36.¤f3 ¤g5
37.¤h5 ¤f4 38.¤f3 ¤g5 39.¤b7
¤g6 40.¤h5 ¤c1+ 41.¤h2 ¤e5
42.¤d1 g6 43.¤e2 ¤g7 44.f3
¤f4 45.¤g2 ¤h8 46.¤f2.

46...¤h2+ 47.¤:h2 ¤g4+
48.¤g2 ¤:f2 49.¤:f2 ¤d2+

50. $\mathbb{A}e2$ $\mathbb{A}h3$ 51. $\mathbb{B}b3$ $\mathbb{W}d4+$
 52. $\mathbb{A}e1$ $\mathbb{W}g1+$ 53. $\mathbb{D}f1$ $g5$ 54. $\mathbb{B}d3$
 $\mathbb{A}:f1$ 55. $\mathbb{A}:f1$ $\mathbb{W}g3+$ 56. $\mathbb{A}d2$ $\mathbb{W}d6$
 57. $\mathbb{A}e3$ $\mathbb{W}f6$ 58. $\mathbb{A}f2$ $\mathbb{A}e5$ 59. $\mathbb{A}g3$
 $\mathbb{W}f6+$ 60. $\mathbb{A}g2$. Ничья.

А вскоре я получил значок советского мастера спорта под номером 3901... В Ленинграде я стал фигурой заметной — в спортивной, культурной жизни города. У меня появились влиятельные знакомые. С их помощью жизнь становилась легче. Впрочем, я не любил использовать знакомства, чтобы получить что-нибудь. Вспоминаю, что летом 1951 года я собирался поехать на шахматный турнир в Одессу. Я пошел покупать билет на Витебский вокзал. Стояла очередь, многие сотни людей. Люди записывались стоять в очереди и приходили отмечаться три раза в сутки — в 8 вечера, 4 утра и 12 дня. Так я простоял три дня. А потом подошло мое время ехать. И мне удалось получить билет, но без плацкарты! Я спал двое суток на полу, под нижней полкой...

Участвуя третий раз в полуфинале первенства страны, я, к удивлению многих и даже себя самого, достиг цели — попал в финал первенства СССР! Игра у меня тогда была довольно бедная. Ограниченный дебютный репертуар, нацеленный, главным образом, против слабых партнеров. Но готовился я к чемпионату добросовестно. Вспомнилась любопытная

мысль, высказанная как-то И. Бондаревским: «Когда шахматист стремится расширить свой дебютный репертуар, сменить дебют — это признак его роста». К чемпионату я подготовил новый дебют — защиту Грюнфельда.

20-й чемпионат СССР проходил на сцене Дома культуры железнодорожников в Москве, под огромным, все подминающим под себя портретом Сталина. Спустя несколько месяцев Сталин умер. В то утро мне нужно было идти на перевязку в поликлинику. В процедурной надрывался репродуктор, без устали повторяя весть о смерти великого человека. Медсестра, немолодая эстонка, была в состоянии, близком к истерике. Прошло немало лет, прежде чем я понял: она рыдала от радости!

Но вернемся к турниру. Трудное испытание для новичка, но масса воспоминаний, неоценимый опыт. Первая встреча за доской с Бронштейном. Белыми в Gioco Piano я не уравнял игру. Фактически, после этой партии я бросил играть 1.e2-e4. Первая встреча с Ботвинником. В закрытом положении он последовательно переиграл меня. Я не понимал смысла его ходов. Прошло лет 8, пока я сумел раскусить тонкость его стратегических замыслов. Когда у меня начался цейтнот, он стал заметно волноваться

ся и выпустил меня из стратегических тисков. Ничья.

5. В. Корчной – М. Ботвинник

XX чемпионат СССР,
Москва 1952

Дебют Рети A11

1.e4 $\mathbb{Q}f6$ 2.g3 c6 3. $\mathbb{Q}g2?$

Уже неаккуратность. Правильно, конечно, 3. $\mathbb{Q}f3$.

3...d5 4. $\mathbb{W}c2$.

По мнению современной теории, после 4. $\mathbb{Q}f3!$ dc 5. $\mathbb{Q}a3$ у белых отличная компенсация за пешку. Но полвека тому назад отдать пешку с4 не решались...

4...e5.

А теперь, уже на четвертом ходу черные полностью уравняли игру.

5.d3 h6.

Полезно защитить от размена коня, оберегающего поле d5.

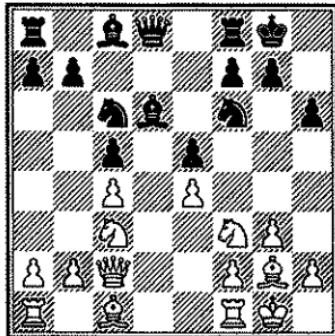
6. $\mathbb{Q}f3$ $\mathbb{Q}d6$ 7.0-0 0-0 8.e4.

Резкий ход. Но играть без пешечного центра (да еще белыми!) — неприятно. Хочется иметь опорные пункты в центре.

8...de.

Интересное решение. 8...d4 9.c5 $\mathbb{Q}c7$ выглядит, конечно, агрессивнее. И шансы черных в такой игре ничуть не хуже. Вероятно, у белых вскоре возникли бы проблемы с защитой пешки с5. Но Ботвинник предпочтет «сушить» игру, не без основания считая, что в простом положении он легче переигрывает неопытного противника.

9.de c5 10. $\mathbb{Q}c3$ $\mathbb{Q}c6$.

Совсем равное положение. Через несколько ходов противники согласятся на ничью? Нет, не эти противники!

11. $\mathbb{Q}e3??$

Почему бы не пойти конем на d5 и посмотреть, что будет дальше? Но где-то я читал, что в закрытом положении кони сильнее слонов. И еще... я с увлечением читал книги А. Нимцовича.

11... $\mathbb{Q}d4$ 12. $\mathbb{Q}:d4?$ cd.

Только что была равная позиция, и вот уже у черных очевидный перевес — защищенная проходная в центре и два слона. Закрытая позиция? Ничего, она рано или поздно вскроется. Не читайте, дети, на ночь ни страшные сказки, ни Нимцовича!

13. $\mathbb{Q}b5$ $\mathbb{Q}b8$ 14. $\mathbb{Q}e1$.

Вот так, по Нимцовичу — конь должен блокировать проходную пешку противника. Там, на d3 он стоит хорошо. Единственное, чего Нимцовиch не объясняет обучающемуся, — что стойка эта все-таки оборонительная...

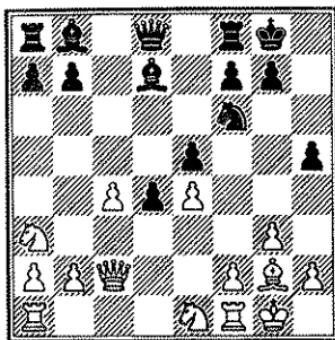
14... $\mathbb{Q}d7$ 15. $\mathbb{Q}a3$.

XX ПЕРВЕНСТВО СССР. МОСКВА
29 сентября – 29 октября 1952 г.

Участники	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	О	М	
1. М. Ботвинник	0	1	=	=	=	1	1	=	1	1	=	1	=	1	=	1	=	1	=	1	13,5	1-2	
2. М. Тайманов	1	0	0	=	1	1	=	=	0	1	1	1	1	1	=	1	1	1	1	1	13,5	1-2	
3. Е. Геллер	0	1	1	1	=	=	0	0	1	=	1	1	1	=	1	=	1	=	1	12	3		
4. И. Болеславский	=	1	0	0	=	=	=	1	=	1	0	0	=	1	=	1	1	1	1	11,5	4-5		
5. А. Толуш	=	0	1	=	=	0	1	1	=	=	0	1	=	0	1	=	1	1	1	11,5	4-5		
6. В. Корчной	=	0	=	=	0	=	1	0	0	0	1	1	=	0	1	1	1	1	1	11	6		
7. Д. Бронштейн	0	0	=	1	1	1	=	=	=	1	1	=	=	=	=	=	0	=	0	=	10,5	7-9	
8. О. Моисеев	0	=	1	=	0	=	0	=	0	=	1	=	1	1	1	=	1	=	1	=	10,5	7-9	
9. В. Смыслов	=	1	0	0	0	=	=	1	1	=	0	1	1	=	=	=	=	=	=	=	10,5	7-9	
10. П. Керес	0	=	0	=	1	=	0	=	0	1	=	0	=	0	1	=	1	0	1	=	1	9,5	10-11
11. А. Суэтин	0	1	=	0	=	1	0	0	=	1	=	=	0	0	1	=	0	1	1	=	9,5	10-11	
12. Л. Аронин	=	0	=	1	1	0	0	=	=	=	=	=	0	=	1	=	=	=	=	=	9	12-13	
13. В. Быковцев	=	0	1	0	0	0	1	1	0	=	1	0	0	1	1	1	1	1	1	1	9	12-13	
14. Г. Ильинский	0	0	0	=	0	=	0	=	1	0	1	1	=	1	=	1	=	1	=	1	8,5	14-15	
15. В. Симагин	=	0	0	1	=	0	0	=	=	1	0	1	=	=	=	=	1	1	1	1	8,5	14-15	
16. А. Константинопольский	0	0	=	0	1	=	0	=	0	1	0	0	0	0	1	=	=	1	=	1	7,5	16	
17. И. Липницкий	=	0	0	0	=	0	=	1	1	=	0	=	0	=	0	1	=	0	1	1	7	17	
18. И. Кан	0	=	0	=	0	=	0	=	0	0	=	0	=	0	=	0	1	1	1	6,5	18		
19. Г. Карапетян	=	0	=	0	0	1	0	=	0	=	0	0	=	0	=	0	1	0	=	0	5,5	19	
20. Б. Гольденов	0	0	=	0	0	=	0	=	0	0	=	0	=	0	=	1	0	=	1	0	5	20	

За последние несколько ходов белые перевели коня с c3 на a3. Неужели на 10-м ходу им следовало пойти конем на a3?!

15...h5!

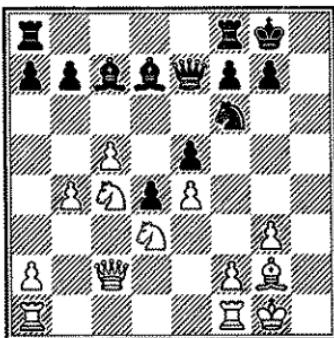
Хотелось бы поставить несколько восклицательных знаков к этому ходу. Почему? Да это начало стратегического плана, цель которого — лишить белых всякой активной игры! Черные не опасаются инициативы противника на ферзевом фланге. Вот если бы белым удалось взорвать построение черных в центре путем f2-f4, то это было бы неприятно. Но тогда будет ослаблено поле e3, туда устремится черный конь. Однако, нужно разменять белую пешку h, чтобы обеспечить его вторжение. Ясно? Я, признаться, за доской не понял глубины маневра h5-h4-hg. А вот лет через 10 я ввел эту идею в свой боевой арсенал...

16.¤d3 h4 17.c5 ♕e7.

Ботвинник ведет партию в спокойной, неторопливой манере. От Таля или Геллера можно было ожидать здесь на-

чала акций на королевском фланге после 17...¤g4 18.¤c4 ♕g5 или 18...b5!?

18.¤c4 hg 19.hg ♕c7 20.b4.

20...b5!

В наши дни это — известный прием, приостанавливающий инициативу противника на ферзевом фланге. Но я, молодой мастер, такого хода сроду не видел!

21.¤d2.

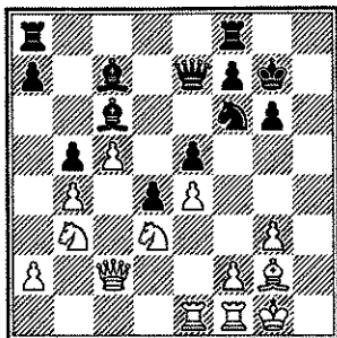
Альтернативой было 21.cb ab 22.a4 b5 23.¤a3 ♕d6 24.¤:b5 ♕:b4 или 22...¤fc8 23.b5 ♕d6, в обоих случаях с некоторым перевесом у черных.

21...¤c6 22.¤ae1.

Очевидно, белые намерены сделать антипозиционный ход f2-f4. Иначе, действительно, они задохнутся. И делают все возможное, чтобы подготовить его как следует. А черные этому ходу не препятствуют...

22...g6 23.¤b3 ♕g7.

...А могли бы воспрепятствовать, сыграв 23...¤g4!?

24.f4?!

Сегодня я, конечно, предпочел бы 24.¤a5!?, и если 24...¤d7, то 25.c6 – не останавливаясь перед жертвами, изменить ситуацию на доске, заставить соперника разменять какого-нибудь слона, чтобы отвратить черных от проведения их железного плана...

24...¤g4 25.fe ¤ad8!

Конечно, не 25...¤e3 26.¤b2 ¤:f1 27.¤:d4! с неяснымисложнениями.

26.¤b2 ¤:e5 27.¤f4.

Если 27.¤:d4, то 27...¤:d4 28.¤:d4 ¤d8 29.¤:e5 ¤:d4 (не 29...¤:e5 30.¤f2 ¤d4 31.¤e3, и белые спасаются) 30.¤:c6 ¤d7 31.¤:d4 ¤:d4+ 32.¤h2 ¤c3! 33.¤f3 ¤:b4, как и в партии, с солидным перевесом у черных.

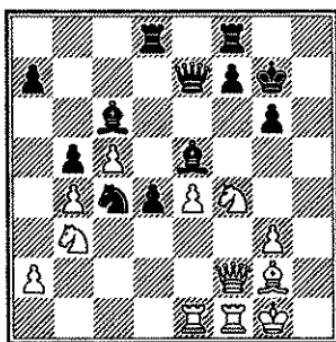
27...¤c4.

У черных – подавляющий перевес. Не будь сильнейшего цейтнота у меня и некоторых проблем со временем у Ботвинника – оба фактора, бесспорно, действовали на нервы чемпиону мира, – то игры оставалось на несколько ходов.

28.¤f2.

Белые пока что защищаются от хода 28...¤e3, на что последует контрудар 29.¤:d4.

28...¤e5.

29.¤e2.

Упорнее было 29.¤d3, чтобы при случае разменяться на e5. Как и раньше, 29...¤e3 можно было парировать: 30.¤:e5 ¤:e5 31.¤:d4 ¤g4? 32.¤:c6 ¤h5 33.¤b2+.

29...¤d7.

Здесь возможно было 29...¤d3, и если 30.¤ed4, то 30...¤g5 31.¤:c6 ¤:g3 32.¤f3 ¤h4 с выигрышем.

30.¤f4 ¤g4.

А сейчас неплохо было 30...¤e3, забирая качество.

31.¤f3 ¤g5 32.¤f2 ¤e3 33.¤h3.

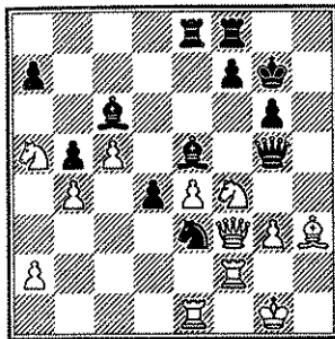
Положение белых совершенно проиграно. На сильнейшее 33.¤a5 последовало бы 33...¤d7 34.¤d2 ¤c4 или 34...¤h8, и позицию белых не удержать.

33...¤de8.

Теперь пешку e4 не защищать.

34.¤a5.

А вдруг как-нибудь удастся спастись? Ведь в обоюдном цейтноте всякое случается...

34...¤f4?

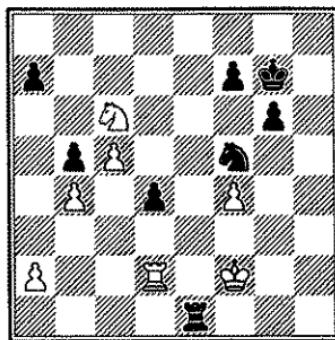
Значительно сильнее было 34...¤:e4! 35.¤:e4 ¤:g3+ 36.¤g2. Теперь кажущееся очевидным 36...¤:g2 проигрывает из-за 37.¤h5+ gh 38.¤:g2, 36...¤:f4 приводит к эндшпилю с лишней пешкой у черных после 37.¤:d4+ f6! 38.¤:f4 ¤:f4 39.¤:f4 ¤:g2 40.¤:e8 ¤:f4. А к ясному выигрышу ведет 36...¤h8! 37.¤:e3 de 38.¤f3 ¤:f4! Правда, такие варианты в цейтноте рассчитывать нелегко.

35.¤:f4 ¤:f4 36.gf ¤:e4 37.¤d2?

Правильно было 37.¤d7. После 37...¤h8 (37...¤d8 38.c6) 38.¤h2 ¤:h2 39.¤:h2 ¤h8+ 40.¤g3 ¤:f5 41.¤:f5 ¤:f5+ 42.¤g2 у черных лишняя пешка и шансы на выигрыш. Но у белых благодаря защищенной проходной — шансы на спасение партии.

37...¤f5??

37...¤h8 выигрывало сразу. 38.¤:f5 ¤:f5 39.¤:e8 ¤:e8 40.¤c6 ¤e1+ 41.¤f2.

Отложенная позиция. Я оценивал ее как положение со своим преимуществом. Но после продолжительного ночных анализа совместно с соседом по комнате, тоже участником турнира Василием Бывшевым, пришел к выводу, что положение ничейно. После 41...¤e4 42.¤:a7 ¤:f4+ 43.¤e1 ¤e4+ я решил, что ход 44.¤e2 неточен, а правильно продолжать 44.¤f2.

А что же произошло бы после 44.¤e2? Мне мерещились какие-то опасности: 44...¤h4 45.c6 d3 46.¤e5 ¤:d4 47.c7 ¤:f3+ 48.¤f2 d2 49.¤d5 ¤:d4, и черные выигрывают. Или 47.¤d5 ¤c2+ 48.¤f2 ¤f4+ 49.¤g3 ¤d4, и черные проводят пешку в ферзи, добиваясь преимущества. Или 48.¤d2 ¤:b4 49.c7? ¤h2+ 50.¤d1 ¤:d5 51.c8¤ ¤e3+, и черные выигрывают.

В последнем варианте на 49-м ходу любой ход белой ла-

ды — на d7, на c5 или b5 — ведет к ничьей. Добавим, что на 45-м ходу белые могут пойти ладьей на d2 или e8, в обоих случаях с примерным равенством. Но, сами понимаете, если Вам, молодому шахматисту, случится встретиться с чемпионом мира, Вы тоже будете с повышенным — преувеличенным! — вниманием относиться к угрозам чемпиона.

41... ♦e4 42. ♠:a7 ♦:f4+.

Здесь по моему предложению мы согласились на ничью. Мы посмотрели вдвоем отложенную позицию. Я показал свой анализ. Ботвинник похвалил его...

Первая встреча с Кересом. Самая первая встреча, вообще, играет важную роль, оказывает большое влияние на дальнейшие взаимоотношения за шахматной доской. Поэтому Керес, играя с молодыми, подходил к таким партиям с большой ответственностью. Использовав мою неточную игру в дебюте, он жертвой пешки развел сильнейшую инициативу и выиграл уже на 24-м ходу. С тех пор я стал относиться к Кересу с почтением и даже с некоторой боязнью. Он стал моим труднейшим противником. Я не только не мог его обыграть, но даже был не в силах получить с ним лучшую позицию. Двадцать с лишним лет спустя, в тяжелой для меня ситуации, когда поддержка меня приравнивалась к акту

неповиновения властям, Керес был одним из немногих, кто не побоялся предложить свою помощь. Я вынужден был отказаться — уж слишком могуч был для меня его авторитет и действовал как-то подавляюще.

В турнире я занял 6-е место, опередив Смыслова, Бронштейна, Кереса и еще десяток прекрасных шахматистов — колossalный успех!

Памятная встреча произошла летом 1953 года во время командного первенства СССР в матче Латвия — Ленинград. Я, уже получивший всесоюзное признание мастер, встречался с кандидатом в мастера. Мне было 22 года, а ему — 16, у меня была лишняя пешка, а у него, естественно, пешки не хватало. И он, мой юный самоуверенный противник, предложил мне ничью! Правда, на доске были разноцветные слоны, но были и другие, тяжелые фигуры. Выиграть эту позицию было нелегко, но на 94-м ходу я все-таки сломил молодого Талья, и, похоже, на десятки лет. С этого момента и вплоть до моего бегства из СССР Таль играл со мной, как обреченный. Когда в 1960 году Таль стал чемпионом мира, он шутил, что у него со мной счет 5:5, то есть пять партий он проиграл, а пять свел вничью. И в этой шутке был потаенный смысл: он гордился, если ему удавалось спастись со мной...

Глава 3

ПЕРВЫЕ ШАГИ ПРОФЕССИОНАЛА

В жизни молодого перспективного шахматиста, заканчивающего высшее учебное заведение, наступает трудный момент. Ему предстоит выбрать — устраиваться ли на работу по специальности или заняться тем, что до недавнего времени являлось его хобби. Зарабатывать на жизнь шахматным трудом нелегко. Добавим, что до недавнего времени призы в соревнованиях были рассчитаны на любителей. Об этом я еще скажу. С другой стороны, трудно представить себе работника, который то и дело покидает свое рабочее место, отправляясь на соревнования на неделю или две. Значит, совмещать работу и занятия шахматами трудно. Значит, шахматисту необходима финансовая поддержка: наследство, помочь богатых родственников, спонсорство. Слово «спонсорство» лет 50–60 назад было не в ходу. Но дело не в слове. Роль спонсора, поддерживающего спортсменов в СССР, взяло на себя государство. Была введена система государственной

«спецзарплаты», или, как мы предпочитали говорить, «стипендий». Стипендии выплачивались спортсмену его спортивным обществом или Спорткомитетом СССР (между прочим, учреждением в ранге министерства!) с единственным условием: чтобы он больше нигде не работал, а только добивался успехов в своем виде спорта. Размер стипендии зависел от уровня успехов и в соответствии с этим изменялся. Наивысшая норма была приблизительно в два раза выше, чем уровень средней зарплаты в стране. Так, в 70-е годы «потолок» был 300 рублей. Кончались успехи — стипендию снимали. У спортсмена пропадала за давностью лет гражданская квалификация. Спорткомитет никаких финансовых гарантит не давал, компенсаций не выплачивал. Международная шахматная федерация, в отличие от Международного олимпийского комитета, не проводила грани между профессионалами и любителями. Но за компанию

с другими спортсменами шахматистов тоже записали в любители. Так и ходило по миру: «журналист Таль, психолог Крогиус, философ Петросян, экономист Карпов». Меня, кажется, называли «историком». Я злился...

Но давайте взглянем с другой стороны. Что такое 300 рублей? По самому грабительскому, так называемому официальному курсу обмена валюты доллар равнялся 70 копейкам. Были и другие курсы обмена, где за доллар давали 10 рублей. По официальному курсу 300 рублей равнялись 430 долларам. На этом же уровне были призы в турнирах, проводившихся в СССР. Но такая месячная плата, такие призы — это ведь любительский уровень! Два-три раза в год у нас были оплаченные государством сборы, недели по две каждый. Иногда гроссмейстеров и мастеров приглашали где-то выступить; я, например, однажды ездил на гастроли в Сибирь. За сеанс платили 25 рублей, за лекцию 14 — это же небольшие деньги. Да, не слишком кривили душой советские руководители, называя своих лучших спортсменов любителями...

Мне повезло: еще не рас считался я со своими обязанностями по университету, как с начала 1954 года стал получать государственную стипендию. До высшего уровня, прав-

да, было далеко. Мне давали 140 рублей.

В очередном чемпионате СССР я был успешен. Выиграть турнир мне не хватило энергии, но я разделил второе место (с Таймановым). За этот успех я был награжден поездкой за границу, на международный турнир в Бухаресте. Привожу партию из этого турнира.

6. Рашид Гибятович

Нежметдинов — В. Корчной
Бухарест 1954

Сицилианская защита B69

Я сознательно называю здесь имя и отчество моего противника. Для жителя Западной Европы выходцы из Советского Союза были десятки лет на одно лицо: армянин Петросян, грузинка Гаприндашвили, еврей Ботвинник, украинец Иванчук — все были «советские русские»! Так вот — Нежметдинов не был русским. Это был татарин из города Казань, ныне столицы автономной республики в составе России — Татарстан.

Я впервые увидел Нежметдинова в апреле 1945 года. Все еще продолжалась война с Германией, а в Ленинграде проходил полуфинал 14-го чемпионата СССР. Я был там демонстратором. А он приехал туда как запасной участник. Приехал, как мне показалось, прямо с фронта, в запыленной

армейской шинели, с нашивками на гимнастерке — напоминанием о полученных ранениях. Кандидат в мастера Нежметдинов, в чине младшего офицера, был по возрасту старше многих участников того турнира. Но я почувствовал неиссякаемую энергию этого человека, огромную любовь к шахматам.

Прошло 9 лет. Мне разрешено впервые в жизни принять участие в международном турнире. Поскольку выезды из СССР были тогда большой редкостью, власти старательно готовились к каждой поездке, продумывая всевозможные детали и, особенно, состав делегации. И финансовые проблемы. Жизненный уровень в СССР резко отставал от европейского. Чтобы не ударить лицом в грязь, считалось необходимым помочь выезжающим одеться получше. Так, накануне поездки я получил в Комитете спорта так называемые «подъемные», или «экипировочные». Выдавались эти деньги не чаще раза в год. Не помню точную сумму — то ли 1200, то ли 1400 рублей. Помню, что сумма эта несколько превышала месячную зарплату трудящегося. Помню, что на эти деньги я тут же в московском магазине приобрел новый костюм — для студента покупка немаловажная, для советского студента — в особенности.

Итак, в Бухарест прибыла делегация советских шахматистов — С. Фурман, Р. Холмов, Р. Нежметдинов, В. Корчной и два тренера — А. Лилиенталь и А. Сокольский. Были еще два человека — руководитель делегации и его заместитель. Такие люди, как правило, от поездки к поездке менялись и фамилии их исчезали из памяти. Руководитель был обычно из партийных органов, заместитель — из КГБ. Будучи в роли переводчика, заместитель имел функции — следить за поведением своих и заниматься шпионской деятельностью на месте.

И вот первая партия в турнире, я играю против Нежметдинова: Вообще, братоубийственные схватки — занятие, не рекомендованное советским руководством, но мы с Нежметдиновым любим шахматы, мы будем бороться!

1.e4 c5 2.¤f3 ¤c6 3.d4.

Месяц назад в чемпионате СССР Нежметдинов сыграл со мной 3.d3 — староиндийскую в первой руке. Ошибочное решение: ему не удалось белыми уравнять игру.

3...cd 4.¤:d4 ¤f6 5.¤c3 d6 6.¤g5 e6 7.¤d2 a6 8.0-0-0 ¤d7.

Мода переменичива — в конце XX века более популярна была система с 8...h6.

9.f4 ¤e7.

Черные избирают довольно трудную схему. И, как я позже

заметил, возникающий тип позиции не вполне соответствует моему стилю и пониманию игры.

10.¤f3 b5 11.¤:f6 gf.

В свое время гроссмейстер Владимир Симагин советовал пожертвовать пешку — взять на f6 слоном, с продолжением 12.¤:d6 ♜a7. Любителей последовать его совету было немного, а после его смерти в 1968 году об этой его идее совсем позабыли.

12.f5 ♜a5 13.¤b1 ¤e5.

Позиции со скомпрометированным пешечным построением мне не по вкусу. Систему Ласкера — Свешникова я начал играть давно; позже, конечно, чем Эмануил Ласкер, но много раньше, чем Евгений Свешников. Но она у меня не получалась. По-видимому, я играю успешнее позиции со здоровым пешечным расположением. И умею наказывать противника за пренебрежение к пешечным слабостям.

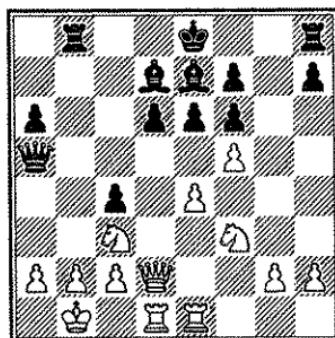
А конкретно — в этом положении применялись за черных длинная рокировка или, наоборот, b5-b4 с последующим ♜c5 и дальнейшим надвижением пешек ферзевого фланга. Такой план, в частности, избрал Спасский в одной из партий своего знаменитого матча с Фишером в 1972 году.

14.¤d3 ¤c4.

Вынуждает вскрытие линии «b». Но поскольку королевская

ладья черных надолго отрезана от главного театра боевых действий, создать серьезные угрозы белому королю вряд ли удастся. Забегая вперед — мой план не нашел подражателей.

15.¤:c4 bc 16.¤he1 ♜b8.

17.¤e2!

Прекрасный ход. В случае размена ферзей, как после 18.¤:d2, так и в случае взятия на d2 конем, положение черных довольно грустное.

17...¤b5 18.c3 e5.

Этим ходом черные лишают коней противника важных полей d4 и f4, а добраться до поля d5 белым коням будет трудно.

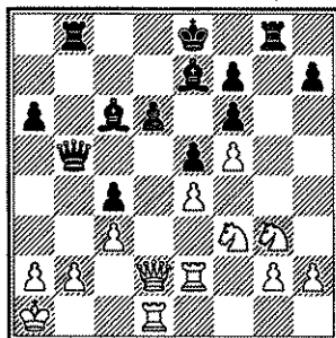
19.¤g3 ♜g8.

Оптимистично сыграно. Нормальное продолжение — 19...h5, чтобы предупредить вторжение белых фигур в лагерь черных путем ♜h6 или ¤h5, выиграть таким образом время, чтобы увести короля из центра — лучше всего на a8, — а потом, отдав на произвол судьбы пешки королевского

фланга, направить королевскую ладью в атаку на белого короля. Лишая защиты пешку h , черные раньше времени сжигают за собой мосты, а удается ли ладье-одиночке проявить активность по линии « g » — неясно.

20.♕e2 ♜c6 21.♔a1.

Избегая варианта 21.♕h6? ♜:g3 22.hg ♜:e4+ 23.♔a1 ♜:f5.

21...♛a5??

На редкость слабый ход. Черные теряют два темпа, при этом временно ослабляют давление по линии « b ». После правильного 21...♜g4 белым понадобилось бы немало усилий, чтобы доказать превосходство своей позиции. После примерного 22.♖de1 ♛b7 23.♘c2 ♔d7 24.♗h5 ♔c7 25.h3 ♜g8 26.g4 ♛b5 27.♖c1 d5 или 27.♖d2 d5 28.♖d8! у черных шансы перехватить инициативу.

22.♕h6.

Теперь положение черных проиграно. Они теряют материал и не смогут получить взамен никакой контригры.

22...♜b6 23.♕:h7 ♜g4.

Намеченное черными 23...♜:g3 24.hg ♜:e4 пока не получается: 25.♕h8+ ♔d7 26.K:e5+ de 27.♕:e5 с выигрышем.

24.♕h8+ ♔d7 25.♕h5 ♜:g3.

Положение черных, повторяю, проиграно, но с этой жертвой отчаяния можно было все же чуть-чуть повременить. Возможно было 25...♜g7, не опасаясь задуманной белыми комбинации: 26.♗e5+? de 27.f6 ♜:f6 28.♖f5+ ♔e7 29.♜d6 ♖d6 30.♖f6+ ♔c7, и белые проигрывают ввиду слабости первого ряда.

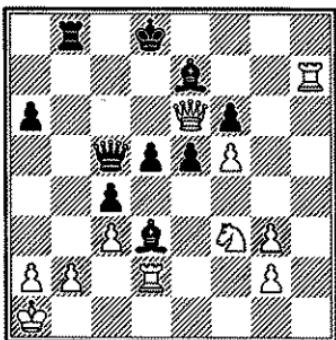
26.hg ♜:e4 27.♕:f7 ♜d3.

Не годилось взятие на f5 из-за 28.♗e5+.

28.♕e6+ ♔d8 29.♖ed2 ♜c5 30.♖h1.

Этот маневр выигрывает. Сильно было и 30.g4 с последующим g4-g5.

30...d5 31.♖h7??

Сразу выигрывало 31.♖h8+ ♔c7 32.♖h7 и на 32...♜e8 — 33.♕:f6.

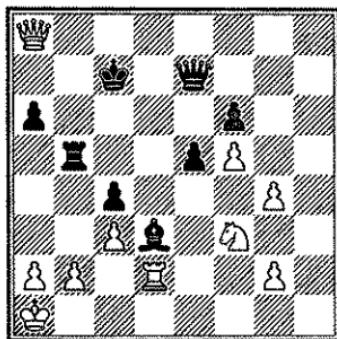
31...♛d6.

Чтобы спасти от атаки, черные пытаются разменять ферзей. Можно было удовлетворить пожелание черных: после 32.♕:d6+ ♔:d6 33.♖f7 ♔e7 34.g4 им не сладко. Можно было сыграть и 32.♕f7, продолжая атаку. Вместо этого белые решают отдать свою активную ладью за пассивного слона противника.

32.♖:e7? ♛:e7 33.♕:d5+ ♔c7.

Положение примерно выравнялось — слон на d3 стоит прекрасно, король на c7 чувствует себя довольно уютно и готов сыграть важную роль в ожидаемом эндшпиле. И все же позицию черных не нужно переоценивать.

34.g4 ♕b5 35.♕a8.

Логично было бы сейчас закончить партию вничью — после 35...♕a3! у белых ввиду угрозы 36...♕:a2+ 37.♔:a2 ♕a5# не остается ничего другого, как дать вечный шах по полям a7 и a8. Но то ли я в

сильнейшем цейтноте не видел этой возможности, то ли опять стал чересчур оптимистично оценивать свое положение.

35...♛c5? 36.b4!

Сильный ход. К перевесу белых приводило и 36.♕g8, но b2-b4 энергичнее. И ставит черных перед трудным выбором.

36...♛c6?

Псевдо-активное 36...♛e3 было тоже слабо. После 37.♔:a6 белые выигрывали. Например, 37...♔:f5 38.♕d6+ ♔b7 39.♕e7+ ♔a8 40.♕d8+ ♔b8 41.♕:b8+ ♔:b8 42.♕d8+ ♔b7 43.♕d2 с двумя лишними пешками у белых. Только не думайте, какой бы я ни был талантливый!, что я расчтал этот вариант за доской, в цейтноте. Нет, я нашел его 48 лет спустя в домашнем анализе... После 36...♛b6 черная ладья — в глупом положении. Правда, 37.a4 не выигрывает ввиду 37...♕:b4, но после 37.♕f8 у белых перевес. Все же это было лучше, чем ход в тексте.

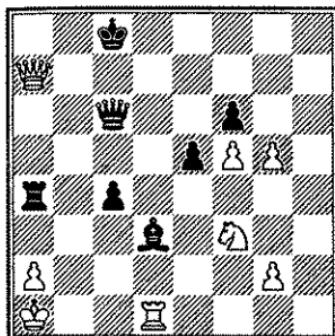
37.♕a7+?

После 37.♕:c6+ ♔:c6 38.g5 у белых были неплохие шансы на выигрыш. Но еще сильнее 37.♕f8! — тогда позицию черных не удержать.

37...♖b7 38.♕e3.

На 38.♕a8 последовало бы 38...♖b8, а играть эндшпиль, пусть даже с двумя лишними пешками, Нежметдинов не хочет. Поэтому ферзь временно отступает из лагеря черных.

38...a5 39.g5 ab 40.cb ♜:b4
41.♔a7+ ♜c8 42.♗d1 ♜a4.

После 42...c3 у белых была единственная, но достаточная защита: 43.♔e7! c2 44.♔f8+. Поскольку висит ладья b4, черный король не может переступить линию «b»: 44...♜c7 45.♔e7+ ♜d7 46.♔c5+ ♜d8 47.♔f8+ ♜c7 48.♔c5+...

Здесь, вместо того, чтобы записывать ход, мой партнер уговорил меня согласиться на ничью. Действительно, после 43.♔e7! у черных нет ничего лучше, чем 43...♜:a2+ 44.♔:a2 ♜a4+ 45.♔a3 ♜c2+ 46.♔b2 ♜a4+ с ничьей.

А партия оказалась важной в борьбе за первое место. Мы с Нежметдиновым, опередив всех остальных, перед последним туром имели равное количество очков. В последний день я быстро сыграл вничью с О'Келли, а он проиграл Фурману. Вот так мне удалось стать победителем первого в моей жизни международного турнира.

Тот турнир запомнился не только напряжением борьбы. Впервые в жизни я повстречал людей из другого мира, бесспорно несоветских. Было о чём подумать... И еще получил первые практические уроки английского языка. Я ведь учил английский с пятого класса средней школы, занимался языком и в университете, в своей группе считался одним из лучших. Но впервые мне довелось разговаривать с живым англичанином в возрасте 23-х лет. Это был Роберт Вейд. Первый шахматный профессионал Британской империи видел, как трудно мне давались первые шаги в изучении иностранного языка. Как опытный педагог, он разговаривал со мной не спеша, употребляя простейшие фразы. А я прямо кожей ощущал его милосердие и все равно очень мучился. Зато я запомнил доброго новозеландца на всю жизнь...

В Бухаресте у нас была переводчица. Я ей что-то сказал, она не поняла и переспросила: «Пожалуйста?» Она не сказала, как мы часто делаем, «Что?» или «А?» Люди разговаривают совсем по-другому. В ресторане я услышал западную музыку, такая в Советском Союзе не звучала. Роза дала мне в Румынию лучшие рубахи, которые у меня были, все шло нормально. Потом приехали в Норвегию, нас первым

делом пригласили в советское посольство, там посмотрели на меня и сказали довольно резко: «Потрудитесь пойти и купить однотонную рубашку! Здесь такие не носят». Заметил я, что в Румынии принудительно изучают русский язык. Помню первый разговор с иностранцем. Одна девочка стала разговаривать со мной, и я спросил: «Вы немного знаете русский язык. Откуда?» «Домой», — сказала она. С ними надо разговаривать без идиом, аккуратней! Я стал покупать словари: русско-румынский, русско-венгерский... Со временем, когда я уже прилично овладел английским, я перешел на двуязычные словари: англо-румынский, англо-венгерский — мне это было интересно, чтобы и английский глубже изучать. Недавно я был в Молдавии, где мне присвоили звание почетного доктора, и я удивил хозяев знанием некоторого количества румынских слов. В Москве на презентации своей книги я написал человеку из Эквадора на книжке несколько слов по-испански; он удивился и очень обрадовался.

Меня интересуют языки в сравнении друг с другом. Например, насколько ближе по построению слов немецкий язык к русскому, чем английский. Или возьмем такое слово — «гордо». По-испански и по-итальянски это означает

«толстый». А представьте себе, кто были самые гордые люди 500 лет назад? Чистая связь языков. Или что мы знаем о румынском языке? «Прост» по-румынски — это дурак. А «просто» — это дура. Вот так я изучаю языки.

Вернемся к шахматам: за совокупность успехов осенью 1954 года ФИДЕ присвоила мне звание международного мастера. Одновременно со мной это звание было присвоено легендарному человеку — Федору Богатырчуку, в то время уже жителю Канады. Богатырчук — один из первых советских мастеров. О его практической силе говорит счет с М. Ботвинником — 3,5:1,5 в пользу Богатырчука. Крупный врач-рентгенолог, он снискдал популярность, глубокое уважение киевлян. Во время войны с Германией Киев был оккупирован немцами два года. Когда Красная армия вынудила немцев отступать, Федор Богатырчук, который не мог простить большевикам мучения Украины при коллективизации, принял решение уйти вместе с немецкой армией... Спустя лет 15 в Германии готовилась книга об истории шахмат. Главу о советских шахматистах было поручено написать А. Котову и М. Юдовичу. Эти люди, фальсификаторы истории, ухитрились не упомянуть Богатырчука ни единым словом!

Мы с Богатырчуком несколько лет вели дружескую переписку...

Очередное первенство СССР являлось отборочным к первенству мира. Но мне было не до отбора. Я провалился в турнире, выиграл всего одну партию и занял предпоследнее место. Я ломал голову — что случилось? Я очень переживал. В доброжелательном тоне высказался обо мне в критической статье о турнире Бронштейн: «Ленинградцы должны помочь Корчному преодолеть переживаемый им кризис. Уже в 21-м чемпионате у него были симптомы недооценки партнеров, желания выиграть любым способом любую позицию без достаточных объективных предпосылок. Теперь, при более сильном составе, он после нескольких неудач потерял веру в себя, но для этого у него нет никаких оснований». А я понял — для успеха нужна хорошая шахматная подготовка, нужно быть в форме физически, нужно хорошее настроение, фонтан энергии и безмерное желание победить!

До чемпионата Ленинграда оставалось три месяца. Я отправился отдохнуть в санаторий на берегу Черного моря. Впервые в жизни ради улучшения качества игры я бросил курить, всерьез углубился в изучение теории. И в чемпионате города я установил один из своих

первых рекордов. Я набрал 17 из 19-ти, на три очка опередил занявшего второе место Толуша и еще на два очка — третьего призера Фурмана. Меня зачислили в состав сборной СССР, выступавшей в первенстве мира среди студентов. Руководителем делегации у нас был Котов. По-видимому, это он договорился, что после турнира, который проходил в Швеции, мы отправимся с выступлениями по стране, а потом заедем еще и в Норвегию. И мы отправились втроем: Котов, Таль и я. На следующий год Таль стал чемпионом СССР, а в 1960-м — чемпионом мира. Мы давали сеансы одновременной игры. Помню, Котов получил за сеанс 150 шведских крон, я — 100 и Таль — 50. В это время 5 крон равнялись одному доллару. Будущий чемпион мира Таль дал сеанс одновременной игры за 10 долларов!

В конце года меня послали на турнир в Гастингс. Это сравнительно короткое соревнование я провел очень уверенно — ни в одной партии не стоял хуже. Набрав 7 из 9-ти, я разделил первое место с Фридриком Олафссоном. Запомнились мне призы: 1-й приз — 60 фунтов, второй — 40, третий — 20. Сейчас, полвека спустя, эти цифры звучат смехотворно.

По возвращении в Ленинград я сразу включился в но-

вый чемпионат СССР. Сыграл удачно, только на пол-очка отстал от трио победителей — Авербаха, Тайманова и Спасского. Интересными были мои взаимоотношения за доской со Спасским. Видимо, в 50-е годы он был сильнее меня, и в середине турнира мне было с ним трудно играть. А в конце соревнования он выдыхался, и тогда я расправлялся с ним. Так, в частности, я выиграл у него важную партию в предпоследнем туре этого чемпионата. За совокупность успехов я получил в том году звание гроссмейстера СССР. Мне выдали значок №17. То есть я оказался семнадцатым гроссмейстером со дня основания советского государства!

С 1956 года появился новый вид соревнований для советских гроссмейстеров — товарищеские матчи с шахматистами Югославии. Неглупая задумка. В конце 40-х годов Сталин, который задумал покорить всю Европу, осерчал на то, что Югославия не падает перед ним ниц, и в громких выражениях развязал холодную войну с правителем этой страны Иосипом Броз Тито. Когда Сталин умер, следовало наладить добрые отношения со страной, всегда склонной быть другом Москвы, России. Залечить обиды, вернуть доброе расположение друг к другу — этим теперь должны были заняться шахматисты. В

этих шахматных десантах я участвовал с самого первого раза, с 1956 года. Вспоминается первый матч, в Белграде. Колossalный интерес, зал забит публикой до отказа. Не бог весть какая богатая страна — Югославия, а хорошие отели, чистота, еда лучше московской, шахматисты одеты лучше советских ассов. Ну, конечно, мы — азиаты, а они — европейцы. Мы — в блоке коммунистических стран, а они — «неприсоединившиеся». Даром, что у них у власти коммунист, зато — мудрый человек! Но, как часто бывает, его мудрость особо оценили после его смерти, когда ведомое им государство распалось на враждующие друг с другом лагеря.

С точки зрения шахматной эти матчи были очень полезны. Югославы — представители другой школы, игроки высокого класса, с ними было интересно, иногда и поучительно встречаться за доской. Признанный лидер югославов — Светозар Глигорич. В 1957 югославы приехали в Ленинград. Здесь они крупно проиграли. Жаловались на белые ночи — трудно спать, на плохой сервис и на плохую еду. И были правы. Из всей команды хорошо сыграл только Глигорич. Выиграл у меня черными. Видимо, этот проигрыш очень меня огорчил. Глигорич в своих мемуарах вспоминает, что в последний

день, провожая его на вокзал, я в разговоре все время возвращался к сыгранной партии, обещал в будущем прибить его. Честно говоря, не очень гостеприимно...

Следующая партия сыграна в одном из матчей с Югославией несколько лет спустя.

7. А. Матанович – В. Корчной Риека 1963

Сицилианская защита B94

1.e4 c5 2.¤f3 d6 3.d4 cd
4.¤:d4 ¤f6 5.¤c3 a6.

Этот ход, столь популярный во второй половине XX века, я считаю серьезной ошибкой. Смотрите, мы учим начинающих шахматистов: «Не делайте в дебюте ходов пешками, если эти ходы не способствуют развитию фигур». А сами что делаем?! Черными уже на пятом ходу — эдакий загадочный ход пешечкой! Поистине, «что можно копнешь, то не можно ослове», как говорила моя бабушка.

6.¤g5 ¤bd7 7.¤c4 ♜c7.

И этот ход, строго говоря, тоже не высшего качества. Теория считает, что ферзя нужно развивать в последнюю очередь. Бывают, правда, исключения...

8.¤e2 h6.

На отход слона на h4 я собирался продолжать 9...¤e5 10.¤b3 g5 11.¤g3 e6 — подобную позицию я уже играл, и не без успеха. Но Матанович стремится к максимально бы-

строму развитию и не жалеет своего слона.

9.¤:f6 ¤:f6 10.0-0-0.

У белых подавляющий перевес в развитии. В связи с этим у черных серьезные проблемы — как развить свой королевский фланг, куда увести короля из центра...

10...e6.

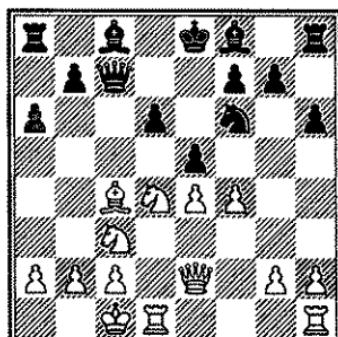
Трудно придумать более осмысленный ход в этом положении, но очевидно, что всех проблем черных он не решает...

11.f4.

Грозит e4-e5. И когда после размена на e5 конь отступит на d7, белые жертвой фигуры на e6 выиграют партию.

11...e5??

Вообще, это не гроссмейстерский ход. Только что пешка пошла на e6, и вот черные, как бы признавая глупость предыдущего хода, толкают ее вперед еще на одну клетку! Очевидно, позиция после 11...¤e7 12.e5 de 13.fe ¤h7 черным совсем не понравилась. Что же тогда остается? Половить рыбку в мутной воде...

12.¤f5.

Выглядит вполне естественным, грамотным ходом. И ход этот сохраняет солидный позиционный перевес белых. Но вот год спустя эта позиция встретилась в партии Таль – Билек (Амстердам 1964). Последовало 12.¤d5! ¤:d5 13.ed ¤e7 14.fe de 15.¤e6!! После случившегося в партии 15...¤d6 16.¤:g7+ черные уже могли сдаться. Да и после более упорного 15...fe 16.¤h5+ ¤d7 17.¤b3 или 17.¤g4 у белых мощная атака. Как видим, просто хорошие ходы могут сильно отличаться по качеству от ходов, сопровождаемых восклицательными знаками.

12...¤e6 13.¤:e6.

Белые приняли решение играть активно – использовать, наконец, свой перевес в развитии. Заслуживало внимания и неспешное 13.¤b3.

13...fe 14.fe de 15.¤h4 g5 16.¤hf1 ¤e7.

Обратите внимание: белый конь идет на g6, и его обязательно нужно сразу согнать с этого поля. Именно поэтому – не ¤g7, а ¤e7!

17.¤g6 ¤g8 18.¤:e7 ¤:e7.

Все равно черные уже не смогут рокировать. Тогда почему бы не включить в защиту короля!?

19.¤d3 ¤ad8.

Хорошо бы разменять все ладьи, тогда у черных все будет в порядке. Но белые вряд

ли пойдут навстречу пожеланиям противника...

20.¤df3 ¤df8 21.¤f2.

Белые осуществили свой замысел – строившись по линии «f», они прорываются в лагерь противника. Но борьба еще не окончена. Как заметил в свое время Т. Петросян, чем глубже проникают в стан неприятеля, тем гуще, эшелонированнее становится оборона.

21...¤d7 22.¤f7+ ¤e8.

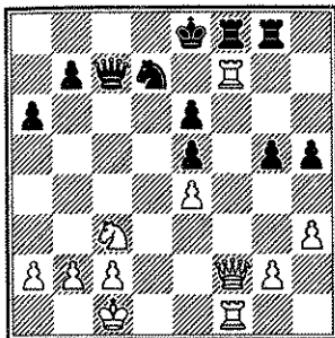
По-видимому, я считал это единственным ходом. Между тем, серьезного внимания заслуживал отход королем на d8. В этом случае угрожало 23...¤:f7 24.¤:f7 ¤f8. А на отступление одной из фигур с линии «f», например, 23.¤d1 можно было вернуться королем на e8.

23.h3.

Оказывается, белые несколько завязли на линии «f» – взятие на f8 приведет к размену всех ладей – к тому, чего добиваются черные, а покинуть линию «f» белые фигуры уже не могут. Поэтому белые задумали маршрут ¤f2-f3-h5, но на немедленное ¤f3 могло последовать g5-g4.

23...h5.

Белым удалось вызвать важное ослабление пешечного расположения противника, и теперь они наносят удар, который черные вряд ли предвидели.

24.♔f6.

Придется обойтись без восклицательного знака — этот удар следовало подготовить тщательнее (смотри примечание к 27-му ходу черных).

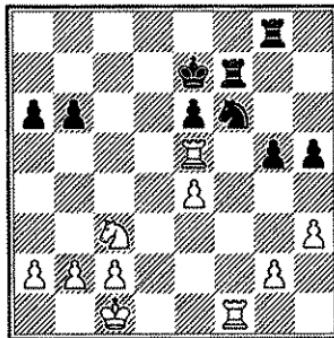
24...♕:f6 25.♗:c7 ♗f7 26.♗c5 ♘e7.

Не годилось 26...♗d7 ввиду 27.♗c8+ ♔e7 28.♗:f7+ ♔:f7 29.♗c7, забирая пешку b.

27.♗:e5 b6!

Ладья в центре доски вдруг оказалась в опасном положении — грозит ♔d6, а при случае и ♗d7 с поимкой ладьи.

Вернемся к позиции перед 24-м ходом белых. Им следовало продолжать 24.h4! В случае 24...gh сильно 25.♗f3!, а после 24...g4 ход ферзем на f6 безукоризнен! Может быть, белые опасались, что в длинном варианте 25...♗:f6 26.♗:c7 ♗f7 27.♗c5 ♗d7 28.♗c8+ ♘e7 29.♗:f7+ ♔:f7 30.♗c7 ♘e7 31.♗:b7 черные после 31...♗f8 получат контригру? Напрасно — продолжая 32.g3!, белые защищали свою важную пешку!

28.♗d1?

Оказавшись неожиданно в положении защищающейся стороны, в растерянности белые допускают серьезную ошибку и упускают возможность сделать ничью. Очевидный ход 28.♗d5+ после 28...♔d6 29.♗:f6 ♗:f6 30.♗:f6 ♗g6 31.♗d7 ♔:d7 32.h4 gh 33.♗:h5 ♗g4 34.e5 ♘e6 приводил к ничейной позиции. Напротив, в варианте, предложенном компьютером, — 28.♗ff5 ♔d6 29.♗:g5 ♗gf8 30.♗a5 (30.♗d5+?! ed 31.e5+) 30...♗h7! очевидный перевес на стороне черных.

28...♗gg7!

После 28...♗d7 белые имели ничью: 29.♗d5+ ♔d6 30.♗:b6+ (если 30.♗f6+ ♘e5 31.♗:g8, то после 31...♗c5 у черных перевес) 30...♗:e5 31.♗:d7+ ♘e4 32.♗e1+ ♔d4 33.c3+ ♘d5 34.♗d1+ ♘e4 35.♗e1+... А теперь положение белых тяжелое.

29.♗a4.

Если 29.♗d5+, то 29...♔d6 30.♗:f6+ ♘e5 31.♗:h5 ♗h7 32.g4 ♗f3 с очевидным перевесом у черных. И в острой позиции, возникавшей после 29.h4 gh

30. $\mathbb{Q}d2$ $\mathbb{Q}g4$ 31. a4 $\mathbb{Q}fg7$ 32. a5 b5
33. $\mathbb{Q}c5$ $\mathbb{Q}:g2$, шансы белых спасти тоже были невелики.

29... $\mathbb{Q}d7$ 30. $\mathbb{Q}:d7+$ $\mathbb{Q}:d7$
31. $\mathbb{Q}:b6+$ $\mathbb{Q}e7$ 32. g4.

Сомнительный ход. Лучше 32. $\mathbb{Q}a5$.

32... hg 33. hg $\mathbb{Q}f4$ 34. $\mathbb{Q}e8+$
 $\mathbb{Q}d8$ 35. $\mathbb{Q}b6$ $\mathbb{Q}:g4$.

Цейтнот. 35... $\mathbb{Q}gb$ было аккуратнее.

36. $\mathbb{Q}:e6$ $\mathbb{Q}g1+$ 37. $\mathbb{Q}d2$ g4
38. $\mathbb{Q}d5$ g3 39. $\mathbb{Q}d6+$ $\mathbb{Q}c8$.

В компьютерной базе данных ошибочно указан ход 39... $\mathbb{Q}e8$.

40. $\mathbb{Q}e3$ g2 41. $\mathbb{Q}:a6$ $\mathbb{Q}b1$.

Белые сдались.

Несколько страниц назад я рассуждал уже о понятии «закаленный боец». В эти годы я регулярно участвовал в первенствах СССР. Но еще важнее с точки зрения закаливания было мое участие в отборочных соревнованиях к этому турниру. С 1950 по 1959 год я регулярно играл в полуфиналах первенства страны. И, кроме первых двух, имел успех во всех остальных. Иногда необходимо было на финише выигрывать одну партию за другой. Хорошая школа для участия в международных турнирах!

Жизнь профессионального шахматиста. Ежедневные занятия шахматами дома. Сеансы одновременной игры по приглашениям, выступления в прессе — интервью или уроки в шахматном разделе газеты, соревнования. Запоминаются отдельные

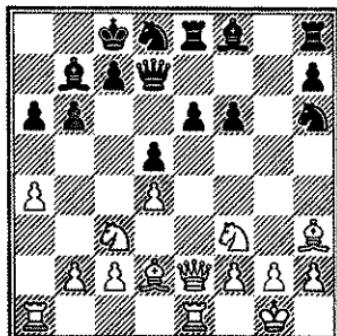
фрагменты турниров — те, что оставили свой след на последующей практике, те, где пришлось приложить максимум энергии...

Чемпионат СССР 1957 года. Взлет Михаила Таля. Он выиграл первые 4 партии. Несколько взволнованный предстоящей встречей с лидером, я иду к Бронштейну за советом — что и как играть. Он уклоняется от конкретной помощи, но говорит: «Вы можете играть как угодно, но за эту партию вы отвечаете перед всеми участниками. Вы не имеете права ее проигрывать!» Встреча закончилась вничью. Именно во время этой партии я подметил довольно шаблонную манеру Таля вести атаку...

8. М. Таль — В. Корчной СССР 1957

Французская защита C10

1.e4 e6 2.d4 d5 3. $\mathbb{Q}c3$ $\mathbb{Q}c6$
4. $\mathbb{Q}f3$ $\mathbb{Q}b4$ 5.e5 b6 6. $\mathbb{Q}d3$ $\mathbb{Q}d7$
7. $\mathbb{Q}d2$ $\mathbb{Q}b7$ 8. 0-0 $\mathbb{Q}f8$ 9.a3 f5
10.ef gf 11. $\mathbb{Q}e2$ 0-0-0 12. $\mathbb{Q}fe1$
 $\mathbb{Q}e8$ 13. $\mathbb{Q}f5$ $\mathbb{Q}d8$ 14. a4 $\mathbb{Q}h6$
15. $\mathbb{Q}h3$ a6.

16. $\mathbb{Q}a2$ $\mathbb{W}b8$ 17. $\mathbb{Q}b4$ $\mathbb{Q}:b4$
 18. $\mathbb{Q}:b4$ $\mathbb{W}g7$ 19. a5 b5 20. b3
 $\mathbb{Q}hg8$ 21. c4 $\mathbb{Q}c6$ 22. g3 $\mathbb{Q}f5$ 23. cb
 $\mathbb{Q}:b5$ 24. $\mathbb{W}c2$ $\mathbb{Q}c6$ 25. $\mathbb{Q}e5$ $\mathbb{W}d7$
 26. $\mathbb{Q}f1$ $\mathbb{Q}:f1$ 27. $\mathbb{Q}:f1$ $\mathbb{Q}d6$
 28. $\mathbb{Q}:d6$ cd 29. $\mathbb{Q}fc1$ $\mathbb{Q}b7$ 30. $\mathbb{W}d2$
 $\mathbb{Q}e8$ 31. $\mathbb{Q}c2$ $\mathbb{Q}a7$ 32. $\mathbb{Q}ac1$ $\mathbb{Q}:c2$
 33. $\mathbb{Q}:c2$ $\mathbb{Q}b5$ 34. $\mathbb{W}f4$ $\mathbb{W}e7$ 35.
 $\mathbb{W}c1$ $\mathbb{W}d7$ 36. $\mathbb{W}f4$ $\mathbb{Q}g7$ 37. $\mathbb{W}g2$
 $\mathbb{Q}f7$ 38. $\mathbb{W}h6$ $\mathbb{W}e8$ 39. $\mathbb{W}e3$ $\mathbb{Q}e7$
 40. $\mathbb{Q}e2$ $\mathbb{W}g6$ 41. $\mathbb{Q}h4$ $\mathbb{W}h5$. Ни-
 чья.

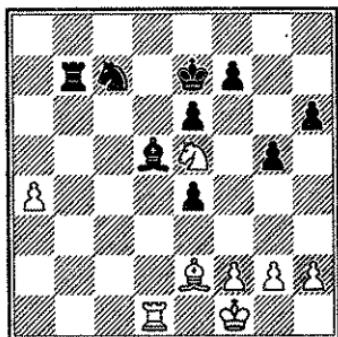
В начале 1958 года произошло важное событие в моей жизни, на первый взгляд не слишком связанное с шахматами. Я решил оstepениться. Я женился. С будущей женой я познакомился на берегу Черного моря. Армянка, родом из Тбилиси, она жила в Москве. После свадьбы я увез ее в Ленинград. Жена и многие другие уговаривали меня переехать в Москву, но я оставался верен городу, где родился, вырос, получил воспитание. Не мог и представить себе, что этот город меня однажды предаст...

Подсознательно я надеялся, что мое новое солидное семейное положение поможет мне добиться и солидных успехов на шахматной доске. И, как увидим, мои расчеты оправдались. А пока что моим первым соревнованием в новой ситуации был чемпионат Российской Федерации, проводившийся в Сочи, где я иг-

рал вне конкурса, потому что в спортивной жизни Ленинград считался независимым, был отделен от провинциальной России. Пришлось встречаться с малознакомыми мне шахматистами. Победителем стал уже известный читателю Р. Нежметдинов. Я закончил трудный турнир неплохо — разделил второе место.

Очередной чемпионат СССР состоялся в Тбилиси. Я там не блестал. Но на финише мне пришлось принять активное участие в распределении первых мест. За победу в турнире боролись Таль с Петросяном. В предпоследнем туре мне предстояло играть черными с Талем, а затем белыми с Петросяном. Тбилиси — многонациональный город. Накануне игры меня посетила группа армян с просьбой сыграть с Талем «как следует». Я отложил эту партию с лишней пешкой. До выигрыша было еще далеко. Но тут явился Петросян и предложил свою помощь в анализе отложенной позиции. По-моему, это было очень некрасиво, я бы на месте Петросяна так никогда не поступил. Но на своем... отказаться от квалифицированной помощи у меня не хватило сил. Вдвоем мы нашли путь к выигрышу, который я на следующий день Талю и продемонстрировал.

9. М. Таль – В. Корчной
Тбилиси 1959

41...f6 42.Qg4 f5 43.Qe5 Qb2
 44.Qc1 Qa2 45.Qg6+ Qd6
 46.Qh8 e5 47.Qd1 Qe6 48.Qh5
 Qf6 49.Qf7 Q:f7 50.Q:f7 Q:f7
 51.Qd7+ Qe6 52.Q:c7 f4
 53.Qc6+ Qd5 54.Q:h6 f3 55.gf
 ef 56.Qe1 Q:a4 57.Qb6 Qa1+
 58.Qd2 Qf1 59.Qe3 g4 60.Qb5+
 Qc4. Белые сдались.

А потом появилась группа грузин. Они просили меня обыграть Петросяна. Я бы с удовольствием, но к его манеру игры я не мог приспособиться много лет. А выиграть у него по заказу вообще не мог никто! Но попытка была предпринята. Возникла интересная

тактическая схватка, но позиция вскоре упростилась. Петросян стал чемпионом страны.

Весной того же года состоялся товарищеский матч Будапешт – Ленинград. Запомнился он мне не столько игрой, сколько схваткой, первой схваткой с Бондаревским, тогда – капитаном команды. По положению нужно было сыграть два тура, а венгры предложили сыграть четыре партии. Бондаревский настаивал на том, чтобы не принимать предложения венгров, а я советовал согласиться. Поскольку я пользовался огромным авторитетом, уважением в своей команде, предложение венгров было принято. Странным образом, я оказался прав: в итоге двух туров мы были разгромлены! А в следующих турах подтянулись. Рассказ о наших спорах с Бондаревским вы еще найдете на страницах книги. Почему-то я всегда оказывался прав. Думается, подсознательно Бондаревский давным-давно стал испытывать неприязнь ко мне...

Глава 4

СКАЧОК ВВЕРХ

Турнирный опыт, приобретаемый с годами, делал мою игру все более солидной, уравновешенной. Не следовало недооценивать и положительное влияние нового семейного положения. В конце 1959 года я с легкостью выиграл международный турнир в Кракове и столь же легко взял первое место в полуфинале первенства СССР в Челябинске. Я приблизился к новому чемпионату страны в хорошей форме.

Я не очень удачно начал турнир, но вскоре разыгрался. Мне везло: удавалось защищать и даже выигрывать трудные позиции; если я проводил неправильные комбинации, противники не замечали опровержения... Но кроме того, я выиграл несколько отличных партий, которыми горжусь и по сей день — у Смысlova, Полугаевского, Сахарова. Мои конкуренты Петросян и Геллер чуть поотстали. И вдруг — осечка. В партии с В. Багировым я взялся не за ту фигуру и сразу сдался... Времена меняются, меняются и нравы. 43 года спу-

стя З. Азмайпаришвили в партии против В. Малахова схватился не за ту фигуру, потом взял в руки нужную и сделал ею ход. Выиграл ту партию и стал чемпионом Европы. Прекрасный пример молодежи для подражания, тем более что Азмайпаришвили — ответственный работник ФИДЕ!

Но вернемся к моим — отсталым — временам.

10. В. Багиров — В. Корчной
XXVII чемпионат СССР,
Ленинград 1960

Сицилианская защита B32
1.e4 c5 2.¤f3 ¤c6 3.d4 cd
4.¤:d4 ♕c7.

Против молодого шахматиста, новичка в чемпионате страны, я применил одну из редких разновидностей системы «Кан — Тайманов».

5.¤b5.

Ход 5.c4!? после 5...¤e5 привел бы к потере белыми пешки, за серьезную компенсацию, правда. Фактически, были партии с продолжением 5.c4 ¤f6 6.¤c3 ¤:e4 7.¤:e4 ¤e5 8.¤b5 ¤:e4+ 9.¤e2 ¤e5 и

т.д. А после 5.¤c3 возникли бы с небольшой перестановкой ходов обычные позиции системы.

5...¤b8 6.g3.

Более активным считается 6.c4, но схема с установкой слона на g2 тоже не лишена яда.

6...ab 7.¤c3 e6 8.¤g2 ¤f6
9.0-0 ¤e7 10.b3.

Позиция с фианкеттированием обоих слонов в сицилианской была довольно модной в те годы. Более энергично выглядит подготовка пешечного наступления в центре и на королевском фланге путем f2-f4, g3-g4 и т.д. Но выбор схемы зависит от шахматного стиля, который, в свою очередь, часто определяется характером того или иного человека. Владимир Багиров в жизни был человеком неторопливым...

10...0-0 11.¤b2 ¤d8 12.¤d2
b5 13.h3.

Этот ход выглядит довольно странно: белые, как будто нарочно, медленно разыгрывают дебют — чтобы подсказать противнику, что у него вскоре будет возможность сыграть d7-d5. А вот если бы белые теперь сыграли 13.f4, то после 13...d5 14.e5 ¤e4?! 15.¤d:e4 de 16.¤e1 ¤b6+ 17.¤h1 e3 18.¤c1 черные потеряли бы пешку без всякой компенсации.

13...¤b7 14.f4.

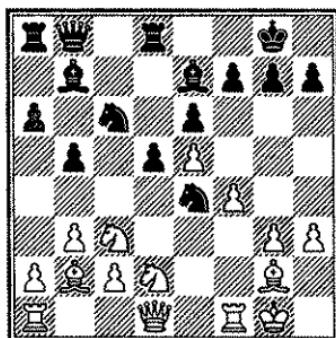
Наконец, после долгих колебаний белые сыграли вперед

пешкой. Не в самый удачный момент, но, очевидно, мой противник понял, что дальнейшая пассивная игра, вроде ¤h2 или ¤e1, окончательно передаст инициативу в руки черных.

14...d5!

Конечно! В большинстве разветвлений сицилианской черные вынуждены ограничиться ходом d7-d6; ну, а потом прорваться в центре ходом d6-d5 — мечта каждого сицилианца!

15.e5 ¤e4.

Честно говоря, и после 15...¤d7 у черных достаточно активное положение, но поставить коня в центр доски — предмет гордости активного шахматиста!

16.¤c:e4 de 17.¤e2 ¤a7+.

Играя на уравнение, черные после 17...¤c5+ 18.¤h2 ¤d4 19.¤:d4 ¤:d4 20.¤ad1 e3 21.¤e4 ¤:e4 22.¤:e4 ¤a7 23.¤d3 ¤b6 24.¤fd1 оказываются в несколько худшей позиции. Да и вообще — черные не стремят-

XXVII. ПЕРВЕНСТВО СССР
Ленинград, 25 января – 26 февраля 1960 г.

Участники	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	О	М
1. В. Корнной	1	=	0	1	=	1	1	0	=	0	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	14	1
2. Е. Геллер	0	=	=	=	1	=	0	=	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	=	1	13,5	2-3
3. Г. Петросян	=	=	0	0	1	=	1	=	1	=	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	13,5	2-3
4. В. Багиров	1	=	=	=	=	0	1	1	=	1	=	1	=	1	=	0	1	12	4			
5. Л. Полугаевский	0	=	1	=	0	0	=	=	1	1	=	1	=	=	=	=	1	1	11,5	5		
6. Ю. Авербах	=	=	1	=	1	=	=	=	=	0	1	=	=	=	=	1	=	11	6			
7. М. Тайманов	=	0	=	1	=	=	=	=	1	=	0	=	0	1	1	1	1	1	10,5	7-8		
8. В. Смыслов	0	=	=	=	=	=	=	1	=	=	1	=	=	=	=	=	1	=	10,5	7-8		
9. Н. Кротиус	0	1	0	1	=	=	0	=	1	=	1	0	=	=	=	=	=	1	=	10	9-10	
10. Б. Спасский	0	=	0	0	=	=	=	=	=	1	=	0	=	1	=	1	1	1	10	9-10		
11. В. Симагин	1	0	=	0	0	=	0	=	=	0	=	0	=	1	=	1	1	1	9,5	11		
12. Д. Бронштейн	=	0	0	0	=	=	=	0	=	=	1	1	0	1	=	=	1	9	12-13			
13. А. Лутиков	1	0	=	0	1	=	0	=	1	0	=	=	1	=	=	1	=	1	0	9	12-13	
14. Э. Гуфельд	0	0	0	=	0	1	=	1	=	0	=	=	0	1	1	0	0	0	7,5	14-15		
15. Л. Ней	0	=	0	=	=	=	=	=	0	0	=	=	=	0	1	0	1	7,5	14-15			
16. Л. Шамкович	0	0	0	=	1	=	0	=	1	0	1	0	0	0	1	0	0	0	6,5	16-17		
17. В. Либерзон	0	0	=	=	0	=	=	0	=	0	1	1	0	1	0	0	1	0	6,5	16-17		
18. А. Суетин	0	0	=	=	0	=	0	=	0	0	=	0	0	0	1	1	=	6	18-20			
19. Ю. Сахаров	0	=	0	1	0	0	0	0	0	=	0	1	1	0	0	1	1	0	6	18-20		
20. Б. Гургенидзе	0	0	0	0	=	0	=	0	0	0	0	1	1	0	1	1	=	0	6	18-20		

ся к уравнению, у них более честолюбивые замыслы. И не без оснований...

18.♔h2 e3.

Пешка *e* стала силой, да одновременно и слабостью позиции черных. Вокруг нее и разгорается борьба.

19.♘f3.

В случае 19.♘e4 белые должны были считаться с вариантом 19...♘e5 20.♗e5 ♘e4 21.♗e4 ♗d2, а также с 19...♘d4 20.♘d4 ♗d4. Занимательно возможное продолжение варианта: 21.♗ad1 ♘e4 22.♗d4 ♗d4 23.♗d1 ♗d1! 24.♗d1 ♗d8, и, как нетрудно убедиться, черные выигрывают!

19...b4 20.♗fe1 ♘c5 21.♗ad1.

Белые естественно развиваются свои силы. В случае немедленного 21.♗c1 ♘e7 22.♗e3 ♘f5 у черных была бы отличная компенсация за потерянную пешку.

21...a5.

Логично, последовательно, но контригру белых тоже не следовало недооценивать. Правильно было предупредить последовавший в партии маневр белого коня путем 21...h6. Тогда после 22.♗c1 черные ответили бы, как и в прошлом примечании, 22...♘e7, и далее 23.♗d8+ ♗d8 24.♗e3 ♘f5 с грозной инициативой.

22.♗g5! h6 23.♗e4 ♘d4.

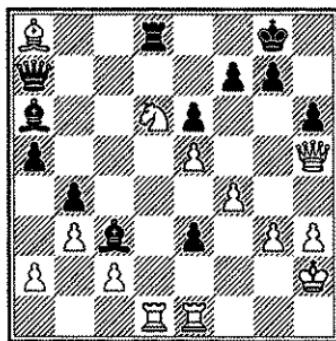
Последствия взятия ферзем на *e* рассчитаны черными аккуратно: 24.♗e3 ♘c2 25.♗c5

♗:c5 26.♗:c5 ♘:e1 27.♗:e1 ♘:g2 28.♗:g2 ♗d2+, забирая слона *b*2.

24.♗:d4.

Если 24.♗c4, то 24...♗e4 25.♗e4 ♗ac8 — у черных приятнее.

24...♗:d4 25.♗d6 ♘a6 26.♗h5 ♘c3 27.♗:a8.

В этот момент партия окончилась. Не сделав ответного хода, я покинул сцену. Двухтысячная толпа болельщиков осталась в неведении — что произошло...

А что же случилось? Я взялся за слона *a*6. И осталось только сдаться...

После партии я рассказал журналистам то, что осталось у меня в сознании, то, что я запомнил. И примерно в таком вот виде оно появилось в печати: я рассчитывал вариант, где я сперва играл слоном *c*3, то есть брал ладью на *e*1, а следующим ходом играл слоном *a*6. Задумавшись, по рассеянности я собрался сделать второй ход вместо первого... Это, повторяю, то, что зафиксиро-

вало мое сознание. Проблемы подсознания применительно к шахматной игре тогда не разрабатывались.

Я постарался поскорее забыть ту партию и связанные с ней неприятные ощущения. Только через 40 лет, когда возникла идея написать свою биографию, мне захотелось еще раз критически взглянуть на заключительную позицию той важной партии, прочувствовать этот драматический момент моей шахматной жизни, понять — как и почему это случилось.

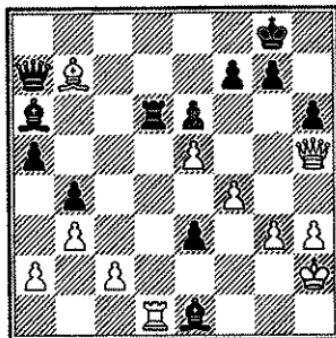
В положении на диаграмме у черных примерно два равноценных продолжения: 27... $\mathbb{K}$:a8 или 27... $\mathbb{Q}$:e1. Например, 27... $\mathbb{K}$:a8 28. $\mathbb{Q}$ e2 $\mathbb{Q}$:e2 29. $\mathbb{W}$:e2 $\mathbb{Q}$ d2 30. $\mathbb{Q}$ c4 $\mathbb{K}$ c8 31. $\mathbb{W}$ d3 $\mathbb{W}$ c7 с примерно равной игрой. По-видимому, это положение (после 31-го хода) я оценил неправильно — как лучшее у белых, и потому большую часть времени (уже довольно скучного в тот момент) посвятил ходу 27... $\mathbb{Q}$:e1. После 27... $\mathbb{Q}$:e1 28. $\mathbb{K}$:e1 $\mathbb{K}$:a8 с неизбежным e3-e2 следовало отдать некоторое предпочтение позиции черных...

Но вспомним: я собирался взять слоном на e1. А следующий ход сделать слоном ab. Интересно, какой же?! Почему-то никому из журналистов этот вопрос в голову не пришел. По-видимому, на 27... $\mathbb{Q}$:e1 я ожидал ответа 28. $\mathbb{Q}$ b7 и, лихорадочно считая вариан-

ты, не видел защиты ни после 28... $\mathbb{Q}$:b7 29. $\mathbb{W}$:f7+ $\mathbb{Q}$ h7 30. $\mathbb{Q}$ f5 $\mathbb{Q}$ f1 31. $\mathbb{W}$:f5+ или 30... $\mathbb{Q}$ g8 31. $\mathbb{Q}$ d6 с немедленным выигрышем, ни в случае 28...e2 29. $\mathbb{W}$:f7+ $\mathbb{Q}$ h7 30. $\mathbb{Q}$ e4+ $\mathbb{Q}$ h8 31. $\mathbb{W}$:a7 ed $\mathbb{W}$ 32. $\mathbb{Q}$ f7+ $\mathbb{Q}$ g8 33. $\mathbb{Q}$:d8 $\mathbb{W}$:d8 34. $\mathbb{W}$:a6 или 29... $\mathbb{Q}$ h8 30. $\mathbb{Q}$:e1 $\mathbb{W}$ f2+ 31. $\mathbb{Q}$ g2 $\mathbb{W}$:e1 32. $\mathbb{Q}$ e8 $\mathbb{W}$:g3+ 33. $\mathbb{Q}$:g3 e1 $\mathbb{W}$ + 34. $\mathbb{Q}$ h2 $\mathbb{Q}$:e8 35. $\mathbb{W}$:e8+ $\mathbb{Q}$ h7 36. $\mathbb{W}$:e6, в обоих случаях с двумя лишними пешками у белых.

В дни, когда наука всерьез занимается проблемами взаимосвязи сознания и подсознания личности, уделяя в том числе серьезное внимание роли подсознания в спорте и искусстве, у меня единственное объяснение грубому мазку, случившемуся морозным январским вечером в «Доме культуры первой пятилетки»: в положении на диаграмме я подсознательно похоронил себя и поучительной экзекуции предпочел акт самоубийства.

По-видимому, в тот злосчастный день я был не в ударе. Сорок с лишним лет спустя, когда я занялся анализом этой партии и опубликовал его, в Англии и в России почти одновременно доказали, что я неправильно оценил позицию, что ход 28. $\mathbb{Q}$ b7 не выигрывал, а проигрывал партию! Итак, сперва Кен Нит, а после Илья Балов установили, что после 28. $\mathbb{Q}$ b7 $\mathbb{K}$:d6 положение белых проиграно во всех вариантах:

29.ed e2 30.d7 ♜:g3+!
31.♕:g3 ♜e3+ 32.♕h2 ♜f4+
33.♕g1 ♜f1+ 34.♖:f1 ef+
35.♕h2 ♜f4+ 36.♕g1 ♜d4+
37.♕g1 ♜:b7,

или 32.♗f3 ed 33.♗:e3
♜:b7 34.♗d3 ♜g1+ 35.♗h4
♜f2+ 36.♗g3 (36.♗g4 f5+)
36...♜d4 37.♗d3 ♜:f4+,

или 30.♗g2 ed 31.♗:d1
♜e3 32.d7 ♜:g3+ 33.♗h1 ♜h4
34.d8♜+ ♜:d8 35.♗:d8+ ♜h7
36.♗:a5 ♜c1+ 37.♗h2 ♜:f4+,

или, наконец, 30.♗:e2 ♜:e2
31.d7 ♜f2+ 32.♗g2 ♜:g3+ 33.♗h1
♜f2 34.d8♜+ ♜h7. Положение белых проиграно. Например,
35.♖d3 ♜:d3 36.♖:d3+ f5 37.♗:g3
♜:g3 38.♗c6 ♜g6 или 35.♗d2
♜f1 36.♗a8 ♜e3 — у белых нет защиты от матовых угроз.

То, что я не заметил взятия на d6 в цейтноте — это можно понять и простить. Менее извинительно, что я прошел мимо этой возможности в анализе 2002 года. Впрочем, и этому найдется психологическое объяснение. Поставив перед собой задачу: найти психологическую причину моей ужасной

ошибки в партии, я дал на нее ответ, а затем постарался подогнать решение к уже готовому ответу. Не вышло...

Очевидно, за доской я был недостаточно внимателен. День был для меня трудным: заболел ребенок, и нужно было помочь жене ухаживать за ним. А на сцене два приятеля-украинца разыгрывали комедию: Гуфельд бессовестно «сплавлял» партию другу — это меня очень злило... И теперь уже Геллер обошел меня на пол-очка. До конца турнира оставалось три тура. В отчаянной борьбе, пройдя через рифы проигрыша, я одолел Н. Крогиуса. Потом я играл черными с самим Геллером. Ему нужна была только ничья, и в решающий момент партии, когда следовало искать лучшее продолжение, он стремился лишь к повторению ходов. Я выиграл и эту партию. Теперь перед последним туром я опережал Геллера и Петросяна на пол-очка. Играю белыми с А. Сутиным, но не уравниваю игру. Предлагаю ничью. Он отказывается и на моих глазах идет советоваться с моими конкурентами. Как потом стало известно, Петросян велел ему согласиться на ничью, а Геллер сказал: «Играй, ты его прибьешь!» В об юдном цейтноте все перевернулось. Я получил лучший эндшпиль и при доигрывании выиграл партию. Петросян и Гел-

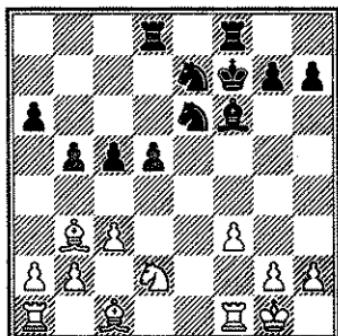
лер, выиграв свои встречи, отстали на пол-очка...

11. В. Корчной — А. Суэтин

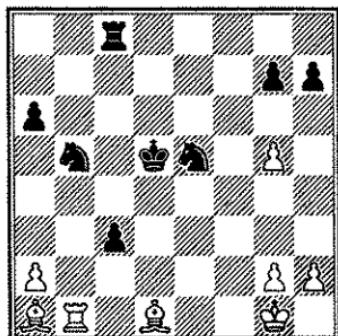
Ленинград 1960

Испанская партия C83

1.e4 e5 2.♘f3 ♘c6 3.♗b5 a6
4.♗a4 ♖f6 5.0-0 ♗e4 6.d4 b5 7.
♗b3 d5 8.de ♗e6 9.♔e2 ♗e7 10.c3
0-0 11.♗d4 ♖d7 12.f3 ♗c5 13.♗c2
f6 14.ef ♗:f6 15.♗:e6 ♖:e6 16.
♗:e6+ ♗:e6 17.♗b3 ♖ad8 18.♗d1
♗e7 19.♗d2 ♖f7 20.♗f1 c5.

21.f4 c4 22.♗d1 ♗c6 23.♗f3
d4 24.♗g5+ ♗:g5 25.fg+ ♗e7
26.♗e1 ♖d6 27.cd ♗e:d4 28.♗d2
♖de8 29.♗c1 ♖d5 30.b3 ♖:e1+
31.♗:e1 ♗e5 32.bc+ bc 33.♗b1
♖c8 34.♗c3 ♗b5 35.♗a1 c3.

36.a4 ♗d6 37.♗b3+ ♗e4
38.♗e1+ ♗f5 39.♗c2+ ♗e6
40.♗b3+ ♗f5 41.♗c2+ ♗e6
42.♗e3 ♗dc4 43.♗:c3 ♖d8 44.h3
g6 45.♗b3 ♗f5 46.♗h2 ♖c8
47.♗c2 ♖c6 48.♗e2 ♖b6
49.♗c2+ ♗e6 50.♗d4 ♖d6
51.♗c3 ♖b6 52.♗g3 ♗d5 53.♗f4
♗c6 54.♗e1 ♖b7 55.♗e4+ ♗c5
56.♗c1 ♖b3 57.♗g7 ♗b4
58.♗f8+ ♗d4 59.♗d1+ ♗d3+
60.♗:d3+ ♖:d3 61.♗g7+. Чёрные сдались.

С тех пор прошло 14 лет. С Бронштейном меня всегда связывали хорошие отношения; я пригласил его поработать вместе в рамках подготовки к матчу с Карповым. Однажды во время дружеской беседы он предался воспоминаниям:

— Помните, как в тот февральский вечер в 1960 году я сплавил Геллеру?

— Зачем?!

— Да во время тура я вдруг увидел, как беззастенчиво Крогиус сплавляет Петросяну. Оставить же последнего в одиночестве чемпионом страны было выше моих сил. В прекрасной позиции я некорректно пожертвовал фигуру и вскоре сдался.

— А я? Вы таким образом предавали и меня! — вскричал я.

— У вас было плохо. А Петросяну надо было помешать, — закончил Бронштейн.

После этого диалога, я надеюсь, читатель поймет — выиграть «по-честному» чемпио-

нат СССР было равносильно подвигу!

Только закончился турнир, а ко мне приехал журналист Виктор Васильев — послушать мой рассказ о чемпионате, прославить меня. А я в эти дни продумывал — как, что случилось. И у меня сложилось впечатление, что не активной игре я обязан своим успехам, а умением защищаться. И на просьбу журналиста рассказать о себе, похвалить себя, я рассказываю — как это здорово, как интересно защищаться! Как завлекаешь противника идти вперед и наказываешь его потом за азартную игру... Журналист не пожалел красок. Его очерк обо мне «Возмутитель спокойствия» разошелся по всему миру. Отныне и на добный десяток лет я приобрел славу убежденного, непревзойденного защитника. Мне же потом пришлось бороться против этого клише в печати и за доской.

Успех в чемпионате СССР вывел меня в ряды сильнейших гроссмейстеров мира. Шахматная федерация СССР предоставила мне возможность сыграть в двух неплохих международных турнирах. Не забыли меня и в Ленинграде. Благодаря моей победе моя семья весной того года переселилась из коммунальной квартиры в небольшую, но отдельную. Один международный турнир

был проведен в Москве, другой — в Аргентине. Турнир в Буэнос-Айресе, посвященный 150-летию республики Аргентина, был по тем временам очень сильным. Там играли 14 гроссмейстеров. Лидерство захватил отлично игравший С. Решевский. Запомнился мне во время турнира прием, банкет в советском посольстве. Меня представили лауреату Ленинской премии мира Марии Роза Оливер. Она меня убеждала, что я обязан выиграть этот турнир, дабы не позволить американцу стать победителем. Вот как: и на южно-американском континенте просматривались щупальца советской пропаганды! Госпоже Оливер повезло. На финише Решевский немножко замешкался, и мне удалось его догнать.

После турнира группа гроссмейстеров отправилась по провинциям Аргентины и приняла участие в турнирах в городах Санта-Фе и Кордoba. Но не шахматной игрой запомнились мне эти поездки. Развитие моего политического сознания происходило крайне медленно, и мне приходилось в этом не раз убеждаться. В городе Кордoba организаторы устроили банкет по случаю окончания турнира. Меня посадили рядом с симпатичным на вид молодым человеком, который в приятельской манере стал задавать мне вопросы:

«Скажите, почему советские понастроили военных баз по всему миру?» «А почему американцы имеют базы во всем мире?» — отпарировал я. «А зачем советские покорили народы Восточной Европы, сделали из них сателлитов?» Эту карту крыть было нечем. Я не выдержал и, как говорят японцы, потерял лицо. Я кричал не помню что, как в истерике. Сбежались организаторы, извинились за оплошность, рассадили нас.

И еще один случай. В городе Санта-Фе меня посетил один украинец. Лет 30 назад он уехал из Советского Союза. У него на Украине остался брат. Украинец написал мне адрес и дал долото, чтобы я переслал его брату. Мне трудно объяснить, что со мною случилось, но я так никогда и не послал долото по указанному адресу. Страх, необъяснимый страх оказаться соучастником какого-то заговора против СССР и прочую чушь в голове — это мне еще предстояло преодолеть...

Руководителем нашей делегации в Аргентине был Тайманов. Он сумел устроить так, что по пути домой мы три дня прожили в Риме за счет авиакомпании. Я рассказывал в Первой главе о своем комплексе отсутствия кровати. Я решил от него избавиться и в один из дней «римских каникул» купил

за 300 долларов спальню, потом пошел в советское торговое представительство и заплатил 150 долларов за доставку.

Во время 28-го первенства СССР, которое проходило в Москве, я получаю телеграмму: «Ваша мебель прибывает в порт Николаев. Встречайте!» Моя мачеха Роза Абрамовна нашла каких-то дальних родственников в городе Николаеве. Было непросто поместить эту мебель в грузовик, потому что она оказалась какая-то нестандартная. Но, в конце концов, они с этим делом справились, и грузовик благополучно добрался до Ленинграда.

Почему я купил спальню в Италии? В Советском Союзе аналогичный мебельный гарнитур (только худшего качества, из ГДР, Венгрии или Польши, но не из капитан) стоил около 2000 рублей. На какие деньги я, молодой гроссмейстер, мог его купить? За победу в чемпионате СССР 1960 года я получил 250 рублей. А в Аргентине, разделив первое место с Решевским, заработал тысячу долларов. Так что у меня были деньги, и мебель обошлась сравнительно недорого. Если бы я привез валюту в СССР, то вынужден был бы обменять ее на чеки «Березки».

Осеню того года я впервые в составе советской команды участвовал в Олимпиаде, в

Лейпциге. Попасть в советскую олимпийскую сборную было не только делом чести, но и прибылью: за победу на Олимпиаде была установлена награда — каждый член команды получал 1500 рублей, то есть примерно 11 средних зарплат. Шла отчаянная борьба за попадание в команду. Интриги, заговоры были обычным явлением. Когда-то, в 1952 году чемпион мира Ботвинник в результате заговора не был включен в команду. Ботвинник до самой смерти так и не догадался, что душой заговора был маленький шахматист Александр Котов, который таким образом проложил себе дорогу в олимпийскую сборную!

Состав команды, поездки на турниры определяли работники Спорткомитета — или это был Батуринский, или Крогиус, или Бейлин, или Абрамов. Они решали совместно с зам председателя спорткомитета, ответственным за шахматы — Казанским, Ивониным, ранее Постниковым. Тем самым Постниковым, который вывел Смыслова в победители турнира претендентов 1953 года в Цюрихе — об этой истории рассказывает в своей книге «Давид против Голиафа» Бронштейн.

В рядах олимпийской команды я знакомился с гроссмейстерами — не с шахматной, а, так сказать, с общече-

ловеческой стороны. Вспоминается банкет после Олимпиады. Ботвинник, аскет, ради шахматных успехов отказавшийся от человеческих слабостей — алкоголя, курения, человека, который на протяжении десятков лет вел суровый спартанский образ жизни. А вот у него оказалась другая слабость — за столом он любил играть роль хозяина! «Давайте выпьем коньяку, — говорил он мне. — Это хороший коньяк, армянский. Как ваша жена!» Поскольку жена Ботвинника тоже была армянка, я отпарировал: «Но позвольте, это хороший, это старый армянский коньяк, как ваша жена!» Этой фразой я прекратил поток его красноречия. Оказалось, Ботвинник обиделся. Он сообщил об этом руководителю нашей делегации Льву Абрамову, и по совету Абрамова я пошел к Ботвиннику извиняться. Не помню этой процедуры, но рассказывали, что Ботвинник был доволен. А я понял, что великие люди часто любят шутить, но неохотно принимают шутки на свой счет. А может быть, это касается только тех, у кого слабо развито чувство юмора?..

И еще одно важное соревнование в конце года. Матчи между командами Москвы и Ленинграда проводились регулярно. На сорока досках, а то и больше. В 1958 году я встретился на первой доске с Брон-

штейном, с трудом свел обе партии вничью. А в конце 1960-го года сыграл две партии с Ботвинником. Он в это время тщательно готовился к матчу-реваншу с Талем, ценил каждую партию сильным противником. Я обыграл его 1,5:0,5. Вскоре через посредников мне пришло предложение Ботвинника — принять участие в его подготовке к матчу. Такое же предложение поступило и из лагеря Таля. Подумав, я отказал обоим. Не то, чтобы мне нечemu было поучиться как у одного, так и у другого. Но меня же приглашали не учиться, а работать! И я считал: поскольку сам собираюсь бороться за мировое первенство, мое участие в том или другом лагере будет сродни шпионской деятельности. В конце XX века многие молодые гроссмейстеры были не склонны разделять мою точку зрения...

Как обычно, напряженно проходил и следующий, отборочный к межзональному чемпионату СССР. Лидировал Спасский, но в последних двух турах он проиграл — сперва мне, а потом Л. Штейну и не попал в призеры. Я, наоборот, выиграл две последние партии и занял второе место, на полочка отстав от победителя Петросяна. Сенсацией был успех молодого мастера Леонида Штейна. На следующий день

после окончания турнира в реакционной газете «Советская Россия» появилась антисемитская статья известного писателя Сафонова под заголовком «Спасский должен играть в межзональном!»

Запомнился мне турнир еще одной историей. Странная игра в каждой встрече между Геллером и Гуфельдом привлекла внимание судей. А вот выдержка из итоговой статьи помощника главного судьи Григория Гольдберга: «...Судейская коллегия решила побеседовать с “проигрывающим” участником и получила заверения, что игра будет самая добросовестная. Когда эта партия состоялась и результат повторился, внутреннее чувство подсказывало, что у “виновного” сквозь серьезный вид просвечивает радость... поражения».

Из соревнований 1961 года мне запомнился командный чемпионат Европы в Оберхаузене. Не столько потому, что я показал там абсолютно лучший результат. А потому, что в моем «личном деле» появилось темное пятно — зам руководителя делегации, человек из КГБ, подсмотрел, что я позволил себе пригласить немку в кино. И хотя в кино мы не пошли, правонарушение состоялось.

В конце года я выиграл сильный турнир в Будапеште.

Опередил на два очка разделивших второе место Бронштейна и М. Филипа. По-видимому, Бронштейн был раздосадован своей относительной неудачей. Получив денежный приз, я отправился в магазин и купил себе на радость зимнее пальто. Впервые в жизни, в возрасте 30 лет я надел настоящее зимнее пальто! А Бронштейн, оглядев меня, произнес сухо: «Производит впечатление. Швейцары будут отворять дверь...»

Начало 1962 года. Межзональный турнир в Стокгольме, историческое событие! Вот партия, которую я сыграл там с Фишером.

12. Р. Фишер – В. Корчной

Межзональный турнир,

Стокгольм 1962

Испанская партия C91

Турнир в Стокгольме явился крупнейшим успехом на международной арене гениального американца. Он с легкостью обошел всю когорту сильнейших шахматистов мира, включая и четырех ведущих советских гроссмейстеров.

Удивительно, какое мощное влияние имела советская пресса на средства массовой информации всего мира, и особенно шахматного. С ее легкой руки Фишера стали ругать во всем шахматном мире как человека, который неприлично ведет себя, устраивает сканда-

лы, нарушает элементарные правила поведения, причиняя неисчислимые проблемы как организаторам, так и участникам соревнований. Между тем, помнится мне, мало кто из шахматистов имел конкретные основания жаловаться на Фишера. За доской он вел себя безукоризненно. Всегда отлично был одет. Чуть старомодно – без ти-шортс, свитеров, спортивной обуви, столь любимых в наши дни шахматной молодежью, но с тщательностью, не упуская никаких деталей своего гардероба. Его одежда казалось легкой до изящества. Казалось, что его, юношу из Бруклина, обслуживал десяток дворецких! Ну что ж, характер человека проявляется в шахматной игре. Столь же легко и изящно он разыгрывал, как правило, шахматную партию.

Что же касается его, зачастую вызывающего, поведения в отношении организаторов соревнований, то не будем забывать: это ему в первую очередь обязаны шахматисты всего мира, что шахматы приобрели популярность, что в соревнованиях поднялись призы и в десятках стран стало возможным заниматься шахматами профессионально.

Добавим, что к советским шахматистам он всегда относился с предельным уважением – не только как к старшим

МЕЖЗОНАЛЬНЫЙ ТУРНИР В СТОКГОЛЬМЕ

27 января — 6 марта 1962 г.

по возрасту, но как к своим подлинным учителям.

1.e4 e5 2.♘f3 ♘c6 3.♗b5 a6 4.♗a4 ♗f6 5.0-0 ♗e7 6.♗e1 b5 7.♗b3 0-0 8.c3 d6 9.d4.

Интересен выбор дебюта Фишером. В то время в СССР входила в моду система Смыслова: 9.h3 h6 10.d4 ♗e8... Както в начале турнира я показал эту систему Фишеру. «Что, h7-h6?! — сказал он. — Да ведь это слабость на королевском фланге!» Все равно — я сыграл эту систему, сделал ничью с Глигоричем. А Фишер, как видим, ушел с главной теоретической дороги — 9.h3, уклонился от проверки приемлемости идеи Смыслова...

9...♗g4 10.♗e3.

Одно из проверенных, солидных продолжений. В конце XX века более популярно было 10.d5 ♗a5 11.♗c2 c6 12.h3.

10...ed.

Главное теоретическое продолжение. Но сдача центра, как правило, выгодна стороне, имеющей перевес в развитии. Более активное продолжение — 10...d5!? После 11.de ♗:e5 12.ed ♗:f3+ 13.gf ♗h5 или 12...♗:f3 13.gf ♗d7 у черных в обоих случаях хорошая компенсация за пешку.

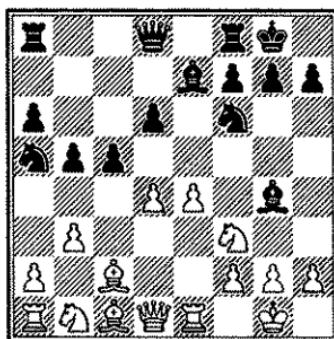
11.cd ♗a5 12.♗c2 ♗c4.

Аккуратнее здесь 12...c5, сохраняя возможность пойти конем на с4 в более удачный момент или вернуться конем на с6.

13.♗c1 c5 14.b3.

Все это — теория, которая насчитывает многие десятки лет. В этом положении у черных дилемма — пойти на b6 (где, по утверждению З. Тарраша, «конь всегда стоит плохо») или вернуться конем на a5, с намерением поставить его на отличную стоянку, на с6.

14...♗a5.

15.d5!

Новинка! Все-таки лучше было 14...♗b6. Теперь конь на долгое время оказывается вне игры. И опять вспоминается Тарраш: «Одна фигура стоит плохо — вся партия стоит плохо».

Отвлечемся на минутку от партии. Турнир вызвал громадный интерес в Советском Союзе. Результаты его были восприняты большинством с огромным удовлетворением. Отныне — и на десятки лет вперед — Фишер стал любимцем советской шахматной публики. Не будем отрицать: шахматы уже давно не игра королей, как

было когда-то, в них играют все — и крестьяне, и люмпены. И все-таки основное ядро и шахматных мастеров, и шахматной публики — это интеллигенция, мыслящая часть общества. А ей, советской интеллигенции, уже давно было противно слушать о блестящих победах замечательных гроссмейстеров великого Советского Союза. За Фишера стали болеть миллионы советских людей.

После турнира в Ленинграде, в одном из так называемых «домов культуры» организовали встречу участников межзонального с публикой. Помнится, громадный зал, примерно на полторы тысячи человек, был забит до отказа. Я продемонстрировал свою партию с Фишером, с неплохими комментариями. Мое выступление понравилось. Оно способствовало популярности не только Фишера, но и моей собственной!

А мои комментарии были опубликованы в газете «Шахматная Москва». Они произвели хорошее впечатление на Фишера, и позднее были им использованы без серьезных изменений в книге «Мои 60 памятных партий». Об освещении там моей партии я еще выскажусь.

15... $\mathbb{Q}d7$.

Неудовлетворительно 15... $\mathbb{Q}:e4$ 16. $\mathbb{L}:e4$ $\mathbb{Q}:f3$ 17. $\mathbb{W}:f3$ $\mathbb{Q}f6$

18. $\mathbb{Q}c3$ $b4$ 19. $\mathbb{A}b2$ bc 20. $\mathbb{Q}:c3$, и в итоге операции черные, разменяв большинство легких фигур, остаются со своим не имеющим ходов конем против активного белопольного слона белых.

16. $\mathbb{Q}bd2$.

Это аккуратнее, чем 16. $\mathbb{A}b2$, после чего 16... $\mathbb{Q}f6$ 17. $\mathbb{Q}:f6$ $\mathbb{W}:f6$ 18. $\mathbb{Q}bd2$ $\mathbb{Q}e5$ 19. $\mathbb{Q}e3$ $c4$ позволяет черным получить более активное положение, чем случилось в партии.

16... $\mathbb{Q}f6$ 17. $\mathbb{Q}b1$ $c4$.

Черные предпринимают отчаянную попытку активизировать своего ферзевого коня: на 18. $b4$ последует 18... $c3$ 19. ba cd 20. $\mathbb{Q}:d2$ $\mathbb{Q}e5$ с компенсацией за потерянную пешку.

18. $h3$!

Важный ход. В случае отступления слона на $h5$ ход $b3-b4$ будет выглядеть много сильнее.

18... $\mathbb{Q}:f3$.

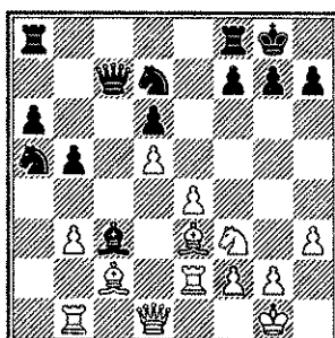
Вообще, слонов так просто, с легким сердцем не отдают, но не хотелось замедлять темп контригры черных. Да и после 18... $\mathbb{Q}h5$ 19. $g4$ (именно так собирался сыграть Фишер!) слон на $g6$ выглядел бы далеко не красавцем.

19. $\mathbb{Q}:f3$ cb 20. ab $\mathbb{W}c7$ 21. $\mathbb{Q}e3??$

Игре «раннего Фишера» свойственны порой ходы, сделанные не конкретно, а из общих соображений. Как сейчас: 21. $\mathbb{A}d2$, чтобы воспрепятствовать

вать черным сыграть b5-b4, было много сильнее. Заслуживало внимания и 21... $\mathbb{E}e2!$? с идеей уже на следующем ходу поставить коня на d4, тоже с очевидным перевесом у белых.

21... $\mathbb{A}c3$ 22. $\mathbb{E}e2$.

22...b4.

Используя допущенную противником неточность, черные организуют игру по черным полям. Временно, и на длительный срок, пассивной фигурой оказывается слон с2.

23. $\mathbb{Q}d4$ $\mathbb{E}fe8$.

К этому ходу все комментаторы ставят вопросительный знак. После 23...g6, указывают они, игра равна. Я вообще с крайним недоверием отношусь к ходам, ослабляющим пешечную защиту короля. Но учитывая, что этот ход все же пришлось сделать, принимая во внимание, что белым после 23...g6 пришлось бы радикально перестраивать свои ряды для развития инициативы, они, комментаторы, правы. И Фишер тоже в своей книге дает

понять, что после 23...g6 игра равна.

Что ж, придется признать, что схоластическая оценка, неконкретный подход к возникающим на доске позициям — один из моих недостатков...

24. $\mathbb{Q}f5$ $\mathbb{Q}b7$ 25. $\mathbb{Q}d4$.

Последние ходы белых было нетрудно предвидеть. Теперь грозит 26. $\mathbb{Q}g7$. Черные вынуждены ослабить свой королевский фланг.

25...g6 26. $\mathbb{Q}h6+$ $\mathbb{Q}f8$ 27. $\mathbb{Q}c1$

Белый конь расположился в непосредственной близости от черного короля. Но последним, сильным ходом белые напоминают противнику, что его проблемы не только на королевском фланге, но и по линии «с».

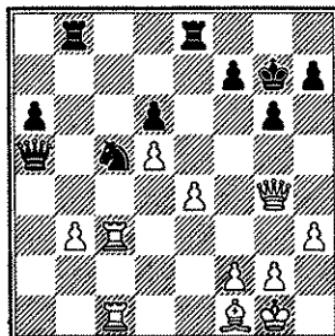
27... $\mathbb{Q}ac8$ 28. $\mathbb{Q}d3$.

В примечаниях, написанных вскоре после окончания турнира, я указываю, что точнее было бы 28. $\mathbb{Q}e3!$? с идеей разменяться на с3 и потом выиграть пешку с, или после разменов на с3 сыграть $\mathbb{Q}a1$ и $\mathbb{W}d3$ и забрать пешку а6. Фишер в своей книге цитирует это примечание слово в слово. Между тем, и ход Фишера неплох.

28... $\mathbb{W}a5$ 29. $\mathbb{Q}ec2$ $\mathbb{Q}e5$
30. $\mathbb{Q}f1$ $\mathbb{Q}c5$.

Наконец, ценой пешки черные расставили свои фигуры нормально, на лучшие позиции. И есть даже надежда, что пешку удастся отыграть. Но инициатива все-таки остается у белых!

31. $\mathbb{A}:c3$ bc 32. $\mathbb{B}:c3$ $\mathbb{G}g7$
 33. $\mathbb{B}g4$ $\mathbb{Q}:g4$ 34. $\mathbb{W}:g4$ $\mathbb{B}b8$.

Теперь у белых под ударом две пешки. Похоже, материальный перевес им не удержать. Но проблемы у черных не исчезли. Их фигуры действуют не очень согласованно, пешки ab и d6 слабы, король защищен недостаточно.

35. $\mathbb{B}f3$.

Этот ход комментаторы не удостоили вниманием. А выглядит он довольно коряво — ведь место ладей на седьмом ряду, а не на третьем. А вот 35. $\mathbb{W}f4$ смотрится более солидно. Тогда не годилось взятие ладьей на e4 из-за 36. $\mathbb{W}:d6$. Нехорошо и 35... $\mathbb{Q}:e4$ 36. $\mathbb{B}c7$ $\mathbb{Q}f6$ 37. $\mathbb{W}:d6$ — белые оставались с лишней пешкой. На 37... $\mathbb{W}:d5$, кроме 38. $\mathbb{W}:d5$ $\mathbb{Q}:d5$ 39. $\mathbb{B}a7$, возможно и энергичное 38. $\mathbb{B}:f7$ $\mathbb{Q}:f7$ 39. $\mathbb{B}c4$ или 38... $\mathbb{W}:f7$ 39. $\mathbb{B}c7$. А в случае 35... $\mathbb{B}:b3$ наряду с 36. $\mathbb{B}:b3$ $\mathbb{Q}:b3$ 37. $\mathbb{B}c6$, после чего белые во всех вариантах выигрывали пешку, есть и заманчивая жер-

тва качества: 36. $\mathbb{B}:c5$!? dc 37. $e5$. Правда, жертва эта, где конкретный расчет вариантов затруднен, была бы не в стиле Фишера, а, скорее, Михаила Таля.

Почему же Фишер, который в Стокгольме находился в отличной форме, предпочел 35. $\mathbb{B}f3$? Видимо, потому, что я был в сильнейшем цейтноте, а ход ладьей связан с ловушкой: 35... $\mathbb{B}:e4$? 36. $\mathbb{B}:c5$ $\mathbb{W}b4$ 37. $\mathbb{W}d7$ с выигрышем.

35... $\mathbb{Q}:e4$ 36. $\mathbb{W}f4$ f5.

Этот ход ослабляет расположение черного короля. Я указываю, что лучше 36... $\mathbb{B}b7$, но не подкрепляю свое примечание анализом. После 37. $\mathbb{B}d3$ $\mathbb{Q}c5$ 38. $\mathbb{W}:d6$ $\mathbb{Q}:b3$ (недостаточно 38... $\mathbb{B}e1+$ 39. $\mathbb{B}:e1$ $\mathbb{W}:e1+$ 40. $\mathbb{B}h2$ $\mathbb{Q}:d3$ 41. $\mathbb{W}f6+$ $\mathbb{B}g8$ 42. $\mathbb{B}:d3$) 39. $\mathbb{W}:a6$ (не годится 39. $\mathbb{B}:a6$ $\mathbb{Q}:c1$ 40. $\mathbb{W}f6+$ $\mathbb{B}g8$ 41. $\mathbb{B}:b7$ $\mathbb{W}c7!$, и белые теряют фигуру; или 40. $\mathbb{B}:b7$ $\mathbb{W}a1$ 41. $\mathbb{B}h2$ $\mathbb{Q}e2$, и выигрывают черные; недостаточно и 39. $\mathbb{B}b1$ $\mathbb{B}e1+$ 40. $\mathbb{B}:e1$ $\mathbb{W}:e1+$ 41. $\mathbb{B}h2$ $\mathbb{W}e7$ 42. $\mathbb{W}:a6$ $\mathbb{W}e5+$ 43. $g3$ $\mathbb{W}:d5$ или 43. $\mathbb{B}g3$ $\mathbb{Q}c5$, вскоре выигрывая пешку d5) 39... $\mathbb{W}:a6$ 40. $\mathbb{B}:a6$ $\mathbb{Q}:c1$ 41. $\mathbb{B}:b7$ $\mathbb{B}e1+$ 42. $\mathbb{B}h2$ $\mathbb{B}d1$ черные фигуры очень активны, но все еще не ясно — удастся черным спасти этот эндшпиль или нет...

37. $\mathbb{B}e3$?

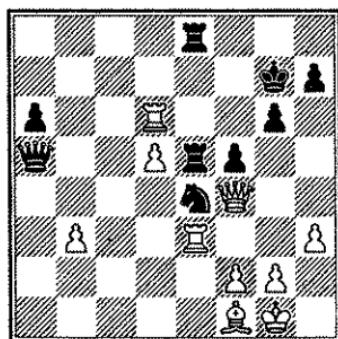
Комментарии Фишера в его книжке производят удручающее впечатление. Не знал он,

не догадывался, что его книжка станет бестселлером, что сто тысяч экземпляров ее в три дня будут раскуплены в Советском Союзе, иначе, наверно, поработал бы лучше, готовя свои 60 партий! Мои примечания он переписывает, не вдаваясь в серьезный анализ, а я по свежим рубцам недавно полученной раны склонен переоценивать шансы черных. Между тем, вместо бесцветного хода ладьей сыграй белые по-другому, и позиция черных выглядела бы незавидно. Напрашивались ходы 37.Лс6 и, особенно, 37.Лd3. Дело в том, что взять на d5 черные не могли из-за шаха на с7 с последующим Лh6. Заодно ход слоном предупреждал намеченный черными ход ладьей на e5 — из-за ответа Л:e4.

37...Лe5! 38.Лc6 Лbe8.

Последовавший удар белых можно было предупредить ходом g6-g5, но в сильном цейтноте я зевнул, что теряю пешку d6.

39.Л:d6!

39...Лa1??

А здесь 39...Лg5 было единственным ответом и вело к равной позиции. После 40.Лd7+ (не 40.Лg3? Лh8) 40...Лg6 41.Лf3 Лb6 с угрозами Л:f2 или Лf6 белые должны играть аккуратно, чтобы не проиграть. Раздосадованный результатом партии, я после домашнего анализа предложил Фишеру пари, что после правильного 39...Лg5 он не спасется. На 100 долларов. Он дружелюбно улыбнулся и сделал легкий отрицательный жест. Пари не состоялось.

В своей книге он неплохо проанализировал позицию после 41...Лb6, указал, что сомнительно 42.Лd3 или 42.g4 ввиду 42...Л:f2. И указал лучший ответ, который, кстати, ускользнул от моего внимания — 42.Лe2! После 42...Л:f2 43.Л:e5 не годится 43...Л:h3+ 44.Лh2 Лg1+ 45.Лg3, и белые выигрывают. А после 43...Лe4+ или 43...Лg4+ получалась ничья...

40.Л:a6 Лd4 41.Лd3.

Цейтнот окончился, но черным пора сдаваться. В книжке Фишера вступление к каждой партии написано Ларри Эвансом, известным гроссмейстером и журналистом. Вступление к этой партии было озаглавлено Эвансом «Гастон и Альфонс». Если бы вступление писал сам Фишер — человек довольно искренний, он вряд

ли бы выбрал такое заглавие. Ведь как получилось-то: храбрый Гастон всю партию гонялся за пешками Альфонса, а едва скаредный Альфонс ослабил внимание, он две пешки схватил и принудил Альфонса к сдаче...

**41...♗b2 42.d6 g5 43.♗e3 f4
44.♗a7+.**

Черные сдались.

Я всегда был в хороших отношениях со Штейном, но здесь в межзональном он был моим главным конкурентом. Мест на выход в турнир претендентов было много, но для советских не более трех. Геллер и Петросян шли впереди, а мы с Штейном вровень, по-отстав от закадычных друзей. Все решал последний тур. Штейн проиграл отличную позицию Ф. Олафссону, а я наоборот — в обоюдном цейтноте спас проигранную позицию против Д. Яновского. Мне показалось, что Яновского готовил к партии Фишер — как противника в турнире претендентов он меня побаивался...

Турнир претендентов проводился на Кюрасао — колонии Голландии, маленьком острове в Карибском море, невдалеке от экватора. Петросян и его люди продумали все детали, чтобы достигнуть успеха. Руководителем делегации был Ю. Авербах — друг Петросяна, иногда и его аналитический помощник. Единственным

тренером, прианным участникам турнира, был И. Болеславский, в будущем — личный тренер Петросяна. Предстояло сыграть 4 круга — 28 партий. Марафонская дистанция, да еще в тропических условиях. Петросян договорился с Геллером сделать без игры все ничьи в партиях между собой. В свою коалицию они уговорили вступить и Кереса. Сократить чудовищно длинную дистанцию на 8 туров было большим преимуществом перед другими участниками. Все же мне кажется, что Керес допустил ошибку. В то время он был сильнее всех. Делать ничьи со своими основными конкурентами ему было невыгодно. Будь он похитрее, узнав о сговоре Геллера с Петросяном, он должен был поискать другой союз.

В середине турнира в составе так называемой туристской группы приехали жены советских участников. Жена Петросяна активно включилась в помочь своему супругу. Судейская коллегия не раз делала ей замечания за попытки во время игры сообщать мужу мнение пресс-центра о его позиции.

Усталость медленно подкрадывалась к простодушным участникам турнира. Все слабее с каждой партией играл Филип, после третьего круга на почве страшной усталости заболел и выбыл из турнира Таль.

У меня усталость начала сканываться уже во втором круге. Я лидировал, но в конце второго круга грубым зевком проиграл партию Фишеру. Двухнедельный отдых после первой половины турнира в непривычных тропических условиях на острове Сан-Мартен не помог. В следующем круге я проиграл подряд трем лидерам. Это дало повод Фишеру по окончании соревнования заявить в прессе, что я был принесен в жертву советской делегацией. А выигрыш у меня во втором круге, разве Фишер заслужил его?! После турнира Фишер выступил в прессе и обвинил Геллера, Петросяна и Кереса в сговоре. Против него! Понятно, он был единственным, кто мог что-то сказать во всеуслышание. Но, как я себя помню,

и до Кюрасао, и после того турнира мне приходилось бороться против всяческих трюков, тайных и явных — Петросяна. И Фишеру следовало быть объективнее. Сговор был задуман против Корчного, Фишера и Таля! И поскольку ни один из этих трех не оказался в своей лучшей форме, заговор достиг цели — все трое провалились! А решающей в борьбе за победу в турнире оказалась партия четвертого круга П. Бенко — Керес. Она была отложена с небольшим перевесом у Бенко. При посредничестве жены гроссмейстер Петросян принял участие в кропотливом ночном анализе. Бенко выиграл. Петросян вышел на матч с Ботвинником. Керес и Геллер отстали на полочка.

Глава 5

ПРЕПЯТСТВИЯ

На Кюрасао в состав советской делегации входил человек по фамилии Горшков, по-видимому, крупный чин КГБ. По возвращении в Москву он написал докладную, где отметил мое неблаговидное поведение. На этот раз я провинился, посетив казино. Грехи накапливались в личном деле, возникли трудности с оформлением выездов за границу. Не помогали и отличные результаты, даже звания чемпиона СССР оказывалось недостаточно, чтобы пробивать бюрократический заслон. Вообще, я не был любимчиком начальства. Когда в 1957 году в связи с сорокалетием советской власти гроссмейстеров награждали правительственными наградами, единственными, кто не получил ни ордена, ни медали, оказались Левенфиш и я. Шахматная федерация СССР даже не представила меня на участие в Олимпиадах 1962 и 1964 годов. Между тем, в конце 1962 года я снова выиграл чемпионат СССР. В 1977 году я узнал такую историю. Летом

1963 года готовился турнир в Лос-Анджелесе, т.н. «Кубок Пятигорского». Григорий Пятигорский — знаменитый виолончелист, покинувший Советскую Россию в 1921-м году. Американцы пригласили в турнир Кереса и Корчного, прислали два билета. На заседании шахматной федерации Петросян заявил, что чемпион мира — он, и он, чемпион мира, хочет играть в этом турнире. Сообщили американцам требование чемпиона, и они прислали третий билет. Об этих событиях я не знал, не догадывался. Поскольку по моему билету отправилась в Штаты жена Петросяна. Все это рассказала мне в Лос-Анджелесе вдова Пятигорского.

Вообще, советские власти были заинтересованы, чтобы советский народ поменьше выезжал за пределы страны, чтобы не имел возможности сравнивать свою жизнь с жизнью других стран и народов. Намеренно плохо было поставлено изучение иностранных языков, советский рубль

нельзя было обменять на другие деньги. Трудно было представить себе, как можно посетить другую страну без помощи советских государственных учреждений. Оформление выездов за границу было многоступенчатым и строго секретным. Конкретно — сперва шахматная федерация рекомендовала шахматиста на выезд, а потом его проверяли: в его спортивном обществе, в райкоме компартии, в Спорткомитете СССР, в Комиссии по выездам ЦК КПСС. И если где-то случалась заминка, где-то кто-то выступал против рекомендованного на выезд — проверить это, устраниТЬ проблему было невозможно. Что касается меня, то я не без основания опасался, что кто-то в шахматном мире регулярно вставляет мне палки в колеса...

С большим трудом мне, двукратному чемпиону СССР, удалось осенью 1963 года вырваться на турнир на Кубу. Очень помогло мне прорвать заслон мое спортивное общество «Труд» и шахматный руководитель «Труда» Григорий Гольдберг.

Турнир был трудным, но я его все-таки выиграл. А помимо турнира была масса впечатлений. И политических уроков...

Как-то ночью нам с Талем захотелось чего-нибудь поесть, выпить. В сопровождении со-

ветника посольства Симонова мы разыскали расположенный прямо на улице бар. Хозяин, обслуживая нас, спросил, кто мы такие. «Nosotros somos especialistas checoslovacos», — ответил Симонов («чехословацкие специалисты»). Мы спросили — почему он так ответил? «Видите ли, сейчас три часа ночи... Советские ответственны за все!»

А вот еще одна история — так сказать, предмет для размышления. Я делал успехи в испанском языке и частенько бывал переводчиком у Таля и Геллера. Но вот в вестибюле отеля меня встретила молодая интересная женщина. Я узнал ее — она бывала на турнире.

— Я хотела бы сегодня вечером увидеться с Талем, — сказала она.

— Это невозможно, у него вскоре встреча с Симоновым.

— О, я знаю Симонова, скажите ему, что вечером мне нужно видеть Таля, и проблема решена.

— Нет, если уж Таль встретится с вами, то в посольстве знать об этом не должны.

— Но почему?! Ведь мы, я и моя подруга, коммунистки, мы поддерживаем вас!

На этот вопрос я замялся с ответом. Действительно, почему?

— Ну, у советских особые правила поведения, им нельзя за границей...

XXX ПЕРВЕНСТВО СССР

Ереван, 21 ноября – 20 декабря 1962 г.

Участники	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	О	М	
1. В. Корчной	=	1	=	1	1	1	=	0	1	1	1	1	1	=	=	=	=	=	=	=	1	14	1
2. М. Тайманов	=	0	=	=	1	1	1	1	1	1	1	1	1	=	1	=	1	=	1	=	1	13,5	2-3
3. М. Таль	0	1	=	1	0	1	=	1	1	1	1	1	1	=	1	1	=	1	=	1	1	13,5	2-3
4. Р. Холмов	=	0	0	1	1	1	=	=	=	=	1	1	1	=	1	1	=	1	1	=	1	13	4
5. Б. Спасский	0	1	=	1	0	0	=	1	1	1	1	1	1	=	1	1	=	1	1	=	1	12,5	5
6. Л. Штейн	0	=	0	1	0	=	1	1	=	1	1	1	1	=	1	0	=	1	1	=	1	11,5	6
7. А. Банник	0	=	0	0	1	1	=	0	1	=	1	1	1	=	0	1	=	1	1	=	1	10,5	7-8
8. Л. Аронин	=	0	1	0	0	=	1	=	1	1	0	0	0	=	1	1	=	1	=	=	1	10,5	7-8
9. Ю. Кол	=	0	0	=	=	1	0	=	=	1	1	1	1	=	0	1	=	1	=	=	1	10	9
10. В. Микенас	1	0	=	0	0	=	=	0	=	=	1	1	1	=	1	0	1	=	1	=	1	9	10
11. Н. Кротиус	0	0	=	0	=	0	=	1	=	=	=	=	=	=	1	1	=	1	=	=	1	8,5	11
12. А. Зайцев	0	0	=	=	=	0	=	0	=	0	=	0	=	0	1	1	=	0	1	=	1	8	12-15
13. А. Новопашин	0	0	=	0	=	0	=	0	=	1	1	1	1	=	1	1	=	1	=	=	1	8	12-15
14. А. Суэлин	0	0	0	=	0	1	1	=	=	0	0	0	0	=	0	1	=	0	1	=	1	8	12-15
15. В. Шияновский	=	0	0	=	0	1	1	0	=	0	0	1	1	=	1	0	=	1	0	=	1	8	12-15
16. Г. Ходос	=	0	0	=	0	0	1	1	=	0	0	0	0	=	0	1	=	1	1	=	1	7	16
17. А. Корелов	=	0	0	0	1	=	=	0	0	=	0	0	0	=	0	1	=	1	0	=	1	6,5	17-18
18. Э. Мнацаканян	=	0	=	0	0	0	=	0	0	=	0	1	1	=	1	0	0	=	0	=	0	6,5	17-18
19. И. Зайцев	0	=	0	0	0	0	=	0	0	=	0	0	0	=	0	1	=	1	=	0	6	19	
20. В. Савон	0	=	0	0	0	0	=	0	0	=	0	0	0	=	0	0	=	1	1	=	1	5,5	20

— Но ведь Спасский, который был здесь в прошлом году, встречался с девушками!

— Вот поэтому его и нет здесь сейчас, в этом году.

— Что же это такое?! — возмущенно воскликнула она. — Запрещено любить?!

Да, «prohibido amar»... многое было «prohibido» в Советском Союзе...

Шахматы на Кубе курировал тогда министр индустрии Эрнесто Че Гевара. Он произвел на меня неплохое впечатление — вел себя довольно естественно, не кичился своими регалиями. Три раза он играл со мной в сеансах. Руководитель шахматной федерации Кубы Барерас приходил ко мне, просил сделать ничью с Геварой, но я был непреклонен. Я обыграл его все три раза. Таль вспоминал потом, мол, после одного сеанса я сказал, что был близок сделать ничью со знаменитым человеком, но, «к сожалению, он понятия не имеет о каталонском начале!»

Трудный турнир, не слишком здоровый режим в течение того месяца — баккарди, сигары, напряжение 21-й партии — все это плохо на мне отразилось. У меня открылась язва желудка. Пришла пора участвовать в важном, отборочном чемпионате СССР, а я находился на диете. Ну весь турнир я держался, был в верхней половине таблицы, но на фи-

нише впервые в жизни не выиграл, как обычно, последние две партии, а проиграл их...

Дополнением к чемпионату был задуман зональный турнир. Там должны были играть 6 победителей первенства, Смыслов — ради него эта система и устраивалась, чтобы ему не выступать в чемпионате СССР, — а восьмым участником, «за совокупность успехов» допустили меня. И вдруг на кануне турнира Смыслов написал заявление в шахматную федерацию СССР с просьбой допустить его прямо в межзональный. Федерация не удовлетворила его пожелание. Тогда Смыслов пошел выше, к друзьям в правительстве. Крутые люди в руководстве страны вынесли решение: прихоть экс-чемпиона мира удовлетворить, а председателю федерации Б. Родионову вынести выговор за неправильное поведение. Возмущенные участники зонального решили объявить забастовку — не играть. Но нашелся штрайкбрехер. Спасский отказался поддержать забастовку, наложив таким образом вето на готовое вспыхнуть восстание. Жаль! Молодой Спасский был целиком под влиянием Бондаревского — циника, сталиниста...

Занимательная личность — Смыслов. К помощи своих болельщиков в правительстве он обращался не раз. И всегда с

успехом. Охотно занимал места, ему не предназначенные, выталкивая оттуда своих товарищей-гроссмейстеров. В 1968 году он вытолкнул из олимпийской команды Талия, в 1976 году из межзонального турнира — Г. Кузьмина. Нужно, наверно, очень верить в свои неписаные права, в свою исключительность, чтобы так всех отталкивать. А в марте 1977 года, когда Советский Союз уже вовсю бойкотировал меня — он встречался со мной, пожимал мне руку при встрече. Было очень приятно, но меня не покидала мысль: чтобы так себя вести, нужно тоже верить в свою исключительность... Но вот однажды, когда мне захотелось ему помочь, подарить какую-то мелочь, я заметил в его ответном поведении недоверие — что-то, что напомнило мне мою историю с долотом... Видите, человеческое существо — нечто очень сложное. Красок семи цветов радуги не хватает для его описания.

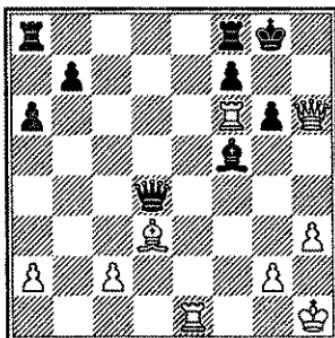
Я проиграл зональный турнир. Запомнилась мне там блестящая партия, выигранная у меня Штейном. Талантливый человек покинул этот мир, не достигнув сорока лет. А теперь так не атакуют — предпочитают жертвовать чужие фигуры, а не свои... Этой партии не повезло. После моего бегства все, связанное со мною, ста-

рались искоренить из памяти людей. Книги, где упоминалось мое имя, изымались из библиотек и не принимались в букинистических магазинах, сыгранные мною партии перестали публиковать. И эту партию тоже...

13. Л. Штейн — В. Корчной Москва 1964

Сицилианская защита B84

1.e4 c5 2.¤f3 d6 3.d4 cd 4.¤:d4
 ¤f6 5.¤c3 a6 6.¤e2 e6 7.0-0
 ¤e7 8.f4 ¤c7 9.¤e1 0-0 10.¤g3
 ¤b6 11.¤e3 ¤b2 12.¤f2 ¤b4
 13.e5 de 14.fe ¤e8 15.¤d3 ¤a5
 16.¤e4 ¤d7 17.¤f3 g6 18.¤d4
 ¤g7 19.¤f6+ ¤:f6 20.ef ¤h5
 21.¤h4 ¤d8 22.¤ae1 ¤d:f6
 23.¤g5 e5 24.¤:e5 h6 25.¤:f6
 hg 26.¤:g5 ¤:f6 27.¤:f6 ¤d4+
 28.¤h1 ¤g4 29.¤h6 ¤f5 30.h3
 ¤d4.

31.¤:f5 gf 32.¤e3 ¤g7
 33.¤h4 ¤a1+ 34.¤h2 ¤fe8
 35.¤g3+ ¤f8 36.¤h6+ ¤e7
 37.¤e3+ ¤d7 38.¤:f5+ ¤c7
 39.¤f4+ ¤c6 40.¤c4+ ¤d6
 41.¤b4+ ¤d5 42.¤d3+ ¤e5

**43. ♜d6+ ♔:f5 44. ♜f3+ ♔g5
45. ♜f4+ ♔h5 46. g4+ ♔g6
47. ♜:f7+. Черные сдались.**

Где-то в начале 1963 года я задумался о преимуществах и недостатках своего защитного стиля. Не с точки зрения практической; меня волновали, скорее, философские, психологические аспекты. Защищающийся шахматист намеренно передает инициативу противнику, действует, приспособливаясь к нему, вынужденный отвечать на каждую агрессивную задумку противника. Стиль шахматиста должен бы соответствовать характеру, отражать его особенности. Мне было ясно, что в жизни я совсем не такой, как в шахматной игре. Я активен, не скрываю своих намерений, я агрессив! Видимо, меня неправильно обучили играть, мне пора переучиваться! Бороться за инициативу в партии, а не только обезоруживать ее. Навязывать противнику свою волю! На длинном отрезке времени это, бесспорно, должно было принести и практический успех.

Я стал учиться играть активно. Проходили годы. Вероятно, я так и не развел искусство борьбы за инициативу до того уровня, как хотелось бы, по-прежнему защитные ходы находились легче, быстрее, чем активные, но игра более-менее выровнялась. В очередном

чемпионате страны я уже играл чуть по-другому, чем в 1960 году, и с легкостью занял первое место!

Еще во время чемпионата я получил письмо с приглашением принять участие в апреле в сильном турнире в Загребе. Я хотел туда поехать. Но в шахматной федерации решили по-другому: через 10 дней я должен был отправиться на турнир в Венгрию. Нормально-му человеку нетрудно себе представить, что в феврале можно сыграть в Венгрии, а в апреле — в Югославии. Но в среднем советский гроссмейстер имел два выезда за границу в год. Ясно было, что в моем случае одна поездка исключает другую. Я был настроен ехать в Югославию. Меня вызвали в Спорткомитет. Зам председателя Казанский говорил красиво: «Вы понимаете, в Будапеште прошли советские танки. Вам, чемпиону страны, поручено, образно говоря, прикрыть своим телом дыры в домах, проделанные ими». Но я наотрез отказался. В Венгрию я не поехал, в Загреб меня не послали тоже.

Зато турниры в пределах СССР были мне доступны. Турнир в Ереване, столице Армении, был задуман, чтобы чествовать чемпиона мира армянина Петросяна. Он подбирал участников, назначал время турнира, судей, место игры. Он

XXXII ПЕРВЕНСТВО СССР
 Киев, 25 декабря 1964 – 27 января 1965 г.

Участники	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	О	М		
1. В. Корчной	1	=	1	1	=	1	=	1	=	1	=	1	=	1	=	1	=	1	=	1	=	15	1	
2. Д. Бронштейн	0	1	0	0	=	=	1	1	1	1	=	=	=	=	1	1	1	1	1	1	13	2		
3. М. Таль	0	0	=	=	1	=	1	0	1	1	=	1	=	1	=	1	=	1	=	1	12,5	3		
4. Л. Штейн	=	1	=	=	=	0	1	1	=	1	1	=	1	0	=	=	=	1	=	1	12	4		
5. Р. Холмов	0	1	=	=	=	1	=	=	=	=	=	=	=	1	=	1	=	1	=	1	=	11,5	5-6	
6. Л. Шамкович	0	=	0	=	=	1	=	=	=	1	1	0	=	1	1	1	1	1	=	1	=	11,5	5-6	
7. А. Лейн	0	=	1	0	0	=	=	=	=	=	1	=	1	=	1	=	1	1	1	1	11	7		
8. Н. Кроплюс	=	=	0	0	=	=	=	=	=	=	1	=	=	1	=	1	=	1	=	1	=	10,5	8-9	
9. А. Лутиков	0	0	1	0	=	=	=	=	=	1	1	=	=	=	=	=	=	1	1	=	1	=	10,5	8-9
10. Ю. Аврбах	0	0	=	=	=	=	=	=	=	1	=	=	=	=	=	=	=	1	=	=	=	9	10-11	
11. В. Оснос	=	0	=	=	=	=	=	=	0	0	=	=	=	=	=	=	=	1	1	1	1	9	10-11	
12. Г. Борисенко	=	0	=	0	=	0	=	0	=	0	1	=	0	1	1	1	1	1	1	=	1	=	8,5	12
13. Е. Васютин	0	0	=	0	0	=	=	=	0	1	=	1	1	1	0	1	0	1	1	1	1	=	8	13-14
14. А. Суетин	=	0	0	=	1	0	=	=	=	0	=	0	=	0	=	=	=	0	=	1	=	1	8	13-14
15. А. Петерсон	0	=	0	0	=	0	=	=	=	0	0	1	=	0	=	=	=	=	=	=	=	1	7,5	15-17
16. А. Банник	=	=	1	=	0	0	=	=	=	0	=	0	=	0	=	0	=	0	=	0	=	0	7,5	15-17
17. Ю. Сахаров	0	=	0	=	0	=	=	=	0	=	0	=	0	=	0	=	1	1	=	1	=	1	7,5	15-17
18. Б. Гольденов	0	0	=	0	0	=	0	0	=	0	1	=	0	=	0	=	0	1	=	1	=	6,5	18	
19. Н. Бакулин	=	0	=	0	0	=	0	0	=	0	0	=	0	=	0	=	0	1	=	1	=	5,5	19-20	
20. В. Лявданский	=	0	0	=	0	0	=	=	0	=	=	0	=	0	=	0	1	0	=	0	=	0	5,5	19-20

должен был выиграть этот турнир. Несколько опрометчиво он включил в число участников трехкратного чемпиона СССР. Борьбы не получилось. Я без труда занял первое место, опередив на очко Петросяна и Штейна. Ну, что тут поделаешь?! Кое-что, конечно, можно было сделать, чтобы испортить настроение победителю. Жена Петросяна позвонила моей жене и с удовольствием сообщила, что во время турнира у меня была любовница... А я за эту сплетню расплатился с Петросяном. В традиционном матче Ленинград — Москва в конце года я выиграл у Петросяна обе партии.

Несмотря на то, что «Родина-мать» относилась ко мне с каждым годом все хуже, я по-прежнему держался за нее, как грудной ребенок. Летом 1965 года проходило командное первенство Европы в Гамбурге. После него ряд шахматистов пригласили дать сеансы. Мы с Геллером отправились в

маленький городок на севере Германии. Нас встретил организатор — пожилой человек, который знал русский язык; он выучил его, слушая радио. Мы разговаривали втроем по-русски. Но, уяснив, что экономист с Дерибасовской не силен в языках, немец перешел на английский и прямо в присутствии Геллера предложил мне остаться в Германии, пообещал оказать помощь в моих первых шагах в новую жизнь. Я ответил ему, что шахматисты в СССР — очень привилегированные люди, и в мягкой форме отклонил предложение. Что сказать по этому поводу?! Не созрел еще я политически, не использовал удобнейший момент...

Шахматист все же мыслит весьма логично. Явно или подсознательно. Коль скоро я отказался бежать из страны, я по приезде предпринял шаги, чтобы облегчить себе оформление выездов за границу. Я вступил в компартию!

Глава 6

ГАВАНА, СУС, АМСТЕРДАМ. СОБЫТИЯ ШАХМАТНЫЕ И НЕ ТОЛЬКО...

Мне довелось побывать на Кубе трижды: в 1963, 66 и 69 годах. И с каждым приездом я замечал: Кубе все труднее поддерживать свое экономическое положение, жизнь на Кубе все тяжелее для народа. Что ж, Куба сама выбрала свой путь — она с Советским Союзом, она зависит от него...

Олимпиада на Кубе 1966 года. Соревнование проводится под покровительством правительства Кубы, при его всяческой и, конечно, финансовой поддержке. Команда СССР живет в отличном отеле «Гавана Либре», в прошлом «Гавана Хилтон», у команды отличный переводчик — личный переводчик с русского Фиделя Кастро. Правда, перед самым началом игр случилось чрезвычайное происшествие. Мы с Талем ночью — конечно, без ведома и разрешения начальства — решили погулять. Зашли вместе с кубинскими шапочными знакомыми в ночной бар; и здесь, в то время, когда Таль танцевал с моло-

дой кубинской женщиной, его ударили по голове бутылкой! Окровавленного Таля и меня привезли в больницу, туда же под утро приехал и переводчик. Талю промыли рану над глазом, наложили швы. Всех, кто был в баре — 43 человека — отправили в кубинский комитет безопасности. Один юноша сознался, что нанес удар из ревности. А в отеле с утра — заседание команды. Таль получил свое за непослушание — могучий удар, как вы понимаете, читатель. А критикуют меня — ослабил команду накануне решающих встреч: вечером матч с Монако... Таль вышел на игру в четвертом туре. Все еще нездоровый, в темных очках, он показал абсолютно лучший результат Олимпиады — 9,5 из 11-ти. Но ни ему, ни мне злопамятное КГБ этой истории не простило...

Шахматные события на Олимпиаде оказались не менее захватывающими, чем наша частная жизнь. Американский департамент на вре-

мя ослабил культурную блокаду Кубы. Команда США во главе с Фишером прибыла в Гавану. В те годы Фишер не играл по пятницам и субботам, и организаторы Олимпиады, высокие правительственные чиновники обещали ему, что его требования в отношении переноса важных партий на другое время будут удовлетворены.

Приближался решающий поединок Олимпиады СССР — США. Выпало играть в субботу. Американцы просили отложить начало партии Фишера на несколько часов, чтобы он мог принять участие в матче. Наша команда собралась на экстренное заседание. Руководителем команды был Алексей Серов, работник аппарата КПСС. Поскольку он был с шахматистами в первый раз, он слабо представлял себе шахматные дела. Его помощником и главным советником был тренер команды И. Бондаревский. Человек резкого характера, он твердо усвоил принцип молотово-вышинской школы в переговорах с иностранцами: «Поскольку мы, то есть Советский Союз, сильнее всех на свете, мы не принимаем никаких условий — мы навязываем их!» Мне уже приходилось бывать под его началом в делегациях, приходилось оспаривать его точку зрения и даже выигрывать в

споре. Я утверждал: «Раз мы наголову превосходим всех в шахматах, то без ущерба для себя можем и должны принимать компромиссные предложения иностранцев». Итак, на заседании главным оратором был Бондаревский, а возражал ему я. Остальные молчали. Цвет и гордость советского народа — Петросян, Спасский, Таль, Штейн, Полугаевский, Болеславский — сидели рядышком, опустив глаза в пол. Они не имели, да и не хотели иметь свое мнение по этому вопросу! Это их не касалось! Бондаревского поддерживал Серов, а меня — никто. Сталинцы без труда победили. В назначеннное время советская команда пришла на игру, а американцы в полном составе не явились. Газеты протрубили о блестящей победе советских со счетом 4:0. Но дело этим не кончилось. Как же так?! Не успела Куба наладить нормальные отношения с Соединенными Штатами Америки, как некто Бондаревский нанес этим усилиям сокрушительный удар! Вопрос о срыве матча обсуждался правительством Кубы. Соответствующие разъяснения были посланы в Москву. Приказ Спорткомитета — матч должен быть сыгран! — охладил пыл сталинистов-руководителей команды. В специально отведенный день (все остальные команды были

16 октября – 16 ноября 1967 г.

свободны) встреча состоялась. Советские выиграли 2,5:1,5.

Вступление в партию оказалось правильным шагом. Стало легче ездить за границу. Я избавился на время от ощущения неуверенности в завтрашнем дне, убедительно выиграл несколько турниров. В частности, в 1966 году — в Бухаресте, потом в Сочи, в 1967-м в Ленинграде, а потом в Будве, Югославия. Турнир в Ленинграде был особенный. В связи с 50-летним юбилеем советской власти была организована серия турниров с большой помпезностью, с неплохими призами. Прошел слух, что сам Фишер захотел сыграть в одном из них, даже без экстра-гонорара! Но ему было отказано — не хватало еще, чтобы такой праздничный турнир выиграл американец! Турнир в Москве выиграл Штейн, турнир послабее в Ленинграде — я.

Центральным событием 1967 года был межзональный турнир в Сусе (Тунис). Обычно я сотрудничал с ленинградскими шахматистами — Фурманом, Осносом. По каким-то причинам мне на этот раз не удалось связаться с ними. Моим тренером в Сусе стал московский гроссмейстер Е. Васюков. Прилежный, добросовестный работник, но дебютный репертуар у него был совсем другой.

Совместная работа получалась плохо, я шел в турнире на 50%. А лидировал Фишер, который демонстрировал потрясающую игру. Его партия со мной после интересной борьбы закончилась вничью. Это была одна из последних, сыгранных им в турнире партий. Обычно соревнование покидают неудачники — аутсайдеры или заболевшие по дороге. На этот раз турнир покинул вполне здоровый, ошеломивший всех классом игры Фишер! На финише мне выигрышем пяти партий подряд удалось войти в тройку победителей. А выиграл межзональный после ухода Фишера Б. Ларсен.

Запомнилась мне на закрытии форма, довольно редкая в то время, награждения участников. Шахматисты капиталистических стран получали призы, как и было записано в регламенте турнира, в швейцарских франках, а представители социалистического блока — в чеках на тунисские динары, которые нигде не обменивались. Совсем по Орвеллу: «Все животные равны, но некоторые равны больше, чем другие». Надо признать — в Москве нам пошли навстречу и обменяли странные чеки на сертификаты. Объясню молодым людям, что это такое. Свободный обмен валюты в СССР был запрещен, винов-

ных строго наказывали. Запрещено было иметь счета в иностранных банках или валютные счета в советских банках. А что же было разрешено? Можно было заплатить валютой в торговом представительстве СССР за границей, а дома получить товар, который в СССР свободно не продавался. Так, в 1963 году я заплатил в Гаване 1000 песо, половину своего первого приза, а через полгода в «Апраксином дворе» в Ленинграде получил машину «Москвич». А можно было, оставив деньги в торговом представительстве, получить за них бумаги, т.н. сертификаты, товары на которые продавались в магазинах «Березка», расположенных в крупных городах страны, магазинах, куда простой люд не пускали. Сертификаты были трех типов: самые дешевые, синего цвета — для денег из стран-сателлитов, желтые — из стран в переходном состоянии (Югославия, Тунис, Куба), и самые дорогие, кажется, красного цвета — для капиталистических стран. Таким образом, государство предупреждало спекуляцию валютой. А вместо этого процветала спекуляция сертификатами, в которой, однако, государство тоже принимало участие.

Еще кое-что новое мне пришлось узнать во время межзонального турнира. Помнит-

ся, играя с монголом Мягмарсуреном, я был поражен, как грамотно, образцово он разыгрывает дебют. У советских шахматистов у каждого было по тренеру. Дел у них было немного. Неудивительно, что пошли слухи, будто тренер Геллера Гуфельд готовил Мягмарсурена к партии с Фишером. Но мне и в голову не приходило, что советский тренер может готовить иностранного участника против меня! После этой партии я поумнел... Гениальный шахматист был Ефим Геллер. Вон, Пушкин в пьесе «Моцарт и Сальери» писал: «Гений и злодейство несовместны». Ошибался поэт...

Оглядываясь на пройденный мною путь, я считаю год 1968-й едва ли не самым успешным в моей жизни: я выиграл, на редкость убедительно, два крупных турнира и несколько трудных матчей. В начале года я играл в Голландии в Вейк-ан-Зее. Я выиграл 7 партий подряд. Седьмым в ряду оказался мой главный конкурент Таль. После 11-ти туров у меня было 10,5 очков. Я думал установить новый рекорд, но в 12-м туре, грубо зевнув, проиграл Портишу. Турнир потерял для меня интерес, оставшиеся партии я закончил без борьбы вничью. С результатом 12 из 15-ти я на три очка обошел Таля, Портиша и Горта.

Во время турнира к нам с Талем подошел какой-то немолодой человек и сказал: «Я живу в Антверпене — поехали в Антверпен!» Как это, мы же советские граждане, нам нельзя — это же другая страна, Бельгия... «Да это Бенилюкс!» «Но там же граница...» «А, не волнуйтесь!» На всякий случай он снял со стены несколько газетных вырезок, где рассказывалось о нашем турнире, мы сели в его машину и поехали. Там не очень далеко, час до границы и еще час до Антверпена. А это — город, где делают бриллианты, и наш спутник

имел к этому отношение. Он привел нас в какую-то мастерскую. Там было довольно темно. Он спросил у работников: «Кто это?» Один человек посмотрел, глаза у него округлились: «Это Таль!»

Строго говоря, мы нарушили закон — из одной страны приехали в другую. Как руководитель делегации и как член партии я брал ответственность на себя. Если бы о нашем преступке стало известно, меня бы вызвали на ковер в Первый отдел, то есть в отдел КГБ при Спорткомитете. Но обошлось.

Глава 7

МАТЧИ И ДРУГИЕ ДЕЛА

С середины 1968 года мне предстояло играть матчи на первенство мира. Оыта матчевой борьбы у меня не было. Единственный матч я сыграл в 1956 году с мастером Ю. Котковым. Правда, воспоминание было приятным: матч должен был играть из 6 партий, а закончился после четырех с результатом 3,5:0,5 в мою пользу. А теперь мне предстояло встретиться с С. Решевским, немолодым, но весьма опытным шахматистом, с которым в понимании шахматной стратегии мало кто смог бы соперничать. Две партии, которые я с ним играл, закончились вничью. В обеих он переиграл меня черными. Мне запомнилась партия в Буэнос-Айресе в 1960 году. Решевский был правоверный еврей и, согласно требованию религии, не работал и не играл по пятницам и субботам. Наша партия игралась в пятницу до захода солнца. Решевский переиграл меня. Нужно было записывать ход, а солнце уже пряталось. Он стал посматривать на часы, волновался. И вместо вы-

игрывающего продолжения записал другой ход, который дал мне шансы на спасение. Партия окончилась вничью; она оказалась очень важной — в итоге мы разделили с Решевским первое место в турнире.

Всю свою шахматную жизнь Решевский страдал от цейтнотов. В матче, играя белыми, он легко переигрывал меня в первой половине партии. Ближе к контролю времени он начинал играть поверхенно, и я выскользывал из его стратегических тисков. А белыми я выиграл пару неплохих, убедительных партий. Мне повезло. Настоящей борьбы — очко в очко — не получилось.

Моим следующим противником был Таль. Психологически трудная ситуация. Счет у меня с ним был подавляющий. Но он не отражал реального соотношения сил. Успехи Талия не уступали моим, его результаты со многими гроссмейстерами были лучше моих. В таком случае сама теория вероятности выступала против меня — не мог же Таль всю

жизнь быть у меня «в рабстве»! А с другой стороны, мне было очень нелегко объективно оценивать его игру, стиль, сильные и слабые стороны. Как ни трезво я оцениваю шансы сейчас, подсознательно я видел его побежденным, как бы плохо я ни играл!

А играл я по началу совсем плохо и дал Талю прекрасные шансы выиграть 1-ю и 3-ю партии. Когда же он не использовал свои козыри, тогда в следующих двух партиях я использовал свои. Считая, что матч уже решен, я захотел поставить жирную точку в следующей партии; на момент утратил бдительность — Таль перехватил инициативу, выиграл ту партию, а с нею перехватил инициативу в матче.

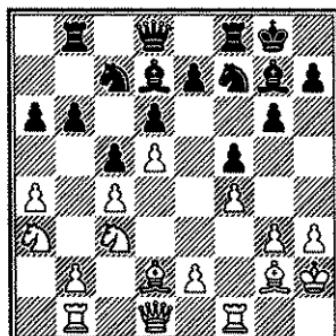
Одновременно, впервые в своей шахматной практике, я столкнулся со служителями Эскулапа. Таль, которого боялись многие, считая, что за доской он гипнотизирует своих противников, этот самый Таль — предполагаю я — опасался, что я его завораживаю, и пригласил знакомого доктора помочь ему психологически. Я знал, конечно, что со здоровьем у Таля неблагополучно, врач ему нужен. Но этот доктор сидел совсем близко от сцены и не сводил глаз с демонстрационной доски. По правде говоря, он мне не мешал, но очевидно — вовсю

подбадривал Таля во время игры. Я попросил отсадить его от сцены, и судейская коллегия во главе с Г. Фридштейном мою просьбу удовлетворила. В конце матча при минимальном перевесе в счете я решил «не высовываться», отбиваться на ничью во всех партиях. Было очень трудно; в последней, десятой партии, несмотря на белый цвет, я стоял совсем на проигрыш. В обоюдном цейтноте получил кой-какие шансы на ничью и наутро при мучительном доигрывании спас эту партию. И матч...

14. В. Корчной — М. Таль Москва 1968

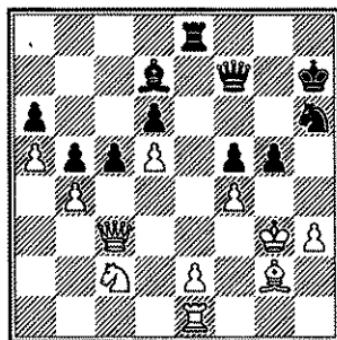
Голландская защита A87

1.d4 g6 2.¤f3 f5 3.g3 ♜g7
 4.¤g2 ¤f6 5.0-0 0-0 6.c4 d6 7.d5
 c5 8.¤c3 ¤a6 9.¤e1 ¤b8
 10.¤c2 ¤c7 11.a4 b6 12.¤b1
 ¤g4 13.h3 ¤e5 14.¤a3 a6
 15.¤d2 ¤d7 16.f4 ¤f7 17.¤h2.

17...e5 18.de ¤:e6 19.¤d5
 ¤:d5 20.cd ¤d7 21.b4 b5 22.a5

$\mathbb{W}e7$ 23. $\mathbb{Q}c2$ $\mathbb{B}fe8$ 24. $\mathbb{B}e1$ $h5$ 25. $\mathbb{B}b3$ $\mathbb{Q}h6$ 26. $\mathbb{Q}c3$ $h4$ 27. $\mathbb{Q}:g7$ $\mathbb{Q}:g7$ 28. $\mathbb{W}a1+$ $\mathbb{Q}h7$ 29. $\mathbb{B}e3$ $hg+$ 30. $\mathbb{Q}:g3$ $\mathbb{W}f7$ 31. $\mathbb{B}:e8$ $\mathbb{B}:e8$ 32. $\mathbb{W}c3$ $g5$.

33. $f6$ $\mathbb{B}g8$ 34. $\mathbb{Q}f2$ $\mathbb{Q}:g5$ 35. bc dc 36. $\mathbb{W}c5$ $\mathbb{W}h5$ 37. $\mathbb{W}e7+$ $\mathbb{B}g7$ 38. $\mathbb{W}f6$ $\mathbb{B}g6$ 39. $\mathbb{W}e7+$ $\mathbb{B}g7$ 40. $\mathbb{W}f6$ $\mathbb{B}f7$ 41. $\mathbb{W}c3$ $\mathbb{W}h4+$ 42. $\mathbb{W}g3$ $\mathbb{W}c4$ 43. $\mathbb{W}d3$ $\mathbb{W}f4+$ 44. $\mathbb{Q}g1$ $\mathbb{B}g7$ 45. $\mathbb{B}f1$ $\mathbb{W}g5$ 46. $\mathbb{B}f2$ $\mathbb{Q}f7$ 47. $\mathbb{W}e3$ $\mathbb{W}g6$ 48. $\mathbb{Q}e1$ $\mathbb{Q}g5$ 49. $\mathbb{Q}d3$ $\mathbb{Q}e4$ 50. $\mathbb{Q}f4$ $\mathbb{W}g5$ 51. $\mathbb{B}f1$ $b4$ 52. $\mathbb{W}h2$ $\mathbb{Q}g3$ 53. $\mathbb{B}f3$ $\mathbb{Q}e4$ 54. $\mathbb{B}f1$ $\mathbb{Q}g3$ 55. $\mathbb{B}f3$ $\mathbb{Q}h5$ 56. $\mathbb{W}f2$ $\mathbb{Q}f6$ 57. $\mathbb{B}b3$ $\mathbb{W}h6$ 58. $\mathbb{Q}h1$ $\mathbb{Q}g4$ 59. $\mathbb{W}g3$ $\mathbb{Q}f6$ 60. $\mathbb{W}f2$ $\mathbb{Q}g4$ 61. $\mathbb{W}g3$. Ничья.

После матча, в плохом настроении, будучи недоволен своей игрой и, особенно, своими творческими показательями, я не пожалел и своего партнера, назвав его игроком «большого шаблона». Есть разные формы высказаться о противнике, которого ты обыграл. Большинство победителей предпочитают расхваливать своего партнера: и партнеру приятно, и себе комплимент!

А вот мой подход был далек от тонкостей дипломатии. Многие обиделись; говорят, и сам Таль. А в защиту Талия выступил не кто иной, как сам чемпион мира, главный редактор «64» — Петросян (конечно, в анонимной форме). Да, если посмотреть внимательно, горячая война началась у нас с Петросяном в 1974 году, а холодная — давным-давно!

Моим следующим противником был Спасский. Победитель матча выходил на поединок с чемпионом мира. В моей жизни матч в Киеве в августе 1968 года был одним из самых странных. Я думаю, что был в отличной игровой форме до матча. Да и после него, как я сумел в конце года доказать нескольким десяткам противников, я играл безукоризненно. Я был также подготовлен к матчу теоретически — до зубов! Я доказал это в последующих соревнованиях, где использовал подготовленные мною к матчу новшества. Я проиграл матч белым цветом. Выглядело, как будто я проиграл матч сам, нарочно, безо всякого нажима со стороны противника. В интервью Спасского после матча можно было прочесть удивление, что ему так легко далась эта победа.

Несколько случайностей по ходу матча оказались в пользу Спасского. Вообще, когда слу-

чайности оказываются в пользу играющего, говорят, что он в хорошей форме, а если складываются несчастливо для него — значит, он в плохой форме. Я не люблю объяснять свои неудачи внешними факторами, а тем более «невезением», но то, что произошло во второй партии, было из ряда вон выходящим. Обычно я ничего не замечаю во время партии, тем более, что слух у меня притуплен, а в отличие от Петросяна я никогда не пользовался слуховым аппаратом. А тут я почувствовал, что здание буквально сотрясается. В Киеве за год до матча был оползень, погиб целый квартал на берегу Днепра. «Не землетрясение ли это?» — думал я. Стал волноваться, грубыми ошибками проиграл равную позицию в несколько ходов. Потом встал и спросил — что же происходит. «Салют, — ответили мне, — День танкиста!» Сорок минут продолжалась пальба из 220-ти орудий.

И еще кое-чем удивил меня матч и мои противники в матче. Но об этом я расскажу позже...

Октябрь 1968 года. Советская команда направляется на Олимпиаду в Лугано. Поджимает время. Спасский, Петросян, Геллер, Полугаевский, Таль и я — мы с чемоданчиками являемся в Спорткомитет на прощальное «давай-давай!»

А оттуда — прямо в аэропорт. Ведет беседу мой давний знакомый краснобай Казанский. Обычная болтовня: высоко держать знамя советского спорта, не поддаваться на провокации, на Западе неправильно оценили ввод советских танков в Чехословакию... Наконец, пожелания счастливой дороги и успеха. И вдруг, в дружелюбном тоне: «А вы, Михаил Нехемьевич, можете возвращаться в Ригу. В Лугано уже находится Смыслов, он вас заменит». Знакомая картина: знаменитые гроссмейстеры молчат, сидят не шевелясь, опустив глаза. Действительно, Керес и Смыслов отправились на конгресс ФИДЕ неделей раньше. А Талю решили припомнить его поведение на Кубе во время Олимпиады. Но сделано это было в оскорбительной, унизительной форме! Поняли это все, но я был единственным, кто высказался. Остальных это не касалось! Удивительное качество советского человека, отказывающегося иметь собственное мнение, пока его самого не пришибло. Наверно, это было вызвано 1937 годом, когда, перерезав с десяток миллионов говорунов, заставили всех остальных на много десятков лет замолчать. Пожалуй, в этот самый момент, в Комитете спорта, я почувствовал — с этой компанией мне не ужиться...

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТУРНИР В ПАЛЬМА-ДЕ-МАЛБОРКЕ

23 ноября – 15 декабря 1968 г.

Участники	Страна	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	О	М
1. В. Корчной	СССР	1	1	=	1	=	1	1	1	=	1	1	1	1	1	1	1	=	14	1	
2. Б. Ларсен	Дания	0	=	0	=	1	1	1	1	=	1	1	1	1	1	1	1	1	13	2-3	
3. Б. Спасский	СССР	0	=	1	1	=	=	=	=	1	1	1	1	1	1	1	1	1	13	2-3	
4. Т. Петросян	СССР	=	1	=	1	0	=	1	=	=	1	1	=	=	1	1	1	=	11.5	4	
5. С. Глигорич	Югославия	0	=	0	=	=	=	=	=	=	1	1	=	1	1	0	1	1	10.5	5	
6. Б. Ивков	Югославия	=	0	1	=	=	=	=	=	=	1	1	=	1	1	1	1	=	10	6	
7. Р. Бенко	США	=	0	0	=	0	=	1	=	1	0	1	1	=	1	1	0	1	9.5	7	
8. А. Помар	Испания	=	0	0	=	0	=	0	1	=	1	1	=	=	=	=	=	1	9	8	
9. Ф. Георгиу	Румыния	0	0	=	0	=	=	=	0	=	=	1	=	=	1	1	1	1	8.5	9	
10. А. Маганович	Югославия	0	0	=	0	=	=	=	0	=	=	0	=	0	1	1	=	1	8	10	
11. Х. Леманн	ФРГ	0	=	0	=	0	=	0	=	=	=	=	=	0	0	0	1	=	7	11	
12. А. Медина	Испания	=	0	0	=	0	=	0	0	1	=	0	=	1	1	1	1	1	6.5	12	
13. Д. Бирн	США	0	0	0	=	0	=	0	=	=	1	=	1	=	=	0	0	0	6	13-14	
14. Р. Торан	Испания	0	0	0	=	0	=	0	=	=	0	=	0	=	=	1	1	1	6	13-14	
15. Х. Диес дель	Испания	0	0	=	0	=	0	=	0	0	1	0	=	0	1	=	1	=	5.5	15-16	
Корраль																					
16. Ф. Виссерь	Испания	0	0	0	0	0	0	0	=	=	1	=	=	0	0	1	=	5.5	15-16		
17. Х. Вестричен	Финляндия	0	0	0	1	0	1	=	0	0	0	0	1	0	0	0	1	5	17		
18. Р. Кальво	Испания	=	0	0	=	0	=	0	0	0	=	0	1	0	=	0	0	4.5	18		

На Олимпиаде в Лугано я с легкостью выиграл свой турнир на третьей доске. А в конце года мне представилась еще одна возможность доказать, что мой результат в матче со Спасским необъясним. Правда, рассказ о турнире я начну с других, не шахматных событий...

В бытность советским гроссмейстером мне довелось трижды побывать на Мальорке — в 1968, 69, 72 годах (совсем недавно, в 2004-м я побывал там снова — на Всемирной шахматной Олимпиаде). Там проводились тогда крупные международные турниры. Дипломатических отношений между франкистской Испанией и Советским Союзом не существовало. Мы летели советским самолетом до Парижа, а потом «Эр Франс» прямиком на Балеарские острова. Состав делегации на первый турнир (он повторился и на следующий год) был внушителен: чемпион мира и претендент, оба под моим руководством — Спасский и Петросян были беспартийными. А мне в 1965 году, как я уже говорил, из-за невероятных трудностей при оформлении выездов за границу пришлось вступить в компартию, после чего мое положение резко улучшилось — вплоть до 1974 года я разъезжал по турнирам без особых помех. И в эти годы мне слу-

чалось быть руководителем многих групп. В функции руководителя входило решение технических и организационных вопросов перед началом турнира, а по окончании его и возвращении в Москву — письменный отчет о соревновании для Спорткомитета и его Первого отдела (то есть для КГБ). Но историей, которую я сейчас собираюсь рассказать, я с КГБ так и не поделился...

На торжественном открытии турнира к нам подошла и познакомилась со мной испанка — хорошо одетая женщина лет 35. Собственно, она хотела бы познакомиться со всеми советскими, но Петросян и Спасский выглядели труднодоступными, тем более что знание ими иностранных языков оставляло желать лучшего. Долорес (имя изменено) сообщила мне, что она — коммунистка. Уже неожиданность для меня: попробовал бы кто-нибудь в СССР признаться, что он фашист! На восклицание, как ей удалось так блестяще одеться, она сухо ответила: «Помогли друзья». Коммунистка Долорес сообщила мне, что ее квартира состоит из 18 комнат. Но — рук не хватает убирать хоромы, и она использует только 6. Остальные заперты. Что я подумал при этом? Во-первых, что я, 3-й шахматист мира, снис-

кавший популярность у сотен тысяч людей в СССР и за рубежом, награжден социалистическим государством квартирой из двух комнат и вынужден в них ютиться со своей семьей, а во-вторых, что если бы эта коммунистка испытывала реальную потребность в деньгах, то могла бы эти 12 комнат сдать на время трем семьям и неплохо бы на этом зарабатывать... Долорес пытала любовью к стране — колыбели социализма. Разговор наш проходил на английском языке. Я говорил: «Я изучаю английский, чтобы лучше понимать юмор, чтобы уметь излагать его по-английски». А она отвечала: «А я изучаю русский, чтобы читать в первоисточниках Ленина!» У Долорес была дочь, больная тяжелой болезнью сердца. Коммунистка Долорес свозила ее однажды в Южную Африку к знаменитому доктору Бернарду. (Могу представить себе, что дочь Брежнева совершила бы однажды такое путешествие. Других советских людей, которые стали бы пациентами доктора Бернарда, представить себе не могу.) Но и великий доктор подтвердил мрачный диагноз — болезнь девочки неизлечима. Рассказав мне эту историю, Долорес добавила: «Моя последняя надежда — на советскую медицину, на ваших врачей». Что

я должен был ей ответить? Правду. Что в СССР существует так называемая «народная медицина», что она бесплатная и потому исключительно бедная, и находится на плачевно низком уровне.

Мы сближались. Похоже было, что Долорес влюбляется в меня, что превращение нас в любовников — только вопрос времени. Но Долорес, конечно, знала, что я женат, и в данном случае именно коммунистическая мораль (так я чувствовал) не позволяла ей отдаться безрассудно своему чувству. А однажды, когда я стал рассказывать Долорес о неисчислимых проблемах, которые стоят на моем пути в случае необходимости выехать за границу, она сказала: «А зачем же посыпать за границу таких, которые так плохо говорят о своей стране!» После этой фразы я понял, что социализма, а тем более коммунизма с «человеческим лицом» не бывает... Когда в 1976 году я бежал от коммунизма, коммунистка Долорес прислала мне письмо в Голландию. Не помню, ответил ли я ей (если да, то весьма негативно) или предпочел промолчать. А много позже очевидцы рассказали мне, что на склоне лет Долорес разуверилась в коммунизме...

Но расскажу немножко и о шахматных делах. Я играл очень хорошо. Получил приз за

красоту за партию против Ларсена, на финише обыграл и Спасского. Признаться, поездка на Майорку была мне устроена самим Петросяном — он планировал меня в свои тренеры. Так уж получалось: на кануне матча-реванша Таль — Ботвинник я обыграл Ботвинника, перед матчем Петросяна со Спасским в 1966 году — Петросяна. Теперь, отложив партию со Спасским с лишней пешкой, я сказал Петросяну: «Ничего не поделаешь, быть Спасскому чемпионом мира». — «Это почему же?!» — «Да обыгрываю я его!» Петросян поморщился, проглотил пиллюлю. О моем тренерстве больше

не было речи. А я оказался пророком!

С результатом 14 из 17-ти я выиграл турнир, на очко опередив разделившего с Ларсеном второе место будущего чемпиона мира...

В вышедшей в конце прошлого века книге А. Иванова «Энциклопедия шахматной статистики» указаны рейтинги сильнейших шахматистов на протяжении многих лет XX века, с математически выверенными коррекциями, учитывающими инфляцию системы коэффициентов. За успехи в 1968 году мне присвоен лучший в моей жизни рейтинг — 2679. С математикой спорить трудно...

Глава 8

НАКАПЛИВАЮ ОПЫТ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ

Пока игрался матч Спасского с Петросяном, я работал — комментировал партии матча для шахматных газет. Но и международных турниров у меня было немало. Для начала я убедительно выиграл традиционный турнир в Сараево. Не ясно, как стали развиваться шахматы в Югославии — приказом сверху или проявлением подлинного интереса народа к игре. Но очевидно было, что уже в 60-е годы Югославия была самой, так сказать, «прошахматной» страной в Западной Европе. Турниры проводились классные, при сотнях и сотнях зрителей. Я назвал турнир в Сараево традиционным. Да, он проводился из года в год. Следующий раз я выиграл турнир через 14 лет, в 1983 году вместе с Тимманом, а потом — еще через 14 лет, в 1997 году, в одиночку. Продемонстрировав таким образом как свое долголетие, так и долголетие сараевской традиции!

Летом того же года — новая поездка. Меня и Кереса

послали на турнир в Чехословакию, в Лухачевице. В Прагу в сентябре 1968 года вторгся советский танковый десант, советские грубым образом сместили законное правительство страны. Поэтому шахматный десант был по-умному укомплектован либеральными гроссмейстерами, чтобы рожи квасных советских патриотов не раздражали покоренный народ.

Играли мы в провинции, а после турнира заехали на пару дней в Прагу. В день перед отъездом в Москву я пошел по магазинам, а когда вернулся — Кереса не было. В оставленной им записке он сообщал, что приехал гроссмейстер Людек Пахман и забрал его на встречу с интересными людьми. Пахмана — правозащитника, борца против советской оккупации я хорошо знал. Я пожалел, что меня не было в отеле. Наутро большая группа людей из посольства — в штатском — провожала нас в аэропорт. А когда прибыли в Москву, то Кереса вскоре отделили и по-

везли на беседу — по-видимому, в секретные органы. Вызывали на особый разговор и меня. Я ничего интересного рассказать не мог, но искренне сообщил о своем сожалении, что не смог поехать вместе с Кересом...

Мне показалось, что Керес года два подозревал, что это я его выдал. После он передумал. В 1973 году я поехал в Золинген играть тренировочный матч с Хюбнером. Там я повстречался с Пахманом, к тому времени уже отсидевшим в тюрьме в Чехословакии, а затем высаженным из страны. Пахман рассказал мне, что участников той встречи выдал Эмиль Затопек. Пахман добавил, что на суде против него, организованном властями, знаменитый легкоатлет выступал одним из главных свидетелей со стороны правительства.

В тот год я играл на удивление много. В Сараево, в Гаване, Ленинграде, Пальме. Результаты чуть снизились. Шахматист не должен забывать — успех зависит не только от шахматной подготовки, но и от физического состояния. Если энергия человека на исходе — успеха не будет нигде! Написал и понял, что эту книгу я тоже не смогу написать в один присест — надо отдохнуть неделю!

Уникальным событием в мировой шахматной жизни

стал матч СССР — Сборная мира, проведенный весной 1970 года в Белграде. СССР был невероятно силен! Матч должен был состояться на десяти досках, но, похоже, советские имели бы успех и на 50 и даже на 100 досках! Впрочем, были малозаметные глазу подводные течения, которые ослабляли советскую команду. За пару месяцев до соревнования началась усиленная подготовка. С советской командой работали лучшие тренеры. Но согласия среди членов коллектива не было. Были противоречия, разногласия, возникали ссоры. Еще более накалило атмосферу распределение команды по доскам. Вообще, в такой компании, где запасными оказались Штейн и Бронштейн, можно было расставить играющих как попало. Ну, скажем, по возрасту или по алфавиту, за исключением чемпиона мира. Но Спорткомитет назвал порядок досок по-своему. Споры утихли, но обиды остались. Заметно было, как во время игры советские ходили по сцене и радовались неудачам товарищей по команде. Сборная команда мира под руководством президента ФИДЕ Макса Эйве оказалась более сплоченной, чем советская.

Я играл на третьей доске, после Спасского и Петросяна, против Л. Портиша. Обстановка была нервная, не располагаю-

щая к вдумчивой игре. В одной из партий я допустил грубую ошибку уже в дебюте. Проигрывая матч, при счете 2:1 я предпринял попытку отыграться в последней партии. Но не получилось. В заведомо лучшем положении Портиш дал мне ничью. Вероятно, он был удовлетворен незначительным перевесом в счете. Но были и другие предположения. Так, возник слух, что Ботвинник, посмотрев на демонстрационную доску нашей партии, подошел к Портишу и сказал: «Выигрываете? А что товарищ Янош Кадар по этому поводу скажет?» Янош Кадар — это был партийный вождь Венгрии в то время. И не надо забывать, что команда мира была составлена как из «капиталистов», так и «коммунистов». Впрочем, сам Портиш этот разговор отрицал...

Советская команда все-таки одержала победу в матче. С минимальным перевесом — 20,5:19,5.

Сразу после окончания матча в Черногории в городе Херцег-Нови состоялся крупный блиц-турнир с гонорарами за участие и солидными призами. Играли 12 человек в два круга. Судя по силам, принимавшим участие, этот турнир можно было назвать неофициальным первенством мира по блицу. Победу с блестящим результатом 19 из 22-х одержал Фишер. Единствен-

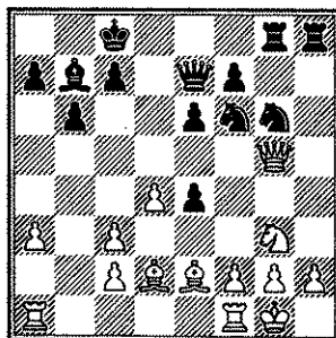
ную партию в турнире он проиграл мне. Вторым был Таль, отставший от Фишера на 4,5 очка. За ним — я с 14-ю очками. А дальше — Петросян, Решевский, Бронштейн, Смыслов, Ивков, Матулович...

Вскоре после этих событий состоялся еще один крупный турнир в Югославии. Он вошел в шахматную историю под названием «Ровинь-Загреб». Большая его часть была разыграна в курортных условиях, на острове у берегов Хорватии. Несмотря на представительный состав, ясно было, что фаворит — Фишер. И действительно, он выиграл турнир. Впечатляла манера игры американца. В начале партии он, отличный знаток теории, подолгу задумывался, как бы вовлекая противника в определенный неторопливый темп, а затем в середине партии легко уходил по времени от противника, находя в любой позиции — простой или сложной — сильнейшие ходы. Я играл в турнире хорошо. У меня даже был шанс — теоретический — догнать Фишера. Для этого, правда, нужно было выиграть партию у него. Но она закончилась вничью...

Во время этого турнира я стал свидетелем происшествия, которое и во сне не может присниться. В свободный день Фишер играл пропущенную партию с Ковачевичем. Игра проходила в зале, к которому

примыкало кафе. Там сидели мы с Петросяном и нашими женами и сквозь стеклянную перегородку наблюдали за ходом борьбы. Играя черными, Ковачевич сумел перехватить инициативу. Защищаясь, Фишер поставил противнику хитрую ловушку. Я разглядел ее. «Как интересно! — вырвалось у меня, — сейчас Фишер предложит ему выиграть ферзя, а если Ковачевич примет «дар», то он может даже проиграть!» Каково же было мое изумление, когда жена Петросяна заявила, что сейчас же расскажет о ловушке Ковачевичу. И действительно, пока Ковачевич прогуливался в ожидании хода Фишера, она подошла к нему и «просветила» гроссмейстера. Вообще, Владо Ковачевич играл эту партию очень сильно, вероятно, он и сам разобрался бы в осложнениях, но молва все-таки приписала именно Роне Петросян победу над Фишером!

Р. Фишер — В. Ковачевич
Ровинь/Загреб 1970

18.f3?! e3!

Но не 18... $\mathbb{Q}h4?$ 19.fe! $\mathbb{Q}:g5$ 20. $\mathbb{Q}:g5$, и у белых, как минимум, не хуже.

19. $\mathbb{Q}:e3$ $\mathbb{Q}f8$ 20. $\mathbb{W}b5$ $\mathbb{Q}d5$ 21. $\mathbb{W}f2$ a6 22. $\mathbb{W}d3$ $\mathbb{Q}:h2$ 23. $\mathbb{Q}h1$ $\mathbb{W}h4$ 24. $\mathbb{Q}:h2$ $\mathbb{W}:h2$ 25. $\mathbb{Q}f1$ $\mathbb{Q}:g2+$ 26. $\mathbb{Q}e1$ $\mathbb{W}h4+$ 27. $\mathbb{Q}d2$ $\mathbb{Q}g6$ 28. $\mathbb{Q}e1$ $\mathbb{Q}gf4$ 29. $\mathbb{Q}:f4$ $\mathbb{Q}:f4$ 30. $\mathbb{W}e3$ $\mathbb{Q}f2$. Белые сдались.

Странный случай произошел со мной на олимпиаде 1970 года в Зигене (Германия). Я проспал, не пришел на партию! Это случилось в матче против команды Испании. В советском лагере было несколько свободных людей, кто мог бы меня разбудить. Но не сделали этого. На Олимпиаде шутили, что я таким образом выразил протест против режима Франко. Хорошо, что команда СССР в отчаянной борьбе с американцами вырвала первое место, а то бы мне за этот «протест» штаны сняли...

Приближался новый президентский цикл, и я искал новые методы тренировки, чтобы оживить свою игру. Мы сыграли тренировочный матч с Бронштейном. По его замыслу, контроль времени был очень жестким: полчаса на первые 12 ходов, час на следующие 16 ходов, еще один час на следующие 16 ходов и полчаса до конца партии. Таким образом, считал Бронштейн, следовало бороться против хронических

XXXVIII ПЕРВЕНСТВО СССР
Рига, 26 ноября – 27 декабря 1970 г.

Участники	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	О	М
1. В. Кориной	-	0	=	1	1	1	1	=	-	=	1	1	1	=	1	1	=	1	1	=	1	1	1	
2. В. Тумаков	1	=	=	=	=	=	=	0	=	=	1	1	=	1	=	1	=	1	1	=	1	1	14.5	
3. Л. Штейн	=	=	=	=	=	=	=	1	=	1	=	=	=	=	1	1	1	0	=	1	14	3	2	
4. Ю. Балашов	0	=	0	=	=	=	=	0	=	=	1	1	=	1	1	1	1	1	1	1	0	12.5	4	
5. А. Гипслис	0	=	1	=	=	=	=	=	=	=	1	=	=	1	=	0	1	=	0	1	=	1	12	5.7
6. А. Карпов	0	=	=	=	=	=	=	=	=	1	0	=	1	=	1	1	=	=	=	=	=	=	12	5.7
7. В. Савон	0	=	=	=	=	=	=	=	=	=	1	=	=	0	=	=	1	1	1	1	=	12	5.7	
8. Ю. Авбербах	=	0	=	=	=	=	=	=	=	=	0	=	1	0	=	1	=	1	1	=	1	1	8.9	
9. М. Подгаец	0	1	=	=	=	=	=	=	=	=	0	1	1	=	=	=	=	=	0	1	1	1	8.9	
10. В. Багиров	=	0	1	=	0	=	=	=	=	1	=	0	1	=	1	0	0	0	0	1	1	=	10.5	
11. О. Дементьев	=	=	=	=	1	0	1	=	=	=	0	0	=	0	0	=	0	1	=	0	1	=	10.5	
12. В. Либерzon	0	0	=	=	=	=	=	=	=	0	=	1	0	1	=	1	=	1	=	1	=	1	10.5	
13. В. Дорошкевич	0	0	0	0	0	0	=	0	1	=	1	=	1	1	=	0	1	1	1	1	1	1	13-14	
14. Р. Холмов	=	0	=	0	=	1	1	0	0	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	13-14	
15. В. Антошин	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	1	0	0	=	0	0	=	1	=	=	=	=	9.5	
16. И. Зайцев	0	0	=	0	0	=	=	=	0	1	1	0	=	1	=	0	1	1	=	1	1	1	15-16	
17. Р. Ваганян	0	0	=	0	=	0	=	1	=	0	=	=	1	=	1	0	=	1	0	=	1	1	17-18	
18. В. Микенас	0	0	0	=	0	0	=	=	1	1	=	=	1	0	=	1	0	1	0	0	1	1	17-18	
19. В. Карасев	=	0	0	1	=	0	=	=	1	0	0	=	0	0	1	0	=	1	1	1	1	1	19	
20. И. Платонов	0	0	1	0	0	=	0	0	=	0	0	=	0	=	0	1	=	1	1	1	1	1	20	
21. Марк Цейтлин	=	0	=	0	=	0	0	1	0	=	0	0	=	0	0	=	1	0	0	0	1	0	21	
22. О. Моисеев	0	0	0	1	0	=	=	=	0	=	0	=	0	0	0	0	0	0	0	1	1	5.5	22	

цейтнотов. Бронштейн выиграл этот матч со счетом 4:2. Матч оказался полезен для нас обоих. Воздадим должное Бронштейну: он за 30 лет предвосхитил ужесточение контроля времени в соревнованиях, введенное в шахматный мир президентом Калмыкии Илюмжиновым. Были у мудрого московского гроссмейстера и другие идеи, на шахматной доске и вне ее, которые шахматный мир взял на вооружение десятки лет спустя.

Натренированный Бронштейном, сопровождаемый новым помощником для анализа и подготовки к партиям Г. Соненко, я без труда выиграл очередной чемпионат СССР. Турнир был сравнительно несильный по составу, и я сурово справился с молодежью, которая там участвовала. Я обыграл А. Карпова, Р. Ваганяна, М. Подгайца и многих других. Проиграв личную встречу В. Тукмакову, я все же обошел его, занявшего 2-е место, на два очка.

Не имеет смысла, добившись крупного успеха, выступать там же через короткое время. Шансов повторить достижение, а тем более превзойти его — немного, а хороший, но чуть слабее результат будет рассматриваться как неудача. Эта мудрая мысль пришла мне в голову с запозданием на пару недель, когда я уже снова иг-

рал в турнире в Вейк-ан-Зее. На этот раз триумфального шествия не получилось. Пришло на финише выигрывать одну партию за другой. Решающей была встреча последнего тура с Хюбнером. Партия игралась утром, она изобиловала ошибками. Последним ошибся мой юный противник. Я выиграл партию, а с ней и турнир. Позади остались несколько титулованных гроссмейстеров, в том числе и экс-чемпион мира Петросян.

Во второй половине XX века организаторы стали охотно назначать последний тур на утро, ломая привычный режим спортсменов, — ради того, чтобы сэкономить полдня оплаты жизни участников. А партии, сыгранные утром, ввиду большого количества ошибок вряд ли годятся для публикации. У меня есть богатый опыт бедной по качеству игры по утрам. Однажды утром в Гаване в 1966 году я проиграл Рикардо Кальво в 16 ходов...

Еще одно воспоминание о турнире 1971 года. Журналист Юл Веллинг захотел взять у меня интервью на тему о попытке захватить самолет группой евреев в Ленинграде в конце 1970 года. Не помню, что я говорил, но Юл впоследствии сказал мне, что он не ожидал такой откровенности от советского шахматиста. А позже, в 1980 году, он перевел рукопись

моей книги «Антишахматы» на голландский язык. В отместку советское посольство отказалось ему в визе, когда спустя шесть лет (!!) он захотел посетить матч Карпов — Каспаров в Ленинграде. КГБ, знаете ли, и за границей имело списки неблагонадежных!

Небольшой, но запоминающийся политический урок, полученный в тот год: я пришел в спортивный диспансер (обратите внимание, читатель

— в СССР были специализированные клиники для спортсменов!) и пожаловался, что зрение слабеет. Врач, немолодой человек, сказал: «Нужно потреблять больше витамина А. Кушайте больше сливочного масла, но не здесь, а за границей. В Советском Союзе готовятся к войне, и съестные припасы часто многие месяцы находятся в складах под землей и теряют свои качества».

Глава 9

ИСТОРИЧЕСКИЕ МАТЧИ. ПЕРВЫЕ ПОЕДИНКИ С А. КАРПОВЫМ

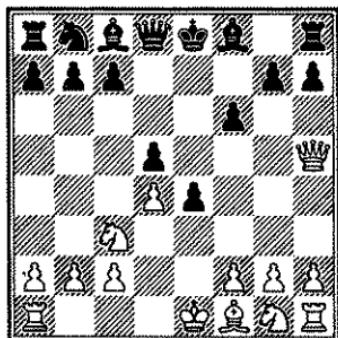
В новом претендентском цикле я должен был играть против Е. Геллера. Он несколько старше меня и уже миновал пик своих лучших достижений. Но по-прежнему пользовался славой боевитого, исключительно энергичного шахматиста. С тех пор, как я вышел на всесоюзную арену, его фигура всегда маячила рядом со мной. Он никогда не был организатором заговоров против меня, но примыкал к ним. В наших личных встречах за доской счет был в мою пользу, но иногда он наносил мне чувствительные поражения...

Пока я занимался своими текущими делами, в мою сторону начал двигаться молодой шахматист Анатолий Карпов. Следующие несколько страниц посвящены человеку, с которым я был связан более 20-ти лет. Но поскольку эти страницы касаются и Карпова — пусть читатель теперь познакомится с ними.

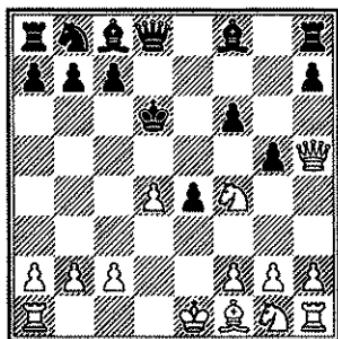
Гроссмейстер Семен Абрамович Фурман. Этот человек сыграл в моей жизни значи-

тельный роль. Шахматист, которому удалось развить свое понимание тонкостей этой игры в работе с сильнейшими — Бронштейном, Ботвинником и другими, снискал известность как трудолюбивый, прилежный, добротный тренер.

Мы познакомились (как, впрочем, и разошлись!) при странном стечении обстоятельств. 19-летний кандидат в мастера, я впервые участвовал в соревнованиях для взрослых. Это был чемпионат Ленинграда 1950 года. Очередную партию мне предстояло играть с Фурманом — опытным мастером, кстати, на 9 лет старше меня. Я проспал и слишком поздно отправился на игру. Не доверяя трамваю, я бежал большую часть пути до клуба, километра полтора. С опозданием на 20 минут, запыхавшись, я примчался в клуб, сел за доску и быстренько сделал (я играл черными) следующие ходы: 1.d4 f5 2.¤c3 ¤f6 3.¤g5 d5 4.e4 fe 5.¤:f6 ef 6.¤h5+.

Здесь, наконец, я задумался. Уяснив, что 6...g6 7.♘:d5 точно ведет к потере пешки, я сыграл 6...♗e7 7.♘:d5+ ♔d6. Последовало 8.♘f4 (сильнее, думается, 8.♘c3) 8...g5 9.♘g6 ♗e8 10.♘f4 ♗d8.

У молодого шахматиста хватило здравого смысла понять, что на выигрыш в этом положении ему претендовать рановато. В отличие от его умудренного опытом противника: продумав здесь более получаса, он оставил коня под боем и сыграл, помнится, **11.0-0-0**. Я забрал коня и без хлопот довел партию до победы. Она продолжалась 27 хо-

дов. К сожалению, ее текст не сохранился.

Очевидно, эта партия с ее мутящими разум ассоциациями надолго запомнилась Фурману. Наши встречи в дальнейшем были наполнены ожесточенной, кровопролитной борьбой. Сейчас, когда я пишу это эссе, мне кажется, что Фурман — человек на редкость молчаливый, интроверт, но, как я заметил, обидчивый и с тягой к мщению! — находился под впечатлением, под мрачным впечатлением от этой партии десятки последующих лет...

Однако как сильнейшие шахматисты Ленинграда, профессионалы, занимающиеся общим делом, мы сблизились, часто анализировали вместе, вели иногда теплые, я бы сказал — дружеские беседы. На протяжении многих лет Фурман сотрудничал главным образом со мной, я рассматривал его как своего человека. Моя жена Белла была дружна с женой Фурмана Аллой, мой сын хорошо знал сына Фурмана. Получается, что мы, вроде, дружили семьями...

Мое следующее яркое воспоминание, связанное с Фурманом, относится к 1954 году. На международном турнире в Бухаресте участвовали четверо советских — Р. Нежметдинов, Р. Холмов, С. Фурман и я. Весь турнир я боролся с Нежметдиновым за первое место. Мы на

несколько очков обошли всех остальных и перед последним туром стояли рядышком. Мне предстояло играть белыми с О'Келли, ему — черными с Фурманом. Перед игрой Фурман был настроен по-боевому, к тому же и я его науськивал, просил играть как следует. Я сделал быструю ничью, а Фурман отложил свою партию с некоторым преимуществом. Глубокой ночью мы анализировали вдвоем отложенную позицию. Человек физически сильный, Фурман в ту ночь едва выдерживал огромное умственное и нервное напряжение; во время анализа у него носом пошла кровь. Спать он в ту ночь так и не пошел, а наутро партию выиграл. Принес мне таким образом победу в моем первом в жизни международном турнире. В моих глазах, учитывая все детали, представляя себе, сколько сил Фурман затратил, его достижение выглядело как спортивный подвиг. И сейчас мне кажется, что одна тысяча лей из 12 000, полученных мною как первый приз — то, чем я отблагодарил Фурмана за его вклад в мою победу — это было не слишком много...

Как бы то ни было, эпизод в Бухаресте укрепил наши взаимоотношения. Нам часто приходилось участвовать в одних и тех же соревнованиях, нередко — играть за одну и ту же команду. Естественно, мы ча-

сто встречались за доской в общем анализе. Но мне не приходило в голову пригласить Фурмана помочь во время важного соревнования. В 1960 году во время чемпионата СССР мне помогал В. Чеховер, во время чемпионата 1965 года в Киеве моим помощником был В. Шияновский, на межзональный в Тунисе в 1967 году со мной поехал Е. Васюков, он же помогал мне накануне турнира претендентов на Кюрасао в 1962 году. Неоднократно в 60-е годы я устраивал тренировочные сборы с В. Осносом. Только когда вышел на серьезные матчи претендентов в 1968-м году — тут мне захотелось ввести в бой «тяжелую артиллерию». Я стал готовиться с Фурманом и взял его как помощника на матч с С. Решевским в Амстердам.

В те годы выезды спортсменов за границу оформлялись Комитетом спорта СССР с разрешения специальной комиссии ЦК КПСС. Комитет командировал спортсменов и их тренеров, оформлял, покупал билеты, выдавал деньги на питание, так называемые «суточные». Специального гонорара для тренера предусмотрено не было; поездка за границу — в СССР это было нечто, тоже своего рода «гонорар». Предполагалось, что спортсмен, получая за границей денежный приз, будет распоряжаться им

по своему желанию, а если у него будут другие доходы, например, с сеансов, то будет сдавать половину в кассу Комитета. У меня был забавный случай в 1968 году. Дело было в Голландии. Делегация советских шахматистов, где руководителем был я, а единственным членом делегации Михаил Таль, участвовала на турнире в Вейк-ан-Зее. Турнир сложился благополучно для нас, что тоже было немаловажно во взаимоотношениях со Спорткомитетом. Потом мы давали сеансы. И я исправно откладывал половину нашей выручки для Комитета. А через две недели Таль уезжал. Я проводил его в аэропорт Амстердама. Оказалось, что у Таля перевес багажа 40 килограмм. Возможно, кому-нибудь удалось бы подсказать мне легальное решение проблемы. Но я по-простецки перераспределил деньги, причитавшиеся Комитету, и расплатился ими за перевес багажа...

Но вернемся к предстоявшему в июне 1968 года матчу с Решевским и вопросу о суточных. Они предназначались спортсмену и тренеру на питание и, честно говоря, были довольно щедрыми. Однако, если спортсмен не получал приза в конвертируемой валюте (не будем забывать: рубли не обменивались!), то на покупку подарков приходилось сурвово

экономить. В дорогу на Запад, на истекающий яствами Запад брались килограммы и килограммы снеди — консервы, чай, сухари и т.д. Так, во время матча я питался нормально, а Фурман нашел в каком-то магазине жареную курочку за 5 гульденов и питался ею целый день. И так день за днем...

Матч я выиграл. Мне удалось вскрыть непрактичность игры Решевского, который всегда играл поверхностно вторую половину партий — по причине острой нехватки времени. И получил приз — 1200 гульденов, около 400 долларов по курсу того времени. В самолете по дороге домой Фурман был еще более замкнут, чем обычно. По приезде я узнал, что мой матч с Талем намечен ровно через месяц. Нужно было срочно начинать готовиться, но Фурман, сославшись на семейные обстоятельства, от совместной работы уклонился. Я готовился с Вячеславом Осносом. Предполагалось все же, что на матч с Талем в Москву Фурман приедет. Ближе к матчу стали циркулировать слухи — спортивный клуб армии, членом которого был Фурман, не разрешает ему помогать члену общества «Труд» Корчному. Что инициативу проявил не кто иной, как чемпион мира Т. Петросян, который уговорил маршала Баграмяна нажать на

спортивный клуб армии. Все эти сплетни звучат очень правдоподобно, но сейчас мне представляется, что истинным инициатором всей этой истории был сам Семен Фурман. Ладно, матч у Таля, с помощью Осноса и Божьей, я выиграл...

Вспоминаю год 1970-й. Команда Ленинграда находится в Зеленогорске на тренировочном сборе. Из Ленинграда приезжает Фурман с каким-то пареньком. На глазах у всей честной команды паренек обыгрывает меня в блиц. Фурман вне себя от радости: «Хорошего я паренька нашел!» — хвастается он. «Нашел» — это слово я отметил особо, видимо, давно был в поисках... Очевидно, намечалась дружба не разлей вода с пареньком по фамилии Карпов. Ни на редкость юный возраст, ни сомнительный культурный уровень парнишки из Тулы не смущали тонкого знатока стратегии шахмат...

1972 год, Олимпиада в Скопье. Команда советских ассов состоит из 6 человек — 4 основных участника и 2 запасных. С командой посылаются тренеры — обычно два, а на этот раз три, на каждую пару игроков по тренеру. Вот так: Фурман будет помогать Карпову и мне. В одном из туров — встреча с командой Чехословакии, мне предстоит играть со Смейкалом. Ожидается защита Грюнфельда. Я сижу, готовлюсь, ра-

ботаю, правда, не очень продуктивно. Фурман смотрит неподвижно. Вдруг он говорит: «Подожди меня, я скоро приду». Приходит минут через 10. «Сядь, — говорит он, — я покажу тебе, что играть». «Так, — сказал я себе, — не нужно семи пядей во лбу, чтобы понять, куда ходил Фурман. Он просил разрешения Карпова кое-что показать мне. Значит, он работает с Карповым, а за мной только шпионит. Стоп!» Я отказался от помощи Фурмана. Это был мой последний в жизни контакт с этим человеком. Отныне ничто не отвлекало Фурмана от занятия, которое он посчитал делом своей жизни. Все свои знания, опыт, душу свою (!) он отдал воспитанию Анатолия Карпова.

Там, в Скопье, я невольно стал прокручивать цепочку наших отношений с Фурманом. Как случилось, что из, казалось бы, друга он превратился в откровенного врага? Я, наконец, понял. Там, в Амстердаме он претендовал на десятую часть моего приза! По-видимому, он считал такой дар само собой разумеющимся и потому не выдал свое желание ни единым словом. А мне это и в голову не пришло, не знал я такого неписаного обычая. А вот, думаю, дал бы я ему эти 40 долларов. Ведь могла бы измениться вся история советских и мировых шахмат...

* * *

С некоторых пор у Карпова появился и умный советчик — Александр Бах. По профессии он математик. Например, моего сына он натаскивал по математике и, как говорил Игорь, был очень хорошим репетитором. Бах любил находить общий язык с талантливыми молодыми шахматистами и помогал им дальными советами, а иногда, может быть, и как-то материально. Я сам познакомился с Бахом во время чемпионата СССР 1958 года в Риге, когда он опекал молодого шахматиста по фамилии Полугаевский. Потом он опекал Карпова (с 1969 года), позже Иванчука. У Баха была в Ленинграде квартира, в которой мог жить Карпов, пока у него не было своей. Бессспорно, Карпов переехал из московского университета в ленинградский по совету Баха. Вероятно, прочная связь Фурмана с Карповым тоже была установлена под влиянием и при непосредственном участии Баха.

Знакомые присвоили Баху кличку «Кися», что означало сокращение фамилии «Киссинджер», бывшего Госсекретаря США. Как видите, знакомые высоко оценили способности этого человека. И советы, которые давал Бах Карпову, были исключительно ценными. Об этом я еще высказа-

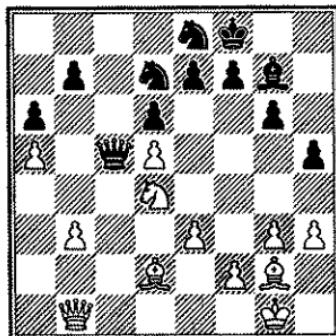
жуясь в дальнейшем. А пока — конечно, по совету Баха — Карпов предложил мне свою поддержку в подготовке к матчу с Геллером. Решено было сыграть тренировочный матч из шести партий — пять я играл черными, одну белыми. Перед каждой партией я рассказывал юному партнеру, какой дебют я собираюсь играть, — знал он пока что мало, а я хотел, чтобы он подготовился к игре, поработал дома. Матч закончился вничью — две партии выиграл он и две я. Одна из партий, выигранных им в матче, была едва ли не лучшей, выигранной им за десяток лет, с 1970 по 1980 год. Карпов, когда описывает наш с ним тренировочный матч, «забывает» упомянуть обо всех деталях. Говорит, что он, юный шахматист, легко сыграл вничью с претендентом на корону. А в какой-то партии он, мол, стоял здорово, но моя жена плохо подготовила обед (играли мы у меня дома), из-за этого он неудачно закончил партию. Что тут сказать? Жена умерла, ничего возразить не сможет...

Я подготовился теоретически к игре с Геллером, обратил внимание и на физическую подготовку. Тогда входил в моду неторопливый бег, «бег от инфаркта», как называлась одна из книг, агитировавшая за этот вид спорта. Перед матчем

я довольно регулярно стал бегать один-два километра. Мой партнер за доской никогда не скрывал своих агрессивных намерений, а я решил не уклоняться от острой борьбы. Тем более, что Геллер почти в каждой партии попадал в сильный цейтнот. После четырех боевых партий счет был равный, но оказалось, что у моего партнера иссякает энергия. Я выиграл пятую, седьмую и восьмую партии, и матч закончился.

В век компьютеризации, в том числе и шахматной компьютеризации, шахматная борьба лишилась некоторых привлекательных элементов. Расскажу о седьмой партии. Она была отложена с небольшим перевесом у меня. Но сколько я ни анализировал, я не видел возможности пробить позицию противника. Я придавал доигрыванию этой партии большое значение, я даже взял тайм-аут, чтобы лучше проанализировать позицию. То есть я анализировал ее три дня! Вячеслав Оснос предложил жертву фигуры. Она не выигрывала, но риск был небольшой — белые даже при лучшей игре противника удерживали позицию. Так я и сыграл при доигрывании. А Геллер этой жертвы не видел! Прошло четыре хода, и он опять был в жутком цейтноте. Я выиграл.

15. В. Корчной — Е. Геллер Москва 1971

42. $\mathbb{Q}e6+$ fe 43. de $\mathbb{Q}e5$ 44. f4 $\mathbb{Q}f6$ 45. b4 $\mathbb{W}b5$ 46. fe $\mathbb{W}:e5$
 47. $\mathbb{W}:g6$ $\mathbb{W}:e6$ 48. $\mathbb{Q}:b7$ $\mathbb{W}:h3$
 49. $\mathbb{W}g5$ $\mathbb{W}e6$ 50. $\mathbb{Q}:a6$ $\mathbb{W}a2$
 51. $\mathbb{Q}c3$ $\mathbb{W}c2$ 52. $\mathbb{Q}:f6$ $\mathbb{Q}:f6$
 53. $\mathbb{W}h6+$ $\mathbb{W}e8$. 54. $\mathbb{W}:h5+$ $\mathbb{Q}d8$
 55. $\mathbb{W}g4$ $\mathbb{W}b1+$ 56. $\mathbb{Q}f2$. Чёрные сдались.

В наши дни никому не придется в голову анализировать позицию три дня. Компьютер за пару минут покажет вам все варианты, и за полчаса вы их вызубрите. А жаль!..

Одновременно в Ванкувере игрался матч Фишер — Тайманов. Он закончился сенсационно: Фишер выиграл все шесть партий! Мало кто ожидал, что Тайманов устоит в матче против американца, но такого результата в современных шахматах не было давно. В Спорткомитете СССР решили наказать Тайманова. Наказывать за плохую игру выглядело бы смешно. Нет, Тайманова обыскали на границе. Обычно гроссмей-

стеров не проверяли. Но кто-то из его группы донес, что будет улов. У Тайманова нашли книгу диссidenta Солженицына. А из подслушанного международного телефонного разговора узнали, что Тайманов везет доллары для передачи С. Флору от Макса Эйве. Простодушный Тайманов не заявил о наличии валюты на границе — их нашли! Тайманова исключили из сборной страны и сняли с него «стипендию». Бумага, где рассказывалось о преступлении и наказании Тайманова, была дана для прочтения всем гроссмейстерам, и все мы расписались, что узнали о дисциплинарном взыскании и что усвоили урок.

Вскоре Фишер выиграл еще один матч со счетом 6:0, на этот раз у Ларсена. Таким образом, становилось ясно, что за шахматной доской Тайманов не слишком провинился. Но Тайманову это все-таки не помогло.

Шахматисты — сложные человеческие машины. Одним, чтобы быть уверенным в успехе, необходимо видеть в партнере приятеля, другим же — нужно обязательно злиться на соперника, и по ходу матча они не желают иметь с ним никаких отношений. К первой группе относится абсолютное меньшинство! Ко второй группе отношусь я сам. А есть еще одна группа, самая многочисленная.

Лицемеры, коварные люди, которые для вида поддерживают хорошие отношения с противником, дабы разоружить его. А уровень коварства зависит от артистических данных — по-видимому, почти все шахматисты обладают артистическими способностями. Спасский и Петросян были ведущими гроссмейстерами и, без сомнения, ведущими актерами.

К сожалению, я был психологически слабо подготовлен к матчу. При переговорах я шел на поводу у Петросяна, принимая все его условия. Ни в коем случае нельзя было соглашаться на проведение матча в Москве, где у Петросяна были как шикарная квартира в центре Москвы, так и прекрасная дача в ее окрестностях. Еще не сделав первого хода на доске, он уже выиграл у меня сражение.

В шахматном отношении я был вооружен до зубов. Новинки, подготовленные мной к матчу, прошли позднее проверку в крупных соревнованиях и были приняты на вооружение многими гроссмейстерами. Особенно я гордился, что в изъезженном варианте, игранном тысячи раз, мне удалось придумать новую идею уже на четвертом ходу! Со стороны Петросяна никакой специальной подготовки не чувствовалось. Понапалу я имел очевидное преимущество, но в не-

скольких партиях не сумел его использовать. Мы сыграли 8 партий подряд вничью. В народе шутили, что ни один из нас не хочет выигрывать матч, не желая встретиться с Фишером. Другие говорили, что еще не решено в Комитете спорта — кому выигрывать матч. На Западе тоже не верили, что матч играется всерьез. А я переживал, что не удалось довести до победы несколько хороших партий. И совсем расстроился, когда по-глупому проиграл 9-ю партию. Петросян выиграл матч и вышел на Фишера. Он уговорил меня принять участие в его подготовке к матчу с американцем. Нормальные отношения с Петросяном были в том случае, если я пропускал его вперед, а равных отношений у нас не было никогда. Две недели я посещал его подмосковную виллу. Перед отъездом на матч в Буэнос-Айрес Петросян настаивал, чтобы я сопровождал его. Вопрос этот обсуждался в Спорткомитете. Свой отказ поехать с Петросяном я аргументировал тем, что являюсь участником этого цикла соревнований претендентов, и мне неэтично быть тренером. И только в случае согласия Фишера я готов присоединиться к Петросяну. Кроме того, объяснял я, мне не всегда приятно смотреть на пассивную игру Петросяна, а тем бо-

лее — нести за нее ответственность. В высших инстанциях не очень настаивали. Человек не хочет бесплатно съездить в Буэнос-Айрес?! Наверно, он прав — Петросяну против Фишера сам черт не поможет!

Петросян был, пожалуй, неплохо подготовлен к матчу и держался первые пять партий. В шестой Петросян позволил себе применить дебютную схему, которая принесла ему успех в решающей партии матча со мной. Фишер, конечно, эту партию знал. И без особого труда опроверг сомнительное дебютное построение. Следующие три партии Петросян тоже проиграл, и матч закончился.

По возвращении в Москву Петросян стал говорить и писать о каких-то потусторонних силах, которые, якобы, помешали ему играть. Единственный из проигравших Фишеру, он не был наказан властями за проигрыш...

В начале 90-х годов историки XX века стали говорить и писать о политическом заслote в Советском Союзе, процессе, который, по их мнению, начался в конце 60-х годов. Особенно этот процесс, говорили историки, стал заметен в дальнейшие годы, одной из причин которого было то, что руководители страны с возрастом, с развивающейся старческой немощью, тем не ме-

нее, не уходили со своих постов, а бездеятельно ожидали естественной смерти и последующего пышного захоронения. По-видимому, застой коснулся всех сторон жизни страны: политической, экономической, культурной, спортивной. Затронул он и шахматы. Не буду называть имен. Пусть читатель сам решит — кого следовало бы назвать представителем застоя в шахматном мире... Но вот в конце года состоялся международный турнир в Москве. Победили Штейн и Карпов — по пять выигрышей, остальные ничьи. Уже этот результат свидетельствовал о начале деградации советской шахматной школы. Для сравнения — я выиграл шесть партий и получил специальный приз за наибольшее количество побед. Но я и проиграл шесть партий, и в итоге остался без денежного приза. Однако своим творчеством я был удовлетворен.

Вместе с одним из победителей турнира в Москве я поехал на рождественский турнир

в Гастингс. Карпов играл там блестяще, но за два тура до конца я все же оказался неподалеку. Исход соревнования должна была решить партия между нами. Я ее выиграл, на удивление, даже без особого сопротивления со стороны своего сверхчестолюбивого противника. Теперь перед последним туром я опережал Карпова на полочка. У меня была партия черными с Найдорфом, у него — белыми с Марклендом. Очевидно, он опасался, что я буду готовить Маркленда, поэтому в дебюте он избрал систему, которую раньше не применял. Я сыграл вничью, а он отложил несколько лучший эндшпиль. Помочь Маркленду? Я вспомнил подвиги Петросяна — его работу против Тали в 1959 году, против Кереса в 1962-м... Нет, у меня своя гордость! Пока Карпов за стеной анализировал свою позицию, я нарочно шумел у себя в комнате, давая ему понять, что меня сейчас, кроме музыки, ничто не занимает. Партию он выиграл; мы разделили первое место.

Послесловие к главе

Двадцать лет спустя после описываемых событий Анатолий Карпов высказался. В книге «Сестра моя Каисса» (Нью-Йорк, 1990) он заявил, что матч Петросян — Корчной 1971 года был решен заранее — в Спорткомитете СССР, что за проигрыш матча мне было обещано участие в трех международных турнирах. Как прокомментировать это заявление?! Нравственно нечистоплотные люди искусно распространяют зловонные сплетни. Страдает в результате экология Земли...

Глава 10

НАКАНУНЕ ВАЖНЫХ СОБЫТИЙ, ИЗМЕНИВШИХ ЖИЗНЬ

Шахматы занимали в СССР совершенно исключительное положение. В стране, где, казалось бы, любая мысль находилась под контролем властей, шахматная мысль была одной из тех редких, которые не контролировались. По этой, именно этой причине А. Алехин предсказывал расцвет шахмат в Советском Союзе. А вот как пишет об этом феномене искусствовед, дочь И. Болеславского Татьяна: «Шахматы... давали играющим в них иллюзию независимости. По крайней мере, во время партии ты был хозяином положения. Вот почему в зажатой тисками идеологии стране интеллигенция так тянулась к шахматам. Государство так и не заметило эту, таявшуюся в шахматах, силу независимости и сделало их предметом национальной гордости». («64 – Шахматное обозрение» № 9–10, 1994.)

В 1972 году мне довелось участвовать в съемках в профессиональном кино. Фильм этот был о шахматах, назывался «Гроссмейстер». Я играл

тренера паренька, который стал гроссмейстером. Фильмов о шахматах тогда совсем не было, сам факт его появления радовал. Но сценарий был слабеньким. Актеры говорили, что я оказался лучшим по исполнению в фильме – небольшой комплимент для профессиональных артистов, меня окружавших.

Судя по моей шахматной игре, пора было менять профессию. В то время я увлекался астрологией; звезды говорили, что у меня наступила положительная полоса. Однако в действительности в каждом соревновании мне приходилось очень мучиться. В рамках соревнования СССР – Югославия я играл небольшой матч с М. Матуловичем. Поначалу я этот матч проигрывал. Пришлось на нервах выиграть две последние партии, чтобы победить. Турнир IBM в Амстердаме с легкостью выиграл Полугаевский. Чтобы не ударить в грязь лицом, мне пришлось на финише выиграть пять партий подряд! А наука утвер-

ждает, что нервные клетки не восстанавливаются...

Вспоминается и такое соревнование 1972 года — чемпионат СССР по блицу. 20 гроссмейстеров играли пятиминутки, двухкруговой турнир в течение двух дней. Игра проходила в Москве на стадионе «Динамо». Нужно было доехать до стадиона на метро или троллейбусе, а потом пройти метров 800 вглубь стадиона. На второй день я чуть-чуть опоздал к началу. Пришлось вспомнить молодость и бежать эти 800 метров. Я примчался в зал в 17 часов 3 минуты. Предстояло играть черными с Холмовым. Мои часы шли, у меня оставалось две минуты. Удивительная пунктуальность! Не так часто подобная точность наблюдалась в городе Москва... Я сделал ничью. В итоге турнира первое место разделили Карпов и Тукмаков. Я поделил третье место, кстати, с Холмовым.

Олимпиада в Скопье 1972 года. Очень трудно складывалась игра у меня, да и у всей советской команды. Борьба с венграми и югославами шла очко в очко до самой последней минуты последнего тура. Я выступил неплохо, но два раза мне страшно повезло. Болгарин Трингов в ничейном положении забыл положить запись партии вместе с запечатанным ходом в конверт. А в

матче с Кубой неопытный судья не понял, что я на сороковом ходу просрочил время, и велел Сильвино Гарсия записать ход. При доигрывании я выиграл ту партию. А может быть, в моем везении решающую роль сыграли звезды?! В последнем туре Олимпиады я обыграл румына Чокылта. Он жаловался потом, что я страшно бил по часам. Ничего не помню, не нарочно это было. Страшное напряжение — мое, да и всей команды — отразилось на моем поведении...

Бледно играл я и на Мальорке, хотя и сумел разделить первое место с О. Панно и Я. Смейкалом.

Преследуемый неверием в свои силы, я решил сыграть в первенстве Ленинграда. Никогда еще, начиная с юношеских лет, я не играл в чемпионате города так слабо. Я был разгромлен в пяти партиях, набрал лишь 50% очков!

До важного турнира — межзонального — оставалось 4 месяца. Я приступил к интенсивной подготовке, где шахматный тренинг занимал ничтожную часть. Как и 18 лет назад, я отправился на отдых, бросил курить, занялся спортом. Чтобы успокоить нервную систему, избегал всяческих контактов с людьми — все для того, чтобы улучшить работу мозга. Накануне турнира я все-таки поработал недельку со своим

тренером Осносом. Сосонко к тому времени уже эмигрировал из СССР.

Межзональный 1973 года в Ленинграде. Принудительная жеребьевка. Во избежание «сплавов» советские играют между собой в самых первых турах. Это испытание я прошел блестяще, набрал 4 очка из 5-ти. Вспоминается партия с Талем. В тот день я чувствовал себя немножко уставшим. Когда он сделал один неточный ход, я предложил ему ничью. Он счел мое предложение признаком слабости и отклонил его. За первым неудачным ходом Таль последовали другие. В трудном положении Таль робким голосом предложил ничью, но было уже поздно... Потом мощной игрой я обыграл еще нескольких конкурентов. Однако Карпов, который столь сильной игры не демонстрировал, а полагался скорее на везение, перед последним туром оказался вровень со мной. В последний день Карпов и я играли белыми; он — с Торре, я — с Хубнером. Я предложил ему сделать ничью обоим, но «шансовик» Карпов отказался. Он и я — мы выиграли свои партии. Наряду с турнирами 1968 года я причисляю этот межзональный к числу своих лучших достижений в жизни.

Очередное первенство Европы проходило в Бате. Накануне отлета в Англию в номе-

ре отеля «Россия» умер Леонид Штейн. Инфаркт — профессиональная болезнь шахматиста. Гроссмейстер в борьбе — это клубок нервов. В то же время он должен быть невозмутим и тверд. На моей памяти скончались от сердечного приступа Симагин, Керес, Багиров...

На поездке шахматистов в Англию заострило свое внимание КГБ. С командой вместо тренеров поехали «соглядатай». Гроссмейстер Антошин всем своим видом показывал, что он здесь не для низменных занятий шахматами. Была переводчица. 8 лет спустя она попросила политическое убежище в Швейцарии. Длительная служебная командировка, понял я, — КГБ расставляло долговременную шпионскую сеть в Европе, используя для этого все пути, как легальные, так и нелегальные. Были еще два «virtuosa». Вся четверка внимательно следила за нашим времяпрепровождением, вмешивалась в наш режим, старалась собрать побольше материала о наших взаимоотношениях. Меня раздражало их поведение. Я задумал расплатиться с этой группой за докучливую опеку. И случай представился.

По возвращении в Москву команду всегда собирали в Спорткомитете. Выступал руководитель команды с рассказом о наших успехах, затем говорил зам председателя Ко-

МЕЖЗОНАЛЬНЫЙ ТУРНИР В ЛЕНИНГРАДЕ 6-30 июня 1973 г.

6-30 июня 1973 г.

митета. Потом задавали вопрос: кто еще хочет добавить. Шахматисты обычно только мычали в ответ. Встреча заканчивалась. На этот раз на предложение «добавить» я встал и произнес заготовленную речь. Я сказал, что шахматистам, изъездившим весь мир, нужно доверять или не посыпать их совсем. Что поехавшая четверка только мешала нам работать. А там, где они были нужны — вот там их не было! Я рассказал, как в последний день перед отъездом я давал сеанс в Лондонском Сити. В круг вошел человек с конвертом в руке и попросил передать письмо советскому послу в Лондоне. «Свободу советским евреям-заключенным!» — вскричал он напоследок. А где они были, эти четверо?! (Где-где? По магазинам, конечно, побежали...)

Собственно, я раскритиковал работу Комитета, осудил формы и методы работы КГБ. Таких вещей в СССР не прощали никому! Пока я был претендентом на мировое первенство, со мной не могли расправиться. Но, как я уже говорил, у КГБ слоновья память, они вскоре мне это припомнят!

В 1973 году была реформирована система проведения первенства СССР. Организовали высшую и первую лиги. И суровый отбор — нижняя половина участников высшей лиги на следующий год спус-

калась в первую лигу. Высшая лига 1973 года оказалась одним из самых сильных турниров в моей жизни. Сильнее практически (не по рейтингу, а по реальной силе) даже турнира претендентов 1985 года в Монпелье. Кошмар, а не турнир! Можно было играть неделю за неделей и ждать мига удачи — борясь за победу в каждой партии и не выигрывая. Через это испытание прошли и Керес, и Таль, и Смыслов, которые так и остались в минусовой зоне. Мне повезло — в середине турнира удалось выиграть три партии подряд. Я разделил второе место с Карповым, Петросяном, Полугаевским и Кузьминым. Выиграл турнир Спасский. Это был спортивный подвиг. Мне показалось, что он надорвался: отдал всю энергию, без остатка. Колossalный успех! Но последний в жизни....

Вспоминаю свою партию со Спасским в чемпионате: интерес к турниру огромный, зал забит до отказа. Тот же самый зал, где игрался чемпионат 1952 года, только убрали портрет Сталина. Старенький зал, прекрасная акустика, толпа гудит — переживает за каждую партию. Я, обычно нечувствительный к шуму, понял, что не могу играть дальше в такой обстановке. Вспомнив свой опыт игры в кино, собравшись с духом, я крикнул в ревущий

зал: «Да перестаньте галдеть!» На минуту все стихло. Я сделал ход и предложил Спасскому ничью. Он видел, в каком я состоянии, но на доске — объективно — у него было не лучше. После небольшого раздумья он принял мое предложение.

Выиграть турнир Спасскому было необходимо. Будучи чемпионом мира, он не раз позволял себе «неправильные», с точки зрения советского руководства, высказывания. Однажды на лекции в Новосибирске его спросили — почему Керес не стал чемпионом мира. Тысячной аудитории он ответил: «У Кереса, как и у его страны, несчастливая судьба». Еще бы! На пятьдесят с лишним лет Эстония стала объектом неблаговидной политики КПСС. Известен

был и случай, когда Спасский отказался подписать письмо за освобождение Анжелы Дэвис. Кто такая была эта негритянская женщина, я сейчас уже не помню, помню лишь, что в свое время советские развязали шумную кампанию за ее освобождение.

Великому русскому человеку, чемпиону мира все прошлось. Но когда он споткнулся, проиграл Фишеру, у него возникли серьезные трудности. Особенно трудным стал для него 1975 год, когда сама его жизнь была в опасности: КГБ старался порвать его связь с француженкой, удержать Спасского от женитьбы, не выпустить из Советского Союза.

Через пару лет мне придется встретиться в матче со Спасским. И я о нем еще кое-что расскажу...

Глава 11

ГОД 1974. МАТЧИ

В конце года мне удалось организовать себе соревнование, которое не было запланировано — редкий случай в советских условиях, который доказывал мою значимость в это время в советском шахматном мире. По предложению Хюбнера мы сыграли с ним тренировочный матч в Золингене. Спонсором выступил клуб «Золинген-1874», точнее — его хозяин Эгон Эферц. Сыграли 8 партий. Первые три оказались результативными, остальные — ничьи. Мне удалось выиграть 2:1. Матч стал для меня полезным тренингом, хотя игра моего следующего соперника существенно отличалась от стиля Хюбнера.

На матч с Мекингом, который должен был состояться в городе Огасте, штат Джорджия, США, я попросил дать мне руководителя. Я не был уверен в благополучном результате. Когда-то Спасского ругали, что он не взял руководителя на матч с Фишером. Шефом там был Е. Геллер, а по ходу матча он не сумел справиться со мно-

гими организационными проблемами. Ну а если я проиграю, то пусть хоть часть вины падет на руководителя! Мы отправились в США вчетвером: руководитель — работник обкома (я познакомился с ним на вокзале), Вячеслав Оснос и мы с женой. Обратите внимание: поехать на соревнование вместе с женой — в СССР такое удавалось далеко не каждому!

В Америке встретили радушно, гостеприимно. Руководитель шахматной федерации США Эдмондсон провел меня по гостинице и предложил выбрать любую комнату. Продумано было, что кроме гостиницы, чтобы сделать наше пребывание в Огасте более приятным, мы сможем посещать одну семью в городе. Семья Хаглер оказалась очень любезной. Наш партийный руководитель оказался мягким человеком. По воскресеньям мы посещали богослужение в реформистской церкви...

Молодой человек, с которым мне предстояло играть, Энрико Мекинг, выиграл втор-

рой межзональный турнир, в Петрополисе. Он, конечно, был гений — в Бразилии, совсем не шахматной стране, работая в одиночку, вырасти в такую величину! Уже в возрасте 13-ти лет он показал свою незаурядную силу — в Сусе в 1967 году он выиграл у меня неплохую партию. Молва зачислила его в «плохие мальчики»: Р. Фишер, У. Браун, Э. Мекинг... Судя по их отношению ко мне, ни об одном из них я ничего плохого сказать не мог. Мекинг относился ко мне предельно уважительно. Во время матча он, действительно, нервничал — ему мешал шум в отдаленных комнатах, во время одной из последних партий он знаками показал, что ему мешает мое громкое дыхание...

Матч был трудным. Мекинг был прекрасно подготовлен. Он просмотрел к матчу 1200 моих партий! Часто в его игре я узнавал применяемые мной расстановки фигур. Он допустил серьезную ошибку, соглашившись играть партию в день своего рождения. Дело не в суеверии и даже не в теории циклов человеческой активности, довольно модной в середине XX века. Просто в этот день у человека праздничное настроение, но совсем не по поводу шахматной партии; ему трудно настроиться на борьбу. Мекинг хорошо разыграл де-

бют, а потом серией неточных ходов проиграл несколько лучшее положение. Это была пятая партия матча, первая результивная.

За доской Мекинг часто переигрывал меня. Где он значительно мне уступал — в домашнем анализе! Несмотря на то, что в его группе был Ульф Андерссон. Превосходство в анализе я продемонстрировал уже в первой партии. Разница в качестве анализа была столь очевидной, что Мекинг предположил, что я получаю анализы из Москвы! Трагически для Мекинга сложилась 7-я партия. За доской он проявил немало выдумки. Энергичной игрой захватил инициативу и отложил партию с лишней пешкой и шансами на выигрыши. При начале доигрывания выяснилось, что он записал не лучший ход. Анализ его тоже был не очень аккуратен. Я предложил ничью, но Мекинг отклонил предложение. Через несколько ходов моя проходная пешка прошла в ферзи.

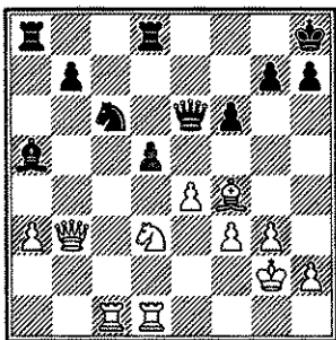
16. В. Корчной — Э. Мекинг

Огаста 1974 (м/7)

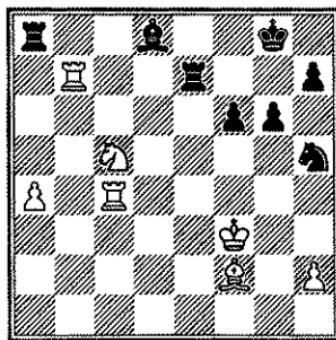
Дебют Reti A08

$$\begin{aligned}
 &1. \mathbb{d}f3 \mathbb{d}5 2. g3 \mathbb{e}5 3. \mathbb{g}g2 \mathbb{d}c6 \\
 &4. d4 \mathbb{e}6 5. 0-0 \mathbb{cd} 6. \mathbb{d}:d4 \mathbb{d}c5 \\
 &7. \mathbb{d}b3 \mathbb{d}b6 8. c4 \mathbb{d}f6 9. cd \mathbb{d}:d5 \\
 &10. \mathbb{d}a3 0-0 11. \mathbb{d}c4 \mathbb{d}c7 12. \mathbb{d}e3 \\
 &\mathbb{w}e7 13. \mathbb{d}:d5 ed 14. \mathbb{d}e3 \mathbb{d}d8 \\
 &15. \mathbb{d}d2 \mathbb{d}g4 16. \mathbb{d}fe1 a5 17. \mathbb{d}g5 \\
 &f6 18. \mathbb{d}f4 \mathbb{d}b6 19. \mathbb{d}d1 a4
 \end{aligned}$$

20. $\mathbb{Q}c1$ $\mathbb{Q}h8$ 21. $\mathbb{Q}d3$ $\mathbb{Q}e5$ 22. a3 $\mathbb{Q}c6$ 23. $\mathbb{Q}f1$ $\mathbb{Q}e6$ 24. $\mathbb{Q}c1$ $\mathbb{Q}f5$ 25. f3 $\mathbb{Q}h3$ 26. b4 ab 27. $\mathbb{Q}:b3$ $\mathbb{Q}a5$ 28. $\mathbb{Q}ed1$ $\mathbb{Q}:g2+$ 29. $\mathbb{Q}:g2$ $\mathbb{Q}e6$ 30. e4.

30... $\mathbb{Q}d4$ 31. $\mathbb{Q}:b7$ de 32. $\mathbb{Q}:e4$ $\mathbb{Q}:e4$ 33. fe $\mathbb{Q}e2$ 34. $\mathbb{Q}c4$ $\mathbb{Q}c3$ 35. $\mathbb{Q}d2$ $\mathbb{Q}:e4$ 36. $\mathbb{Q}dc2$ $\mathbb{Q}:g3$ 37. $\mathbb{Q}c5$ $\mathbb{Q}h5$ 38. $\mathbb{Q}e3$ $\mathbb{Q}e8$ 39. $\mathbb{Q}f3$ $\mathbb{Q}b6$ 40. a4 g6 41. $\mathbb{Q}f2$ $\mathbb{Q}e7$ 42. $\mathbb{Q}b2$ $\mathbb{Q}d8$ 43. $\mathbb{Q}b7$ $\mathbb{Q}g8$.

44. $\mathbb{Q}d7$ f5 45. $\mathbb{Q}b8$ $\mathbb{Q}:b8$ 46. $\mathbb{Q}:b8$ $\mathbb{Q}c7$ 47. $\mathbb{Q}c6$ $\mathbb{Q}e8$ 48. a5 $\mathbb{Q}:h2$ 49. a6 $\mathbb{Q}f7$ 50. a7 $\mathbb{Q}a8$ 51. $\mathbb{Q}d4$ g5 52. $\mathbb{Q}d8$ $\mathbb{Q}:a7$ 53. $\mathbb{Q}:a7$ g4+ 54. $\mathbb{Q}g2$ $\mathbb{Q}f4$ 55. $\mathbb{Q}d7+$ $\mathbb{Q}g6$ 56. $\mathbb{Q}d4$ h6 57. $\mathbb{Q}d5$ $\mathbb{Q}g5$ 58. $\mathbb{Q}e5+$ $\mathbb{Q}h7$ 59. $\mathbb{Q}d7+$ $\mathbb{Q}g8$ 60. $\mathbb{Q}f7$ $\mathbb{Q}f4+$

61. $\mathbb{Q}h2$ $\mathbb{Q}e2$ 62. $\mathbb{Q}:g5$ hg 63. $\mathbb{Q}e5$. Черные сдались.

Матч продолжался несколько недель. В свободное время господин Хаглер свозил нас на своем самолете в столицу штата, город Атланта, посмотреть работу правительства штата. Сфотографировались и с губернатором штата, будущим президентом Америки Д. Картером. Эта фотография вскоре пригодилась моему сыну — ему предстояло бороться против советских властей...

Матч игрался до трех побед одного из играющих с лимитом в 16 партий. Мекинг отличной игрой одержал первую победу в 12-й партии. Но уже следующая партия оказалась решающей. Она была нервной, со множеством ошибок, преимущество переходило из рук в руки. Наконец, я выиграл. Матч закончился; оба партнера остались недовольны своей игрой...

После матча я выступил в США три раза с лекциями и сеансами. Запомнился сеанс в Джоржтаунском университете в Вашингтоне. В зале — борцы за гражданские права, развешаны плакаты. На минуту оторвавшись от шахматных досок, я уткнулся в надпись: «Только шахматисты, послушные советским властям, разъезжают по миру. А Солженицын в эти игры не играет!» Что правда, то правда...

Теперь человек, который исподтишка плел козни против меня более десятка лет, должен был сесть напротив меня за доску. Выяснилось, что матч, который Петросян играл одновременно с моим против Мекинга, был еще более утомительным, чем мой: чтобы выиграть у Портиша, партнера для него очень трудного, он выложился весь, отдал всю энергию. И за короткий срок не смог восстановиться. Как я узнал потом, к матчу со мной он готовился в содружестве с Карповым. А в случае выигрыша у меня он выходил на Карпова! Думается, подсознательно, при упадке сил он в свой успех против меня не верил. Сама идея готовиться вместе с Карповым была сомнительна: дебюты, которые хороши для Карпова, неприемлемы для Петросяна! Но выбор был сделан лет 15 назад, еще тогда, когда мальчик Толя ходил в первый класс...

Я учел уроки прошлого — наотрез отказался играть в Москве. Играли в Одессе. Наскоро сколоченный помост, где находился наш шахматный стол, не был шедевром строительного искусства и колебался от каждого движения. А у Петросяна в последние годы появилась привычка в конце партии, когда растет нервное напряжение, трясти ногой. Ни раньше, ни потом, в других

матчах я такого за ним не замечал. Видимо, следствие сильной нервной усталости. Стол и помост дрожали. Во время первой партии я сделал ему словесное замечание, а он после партии, которую проиграл, написал заявление в судейскую коллегию. Во время четвертой партии в обоюдном цейтноте я пошел к судье жаловаться, а он в ответ лишь пожал плечами. После партии (я ее проиграл) я написал заявление в судейскую коллегию о неспортивном поведении Петросяна, упомянул также, что регулярно в зале собирается группа армян с лозунгами поддержки в адрес Петросяна.

Пятая партия игралась при счете 2:1 в мою пользу. Я получил некоторый перевес по дебюту. Петросян снова стал трясти стол. Теперь мне показалось, что при попустительстве главного судьи он делает это нарочно — мешает мне обдумывать ход! «Не трясите стол, вы мне мешаете», — сказал я. «Да мы не на базаре», — ответил он. И продолжал свое черное дело. И тогда я произнес сакраментальную фразу: «Вы ловите свой последний шанс!» Эта фраза оказалась самой последней. Больше — вплоть до его смерти — мы так и не разговаривали.

Петросян перестал трясти стол, я отложил партию в выигранной позиции. На доигры-

вание он не пришел. Вместо этого он написал заявление, требуя отменить результат матча (при счете 3:1 в мою пользу) и присудить ему победу на том основании, что я мешал ему играть! Он использовал все возможности: послал телеграмму из 200 слов в ЦК КПСС, звонил президенту ФИДЕ Эйве. Заседание жюри проходило под водительством мэра Одессы. Обсуждался вопрос о моем якобы нарушении правил. Попутно я задал вопрос: «Выступления Петросяна в СССР сопровождаются демонстрациями армян, и меня интересует — какую роль сам Петросян играет в организации этих сбороищ». «Все! — вскричал Петросян. — Он оскорбил меня, он оскорбил мой народ. Я с ним больше не играю!» Он написал очередное заявление — обвинил меня в шовинизме. Моя жена-армянка была в Одессе во время матча, но вряд ли он упомянул эту деталь. В ожидании решения из ЦК КПСС он лег в больницу, но от обследования отказался. Когда из Москвы пришел отрицательный ответ, Петросян написал заявление, что сдает матч...

Накануне Олимпиады в Ницце нас пытались помирить. Трудно было представить, что мы можем участвовать в одной команде. Петросян, дабы его не выгнали из сборной, выдавил из себя подобие улыбки.

Отныне, следом за Спасским и Фишером, которые обыграли его, я стал его заклятым врагом. Пройдет полгода, и он открыто станет выталкивать меня из страны. На этом пятаке, называемом Советский Союз, нам вдвоем не ужиться...

В Ницце я встретил старого знакомого Г. Сосонко, теперь гражданина Голландии. Он часто бывал точен в своих предсказаниях. Мы разговорились, вспомнили уже покинувших СССР гроссмейстеров. «Рассматривая движение за выезд из СССР в диалектическом развитии, — говорил Сосонко, — мы приходим к выводу, что следующим покинувшим СССР будет...» «Ну что вы, — обрывал я его, — мы такие привилегированные, мы такие большие люди в СССР...» «Однако, принимая во внимание все шахматные и не шахматные обстоятельства, приходишь к мысли, что следующим уехавшим...» Я не давал, не дал ему возможности высказаться до конца, назвать имя. Ведь он, без сомнения, имел в виду меня! Я боролся, я все еще видел себя полезным членом общества. Как боролся потом в матче против Карпова и некоторое время после матча — против общества, которое больше не считало меня полезным...

Власти выбрали фаворитом Карпова. Это было ясно. И

ясно почему. Карпов — стопроцентный русский. В отличие от меня. Карпов — представитель рабочего класса, по Конституции — правящего класса страны. В отличие от меня, интеллигента. Карпов послушен властям. В отличие от меня, чье личное дело полным-полно нарушений. Наконец, он молод, он перспективен на десятки лет вперед. В отличие от меня, который на 20 лет старше Карпова.

В прессе Карпов всегда говорит то, что нужно, что от него ждут. По-видимому, не обходится без наставлений Баха. Я уважительно пишу о Фишере, даю понять, что с ним играть нелегко. Карпов дает интервью, что он никого не боится! В то же время он поддерживает свой имидж русского рабочего парня. А. Рошаль взял у Карпова и меня интервью — одинаковые вопросы, короткие ответы. Я назвал любимым фильмом феллиниевский «Ночи Кабирии», он — «Освобождение», советский фильм о войне с Германией. А, может быть, и вправду у него такой культурный уровень?!

Подготовка к матчу началась, а я еще этого не понимал. На Олимпиаду в Ниццу летом 1974 года команда отправилась с двумя тренерами. Один — Фурман, официальный тренер Карпова. Другой — Геллер, пока еще подпольный тре-

нер Карпова. Успешно шпионит за мной. Геллер подсмотрел, что я купил книгу о варианте дракона. Этому варианту Карпов посвятит недельный анализ.

В переговорах о матче мне было трудно. Карпов не зря появился в Ленинграде. Он отобрал у меня тренера, он сумел отобрать у меня помочь ленинградских организаций — Спорткомитета, шахматной федерации. Не очень умно поддерживать перелетную птицу, появившуюся откуда-то с Урала, вместо человека, десятки лет верного городу. Не исключено, что пришел приказ сверху. Единственный человек, который поддерживал меня на переговорах в Москве, был руководитель шахмат в обществе «Труд» Григорий Абрамович Гольдберг.

Обманным путем работник Спорткомитета Батуринский добился, чтобы матч был назначен в Москве — в уже подписанный мной документ он просто включил еще один пункт. Я просил начинать игру в 16.30. Карпов, который считал — чем старше человек, тем труднее ему соображать в позднее время — настаивал на 17-ти часах. Используя свое привилегированное положение, Карпов настоял на всех пунктах, которые считал нужными для себя. При переговорах присутствовал руководитель феде-

рации шахмат СССР Ю. Авербах. В прошлом мы были с ним в хороших отношениях. Но на переговорах он поддерживал Карпова. Я был обозлен. В этой ситуации, где все пинали меня, я должен был оставаться самим собой — иначе я психологически проигрывал матч еще до его начала! Я послал Авербаху открытку: «От трусости до предательства один шаг, но с Вашиими данными Вы легко преодолеваете это расстояние. Искуснее держите нос по ветру!» Я имел в виду как умение Авербаха подстраиваться к сильнейшим, так и его высокий рост. Еще один враг. Но раз весь свет ополчился против меня — я шел на разрыв со всем светом.

Надо отдать должное прозорливости советских властей. Они не хуже Сосонко смотрели в будущее. За два года до моего бегства на Запад они уже относились ко мне как к иностранцу! Почему Смысловы отправили из Москвы? Мы были изолированы. Со мной, моей женой, моими людьми боялись даже здороваться. Не боялся Смыслов. Его с почетом выслали из Москвы на международный турнир. А как было с Бронштейном? Мы поработали с ним перед матчем, а потом я предложил Давиду быть моим официальным тренером. Он ответил: «Матч ведь будет в Москве. Я вам буду все рав-

но помогать. Я веду шахматный отдел в крупной газете. Если я буду вашим официальным тренером, мне не разрешат освещать ваш матч». В федерации шахмат узнали о его поездке ко мне, позвонили в редакцию газеты — и там отобрали у него отдел! Огорченный Бронштейн уехал из Москвы, а вернулся только через полтора месяца...

Моими постоянными помощниками были В. Оснос, на протяжении многих лет мой верный человек, и мастер Р. Джинджихашвили, человек с неважной репутацией в советском шахматном мире. Но что делать? Людей с хорошей репутацией — всех отправили в лагерь Карпова. Мне, например, рассказали такую историю: Таль и Ваганян прилетели в Москву с международного турнира. При выходе из аэропорта их ждала машина ЦК ВЛКСМ. «Поехали срочно к Карпову, — сказал ответственный комсомольский работник, — у него плохо получается с французской защитой». И оба послушались, поехали!

Меня очень расстроило известие о Тале. В отличие от Геллера, Таль сам поставил меня в известность, что работает с Карповым. Расстроился я, а потом подумал, что Таля держали, не давали ему играть на Западе из-за провинности

на Кубе, а в начале 70-х годов он подпал еще под одну инструкцию — трижды женатых не выпускали! Кто же мог спасти его? Только Карпов! И Таль пошел к нему в рабство...

Квалифицированной поддержки у меня не было. Спасский хотел мне помочь, но после проигрыша Карпову он плохо себя чувствовал. Он приходил ко мне, немножко посидит возле доски, а потом ложится и говорит: «Я так хочу тебе помочь, Виктор, но я в плохом состоянии». Трусливый друг Полугаевский пытался оказать мне помощь, не выходя из своей машины. Мы с ним ездили куда-то на окраину Москвы, там он прямо в машине расставлял карманные шахматы, и мы с ним немножко разговаривали, обсуждали какие-то позиции. Человек до смерти боялся, что об этом узнают на другой стороне. Мне вспоминается одна интересная сцена, свидетелем которой я был. Дело происходило в 1959 году в многонациональном городе Тбилиси во время первенства СССР. К Полугаевскому пришла группа тбилисских евреев — его болельщиков. Они спросили: «Скажите, а вы кто правильно — Полугаевский или Полугоевский?» (Гоями евреи называют не евреев.) Вопрос очень интересен, и, если подумать, то правильно второе, но он стал восклицать: «Ну что

вы, конечно, я Полугаевский, конечно!» Этот человек, подумал я, в глубине души презирал себя! Мало кому такое могло прийти в голову, а между тем это была главная причина, почему Полугаевского всегда тормозило на дальних подступах к званию чемпиона мира. Хотя и был он очень талантливым человеком...

У меня был еще один помощник — психолог Р. Загайнов сам предложил мне свои услуги за месяц до начала матча. Не знаю, как с точки зрения психологии, но в спортивной закалке к продолжительному матчу он мне бесспорно помог! Ох, уж эти психологи! Кажется, у них существует профессиональная черта — полное отсутствие принципов. Психолог Дадашев, житель Баку, помог Каспарову устоять в его тяжелейшем матче против Карпова 1984–85 года. Но не прошло и двух лет, как он перекинулся к врагу Каспарова — Карпову, и в Севилье 1987 года Каспарову пришлось против него обороняться. А этот, Загайнов, который вроде помогал мне в Москве в 1974 году!? Гроссмейстеров, готовых принять психологическую поддержку, немало, но Загайнов — тоже! — в 1991 году отправился в противоположный лагерь, к Карпову! Как-то в голову не приходит, что существуют люди столь бесприципные.

Мне бы тогда, в 1974-м году, следовало принять большие меры предосторожности...

Течение матча, его спортивное, шахматное, психологическое содержание никогда не были освещены в советской печати. Иначе пришлось бы признать его творческую бедность, коснуться различных околошахматных моментов. Матч можно было разделить на две части. Вначале, первые восемь партий наступал Карпов. Он навязывал мне продолжительный бой, откладывал каждую партию. Он выиграл две партии. Благодаря шпионской деятельности своих подручных, он оказался прекрасно подготовлен к дебютам этих партий, выиграл их, фактически, дома. После 8-й партии он стал уставать и перешел к защите. Он сидел в окопе полтора месяца. И даже совершил однажды удачную вылазку и выиграл еще раз.

Бронштейн вернулся в Москву только в конце матча. С его приездом я оживился. Чтобы избежать утечки информации, я готовился к игре у него дома. Я выиграл две партии, одну из них, 21-ю, в 19 ходов. После нее, рассказывают, бедняга Карпов перестал есть.

17. В. Корчной – А. Карпов

Москва 1974 (м/21)

Новоиндийская защита E17

В матче претендентов 1974 года советские власти избрали

фаворитом А. Карпова. Лучшие силы громадной шахматной державы были мобилизованы ради того, чтобы помочь ему выиграть этот матч – обеспечить должную тренировку, аналитическую работу перед матчем и в продолжение всего соревнования. В теоретическом отношении, благодаря стараниям Петросяна, Геллера, Фурмана, Ваганяна и многих других, Карпов был вооружен до зубов. Поэтому, несмотря на очевидный перевес в опыте, мне часто не удавалось пробить уже первую, выстроенную Карповым дома линию обороны. За редким исключением...

1.d4 $\mathbb{Q}f6$ 2. $\mathbb{Q}f3$ e6 3.g3 b6 4. $\mathbb{Q}g2$ $\mathbb{Q}b7$ 5.c4 $\mathbb{Q}e7$ 6. $\mathbb{Q}c3$ 0-0.

Разыгрывается новоиндийская защита, как в большинстве партий матча, где я играл белыми. Дебютная фаза полна тонкостей. Если 6... $\mathbb{Q}e4$, то после 7. $\mathbb{Q}d2$, согласно теории второй половины XX века, у белых преимущество. Так, например, при 6... $\mathbb{Q}e4$ 7. $\mathbb{Q}d2$ f5 8.d5 $\mathbb{Q}f6$ 9. $\mathbb{Q}c2$ $\mathbb{Q}:c3$ 10. $\mathbb{Q}:c3$ ход 10...ed не выигрывает пешку, поскольку под ударом пешка g7. А если включить рокировки с обеих сторон, то у черных больше возможностей добиться уравнения.

До этого матча ход 6...0-0 в турнирах почти не встречался. Это, по существу, дебютная новинка, подготовленная Карповым «со товарищи» к матчу.

Есть ли у белых более полезный ход, чем рокировка? В ряде партий матча я играл 7.♔d3, но после 7...d5 выяснилось, что белый ферзь расположен неудачно.

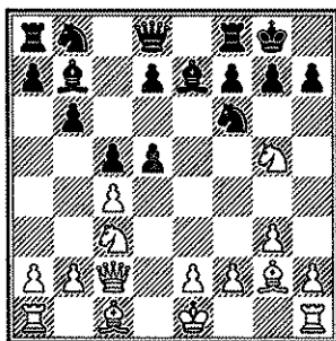
7.♘c2.

Этот ход я уже применял в 5-й партии матча, но поскольку там дебютного перевеса не получил, то длительное время к нему не возвращался.

7...e5.

Альтернатива – 7...d5, что, впрочем, при положении ферзя на c2 не выглядит как ясный путь к уравнению.

8.d5 ed 9.♗g5.

9...♞c6.

В пятой партии Карпов сыграл 9...g6 и получил отличную игру по дебюту, так что этот ход конем был выбран в качестве сюрприза для меня. Я потратил несколько дней на подготовку против 9...g6, анализируя 10.h4!?, что вело к большим осложнениям.

Вообще, у меня было несколько помощников во врем-

яя матча, но к этой партии я готовился только с одним единственным – Давидом Бронштейном, другие не знали, что и как я собирался играть. В обстановке глухой враждебности, созданной партийными властями вокруг меня и моего лагеря (какие провидцы: за два года до моего бегства из этой страны ко мне уже относились как к иностранцу!), мне необходимо было принимать чрезвычайные меры, чтобы избежать утечки информации!

Что же касается позиции, то думаю – лучший ход здесь не 9...g6 и не 9...♞c6, а 9...♝ab, временно препятствуя оккупации поля d5 одной из легких фигур белых. Дебют этой партии я повторил через 26 лет. В партии Корчной – Стефанссон (Рейкьявик 2000) было: 9...h6 10.♗h3 b5!? (я уверен, все это мы анализировали тогда в Москве с Бронштейном, но детали, как вы догадываетесь, давно выветрились из головы) 11.♘f4 ♞c6 12.cd ♜d4 13.♕d1 b4 14.♗a4 с некоторым перевесом белых.

10.♗:d5 g6 11.♗d2!

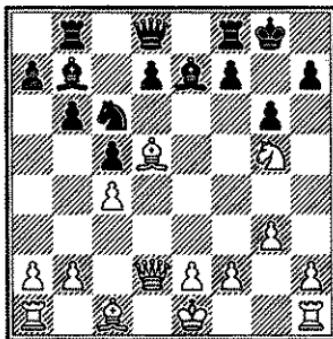
Ход, оцененный по достоинству многими маститыми kommentatorами, в том числе и экс-чемпионом мира Ботвинником. Последний даже высказал предположение, что я подготовил его дома. Но не мог же я предвидеть все сомнительные ходы Карпова!

11... $\mathbb{Q}:d5?$

Карпов обдумывал этот слабый ход 8 минут. Впрочем, он, похоже, вспоминал, что записано в его теоретической тетрадке. А правильным ходом было указанное Ботвинником 11... $\mathbb{E}e8$. В этом случае размен на $e7$ вел к перевесу черных в развитии. Вероятно, белые ответили бы 12. $\mathbb{Q}:f6+$ $\mathbb{Q}:f6$ 13. $\mathbb{Q}e4$ или 12.b3, в обоих случаях с некоторым позиционным плюсом.

12. $\mathbb{Q}:d5 \mathbb{B}b8?$

Проигрывающий ход. Сделанный после трехминутного обдумывания. Но, как сообщил будущий чемпион мира, во всем была виновата тетрадка. И эти ..., которые диктовали ему, что туда вписать.

13. $\mathbb{Q}:h7! \mathbb{E}e8.$

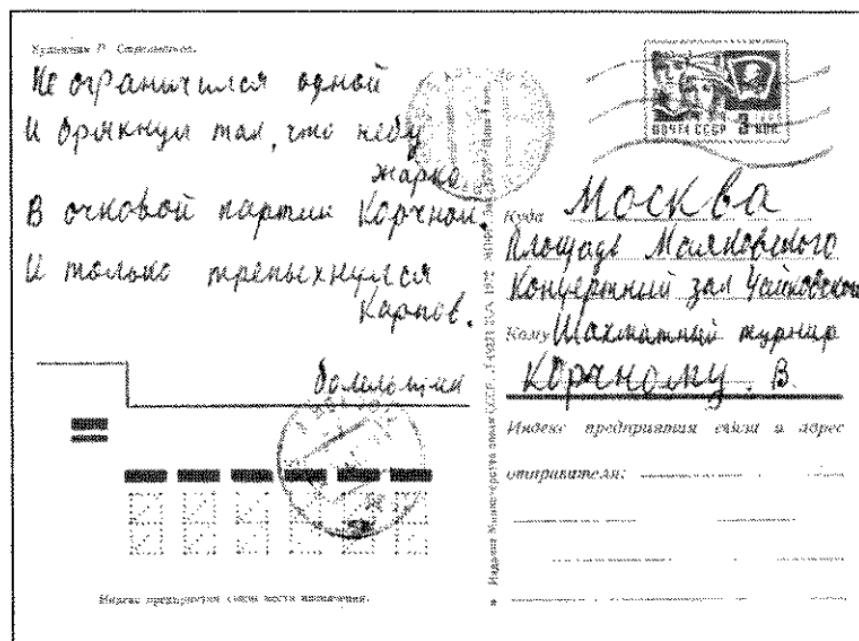
Или 13... $\mathbb{Q}:h7$ 14. $\mathbb{W}h6+$ $\mathbb{Q}g8$ 15. $\mathbb{W}g6+$ $\mathbb{Q}h8$ 16. $\mathbb{W}h6+$ $\mathbb{Q}g8$ 17. $\mathbb{Q}e4$ $f5$ 18. $\mathbb{Q}d5+$ $\mathbb{Q}f7$ 19. $\mathbb{W}g6+$.

14. $\mathbb{W}h6 \mathbb{Q}e5$ 15. $\mathbb{Q}g5 \mathbb{Q}:g5.$

После 15... $\mathbb{Q}f6$ 16. $\mathbb{Q}:f7+$ белые дают мат.

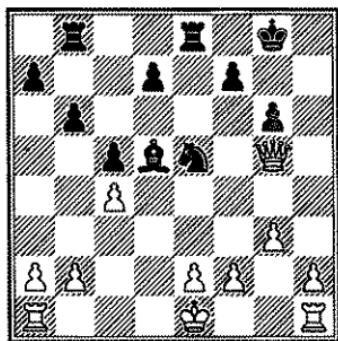
16. $\mathbb{Q}:g5 \mathbb{W}:g5$ 17. $\mathbb{W}:g5 \mathbb{Q}:d5.$

Последняя ловушка: грозит $\mathbb{Q}f3+$, белые должны увести

Открытика от анонимного доброжелателя

короля из центра. К счастью, рокировка при ладье под ударом разрешена.

18.0-0! ♜:c4.

Или 18...♜f3 19.♕d2 ♜:c4 20.♕c2, и активная игра черных приостановлена.

19.f4!

Черные сдались.

Анонимный доброжелатель (вот какие времена — перевертыши были, читатель!) поздравил меня с успехом следующим образом:

Не ограничился одной
И брякнул так, что небу жарко
В очковой партии Корчной,
И только трепыхнулся Карпов.

К сожалению, приближался конец матча. У Карпова, по слухам, давление крови в этот момент было 30/60. Но три ничьи в конце матча ему удалось сделать. Все партии транслировалась по центральному телевидению. Как метко заметил мой приятель Лев Спиридовон — один из немногих, кто не покинул меня ни во время матча, ни даже после него — «У вас, шахматистов, важная миссия. Футболисты, хоккеисты нужны народу, чтобы люди меньше водку пили. А вас показывают народу, чтобы он меньше Солженицына читал!» Пройдет несколько лет, и власти будут горько сожалеть, что создали этому матчу столь широкое пабликити...

Глава 12

ПОСЛЕ МАТЧА. НАКАЗАНИЕ

Торжественная церемония закрытия матча. Речи, полные обожания; Карпова называют гением. Вручают призы. И мне парочка перепала. Приз «За волю к победе» получил, конечно, Карпов. Центральные газеты на все лады расхваливали Карпова. Менее словоохотливой была шахматная пресса. Несколько крупных слез умиления пролили Петросян и Гуфельд.

Пора было наказывать меня. Этого момента ждали многие, ждали давно — нака-

зать за свободомыслie, за различные нарушения правил поведения советского гражданина, да и вообще — за попытку обыграть любимца советского народа! Нужен был повод, и его скоро нашли. Карпов выступал в прессе, рассказывал о своей уверенности в победе на протяжении всего матча, о своем заметном игровом превосходстве от начала до конца. Имя его противника старались не упоминать. Меня ни один журналист ни о чем не спрашивал. Только корреспондент

Торжественная церемония закрытия матча.
В первом ряду (слева направо): Ф. Кампоманес, М. Эйве, А. Карпов,
В. Ивонин, В. Корчной, Б. Кажич, А. О'Келли и В. Батуринский

ТАНЮГ (Телеграфного агентства Народной республики Югославия), кстати, главный судья моего матча с Мекингтом Божидар Кажич попросил ответить на несколько вопросов, и я с удовольствием согласился. Я рассказал Кажичу много, кое-что он не опубликовал, — в частности, о некрасивом поведении Карпова во время матча, о том, что Карпов здоровался со мной сидя, что давал указания главному судье О'Келли, как тот должен поступать. Главное, я сказал, что противники, которых Карпов обыграл — Полугаевский, Спасский, Корчной — не уступают ему по таланту. Зато я похвалил его волевые качества. Далее я поддержал Фишера в его требовании не засчитывать ничьи в матчах на первенство мира. Особо я подчеркнул умение Карпова использовать все сопутствующие факторы себе на пользу. Замечу в скобках, что девять лет спустя М. Ботвинник дал интервью в Нью-Йорке, где высказал о Карпове то же самое, да еще в более резкой форме. Карпов, пояснил он, заставил всех шахматистов страны трудиться на него. А сам Карпов бесплоден (дословно!), как стерилизованная самка. В ЦК КПСС прочитали это интервью, и сам Горбачев письменно велел Спорткомитету воздержаться от посылок Ботвинника за гра-

ницу. (Об этом эпизоде рассказывает в статье «Сеанс одновременной игры ЦК КПСС и КГБ с Михаилом Ботвинником», газета «Новое русское слово», Нью-Йорк, 30 января 2003 г.)

Мое интервью ТАНЮГ через несколько дней вернулось в СССР. От меня потребовали письменных объяснений. В одном из них я заявил, что рад тому, что это интервью дает толчок для делового обсуждения творческих итогов матча. Нет, обсуждение творческих итогов не было запланировано и не состоялось. Вместо него советской печати была дана зеленая улица для моей травли. Застрельщиком выступил, конечно, Петросян. Под прикрытием могучей государственной машины отравленным оружием полуправды он наносил удар другому шахматисту, вызывая тем самым против него поток ненависти многомиллионного советского меньшинства.

ПО ПОВОДУ ОДНОГО ИНТЕРВЬЮ КОРЧНОГО

«Советский спорт»,
12 декабря 1974 г.

В югославской газете «Политика» 2 декабря сего года было опубликовано интервью с гроссмейстером Корчным. Что же нового поведал он — один из уча-

стников финального матча претендентов — о победителе матча, нашем соотечественнике, надежде советских шахмат Анатолии Карпова?

«Я считаю, что Петросян, которого я победил в полуфинале, по пониманию шахмат стоит выше Карпова».

«И вообще я думаю, что ни Спасский, ни Полугаевский, матчи с которыми он выиграл, не уступают ему по шахматным знаниям и таланту. Считаю, что и себя могу причислить к этим гроссмейстерам».

«Карпов не располагает богатым шахматным арсеналом».

«В матче я не играл слабее противника. Остаюсь при своем убеждении, что по силе и таланту я не уступаю Карпову. Повторяю, его шахматный арсенал весьма беден». «Не могу сказать, что моего противника ожидает блестящее будущее».

Этот отзыв звучит резким диссонансом во всей мировой печати, которая высоко оценивает шахматное дарование Карпова. В нем сквозит уязвленное самолюбие побежденного, нежелание признать свое поражение. Смешно требовать от молодого человека, почти юноши, энциклопедических знаний и широкого шахматного диапазона.

К сожалению, горечь поражения не позволила Корчному объективно оценить результаты матча, разобраться в его

итогах. Он забыл меткую русскую поговорку: «После драки кулаками не машут!» Побежденный объясняет победы Карпова так: «Он обладает исключительно сильной волей, фанатичным стремлением к победе». А разве это плохо? Будьте объективны, Виктор Львович! Вы уступили Карпову в матче потому, что играли хуже, чем он! И в заключение хочу напомнить, что Корчной является соратником и старшим товарищем Карпова по сборной страны, а его интервью никак не вяжется с нашей спортивной этикой. Соперника надо уважать, даже если ему проигрываешь!

**Тигран Петросян,
Экс-чемпион мира**

Следом за Петросяном выступила шахматная федерация СССР. Потом в прессе стали публиковать так называемые «письма трудящихся». Так в Советском Союзе создавалось общественное мнение для наказания индивидуума или группы лиц.

НЕСПОРТИВНО, ГРОССМЕЙСТЕР!

«Советский спорт»,
22 декабря 1974 г.

В редакцию идет поток писем, и ни в одном из них нет ни

слова в защиту В. Корчного. Они разные по тональности и характеру аргументации, но их авторы едины в оценке Корчного.

«Вы низко поступили по отношению к своему соотечественнику» (Кудряшов, капитан Днепровского пароходства). «Проиграли молодому гроссмейстеру на глазах у всего мира, а теперь изворачиваешься» (Коган, Москва). «Вам бы гордиться почетным счетом, с которым Вы проиграли гроссмейстеру, по Вашему утверждению, «не располагающему богатым шахматным арсеналом», а Вы noете, унижая себя» (студентка КГМИ, Куйбышев). «Только что я пришел из студенческой аудитории, — пишет доцент Омского пединститута Момот, — более 180 студентов шумели в зале, словно развороженный улей. Чего только не наслышался я в адрес гроссмейстера Корчного...»

Чего же просят, вернее, требуют читатели? Публичных извинений Корчного перед всеми любителями шахмат. Так считают несколько сотен читателей, приславших в эти дни письма в редакцию.

*В. Панов,
редактор отдела писем*

По совету немногих оставшихся друзей я написал короткое, из 62-х слов извинитель-

ное письмо. Помог составить его журналист Виктор Васильев. Он же приложил усилия, чтобы письмо было напечатано. Оно было опубликовано в газете «Советский спорт». Начальство не признало это письмо извинением. За его публикацию главный редактор газеты получил выговор.

Меня вызвали в Спорткомитет для очного сообщения о наказании. Стремясь отсрочить экзекуцию, я по примеру Петросяна лег в больницу Военно-медицинской академии. С жалобой на обострение язвы желудка. Что, конечно, не было подтверждено анализами. Отлежал две недели и все же был вынужден отправиться в Москву...

История с больницей имела продолжение. Через три года в ту же больницу попал мой сын. С тем же диагнозом, который был подтвержден анализами. Когда через год его стали призывать в армию, он попросил из больницы свои анализы — чтобы его не призвали. Анализы прислали, но мои — здорового человека! Только не подумайте, что это было сделано по ошибке...

В Комитете спорта заместитель председателя В. Ивонин сообщил мне, что «за неправильное поведение» я уволен на год из сборной команды СССР с понижением стипендии, с запрещением один год

участвовать в международных соревнованиях за границей. И добавил: «Если вы дальше будете себя так вести, мы можем с вами расстаться — я не боюсь этого слова». Со стороны московского начальства других наказаний не было. Предстояли еще дисциплинарные меры со стороны начальства ленинградского...

Мой приятель, циник Лев Спиридовон называл город на Неве «столицей советской провинции». В прошлом главный город Российской Империи, он потерял свою значимость в советское время, но пыжился доказать свою незаурядность. Интеллигенцию города десятки лет физически истребляли; ее места в руководстве заняли серые люди, карьеристы. Ленинград стал самым реакционным городом в стране. Что я вскоре испытал на своей шкуре... Меня лишили права публиковать шахматные статьи, выступать с шахматными комментариями по телевидению. Квартира моя прослушивалась, почта из-за границы не доходила — перестали поступать ко мне английский и югославский шахматные журналы. Упорно распространялись слухи, будто бы я подал заявление на выезд в Израиль. Из-за этого моего сына третировали в школе. На время мне запретили выступать с сеансами и лекциями. Во-первых, это была фор-

ма дополнительного заработка, а во-вторых, моя трибуна, где меня слушали сотни людей.

Через несколько месяцев мне все-таки разрешили сеансы и лекции. Но стали иногда присыпать на мои выступления людей из Смольного — горкома партии. Выяснилось, что я рассказываю не то и не так, как следует. Снова стали вызывать на воспитательные беседы в комитет партии...

Уже в ноябре 1974 года, на закрытии матча с Карповым, присутствуя на церемонии своего унижения, я понял: я уезжаю... Но я еще не порвал все связи с этой страной, я хотел быть полезным ей! Когда меня за мои выступления перед публикой, за мои лекции стали вызывать на проработку, тут я остро почувствовал: в этих условиях я не могу больше быть полезен этому народу. Надо бежать!

В 2003 году московский журналист Виктор Хенкин вспомнил такую историю. В 1975 году он предложил мне написать вместе с ним итоговую статью об одном турнире: с одной стороны, повысить качество статьи, с другой — в моем нелегком положении оказать мне материальную поддержку. Когда об этом узнал жандарм федерации Батуринский, то запретил это сотрудничество. Об этом Хенкин мне не рассказал, а просто вручил

некоторую сумму денег — чуть меньшую, чем ожидалось.

Весной 1975 года Керес и Ней пригласили меня принять участие в международном турнире в Таллинне — столице Эстонской советской социалистической республики. Москва запретила мне играть там, а Кереса и Нея покритиковала за «неправильное поведение». Были приглашения на турниры в Югославию и в Милан, но туда отправился мой победитель — Петросян.

В это время шла подготовка к матчу Карпова с Фишером. Гроссмейстеров заставляли в порядке помощи Карпову писать характеристики на Фишера. Я отказывался — как помогать Карпову, так и действовать против Фишера. Какие-то строчки из меня все-таки выдавили, но не то, что они хотели; мои высказывания о Фишере никогда не были напечатаны.

Беды, которые на меня обрушились, грязные обвинения, на которые я не имел возможности ответить, необходимость идти на компромиссы — все это ожесточало меня. Появились грязные анонимные письма. Одно из них, длинное, на шести страницах, написанное стилем «под рабочего», заканчивалось словами: «...Одно время в Европе процветало учреждение, на воротах которого было написано: «Каждо-

му свое». Тебя бы туда!» Напомню читателю — эта надпись висела у входа в лагерь смерти в Бухенвальде. Может быть, читатель поймет это по-другому, но я понял так: меня выгнали из страны!

Будучи человеком довольно свободных убеждений, в жизни я был, однако, достаточно консервативен: всю жизнь прожил в одном городе, женился только один раз, предпочитал работать с одним и тем же тренером... Меня прижали сильно, но было ощущение, что стоит мне чуть ослабеть, мне станет еще хуже. Надо бежать отсюда. Но как бы устроить это безболезненно? Подать заявление на выезд в Израиль? Но власти меня ни за что не отпустят... Написать письмо Тито, чтобы он принял меня в свою страну? Я написал, но так и не отправил... Остается единственная возможность. Получить однажды право сыграть в турнире за границей и бежать, бежать! Но пока что посыпать меня за рубеж не собирались...

Однажды о моей судьбе задумался сам Карпов. Он, бесспорно, не был филантропом, но его стал волновать уровень своей популярности. Он уже стал чемпионом мира, но его титул возник как в сказке, как из пены морской! Кого он обыграл, чтобы стать чемпионом? Из людей известных, он выиграл у Спасского и Корч-

ного. Но, задавленные государственной машиной, они нигде не играют. Их забывает народ. Они, наверно, совсем слабые. Значит, и Карпов не слишком силен... Усилиями Карпова запрет на мое участие в международных турнирах был снят. В сентябре Москва оформила мои документы на поездку на Филиппины. На этот раз отличился Ленинград. Он намеренно задержал оформление документов. На Филиппины улетел Полугаевский.

Осенью во Дворце пионеров состоялось своеобразное соревнование. Соперничали клубы юных шахматистов. Капитаны — гроссмейстеры, воспитанники этих клубов — давали сеансы с часами командам других клубов. Запомнился мне сеанс против бакинцев.

Я выиграл 6:1, но пришлось серьезно бороться за ничью белыми против 12-летнего Каспарова.

Я обратил внимание на игру Карпова. Он начинал все партии не любимым 1.e2-e4, а 1.c2-c4. Очень осторожный человек — Карпов. Играя на моем поле, в моем Дворце пионеров, он опасался, что его партии попадут в мою картотеку. А в том, что нам с ним придется встретиться, он не сомневался!

Наконец, в конце года я получил разрешение сыграть в международном турнире. Правда, в Москве. Я разделил 3-е место, следом за победителями — Карповым и Геллером. После целого года нервотрепки — отличный результат. А в конце года я уже играл в Гастингсе.

Глава 13

ГОД 1976. БЕГСТВО

Мое положение, казалось, возвращалось к нормальному. Друзья и знакомые, которые год назад боялись здороваться со мной, стали осторожно приближаться ко мне, называя, интересоваться моим здоровьем. Но я не передумал. Подсознательно, да и вполне сознательно я сокращал, обрывал свои связи с этой страной. Б. Туров готовил книгу «Жемчужины шахматного творчества» и просил меня дать с комментариями одну из моих лучших партий, но я сказал ему, что моя «жемчужина» никак не украсила бы его книгу, и отказался. Ю. Бразильский заговаривал со мной, чтобы включить в план издательства, которое он представлял, мою работу. Я отказался. Виктор Васильев собирался написать книгу — мою биографию. Я ему тоже мягко отказал. На вопрос жандарма Батуринского, с кем я буду готовиться к следующему циклу борьбы за первенство мира, я не ответил: зачем без толку ставить людей под удар.

Я не рассказывал членам моей семьи, что собираюсь сделать. Намекал только косвенно. Когда-то мне очень не хватало поддержки отца, чтобы, будучи юношей, сделать первые шаги во «взрослое общество». Теперь я провел «душеспасительные» беседы с сыном, рассказал о некоторых сторонах моей жизни, которые не были ему известны, выполнил те функции, которые, по моему мнению, надлежало выполнить отцу по отношению к сыну...

В семье была автомашина «Волга». Когда-то я водил ее. Но в 1973 году где-то на Васильевском острове я, будучи за рулем, задумался о какой-то шахматной позиции и ударил находившуюся передо мной милиционскую машину. Права у меня, знаменитого человека, не отобрали, но психологический шок был такой сильный, что я бросил водить. Когда сейчас мне задают вопрос о моем спортивном долголетии, как мне такое удается, я рассказываю эту историю. И что с тех пор я вынужден много ходить пешком, что, безусловно, оказы-

вает положительное влияние на мои, скажем так, умственные способности.

С тех пор только моя жена Белла была за рулем. Машина была записана на мое имя, и раз в год я должен был оформлять доверенность на жену на право вождения машины. Весной 1976 года жена попала в легкую аварию. Нужно было ремонтировать машину. Один человек захотел купить нашу «Волгу»; он предложил за нее цену, как за новую, и даже еще дороже. Я умолял Беллу согласиться, но безуспешно. Позднее у меня были серьезные проблемы — посыпать доверенность из-за границы. Кроме того, после моего бегства человек, виновный в аварии, отказался платить за нанесенный ущерб семье врача народа!

Я захватил с собой в Англию довольно много ценных вещей — фотографии, письма, книги, несколько пар очков. Мне было ясно, что как только я предприму решительный шаг — заявляю, что остаюсь в Европе, — мне не удастся ничего не получить из дома: советские власти не допустят, чтобы принадлежащие мне вещи покинули Советский Союз. То есть, пока есть возможность, я должен нелегально вывозить вещи, которые считаю наиболее цennymi для себя. Я передал привезенные мною вещи на хранение Сосонко и вернулся домой.

Большинство людей по-прежнему относились ко мне с подозрением. Ведь целый год ко мне применялись дисциплинарные меры, и, очевидно, я их заслужил своим неблаговидным поведением. В этой нелегкой для меня ситуации ленинградский мастер Александр Шашин предложил мне вместе поработать. Это была, бесспорно, рука помощи! Тем более ценная, что он рисковал — если бы о его сближении со мной узнали в военном училище, где он работал преподавателем, его вряд ли похвалили бы и могли уволить с работы. О наших совместных занятиях шахматами я вспоминаю с чувством удовлетворения и с благодарностью!

Было еще одно интересное мероприятие. Меня пригласили приехать во Львов поработать там с местными гроссмейстерами — Белявским, Романишиным и Михальчишиным. Инициатива, по-видимому, исходила от их тренера-воспитателя Карта. О том, что я под подозрением у властей, им всем было известно. Думается, львовяне рассматривали мой приезд во Львов в первую очередь как акт моральной поддержки. И в то же время все мы получили немалую пользу от совместной работы...

В апреле состоялось первенство СССР среди спортивных обществ в Тбилиси. Я играл за команду общества «Труд». Я был капитаном ко-

манды, ее тренером и играл на первой доске. Встречаться со мной за доской не очень хотели. Сказался больным Таль, не захотел играть со мной совершенно здоровый Карпов, уклонился от игры и Бронштейн. Я обыграл заменивших их запасных и без труда занял первое место на 1-й доске.

По ходу соревнования случился интересный эпизод. В нашей команде был запасной — мастер из Кирова А. Чудиновских. Я просил его через два часа после начала игры приносить мне чай, что он исправно и делал. Лет через 10 после турнира он в письме поведал мне такую историю. Однажды в буфете, куда он пришел за чаем, сидел Петросян, окруженный своими болельщиками, и оживленно беседовал с ними по-грузински. Буфетчик, как-то со смешком, поговорил с Петросяном, потом стал наливать чай. Под гогот присутствующих Чудиновских покинул буфет. По дороге в зал навстречу ему шли две молодые женщины, члены команды «Труд» Л. Саунина и Н. Алексина. «Что несешь? Чай? Кому, Корчному? Дай его нам, Корчной подождет». Чудиновских отдал им небольшой термос и пошел за чаем снова. Девочки выпили чай и не смогли дальше играть — у них начался понос...

Я понимал, что, оставшись на Западе, я должен буду рассказать западной публике о себе. Я на-

чал диктовать на магнитофонную ленту свои воспоминания. Я собирался взять эту ленту на Запад. В последний момент я испугался, что меня станут обыскивать перед вылетом, и оставил ленту у знакомой женщины в Москве. Как я потом узнал, этой лентой завладело КГБ.

В порядке подготовки к бегству я решил привести в порядок свои зубы — поставил несколько золотых коронок. Не прошло и года, как снова пришлось заниматься зубами: работа советских зубных врачей оказалась халтурной, золото — скверного качества.

В июне я отправился на турнир IBM в Амстердам. Захватил с собой, как и в прошлый раз, ценный груз — книги, фотографии, письма. Были у меня 4 так называемые «золотые медали чемпиона СССР», но мне не пришло в голову взять их.

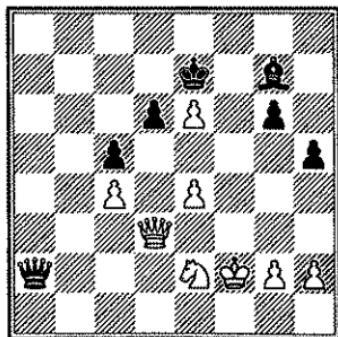
Турнир сложился для меня нелегко. Я конкурировал за первое место с Энтони Майлсом. Мне запомнилась наша личная встреча. У меня был перевес. А потом начался обоюдный цейтнот. У Майлса была привычка — перед началом партии он снимал с руки часы, довольно массивные, и клал их на бланк партии, закрывая таким образом от противника, сколько ходов сделано. Он и я, мы оба очень нервничали. Цейтнот был продолжительным. Преимущество мое было очевидным. Но, на-

конец, я сделал один неудачный ход, и Майлс сказал: «Ну ладно, хватит!» Убрал часы с бланка и стал записывать ходы, сделанные в цейтноте. Оказалось, что мы сделали намного больше 40 ходов! Партия окончилась вничью. В итоге мы разделили с Майлсом первое место....

18. В. Корчной — Э. Майлс Амстердам 1976

Волжский гамбит A57

1.d4 $\mathbb{Q}f6$ 2.c4 c5 3.d5 b5 4.cb
 a6 5.f3 g6 6.e4 d6 7.a4 $\mathbb{Q}g7$ 8.a5
 ab 9. $\mathbb{Q}:b5+$ $\mathbb{Q}fd7$ 10. $\mathbb{W}a4$ 0-0
 11. $\mathbb{Q}e2$ $\mathbb{Q}a6$ 12.0-0 $\mathbb{Q}c7$ 13. $\mathbb{Q}c4$
 $\mathbb{B}b8$ 14. $\mathbb{Q}d2$ $\mathbb{Q}e5$ 15. $\mathbb{W}c2$ $\mathbb{B}b4$
 16. $\mathbb{Q}a2$ $\mathbb{Q}a6$ 17. $\mathbb{Q}a4$ $\mathbb{W}e8$
 18. $\mathbb{Q}:b4$ $\mathbb{Q}:b4$ 19. $\mathbb{W}b3$ $\mathbb{W}d7$ 20.f4
 $\mathbb{Q}:c4$ 21. $\mathbb{Q}:c4$ $\mathbb{Q}a6$ 22. $\mathbb{Q}d2$ $\mathbb{B}b8$
 23. $\mathbb{Q}c1$ $\mathbb{W}d8$ 24. $\mathbb{W}a3$ e6 25.de fe
 26. $\mathbb{W}h3$ $\mathbb{W}e7$ 27. $\mathbb{W}e3$ $\mathbb{Q}a2$
 28. $\mathbb{Q}c2$ $\mathbb{Q}b4$ 29. $\mathbb{Q}c1$ $\mathbb{Q}a2$ 30. $\mathbb{Q}c2$
 $\mathbb{Q}b4$ 31. $\mathbb{Q}:b4$ $\mathbb{Q}:b4$ 32.b3 $\mathbb{W}c7$
 33. $\mathbb{W}h3$ $\mathbb{Q}f7$ 34.f5 $\mathbb{Q}:e4$ 35. $\mathbb{Q}:c4$
 $\mathbb{Q}:c4$ 36.fe+ $\mathbb{Q}e7$ 37.be $\mathbb{W}:a5$
 38. $\mathbb{Q}f2$ h5 39. $\mathbb{W}d3$ $\mathbb{W}a2$.

40. $\mathbb{Q}f3$ (к победе вело 40.e5)
 40...g5 41.g4 h4 42. $\mathbb{W}e3$ $\mathbb{Q}f6$ 43.

$\mathbb{E}a8+$ 44. $\mathbb{Q}f2$ $\mathbb{Q}:e5$ 45. $\mathbb{W}g5+$
 $\mathbb{Q}:e6$ 46. $\mathbb{Q}f4+$ (сохраняло небольшой перевес 46. $\mathbb{W}:h4$ $\mathbb{W}e4$)
 46... $\mathbb{Q}:f4$ 47. $\mathbb{W}:f4$ $\mathbb{W}a2+$ 48. $\mathbb{Q}f3$
 $\mathbb{W}b3+$ 49. $\mathbb{W}g2$ h3+ 50. $\mathbb{Q}f2$ $\mathbb{W}c2+$
 51. $\mathbb{W}g3$ $\mathbb{W}d3+$. Ничья.

Во время турнира мои голландские друзья сообщили мне, что в Амстердам прибыл изгнанный из Советского Союза известный диссидент, отсидевший более десятка лет в тюрьмах и психбольницах Андрей Амальрик. Автор нашумевшей в свое время книги «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» Само название перекликается с книгой Джорджа Оруэлла «1984». Согласно гипотезе Амальрика, вскоре должна была начаться война между СССР и Китаем. На полях сражений советские должны были победить. Но затем сотни миллионов китайцев просочились бы в СССР, после чего великий Союз неизбежно распался бы на части. Неплохое предвидение! Чуть позже, не совсем согласно сценарию Амальрика, но великий конгломерат все-таки распался!

В Амстердаме Амальрика опекал известный писатель Карел Ван хет Реве. Там, в доме писателя и расположилась группа Амальрика — он сам, его жена и кошка. Туда я приходил во время турнира и вел с Амальриком интересные беседы, всегда на политические темы.

Незадолго до конца турнира у меня взяло интервью агентство «Франс Пресс», русская служба. Я всегда старался быть откровенным в разговоре с журналистами. А в этот день у меня было что высказать. В Маниле начался межзональный турнир на первенство мира. Там играл Спасский, без особого блеска. Я участвовал в его подготовке к турниру — на берегу Черного моря, в Сочи. Я был свидетелем, сколько сил он потратил, чтобы получить визу на выезд. Дважды мы прерывали занятия, и он летал на беседы с начальством в Москву. Человеку потрепали нервы, и играть ему было трудно.

Потом я высказался о предстоящей шахматной Олимпиаде в Хайфе (Израиль). Советский Союз решил бойкотировать Олимпиаду. Советский Союз, сказал я, унаследовал от Российской Империи антисемитизм и, как следствие, — бойкотирует организуемые Израилем соревнования. В тот же день интервью было транслировано на Советский Союз. Мои друзья прослушали его и сказали, что если теперь я вернусь в СССР, то мне будет закрыт выезд надолго, а может быть, навсегда. Конечно, я думал вернуться домой, а через несколько месяцев с полными чемоданами опять отправиться в Западную Европу. Но тут я понял: друзья не шутят. Я

принял решение остаться. И Амальрик это решение безоговорочно поддержал.

На закрытии турнира я сидел рядом с Майлсом. В приятельской беседе я поинтересовался у него — как пишется и произносится по-английски «политическое убежище». Когда закончилась торжественная церемония закрытия турнира, я отправился в Гаагу давать сеанс одновременной игры. После сеанса мне следовало направиться по соседству, в советское посольство, где меня ожидали, чтобы послушать рассказ о турнире. Но я сел в поезд и отправился к своим знакомым в Амстердам. Я кое-как провел ночь, а наутро явился в здание так называемой «иностранный полиции» и запросил у голландского правительства политическое убежище...

Хироманты обнаружили на моей руке необычные линии. Во-первых, у меня не прослеживается линия судьбы, и я, значит, не покоряюсь обстоятельствам. Во-вторых, линия жизни резко разделяется на две половины...

Сохранившимся в осколках Советского Союза секретным службам — военной, разведывательной и другим, тем, которые уже взяли к себе на работу парapsихологов, я бы посоветовал привлечь для пользы дела и хиромантов — чтобы вовремя определить того, кому будет потом присвоена кличка «злодей».

Часть II

МЕЖДУ СИЛЛОЙ И ХАРИБДОЙ

Глава 14 ПЕРВЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ С СОВЕТСКОЙ МАШИНОЙ

Я был далеко не первым, кто покинул Советский Союз, бежал из него. Позднее я уточнил цифру: к началу 1977 года было 43 тысячи «невозвращенцев». Не очень много, учитывая население страны — 250 миллионов. Но надо бы и принять во внимание — как трудно это было осуществить!

Но все эти люди исчезали бесследно — из жизни советского народа, из его памяти. Уже на Западе миллионы людей поклонялись крупнейшей звезде балета Р. Нуриеву, крупнейшему дирижеру и виолончелисту М. Ростроповичу, крупнейшему пианисту В. Ашkenази, но советскому народу не следовало ничего знать об их успехах на Западе. Между тем, моя популярность в Союзе была ничуть не ниже известности самых признанных корифеев культуры или спорта. Меня видели на экранах телевизоров десятки миллионов людей, мои выступления — сеансы, лекции — лицезрели сотни тысяч. В руководстве страны Сталин, Маленков, Хрущев, Брежnev сме-

няли один другого, но мое имя много десятков лет не сходило с газетных полос. Эта популярность облегчала мне жизнь. Многое, что в советских условиях обычный гражданин должен был брать с боем — билеты, путевки, товары высшего качества — доставалось мне с легкостью. Нечто своеобразное почувствовал я, когда меня прижали власти в 1974 году. От меня уходили нормальные люди, зато удивительно хорошо стали относиться ко мне и моей семье люди преступного мира! Они гордились, что мы оказались в одной лодке!

Теперь моя популярность обернулась против властей. Куда бежал матрос с парохода, где обосновался опальный писатель, куда выпихнули из страны диссидента, что подельивает директор нью-йоркской филармонии Ростропович, да и как поживает в Штатах дочка Сталина — все это не требовалось сообщать народу. Но о моем бегстве из страны необходимо было рассказать, объяснить, прокомментировать его, и вла-

стям пришлось немало почесать в затылке, прежде чем что-то дать в печать. Первым выступило ТАСС; правда, только на экспорт — на Запад. Через 20 дней опубликовала заявление советская шахматная федерация, а еще через две недели было сфабриковано письмо советских гроссмейстеров. Под письмом значились подписи 31 гроссмейстера; письмо не подписали четыре человека: Ботвинник, Бронштейн, Гулько, Спасский. За исключением Спасского, который уже находился во Франции, у всех у них возникли серьезные проблемы с выездом за границу. Это знаменитое письмо вы найдете в конце главы. Спустя многие годы дочь И. Болеславского Татьяна высказалась — почему гроссмейстеры были вынуждены подписать гнусную стряпню, вышедшую из-под пера Авербаха с Батуриным: «Отказаться подписать означало открыто противопоставить себя системе и быть... выброшенным за борт шахматной жизни. Да к тому же это влекло за собой мелкие неприятности, способные, в большом количестве, отравить жизнь». Отдельное письмо написал Карпов. Там выражалось то же самое, что и в коллективном письме. Но очевидно было, что новоявленный чемпион мира не желает иметь ничего общего с гроссмейстерской чернью.

Но вернемся к первым дням моей независимой жизни в Голландии. Появились отклики из-за границы. Телеграммы присылали по адресу: «Секретные штаб-квартиры голландской полиции». Пришел телеграмму Роберт Фишер: «Поздравляю с правильным ходом, лучшие пожелания в новой жизни!» Пришла телеграмма от опекавшего меня и моих людей в Огасте во время матча 1974-го года с Мекингом мистера Хаглера. Он приглашал меня переехать в Штаты, обещал помочь в первых шагах в новую жизнь. На меня Штаты произвели сильное впечатление, даже слишком сильное. Я испугался темпа жизни, более мощного, чем в Западной Европе. Я поблагодарил Хаглера, но отказался...

Президентом ФИДЕ был доктор Макс Эйве. В Амстердаме находилась штаб-квартира ФИДЕ, а делами там занималась секретарь Эйве мисс Инеке Баккер. Я находился с ней в контакте во время турнира, и, хотя у меня было немало хороших знакомых в Голландии, в первые часы и дни моей свободной жизни больше всего прислушивался именно к советам госпожи Баккер. Мне как-то в голову не пришло, что мисс Баккер симпатизирует коммунистам... Она сказала мне: «У меня в деревне есть родственники. Никто

там понятия не имеет о политике, о политическом убежище. Там, у них в деревне, вы будете в полной безопасности». От здания иностранной полиции мы направились в ту деревню. Все было спокойно. А на утро в дом родственников мисс Баккер позвонил человек и позвал меня к телефону: «Вы узнаете меня?» — спросил он. Как же, как же, я узнал его сразу. Мистер Берри Витхаус, в прошлом главный редактор газеты «Вархайд», что в переводе с голландского означает «Правда», коммунист! А откуда он узнал, где я нахожусь? Как же, как же, между коммунистами нет секретов! А мистер Витхаус продолжал: «В Арнеме начинается турнир — открытое первенство Голландии. Лучшая защита для вас сейчас — это паблисити. Чтобы все вас видели. Советую вам сыграть в этом турнире».

О, эти еврокоммунисты! Для них СССР — светоч демократии, культуры, мира! Эти коммунисты ругали Хрущева за его антисталинскую речь, они ненавидели Солженицына за его разоблачение лагерей смерти в Советском Союзе! Надо признать — КГБ на Западе имел фантастические успехи. При этом он опирался на поддержку эмигрантов из России и СССР и еврокоммунистов. Советские с осторожением боролись за каждого пытающе-

гося бежать советского человека, использовали при этом любые средства. Например, один литовский спортсмен попросил политического убежища в Западной Германии. Ему пошли навстречу, помогли и приобрести небольшой домик. Прошло два месяца, и стало известно, что он, с проломленной головой, лежит в больнице в Москве — КГБ выкрад его в центре Европы! Знаменитый случай с артистом балета Годуновым. Ему удалось бежать, а его жену насилино удержали в самолете... Нет, от советских и их друзей следовало прятаться! В тот же день после звонка Витхауса я покинул мирную деревню.

Мой хороший знакомый Вальтер Мой жил неподалеку от тех мест, где когда-то Петр Первый изучал корабельное ремесло, в Вестзаане. Он с женой Карин владели небольшим двухэтажным домом. У него я и поселился на месяц с лишним, в ожидании решения правительства Голландии — какие права дать мне, беженцу. А вот что случилось попутно: нужно было написать заявление в полицию — о причинах бегства, почему я запросил убежище. Заявление это я написал, не скажу — под диктовку, но при живейшем участии Амальрика. Получилось сильно, но именно так, как мне хотелось. Я показал заявление госпоже

Баккер. Она сказала: «Ну, зачем же так сильно?! В полиции могут это неправильно понять!» Глупая фраза. Но я, бесспорно, был под влиянием госпожи Баккер! И я смягчил текст заявления. И, забегая вперед, скажу, что правительство Голландии не признало мои причины просить политическое убежище — политическими. Несмотря на то, что вернуться туда, откуда я бежал, я уже не мог...

В доме Вальтера Моя я чувствовал себя желанным гостем. Вальтер уходил на работу, а его жена опекала меня, да и становилась моим первым воспитателем в западной жизни. Ведь одно дело — быть туристом, а другое — жить в новых, пока еще непривычных условиях. Я по-советски не очень заботился о гигиене. В моем чемодане было несколько пар белья, взятых еще из Ленинграда. Карин не знала, как она должна вести себя, но мое поведение в отношении чистоты, гигиены очень раздражало ее. И однажды она воскликнула: «Мой муж меняет белье каждый день!» И эту фразу я запомнил на всю жизнь...

Мы не открывали дверь никому. Однажды, правда, здесь появилась знакомая физиономия — Доннер! Тоже, наверно, узнал мой адрес от Инеке Баккер. Мы побеседовали. А еще через пару дней

пришел какой-то человек и долго и упорно звонил в дверь. Наконец, мы открыли ему, и он сказал: «Я послан правительством оказать вам физическую защиту. Мне поручено охранять вас круглосуточно. Я отведу вас к своей семье».

Ян Кноссен был работником полицейского департамента, который «ведал делами» социалистических стран Европы. В его семье я находится 10 дней; вместе с ними ел, вместе с ними молился перед едой. Иногда Ян допрашивал меня по-английски. Однажды отвез в Амстердам, где меня допрашивала русская женщина. Необходимо было выполнить еще одно щекотливое дело. Советское посольство настаивало на встрече со мной, и после обсуждения со мной всяческих деталей встреча состоялась. Полиция охраняла меня. Двое работников посольства побеседовали со мной минут 10, вручили мне письма из дома — от жены и от мачехи, и встреча, полная внутреннего напряжения, закончилась. И правда, у советских были причины волноваться. Как мне рассказали, вскоре весь состав посольства (кроме самого посла), около ста человек — был уволен. По-видимому, за профессиональную непригодность!

Через пару дней после посещения Гааги мистер Кноссен отвез меня обратно в дом Моя.

Вскоре последовало сообщение из правительства. Мне было отказано в политическом убежище. Разрешено было пребывание в Голландии — разница очень существенная. Каждая страна принимает на себя ответственность за политических беженцев, заботится о них, со временем дает им возможность стать гражданами страны. Получившие вид на жительство были и остаются чужими стране. Более того, как известует из дипломатической практики, тот, кому однажды было отказано в получении убежища, не получит его нигде, никогда...

Однажды в дом Моя позвонили из Швейцарии. Шахматный деятель Ив Краусхар задумал организовать мои выступления в главных городах страны. В сентябре, через полтора месяца после перехода мною за железный занавес, состоялся мой первый выезд «за границу». Я дал в Швейцарии пять сеансов. Во время одного из них я увидел на столе книгу «Анна Каренина» на русском языке. Участовавшая в сеансе женщина дала мне таким образом понять, что читает и говорит по-русски. Мы познакомились. Госпожа Петра Лееверик будет в дальнейшем занимать на страницах этой книги достойное место.

Я вернулся в Голландию. Пора было подыскивать место для жилья. Довольно быстро я

нашел квартиру на Стадионве, по слухам, в доме, где размещался полицейский участок. Дополнительная гарантия моей безопасности. Не исключено, что именно полиция помогла мне найти столь удобную квартиру, но доказательств у меня нет.

Одним из первых «кусков мебели» я приобрел пишущую машинку на русском языке, восточногерманского производства — «Эрика». Я начал писать свою автобиографию, а кроме того — работать. Два раза в неделю я приезжал в Уtrecht на фирму «Фолмак» Ван Оостерома давать шахматные уроки. Чувствовалось, что я сейчас в моде. Меня приглашали на сеансы, хотели со мной беседовать. Мой день был загружен делами с утра и до позднего вечера. Я везде поспевал, я был точен минута в минуту. Я опоздал на встречу единственный раз. Человек собирался написать книгу о спорте в СССР и хотел расспросить меня об этом. Встреча была назначена у меня дома, а я опоздал на 4 минуты. К двери была приколота записка сердитого содержания. Меня просяли позвонить по такому-то телефону. Человек, конечно, имел право рассердиться, но мне в то же время было обидно — если я ему так нужен, почему бы ему меня не подождать?! Я позвонил и сказал: «Я

виноват, я опоздал на встречу на несколько минут, я очень извиняюсь. Но я очень занятой человек, и наша встреча поэтому никогда не состоится». Человек на другом конце провода был полон негодования! Но мы действительно никогда не встретились...

Печатные издания наперебой спешили взять у меня интервью. Я никому не отказывал, стараясь отвечать на все вопросы. Было одно исключение: журнал «Панорама» прислал мне список вопросов в письменном виде. Вопросы были политические и настолько трудные, что я счел себя некомпетентным отвечать на них. Я запомнил один, сравнительно легкий: «Писатель Владимир Максимов утверждал, что видел своими глазами в Москве продовольственные карточки на голландском языке. Что Вы можете сказать по этому поводу?» Очень просто. Советский Союз собирался захватить Западную Европу! А после великой победы предстояло кормить покоренные народы... Хм, да здравствует Российский фонд мира и его председатель, коммунист Анатолий Карпов!

Так бы я ответил на вопрос о карточках, если бы взялся отвечать на поставленные вопросы...

Я участвовал в подготовке голландской команды к Олим-

пиаде в Хайфе. Она выступила там очень успешно. Голландцы не пригласили меня сопровождать команду в Израиль. Это сделали организаторы, пригласив меня на Олимпиаду в качестве почетного гостя. Я поблагодарил за приглашение, освободил две недели от всяческих обязанностей. Потом я сообщил мисс Баккер о намечаемой мною поездке. «Не советую вам ехать, — сказала она. — ваше появление там может быть расценено советскими и их друзьями как провокация». Удивительное слово — «провокация»: вроде бы латинского происхождения, но в него часто вкладывается эдакий изуитский смысл! Я отменил поездку...

Советские давным-давно узурпировали власть в ФИДЕ и позволяли себе нарушать законы и традиции Международной шахматной федерации. Они послали требование исключить меня из соревнований ФИДЕ на первенство мира. Я был вторым шахматистом мира, и не было никаких юридических оснований исключать меня. Но ожидалась серьезная борьба вокруг этого требования. Однако мне повезло. По замыслу советских была организована параллельная Олимпиада в Триполи (Ливия), а на заседаниях Конгресса ФИДЕ советские так и не появились. В их отсутствие протест про-

тив меня был зачитан, а после выброшен в мусорную корзину. Состоялась жеребьевка матчей на первенство мира. Мне выпало играть с Петросяном...

А напряженный 1976-й продолжался. Был организован мой тренировочный матч с Я. Тимманом. Играли в Леевардене. Попутно я вспомнил, что пора заканчивать мою автобиографию, и занимался этой работой по ходу матча. Все же мне удалось выиграть. В треволнениях года я не утратил умения и желания играть в шахматы....

А в январе—феврале следующего года моя автобиография была принята к изданию английским издательством «Батсфорд» и западногерманским «Вальтер Рай Ферлаг».

В заключение года я сыграл еще один короткий тренировочный матч — в Цюрихе с В. Хугом. В Швейцарии начался шахматный бум; матч игрался в крупнейшем магазине Цюриха «Jelmoli». Мне удалось выиграть 3:1. Творчеством своим, однако, я не был удовлетворен — чтобы творить, нужны спокойные условия жизни...

ДОКУМЕНТЫ

В ШАХМАТНОЙ ФЕДЕРАЦИИ СССР («64» №37/1976)

Направленный Шахматной федерацией СССР для участия в международном турнире в Амстердаме гроссмейстер В. Корчной после окончания соревнования отказался вернуться в СССР.

В заявлениях и интервью антисоветского характера, раздаваемых западным информационным агентствам, Корчной мотивировал свое решение изменить Родине тем, что, находясь в СССР, он якобы был лишен возможности участвовать в соревнованиях «по своему выбору» и подвергался «давлению» во время финального матча претендентов на мировое первенство 1974 года и после него.

В действительности в течение более четверти века советская шахматная организация создавала Корчному, как и другим гроссмейстерам, благоприятные условия для проявления его способностей, совершенствования мастерства и достижения высоких спортивных результатов. Что касается участия в соревнованиях, то Корчной многократно выезжал в различные страны мира и в последние годы играл в Великобритании, США, ФРГ, Франции, Испании, Югославии.

Болезненное самолюбие, непомерное тщеславие, апломб Корчного в отношениях с коллегами и соперниками за шахматной доской были известны, на это не раз обращалось его внимание, и каждый раз Корчной каялся и обещал сделать необходимые выводы. Особенно заметно эти отрицательные качества проявились в ходе претендентских матчей 1974 года, когда Корчной хвастливо объявил себя единственным шахматистом, способным успешно бороться за мировое первенство.

Нарушая международные правила, обязывающие шахматиста вести себя в соответствии с высокими принципами спорта, джентльменства, Корчной стал прибегать к недозволенным приемам психологического воздействия на партнеров, стремясь вырвать победу любой ценой. Он вел себя бес tactно и учинил скандал во время полуфинального матча в Одессе. Аналогичные попытки Корчной предпринимал и в финальном матче в Москве, когда ход спортивной борьбы сложился не в его пользу. Он подавал необоснованные апелляции, допускал грубость по отношению к арбитру матча и сопернику. Желчными и безответственными были его интервью после проигрыша матча, в которых он неуважительно отзывался о победителе и всячески принижал его игру и результат соревнования в целом.

Такое поведение Корчного вызвало единодушное осуждение спортивной общественности и любителей шахмат. В письме в газету «Советский

спорт» Корчной признал свою неправоту и принес извинения сопернику. Однако, как теперь становится ясным, его очередное «покаяние» было лишь маской озлобленного индивидуалиста.

Нынешние утверждения Корчного о том, что какие-то официальные органы или лица якобы мешали ему добиться победы, попросту смехотворны. Еще ни один шахматист в истории борьбы за мировое первенство не прибегал к подобным нечестным объяснениям причин своего поражения. Не соответствуют истине и другие клеветнические заявления Корчного.

Шахматная федерация СССР приняла решение: за поступок, недостойный советского спортсмена, дисквалифицировать Корчного и лишить его званий заслуженного мастера спорта, гроссмейстера и мастера спорта СССР.

В связи с дисквалификацией Корчного Шахматная федерация СССР поставила перед Международной шахматной федерацией вопрос об исключении его из предстоящего соревнования претендентов на звание чемпиона мира.

ЗАЯВЛЕНИЕ ШАХМАТНОЙ ФЕДЕРАЦИИ СССР («64» №37/1976)

21 мая с. г. Шахматная федерация СССР заявила об отказе от участия в XXII мужской и VII женской всемирных шахматных Олимпиадах (командных чемпионатах мира) и в очередном Конгрессе ФИДЕ, назначенных к проведению в октябре с. г. в Израиле (г. Хайфа).

Сейчас, когда истекли сроки подачи заявок, выяснилось, что ожидается участие в Олимпиадах команд только 34 национальных федераций из 94, являющихся членами ФИДЕ. Это будет самое низкое число участвующих стран по сравнению с десятью Олимпиадами, проведенными за последние 20 лет. Среди отказавшихся направить шахматистов в Израиль федерации ряда стран, команды которых неизменно занимали призовые и высокие места во многих Олимпиадах.

Таким образом, большинство шахматных федераций ясно высказались против проведения шахматных Олимпиад в Израиле, правящие круги которого проводят политику агрессии в отношении соседних арабских государств и продолжают расправы с населением оккупированных арабских территорий. Очевидно также, что большинство национальных федераций, отказавшихся направить свои команды в Израиль,

не примут участия и в Конгрессе ФИДЕ, который в результате этого явится непредставительным и неправомочным решать важные вопросы международной шахматной жизни.

В связи с изложенным Шахматная федерация СССР вновь обращается к руководству ФИДЕ с настоятельным призывом отменить проведение Олимпиад 1976 года, а Конгресс ФИДЕ перенести в другую страну.

**В ГАЗЕТУ «СОВЕТСКИЙ СПОРТ».
ПИСЬМА ГРОССМЕЙСТЕРОВ
(«64» №38/1976)**

Ничего, кроме чувства возмущения и презрения, не вызывает у нас подлый поступок шахматиста В. Корчного, предавшего Родину. Став на обычный для подобных отщепенцев путь клеветы, Корчной пытается теперь делать ходы в грязной политической игре, стремясь привлечь внимание к своей персоне, набить цену у любителей дешевых сенсаций.

Встречаясь с Корчным за шахматной доской, многие из нас не раз сталкивались с проявлением его зазнайства и бес tactности. Многое прощалось Корчному, щадилось его болезненное самолюбие, а эта терпимость, видимо, воспринималась как должное. Теперь, попросив защиты от надуманных преследований у голландской полиции, Корчной свои мелкие личные обиды пытается возвести в ранг международных проблем.

Решительно осуждая поведение Корчного, мы полностью одобляем решение Шахматной федерации СССР о его дисквалификации и лишении спортивных званий.

Гроссмейстера Авербах Ю., Антошин В., Балашов Ю., Белявский А., Болеславский И., Бондаревский И., Ваганян Р., Васюков Е., Гаприндашвили Н., Геллер Е., Гипслис А., Гургенидзе Б., Гуфельд Э., Котов А., Кругиус Н., Кузьмин Г., Лутиков А., Петросян Т., Платонов И., Полугаевский Л., Романишин О., Савон В., Смыслов В., Суэтин А., Тайманов М., Таль М., Тукмаков В., Флор С., Фурман С., Холмов Р., Цешковский В.

***

Решение В. Корчного изменить Родине меня глубоко поразило и огорчило. Поразило потому, что, вопреки нынешним утверждениям Корчно-

го, никаких помех для его творческой деятельности в стране, которой он обязан всем, что помогло полностью раскрыть его дарование, не было и быть не могло.

Наоборот, всем известно, что для него, как и для всех советских спортсменов, были созданы условия, о которых на Олимпиаде в Монреале могут лишь мечтать. Утверждать обратное нечестно и непорядочно.

Огорчило потому, что шаг, сделанный Корчным, ставит под угрозу всю дальнейшую творческую деятельность этого шахматиста.

Разделяя возмущение советской общественности недостойным поведением Корчного, я поддерживаю решение Шахматной федерации СССР о лишении его спортивных званий и права представлять на мировой арене советскую шахматную школу.

А. Карпов,
чемпион мира

КОМИТЕТ
ПО ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ И СПОРТУ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

ЦК КПСС

Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР в дополнение к информации от 19 августа с.г. об участии советских спортсменов в шахматной олимпиаде, проводимой в Ливии в октябре–ноябре 1976 года и отказе Международной шахматной федерации (ФИДЕ) отменить шахматные олимпиады в Израиле, полагает необходимым сообщить, что в последние годы вообще сложилась ненормальная обстановка в ФИДЕ. Президент федерации М. Эйве систематически и довольно последовательно игнорирует многие предложения социалистических стран и осуществляет мероприятия, свидетельствующие о его проамериканской и просионистской ориентации, не стесняясь подчас принимать решения, ущемляющие законные интересы советских шахматистов. Особенно это проявилось в период подготовки матчей на звание чемпиона мира между американским гроссмейстером Р. Фишером и советскими шахматистами Б. Спасским и А. Карповым.

В 1974–1975 гг., несмотря на возражения шахматных федераций СССР, социалистических стран, а также ряда арабских стран, М. Эйве принял решение провести шахматные олимпиады в Израиле. Ошибочность этого решения в настоящее время очевидна всем (в Израиль собираются приехать только 30–35 делегаций, в то время как на предыду-

ших олимпиадах были шахматисты более 70 стран из 93, состоящих в ФИДЕ, однако М. Эйве упорно продолжает заявлять, что в этом случае он не отменит олимпиады в Израиле.

Свидетельством односторонней ориентации М. Эйве является и его нежелание объективно разобраться в ситуации, сложившейся в связи с изменой Родине гроссмейстера Корчного. С первых же дней, как Корчной остался в Нидерландах, М. Эйве систематически выступает в защиту его прав на участие в матчах претендентов на звание чемпиона мира по шахматам в 1977 году, хотя в конфиденциальной беседе уже обращалось внимание М. Эйве, что ФИДЕ в соответствии с Уставом не должно вмешиваться во внутренние дела национальных федераций.

Неспособность М. Эйве управлять деятельностью ФИДЕ проявляется и при решении многих других вопросов. Видно, сказывается и его преклонный возраст (75 лет).

В связи с этим Спорткомитет СССР полагает целесообразным совместно с другими социалистическими странами начать закрытые переговоры о подборе кандидатуры на пост президента ФИДЕ (может быть, от Югославии) с тем, чтобы в конце 1976 г. – начале 1977 г. публично выступить с требованием отставки М. Эйве. В соответствии с Уставом ФИДЕ, официальные перевыборы президента должны состояться в 1978 году.

КОМИТЕТ
ПО ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ И СПОРТУ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

Председатель Комитета по физической культуре и спорту
при Совете Министров СССР С.П. Павлов

20 августа 1976 года

ЦК КПСС

В течение длительного времени между шахматистами СССР и Голландией поддерживаются контакты и осуществляется обмен спортсменами. Советские шахматисты, в том числе и ведущие гроссмейстеры ежегодно участвуют в нескольких традиционных международных турнирах в Голландии, а голландские шахматисты приглашаются на турниры в СССР.

Однако в последние годы Шахматный союз Нидерландов совершает действия, носящие недружественный характер по отношению к СССР и, в частности, оказывает поддержку шахматистам, эмигрировавшим из СССР и других социалистических стран.

Так, в Голландии обосновался бывший мастер спорта СССР Г. Сосонко, эмигрировавший сначала в Израиль, а затем переехавший на жительство в Голландию. Еще до получения гражданства этой страны Сосонко приглашался к участию в турнирах как ее представитель, а в 1975 году в явно пропагандистских целях был проведен его матч из двух партий с экс-чемпионом мира, президентом ФИДЕ М. Эйве. На турниры в Голландию систематически приглашаются А. Кушнир, эмигрировавшая из СССР в Израиль, бывший чехословацкий шахматист Л. Кавалек, проживающий ныне в США, и другие подобные лица.

Шахматный союз Голландии ныне оказывает покровительство В. Корчному. Голландскими властями Корчному отказано в статусе политического эмигранта (разрешено временное проживание в Голландии по «моральным и гуманным» мотивам), однако Шахматный союз Голландии взялся представлять его интересы в соревнованиях претендентов на первенство мира.

Учитывая, что все эти шаги носят политическую окраску, Спорткомитет СССР полагает целесообразным впредь сократить направление советских шахматистов на турниры в Голландию (кроме официальных чемпионатов), не направлять в эту страну ведущих гроссмейстеров и ограничить приглашения голландских шахматистов в СССР.

Просим согласия.

Председатель Комитета по физической культуре и спорту
при Совете Министров СССР С.П. Павлов
15 декабря 1976 года

Глава 15

ТРОЙНОЙ ЗАСЛОН НА ПУТИ К КАРПОВУ

Матч с Петросяном представлял серьезное испытание. Объективно рассуждая, за последние три года после встречи в Одессе (1974 г.) я значительно ухудшил свое положение: мое жилище в Амстердаме было временным, я не мог опираться на поддержку семьи, у меня не было моего многолетнего тренера, не было под рукой и четвертой части литературы, которой я располагал в Ленинграде. В этих условиях я делал то, что мог, что было в пределах моих возможностей. Я устроил себе, как говорили в СССР, тренировочный сбор. Слово «сбор» предполагает много участников. А я решил в одиночку походить на лыжах в швейцарских горах — в Арозе, и пригласил поработать Ганса Рее, голландского гроссмейстера. В сопровождении Рея и поехал играть матч.

Провести соревнование политического значения — на это могли решиться немногие. Тем более, что встреча с Петросяном на матче 1974-го года обошла весь шахматный мир. Рискну-

ли итальянцы. Энергичный руководитель федерации Никола Палладино взял на себя заботы по организации соревнования. Матч состоялся в крошечном городке Иль Чокко, невдалеке от города Лукка. Петросян прибыл во всеоружии — с тренерами И. Зайцевым, Е. Геллером, Ю. Авербахом, сопровождаемый верным оруженосцем — Роной. Со мной поначалу был только Рее. Откуда ни возьмись, вдруг появился Яков Мурей! Он только что выехал из СССР по израильской визе. Добрался до Вены, куда прибывали все, направлявшиеся в Израиль, а оттуда, сделав в Италию всего один телефонный звонок — прямо ко мне! Иногда ко мне приезжала фрау Лееверик. Оруженосец Петросяна не теряла времени и просвещала Петру — какой я плохой человек...

Начался матч. Было очевидно, что на этот раз Петросян не уступает мне в теоретической подготовке и явно превосходит в квалифицирован-

ЧЕМПИОНАТ ГОЛЛАНДИИ.
Леуварден, 18 апреля – 4 мая 1977 г.

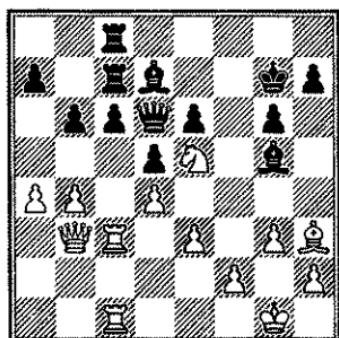
Участники	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	О	М
1. В. Корчной	1	1	1	=	1	=	1	1	1	1	1	1	1	1	12	1
2. Я.-Х. Доннер	0	1	=	1	0	1	0	1	=	1	1	=	1	1	8.5	2-3
3. Я. Тимман	0	0	=	=	1	1	1	1	0	1	1	1	1	1	8.5	2-3
4. Х. Рее	0	=	=	=	1	=	=	1	=	=	1	=	1	1	8	4
5. К. Лангевег	=	0	=	=	=	=	=	1	=	0	1	=	1	1	7	5
6. Г. Лигтеринк	0	1	=	0	=	0	=	=	=	1	1	=	=	1	6.5	6
7. Р. Хартлок	=	0	=	=	1	0	1	0	1	0	1	0	1	1	6	7
8. Дж. ван Баарле	0	1	0	=	=	0	=	=	=	1	=	=	0	0	5.5	8-11
9. Ф. ван дер Флит	0	0	=	0	=	1	=	=	=	1	0	=	1	1	5.5	8-11
10. К. ван Вийгерден	0	=	0	0	=	0	=	=	=	1	=	1	1	1	5.5	8-11
11. Х. Бем	0	0	1	=	1	0	0	0	=	=	0	1	0	1	5.5	8-11
12. П. ван дер Стеррен	0	0	0	=	0	0	=	1	0	=	1	1	1	1	5	12-13
13. П. Берсма	0	=	0	0	=	=	=	=	=	1	0	=	1	1	5	12-13
14. Л. Хоффланд	0	0	0	0	=	=	1	0	0	0	0	=	2.5	14		

ной поддержке по ходу матча. Мы обменялись ударами и сделали несколько ничьих. Решающей партией оказалась 8-я. Петросян полностью переиграл меня стратегически, но в выигранной позиции допустил грубейший зевок, потерял качество и проиграл. Я не дал ему возможности отыграться — оставшиеся четыре партии закончились вничью. Честно говоря, я не заслужил по игре выиграть этот матч, но, похоже, Бог рассудил иначе...

19. Т. Петросян — В. Корчной Чокко 1977

Новоиндийская защита E15

1.d4 e6 2.c4 $\mathbb{Q}f6$ 3. $\mathbb{Q}f3$ b6 4.g3 $\mathbb{Q}ab$ 5.b3 $\mathbb{Q}b4+$ 6. $\mathbb{Q}d2$ $\mathbb{Q}e7$ 7. $\mathbb{Q}c3$ d5 8.cd ed 9. $\mathbb{Q}g2$ 0-0 10.0-0 $\mathbb{Q}bd7$ 11. $\mathbb{Q}e5$ $\mathbb{Q}b7$ 12. $\mathbb{Q}f4$ $\mathbb{Q}e8$ 13. $\mathbb{Q}c1$ $\mathbb{Q}f8$ 14. $\mathbb{Q}g5$ $\mathbb{Q}e6$ 15. $\mathbb{Q}:f6$ $\mathbb{Q}:f6$ 16.e3 c6 17. $\mathbb{Q}d3$ $\mathbb{Q}d6$ 18. $\mathbb{Q}e1$ $\mathbb{Q}ad8$ 19.b4 $\mathbb{Q}e7$ 20.a4 $\mathbb{Q}de8$ 21. $\mathbb{Q}b3$ $\mathbb{Q}d8$ 22. $\mathbb{Q}ed1$ $\mathbb{Q}ed7$ 23. $\mathbb{Q}e2$ g6 24. $\mathbb{Q}ef4$ $\mathbb{Q}c7$ 25. $\mathbb{Q}d2$ $\mathbb{Q}g5$ 26. $\mathbb{Q}:e6$ fe 27. $\mathbb{Q}dc2$ $\mathbb{Q}dc8$ 28. $\mathbb{Q}h3$ $\mathbb{Q}g7$ 29. $\mathbb{Q}f4$ $\mathbb{Q}e8$ 30. $\mathbb{Q}c3$ $\mathbb{Q}c8$ 31. $\mathbb{Q}d3$ $\mathbb{Q}d7$ 32. $\mathbb{Q}e5$ $\mathbb{Q}ec8$.

33.e4 $\mathbb{Q}:c1$ 34. $\mathbb{Q}:c1$ de 35. $\mathbb{Q}:d7$ $\mathbb{Q}:d7$ 36. $\mathbb{Q}:e6$ $\mathbb{Q}:d4$ 37. $\mathbb{Q}c4$ $\mathbb{Q}a1+$ 38. $\mathbb{Q}g2$ $\mathbb{Q}f8$ 39. $\mathbb{Q}:e4$ $\mathbb{Q}e7$ 40. $\mathbb{Q}d5$ $\mathbb{Q}:e4$ 41. $\mathbb{Q}:e4$ $\mathbb{Q}f6$ 42. $\mathbb{Q}c2$ $\mathbb{Q}c8$ 43.a5 ba 44.ba c5 45. $\mathbb{Q}c4$ $\mathbb{Q}e8$ 46. $\mathbb{Q}d5$ $\mathbb{Q}d4$ 47. $\mathbb{Q}b3$ $\mathbb{Q}e2$ 48. $\mathbb{Q}b7+$ $\mathbb{Q}h6$ 49. $\mathbb{Q}f7$ $\mathbb{Q}:f2+$ 50. $\mathbb{Q}:f2$ $\mathbb{Q}:d5+$ 51. $\mathbb{Q}f3$ $\mathbb{Q}:f3+$ 52. $\mathbb{Q}:f3$ $\mathbb{Q}g5$ 53. $\mathbb{Q}e4$ $\mathbb{Q}g4$ 54. $\mathbb{Q}d5$ $\mathbb{Q}h3$ 55.g4 $\mathbb{Q}:h2$ 56. $\mathbb{Q}:c5$ $\mathbb{Q}g3$ 57.g5 $\mathbb{Q}g4$.
Белые сдались.

Прямо из Италии госпожа Лееверик привезла меня в Монтере, где проходил небольшой международный турнир. Я там играл не очень уверенно, но турнир все-таки выиграл. Один из участников соревнования, Реймонд Кин предложил мне свою помощь при подготовке к новым матчам. Я охотно принял это предложение, мы даже договорились о совместной тренировке в июне—июле. А пока что я вернулся в Голландию и принял участие в чемпионате страны. Вообще, в Голландии в 70-е годы шахматы развивались, как нигде в мире. Круглый год интереснейшие соревнования ожидали шахматистов. Я уже участвовал в чемпионате Голландии по блицу. Победу там одержал Тимман, я финишировал вторым. Проводились регулярно, обычно в городе Бреда так называемые «фестивали интеллектуальных видов спорта». Там были обязательно представлены шахматы,

шашки, бридж и другие игры. Как-то раз, помню, я давал сеанс, а одним из играющих был чемпион мира по шашкам Ван дер Вал, а потом я играл в его сеансе. В другой раз была просто устроена наша встреча в шахматы и в шашки — ни один из нас в другом виде двоеборья успеха не имел.

В чемпионате страны играли талантливые ребята, но тягаться с профессионалом им было не по силам. Говорят, что почти в каждой партии у меня было хуже. Но все же я набрал 12 из 13 (ничьи с Хартохом и Лангенегом) и на 2,5 очка опередил занявшего второе место Тиммана. Фотография участников турнира появилась на обложке голландского шахматного журнала. Из скромности я стоял чуть в стороне от основной группы участников, и меня, победителя турнира, отрезали. Мой результат в турнире не послали на подсчет рейтинга. Забыли нечаянно, а может быть, постарались забыть...

Пора было готовиться к матчу с Полугаевским. Договорились играть в Эвиане, на берегу Женевского озера. А на противоположном берегу — Монтрэ. Советским было невдомек: играть предстояло во Франции, а деньги-то на матч обеспечивали швейцарцы — жители Монтре...

Готовился к матчу я в Швейцарии, в Лозанне, в ос-

новном на свои деньги. Кин высказал пожелание, чтобы его друг Майкл Стин тоже был приглашен — у Кина в компании со Стином лучше идет работа. И я согласился. Тем более, что со Стином мы познакомились во время московского турнира 1975 года, продолжили знакомство во время турнира в Гастинге 1975–76 года и после него. И Кин оказался прав — Майкл Стин оказался настоящим трудягой-аналитиком, в то время как у Кина, помимо шахматной работы, возникли и другие интересы — он писал книги, посвященные матчам, в которых принимал участие в качестве тренера, а иногда и руководителя группы. Так было, в частности, в Эвиане.

У Полугаевского шефом был сам Батуринский, а тренерами И. Зайцев и В. Багиров. По-видимому, Зайцев специализировался на моем творчестве, и без него любая борющаяся против меня группа была неполнценной.

Когда-то мы с Полугаевским были в отличных отношениях. До тех пор, пока он не понял, что я противостою Карпову; и не только в шахматном отношении, но политически! И он, будучи сердцем на моей стороне, умом присоединился к стороне сильнейшей! И потому, если раньше он, бывало, играл со мной успешно, то те-

перь, с большой совестью, играть против меня не мог. После трех партий я вел в счете 3:0, и когда четвертая партия закончилась вничью, швейцарская бульварная газета «Блик» обвинила меня, что я сплавил полочка! После удачного старта я, действительно, выиграл матч без больших усилий, но все же не так быстро, как хотелось журналистам из бульварной газеты. Счет был 8,5:4,5.

**20. В. Корчной –
Л. Полугаевский
Эвиан 1977 (м/7)
Ферзевый гамбит D47**

Я сыграл за свою жизнь более 4 тысяч серьезных партий. Среди них есть всякие, на любой вкус — запутанные и простые, с ошибками и без, с тактическими фейерверками или игрой по пунктам. Пару лет назад я выпустил две книги своих избранных партий. Из четырех тысяч я выбрал 110. Говорят, выбор был не слишком удачный, что партии эти далеко не лучшие, изобилиуют ошибками. Это правда. На показе, на объяснении этих ошибок мне хотелось принести читателю пользу, доставить ему удовольствие. А теперь я рискну показать читателю одну из своих так называемых безошибочных партий. Поскольку противник был достойный, партия получилась занимательной...

**1.c4 $\mathbb{Q}f6$ 2. $\mathbb{Q}c3$ e6 3. $\mathbb{Q}f3$ d5
4.d4 c6 5.e3 $\mathbb{Q}bd7$ 6. $\mathbb{Q}d3$ dc
7. $\mathbb{Q}:c4$ b5.**

Талантливый гроссмейстер, Лев Полугаевский обладал прекрасным тактическим зрением и отличной техникой в разыгрывании простых позиций. Тем не менее, он тяготел к игре в самых сложных положениях. Он был виртуозом сицилианской защиты за черных. Однажды, в 1958-м году мне захотелось проверить его силу в сицилианской. Проверил, в некотором роде был удовлетворен проверкой — проиграл. На ход 1.d4 Полугаевский не имел сокрушительного оружия, пробовал различные схемы. В 70-е годы он остановил свой выбор на меранском варианте. Что-то общее с сицилианской есть — черные на время уступают центр, но не перестают его обстреливать. Инициатива как будто у белых, но от одного неаккуратного хода все может перевернуться...

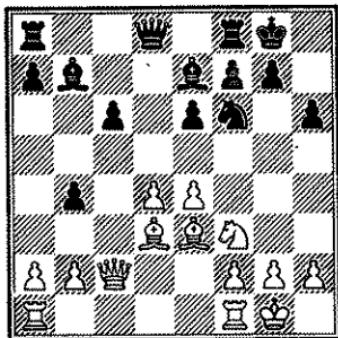
8. $\mathbb{Q}d3$ $\mathbb{Q}b7$.

Современный метод разыгрывания меранского варианта. В прошлом, с начала XX века здесь неизменно продолжали 8...ab.

9.0-0 b4.

Это продолжение, наряду с 9...ab, было модно не только в прошлом, но и применялось неоднократно в начале ХХI века.

**10. $\mathbb{Q}e4$ $\mathbb{Q}e7$ 11. $\mathbb{Q}:f6+$ $\mathbb{Q}:f6$
12.e4 0-0 13. $\mathbb{Q}c2$ h6 14. $\mathbb{Q}e3?$**

Как это бывает в матчах между гроссмейстерами, участник при подготовке к игре черными готовит одну-две линии обороны. И до тех пор, пока эта линия не пробита, он держится за свой оборонительный рубеж. Полугаевский избирает меранский вариант уже в третий раз в матче! Чтобы пробить эту линию обороны, нужно хорошо поработать!

Черные, собственно, готовятся сыграть сб-с5 и уравнять игру. Есть разные пути противостоять им. Вот сейчас мне с группой помощников (Стин, Мурей, Кин) удалось найти новый интересный ход. Удастся ли моему противнику обезвредить эту новинку?

14... $\mathbb{E}c8$ 15. $\mathbb{E}fd1$ c5.

Все время напрашивается ход конем на g4. Но если пойти так сразу, то после 16. $\mathbb{A}f4$ с5 17.e5 cd 18. $\mathbb{W}e2$ конь на g4 оказывается совсем в дурацком положении...

16.d5 $\mathbb{W}g4$.

Сейчас выпад конем более-менее вынужден. Другой ход,

который напрашивался — 16... $\mathbb{W}a5$ вел к худшему для черных эндшпилю: 17.a3! $\mathbb{A}:c5$ 18. $\mathbb{A}:c5$ $\mathbb{H}:c5$ 19. $\mathbb{W}d2$ b3 20. $\mathbb{W}:a5$ $\mathbb{H}:a5$ 21. $\mathbb{A}d2$!

17. $\mathbb{A}d4$ e5 18.h3 ed 19.hg.

Возникшая пешечная структура явно к выгоде белых. Нечто похожее встречается в ферзевом гамбите с 5. $\mathbb{A}f4$. В партии перевес белых еще более очевиден: слаба не только пешка d4, но и ее соседка на b4. Единственный козырь черных — два слона. В трудном эндшпиле они, может быть, помогут им спасти партию...

19... $\mathbb{H}:c5$ 20. $\mathbb{W}d2$ a5 21. $\mathbb{H}ac1$ $\mathbb{W}d7??$

Как выяснится вскоре, это малозаметная ошибка с серьезными последствиями. Место чернопольного слона — на e7. В партии Ненашев — Новиков (Москва 1991) черные разменялись на с1. В дальнейшей борьбе они потеряли пешку d4, но упорной защитой спасли партию вничью.

22. $\mathbb{H}:c5$ $\mathbb{A}:c5$ 23.g5 hg 24. $\mathbb{W}:g5$ $\mathbb{W}e7$.

Не лучше и 24... $\mathbb{A}e7$, на что возможно 25. $\mathbb{W}:a5$, и ответная акция 25... $\mathbb{H}a8$ 26. $\mathbb{W}h5$ $\mathbb{H}:a2$ парируется ответом 27. $\mathbb{A}c4$.

25. $\mathbb{W}h5$ g6 26. $\mathbb{W}h6$ $\mathbb{W}f6$ 27. $\mathbb{A}c4!$

В связи с возникшими угрозами черному королю белым удается перестроить свои фигуры для решающей атаки. Как сейчас: не годится 27... $\mathbb{A}:e4$ ввиду 28. $\mathbb{A}g5$.

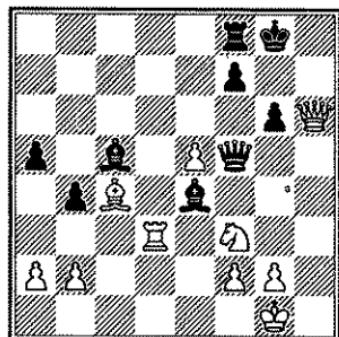
27...d3!?

Вполне в стиле Полугаевского: пешка все равно обречена. Почему бы не пожертвовать ее, чтобы активизировать слона с5!?

28.e5 ♜f5.

Если 28...♜g7, то возникает более-менее форсированный вариант: 29.♛g5! ♜:f3 30.gf ♜d4 31.e6 ♜f6 32.ef+ ♛h7 33.♛f4, и черным плохо.

29.♕:d3 ♜e4.

30.♕d6!

Найти этот ход нетрудно: на взятие ладьи опять следует ♜g5!

30...♜g4 31.♕f6 ♜f5 32.b3.

Черные защищались единственными ходами. Но защитительным ресурсам пришел конец. Грозит разрушительное e5-e6. Например, 32...a4 33.e6 fe 34.♕:e6+ ♜:e6 35.♕:g6+.

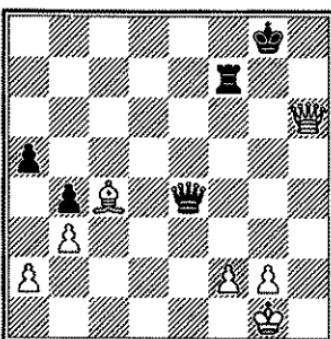
32...♞d4 33.♞:d4 ♜:d4

34.♕:g6+ ♜:g6 35.♕:g6+ ♛h8 36.♕h6+ ♛g8 37.e6.

Угроза, которая долго висела над позицией черных, наконец приведена в исполнение.

37...♛e4 38.ef+ ♛:f7.

Чтобы избежать затяжного ферзевого эндшпилля, белым придется сыграть «на красоту».

39.♕f6! ♜b1+ 40.♔h2 ♜h7+ 41.♔g3 ♜d3+ 42.f3 ♜:c4 43.♕d8+.

Черные сдались.

Уже с начала 1977 года со мной стал заговаривать один из ведущих шахматных меценатов Западной Германии Вильфрид Хилгерт. У нас было несколько встреч, и, наконец, накануне матча с Полугаевским мы заключили с ним контракт. Согласно договору, начиная с 1 октября я должен был работать у него в клубе «Кельн-Порц». Контракт был на два года, но при случае, объявив за два месяца об уходе, я мог прервать действие контракта. Ежемесячно я должен был получать 2500 марок, должен был появляться в клубе минимум раз в неделю и играть за клуб в «Бундеслиге». Других обязанностей мне контракт не предусматривал. Трудно сказать,

почему я принял это предложение. Вероятно, я не был уверен, что мне удастся высоко подняться по шахматной лестнице, и я таким образом гарантировал свой заработок независимо от успехов. В то время, как Хилгерт чутьем понял, что я двигаюсь вперед и вверх и он заработает на мне. Газеты писали, что я призван сделать Кельн-Порц шахматной Меккой...

Мне предстояло теперь готовиться к матчу со Спасским, а я вместо этого отправился на гастроли в США. Мое турне по Америке было организовано шахматным деятелем Стюартом Морденом. Я начал свои выступления в Чикаго, постепенно добравшись до Калифорнии, а потом через Нью-Орлеан вернулся в Нью-Йорк. И везде, где я останавливался, везде следовал за мною, интересовался мною Роберт Фишер. Он звонил, его узнавали по голосу, спрашивали, кто звонит. Он отвечал — аноним. Так было и в Чикаго, и в Денвере, и дальше. Но вот, наконец, я в Лос-Анджелесе. Звонки прекратились. У знакомых я узнал телефон секретарши Фишера МакКерроу и позвонил ей. Я сказал, что хочу встретиться с Фишером. «Это невозможно», — ответила она. Я решил взвалить всю ответственность на себя: «Как, я пересек всю Америку ради

того, чтобы встретиться с ним!» «Ну, подождите тогда». Она позвонила довольно скоро: «Завтра приезжайте в Пасадену на такую-то улицу. Там я работаю. Приезжайте к 12 часам, он туда придет».

К 12 часам, как самый пунктуальный швейцарец, я был на месте. Был теплый августовский день. В стране, где на вес золота каждая минута, я проходил американца 53 минуты! Наконец, он появился — в зимней шапке, с десятком книг подмышкой. Зачем зимняя шапка? Для камуфляжа... Думается, во всей Калифорнии не было сегодня второго такого типа — в зимней форме. А книги? Это — мне в подарок. Кажется, антиамериканские, антиобщественные взгляды в нем еще не окончательно сформировались. Но он их уже «нащупывал»: книжки были в основном о всееврейском заговоре против мировых держав. Прошло еще несколько лет, и этот еврей скатился к откровенному, неприкрытым антисемитизму...

Первое, что я почувствовал — что он ужасно одинок, нет ни мужчины, ни женщины, с кем он мог бы быть откровенен. Он был довольно открыт со мною. Но ему бы найти кого-либо, кто лучше владел бы тонкостями английского языка. Мы разговаривали с ним несколько часов. Он пред-

ложил пойти поесть. Выбрал ресторан, после еды заплатил за обоих. Потом, уже без шапки, гулял со мной по улицам еще пару часов. Мы беседовали о многом. Я был поражен его потрясающей шахматной памятью. Какой бы партии я ни коснулся, он отвечал моментально, как будто сам об этой же партии думал. Он ругал американскую шахматную федерацию, редакцию журнала «U.S. Chess Review», руководителя федерации Эдмондсона, называя их всех просоветскими. Смысл в этом был, но несколько поверхностный. Будучи советским гражданином, я был не в силах понять, что Советский Союз невероятно силен! А советская шахматная федерация узурпировала власть в ФИДЕ и ведет себя, как ее хозяин, нарушая законы и традиции этой организации. Все во всем мире, далеко не только шахматном, вынуждены считаться с этим бандитом! А зная, как все боятся советского диктата, я, может быть, и не решился бы на бегство! Нужно было много счастья, чтобы отстоять свое место в шахматном мире, как это мне удалось. Фишер восхищался моим поступком, но связать логически все звенья того, что творилось в шахматном мире, не мог.

А после появилась госпожа МакКерроу, и они вдвоем про-

водили меня к пяти часам в Лос-Анджелес, где через час я должен был начать беседу и сеанс. Я был полон впечатлений от дневной встречи и, конечно, кое-что рассказал любителям шахмат. В конце концов, пребывание Фишера в Пасадене, как я понимал, вряд ли было секретом для большинства жителей Лос-Анджелеса. Но Фишер рассудил иначе. На следующий день он прислал мне сердитое письмо, где предположил, что я работаю на советскую разведку. Мне было достаточно. Больше я с Фишером не переписывался, никаких дел не имел. И если мне задавали вопрос — не хотел ли бы я сыграть с Фишером — я отвечал и отвечаю, что кроме обязательных матчей на первенство мира предпочитаю встречаться за шахматной доской с людьми, которых уважаю...

По возвращении в Европу предстояло обдумывать устройство нового матча, готовиться к нему. Взять на себя хлопоты по его проведению решили югославы. Еженедельник «Дуга» пожелал быть спонсором матча. Спасский не возражал играть в Югославии. У него, также, как и у меня, там были друзья. Провести соревнование двух полусоветских граждан — по документам я был все еще советским гражданином, а Спасский уже имел

двойное гражданство — на это нужно было решиться! За дело взялись двое — шахматистка Милунка Лазаревич и известный писатель-юморист Брана Црнцевич. Я встретился с ними в Трире (между прочим, там родился небезызвестный Карл Маркс) и подписал соглашение играть матч в Белграде. Я говорю по-сербски и считал поэтому, что у меня в Белграде — преимущество. Оказалось, что я недооценивал дипломатические способности партнера. По ходу матча мне, бывало, приходилось и пожалеть, что я остановил свой выбор на стране «третьего мира».

Готовясь к этой встрече, я обратил внимание на свое физическое состояние — я понимал, что легкой прогулки не будет. Я отправился в санаторий в Германии на границе со Швейцарией, в Меерсбурге. А к концу срока пребывания при-

гласил туда Кина для работы. Все шло нормально. К отъезду мы заказали такси, которое должно было отвезти нас к парому. А потом — троллейбус, дальше — железная дорога до Цюриха, и так далее. А шофер такси предложил довезти нас прямо до Цюриха за умеренную плату. Мы с Кином, подумав, согласились. Проехав государственную границу Германии, мы вышли на прямой автобан до Цюриха. Вечерело, я сидел рядом с шофером и в сумраке вдруг увидел, что наш «Мерседес» на полной скорости врезается во впереди идущий грузовик. Я закричал, шофер успел чуть-чуть свернуть руль. Мы врезались, перевернулись, кажется, один раз. Возможно, на пару секунд я потерял сознание. А потом не спеша вылез через окно из машины. Грузовик впереди принадлежал швейцарской армии...

Глава 16

СПАССКИЙ

Человек, с которым я находился в общении десятки лет, далеко не последняя личность в истории современных шахмат — Борис Спасский. В книге «Антишахматы» я посвятил отношениям со Спасским одну страницу. Здесь я решил процитировать кое-что с той страницы, прокомментировать изложенное и дополнить...

«На протяжении многих лет мы были в приятельских отношениях...»

Не изменил этой ситуации и матч 1968 года, когда Спасский буквально разгромил меня!

Приятельские отношения — это далеко не дружеские. Мы родились и воспитывались в одном городе — Ленинграде. Свое первое шахматное образование получили у одного и того же педагога — Владимира Зака. Но друзьями мы не были никогда. Во-первых, я старше Спасского на шесть лет. Во-вторых, у нас не совпадало имущественное положение. В юности я был беден, а он много, несравненно беднее. Лет че-

рез 25 я стал человеком обеспеченным, а его можно было назвать богатым. В-третьих, у нас не совпадало время лучших достижений. Я еще только выходил в гроссмейстеры, а он уже играл в соревнованиях на первенство мира. В-четвертых, у нас довольно скоро стали развиваться различные взгляды на жизнь. Мы, повторяю, воспитывались с ним у одного педагога, только я был с Заком до конца, до своего бегства из СССР, а он пошел в обучение сперва к Толушу, потом к Бондаревскому. Конечно, гроссмейстеры старшего поколения могли, смогли выучить его многому. Но они же прививали ему циничное отношение к жизни... Наконец, в-пятых, шахматный стиль у нас с ним тоже был разный, причем один не питал уважения к шахматному стилю другого. А в остальном, если хотите, мы были приятели!

В пятидесятые годы Спасский доминировал во встречах со мной, но через несколько лет я обошел его. Так, я выиг-

рал у него партии в чемпионатах СССР 1960, 1961, 1962 годов. Не проиграв ему на протяжении восьми лет ни одной встречи, я был полон уверенности в благоприятном исходе предстоявшего летом 1968-го года в Киеве поединка. И вот — я написал, что Спасский буквально разгромил меня в матче. Так я чувствовал во время матча и после его окончания. А если по прошествии времени посмотреть на результаты — напрашивается другая оценка. Ведь мне удалось обезвредить наступательное оружие Спасского — ход 1.e2-e4, которым он обычно выигрывал свои матчи. А проиграл я три партии белыми. Ну, не настолько же лучше меня он понимал шахматы, чтобы уверенно переигрывать меня черным цветом и, как по заказу, выигрывать одну партию за другой! Действительно, Спасский продемонстрировал тонкую игру в этих партиях. И все-таки, не он выиграл, а я проиграл эти партии, запутавшись в собственных стратегических концепциях. В целом, Спасский играл практичеснее меня. Он реже бывал в цейтнотах; он, я бы сказал, охотно уступал стратегические пункты на доске ради выигрыша нескольких минут на часах.

Но на удивление, из всего матча лучше всего мне запомнилась история, случившаяся

во время 9-й партии. Гроссмейстер Игорь Бондаревский был на протяжении десятков лет едва ли не единственным помощником Спасского — факт сам по себе примечательный, поскольку он принадлежал к старшему поколению и вряд ли следил за развитием современной теории. Соответственно, дебютный репертуар Спасского никогда не выделялся особой яркостью. Исключением был матч Спасского с Фишером 1972 года, когда Спасского, фактически, заставили набрать большую команду себе в помощники.

Так вот, при счете 4:1, когда до конца матча оставалось сделать пару ничьих, Бондаревский купил себе билет на возвращение домой, в Ленинград. Между тем игравший белыми Спасский не смог полностью уравнять игру. Во избежание худшего он пожертвовал качество, и партия была отложена. Бондаревский отказался от поездки! Этот факт произвел на меня сильнейшее впечатление. Оказывается, Спасский без Бондаревского был неспособен выиграть уже практически решенный матч... Но все закончилось, как нужно. Бондаревский вернулся, эта партия завершилась вничью, так же, как и следующая, последняя.

«...А в 70-е годы у нас появилась и общность политических взглядов».

После проигрыша матча Фишеру позиции Спасского в СССР, ранее прочные, пошатнулись. По-прежнему один из сильнейших в мире, он получал много приглашений на участие в соревнованиях. Но дорогу на Запад ему все чаще закрывали. В прошлом он любил показать себя фрондером, но теперь ему не прощали его левые фразы. Он принял правильное решение — развелся со своей советской женой и женился на француженке, внучке деникинского генерала, сотруднице французского посольства в Москве. И, посетив самые высокие сферы советского руководства, получил разрешение покинуть СССР и обосноваться в Париже. Его, человека с двойным гражданством, знакомые стали называть «диссидентом на одной ноге».

«Мы начали матч (1977 года — В.К.) друзьями, а закончили его врагами. Единственное, чего я не могу простить человеку с антитоталитарными взглядами, — что он позволил превратить шахматное поле боя в испытательный полигон против меня. Но не надо забывать: Спасский несколько лет боролся за свою политическую самостоятельность, а получил разрешение на выезд «случайно» ровно через месяц после моего отъезда из Советского Союза».

Кто знает, какие обязательства ему пришлось взять на себя в обмен на выездную визу...

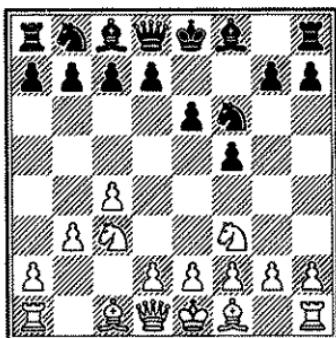
Нужно все же отметить, что Спасский был одним из немногих гроссмейстеров, кто не подписал состряпанное в конце августа 1976 года грязное письмо, подписанное 31-м гроссмейстером СССР.

Матч 1977 года со Спасским в Белграде — незабываемое событие.

Спасский готовился к нему очень серьезно; но не в шахматном плане, как готовятся обычно, стараясь в домашних условиях опровергнуть дебютные построения противника, а практически. Так, он сыграл тренировочный матч с Тимманом, во время которого сидел чаще не за доской, а в стороне, изучая позицию по демонстрационной доске.

Вскоре после приезда обеих сторон в Белград начались переговоры. Я все еще не очень окреп после случившегося в Швейцарии дорожного происшествия, у меня плохо работала кисть правой руки, и с разрешения противника и судейской коллегии мне было разрешено в цейтноте делать ход двумя руками, то есть одной рукой передвигать фигуру, а другой — нажимать на кнопку часов. Также, помнится, по моей просьбе начало первой партии было отложено на два дня.

Матч начался при колоссальном игровом перевесе на моей стороне. В первой половине матча я выиграл четыре партии при пяти ничьих. И эти ничьи Спасскому тоже было нелегко удержать. На удивление, я очень тонко чувствовал своего противника — вряд ли когда-нибудь в своей практике я ощущал такое. Вот несложный пример. В 9-й партии, играя белыми, после ходов 1.e4 e6 2.¤f3 f5 3.¤c3 ¤f6 я вдруг задумался минут на 10 и сыграл 4.b3.

Спасский вскоре пошел слоном на b4, а я ответил ♖b2. Вернемся к позиции после третьего хода черных. Необычный ход 4.b3 сделан — подсознательно — в ожидании нестандартного выхода слона на b4: ведь если слон b4 возьмет на c3, то лучше, чтобы на c3 оказался белый слон, а не ферзь и не пешка!

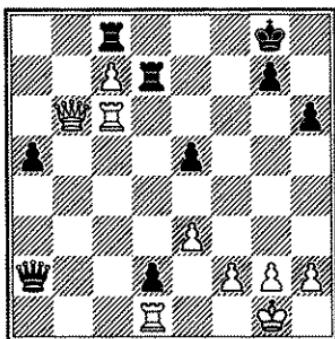
Моей лучшей партией в матче была 7-я. В середине ее возникли осложнения, требо-

вался аккуратный расчет вариантов. Комментировавший партию Б. Ларсен с белой заинтересованностью спрашивал: «Интересно, как далеко Корчной рассчитывал варианты?» А я, честно, рассчитывал не намного вперед. Мне удавалось следить за мыслью Спасского и рассчитывать на ходик дальше него.

21. В. Корчной — Б. Спасский

Белград 1977 (м/7)
Ферзевый гамбит D58

1.e4 e6 2.¤c3 d5 3.d4 ♖e7
4.¤f3 ¤f6 5.¤g5 0-0 6.e3 h6
7.¤h4 b6 8.¤c1 ¤b7 9.¤:f6 ¤:f6
10.cd ed 11.b4 c6 12.¤e2 ¤d7
13.0-0 a5 14.b5 c5 15.dc ¤:c5
16.¤d4 ♖d6 17.¤g4 ¤fd8
18.¤e1 ¤e6 19.¤:e6 fe 20.¤c6
¤:c6 21.bc ¤:c3 22.¤:c3 ¤ac8
23.¤c2 e5 24.c7 ¤d7 25.¤c1 d4
26.¤c6 ¤d5 27.¤b1 d3 28.¤:b6
d2 29.¤d1 ¤:a2.

30.h3 ¤a4 31.¤:d2 ¤:d2
32.¤b7 ¤dd8 33.cd¤+ ¤:d8
34.¤c7 ¤a1+ 35.¤h2 e4
36.¤:e4 ¤f6 37.f4 ¤f8 38.¤a7
¤c5 39.¤b7 ¤c3 40.¤e7 ¤f8

41.e4 ♜d4 42.f5 h5 43.¤:a5 ♜d2 44.¤e5 ♜g5 45.¤a6 ♜f7 46.¤g6 ♜d8 47.f6 h4 48.fg. Черные сдались.

А после 9-й партии Спасский отсел от стола, где мы играли. Бокс на сцене — небольшой закуток для Спасского у меня за спиной — был оборудован по просьбе Спасского заранее, перед началом матча. Оттуда тяжелыми шагами, с полузакрытыми глазами, как медиум, он приходил делать ход на доске, за которой я сидел. И я потерял всякий контакт с моим противником.

Одновременно он повторил трюк Фишера, чуть по-другому, правда: он не пришел на одну из партий, а потом потребовал, чтобы она была сыграна, угрожая иначе прекратить матч. Этот вопрос обсуждался на заседании организационного комитета матча. Я знал, что на требование Спасского нельзя соглашаться: «джентльмен в спорте всегда проигрывает» — эту фразу я помнил отлично. Но мне выламывали руки. Говорили: «В этой сложной политической ситуации мы — неприсоединившаяся к блокам страна — организовали матч. В какое положение вы нас поставите, если матч будет сорван!» Этот одногоний диссидент знал, как использовать политическую ситуацию. Меня вынудили согласиться. Как и следовало

ожидать, переигровку — 12-ю партию я проиграл. Нервы мне изрядно попортили, и очень скоро я это осознал. Одну за другой, делая грубейшие, немыслимые для квалифицированного шахматиста ошибки, я проиграл четыре партии подряд. В одной из них я, потеряв нервы, попытался по примеру Спасского играть не за столом, а из бокса. Глупая, бессмысленная затея.

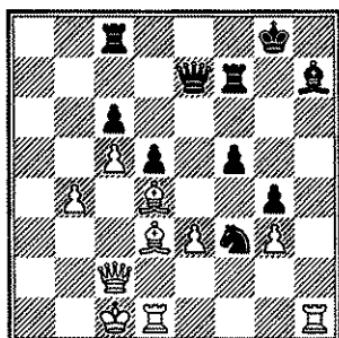
Запомнилась мне 13-я партия матча. В хорошем положении я задумал матовую комбинацию с жертвой ферзя. Какой-то голос нашептывал мне: «Ну, давай, жертвуй, будь мужчиной!» И я отдал ферзя. А мата не оказалось, и я тут же сдался. И я ушел со сцены и пошел одеваться. А когда через несколько минут я проходил через сцену, уже в пальто, Спасский все еще сидел за доской, которую я покинул. Как объяснить его поведение? По-видимому, запрограммированный быть медиумом на протяжении пяти часов, он все еще не мог понять, что случилось, почему после трех часов игры он больше не нужен...

22. В. Корчной — Б. Спасский Белград 1977 (м/13)

Голландская защита A91

1.c4 e6 2.¤c3 f5 3.g3 ¤f6 4.¤g2 ¤e7 5.e3 0-0 6.¤ge2 c6 7.d4 d5 8.b3 ¤d7 9.¤b2 ¤e8 10.¤f4 ¤f7 11.¤d3 ¤bd7

12. $\mathbb{Q}c2$ $\mathbb{Q}c8$ 13. c5 b6 14. b4 g5
 15. $\mathbb{Q}e2$ $\mathbb{Q}g6$ 16. h4 h6 17. hg hg
 18. $\mathbb{Q}e5$ $\mathbb{Q}h7$ 19. f3 bc 20. dc $\mathbb{Q}:e5$
 21. $\mathbb{Q}:e5$ $\mathbb{Q}d7$ 22. $\mathbb{Q}b2$ $\mathbb{Q}f6$
 23. $\mathbb{Q}d4$ $\mathbb{Q}e7$ 24. f4 $\mathbb{Q}f7$ 25. 0-0-0
 a5 26. a3 ab 27. ab g4 28. $\mathbb{Q}f1$ $\mathbb{Q}:d4$
 29. $\mathbb{Q}:d4$ e5 30. fe $\mathbb{Q}:e5$ 31. $\mathbb{Q}d3$
 $\mathbb{Q}f3$.

32. $\mathbb{Q}:f5$ $\mathbb{Q}:f5$ 33. $\mathbb{Q}:f5$ $\mathbb{Q}:f5$. Белые сдались. Неплохое достижение экс-чемпиона мира, не правда ли?! Но на несколько другом, не шахматном поле деятельности.

В те дни я отметил, что сопровождавшая меня на матче Петра тоже находится под сильнейшим парапсихологическим влиянием. Эта новинка советской прикладной психиатрии была искусно развита на матче 1981 года в Меране.

Вот еще кусочек из книги «Антишахматы»: «Мною и моими помощниками было отмечено усиление активности неприятельской стороны во второй половине матча. В Белграде появлялся то один, то другой советский гроссмей-

стер, на матч прибыл главный начальник над шахматами, зампред Спорткомитета Ивонин (с чего бы это? — думаю я сейчас, ведь ни Спасский, ни я уже не были в его подчинении! — В.К.), в зале сновали работники советского посольства в Белграде, какие-то люди с чемоданчиками — их советское происхождение было неоспоримо. Какое оружие применялось против меня — было неясно, но все вокруг, включая поведение Спасского, выглядело загадочно и мрачно...»

В этот момент я находился в тяжелом состоянии. Несмотря на сохранившийся перевес в счете, я всерьез подумывал сдать матч. Много внимания уделил мне в это трудное для меня время организатор матча Брана Црнцевич. Под Новый Год я взял два тайм-аута, и Брана отвез нас с Петром в Нови-Сад, где мы отдохнули от кошмарного напряжения последних дней. И, по зрелому размышлению, я стал искать поддержку.

«...Группа любителей шахмат, парапсихологов, обещала, не выезжая из Швейцарии, помочь мне, оградить от вредного влияния извне во время игры. Не знаю, было ли это внушением или реальной поддержкой, но мне, к удивлению многих, удалось выйти из смертельного пике, свести вничью две партии. Потом в на-

пряженной борьбе я выиграл еще две и — этот странный матч закончился. Результат — 7:4 при 7 ничьих...»

После беседы со швейцарскими парapsихологами я потребовал поменять боксы местами — чтобы Спасский смотрел мне не в затылок, а в глаза. Бондаревский упирался, но судья решил так. Вскоре эта «мелочь» сыграла важную роль. 17-я партия матча. У меня позиционное преимущество. Я задумался, как бы поскорее превратить его в нечто более ощутимое. Я вижу жертву пешки — с целью взломать линию обороны противника. Времени на часах много, я снова обдумываю последствия жертвы. Что-то я чувствую... Я посмотрел вперед. На меня из бокса смотрит Спасский и делает мне руками пассы. Я отчетливо чувствую, что они означают: «Ну, давай, жертвуй, ну, будь мужчиной!» Я снова стал смотреть жертву пешки. Туман в голове прояснился. Оказывается, я где-то что-то просмотрел в не очень длинном варианте — если бы я пожертвовал пешку, мое положение сразу стало бы безнадежно. Я взял себя в руки и сделал другой ход. Когда через несколько минут Спасский подошел к доске делать ответный ход, он был белее полотна. Я не повиновался ему! В этот момент, именно в этот момент он понял, что

проиграл матч! Эту партию я, конечно, выиграл.

18-я партия. Я несколько небрежно разыграл дебют, и Спасский получил перевес в пространстве. Он играет прямолинейно, он торопится форсировать события. Если бы он играл осторожнее, не спеша наращивая перевес, то получил бы больше. Но он боится — партия будет отложена, и, как не раз бывало в матче, мой анализ окажется классом выше. Моя позиция перестала выглядеть проигранной. Сделав острейший ход в позиции, я предложил Спасскому ничью. Он отказался. Продолжая играть на выигрыш, он допустил пару ошибок и к моменту откладывания уже стоял заметно хуже. Он пришел на доигрывание, чтобы посмотреть мой записанный ход, и тут же сдался. Матч закончился.

23. Б. Спасский — В. Корчной

Белград 1977 (м/18)

Французская защита C02

1.e4 e6 2.d4 d5 3.e5.

Бессспорно, самое принципиальное продолжение за белых. Обладая перевесом в пространстве, они имеют основания надеяться опровергнуть дебютную стратегию противника.

**3...c5 4.c3 ♜c6 5.¤f3 ♜d7
6.¤e2 ♜ge7 7.¤a3.**

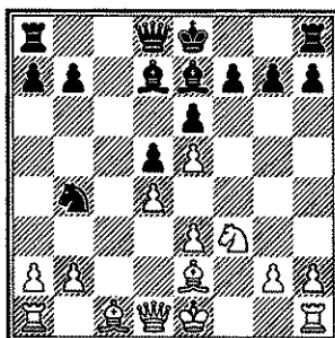
Ни до этой партии, ни после нее Спасский больше ход 3.e5 не применял. (Мне это об-

стоятельство представляется полнейшей загадкой. Отгадку мог бы дать только сам Спасский.) Однако он демонстрирует глубокое понимание позиции и всех ее тонкостей. Несмотря на то, что система за черных, мною избранная, тоже ранее не применялась...

7...cd 8.cd ♜f5 9.¤c2 ♜b4.

Все эти ходы — конечно, домашняя подготовка. Мне казалось, что черным следует разменять пару коней, и тогда все их проблемы будут решены.

10.¤e3 ♜:e3 11.f6 ♜e7.

Возникшая позиция, как я понял уже во время партии, не обещает черным полного равенства. Крепкое пешечное расположение в центре, владение полуоткрытой линией «f» — преимущество белых, пока малозаметное, бесспорно. Очевидно, черные для достижения равновесия должны применять другую расстановку.

12.a3.

Белые намерены захватить пространство и на ферзевом

фланге. Этот план не казался мне опасным для черных, иначе можно было предупредить его посредством 11...a5.

12...¤c6.

Внимания заслуживало и 12..¤ab с идеей, сыграв потом ♜b6 или ♜c7, разменять на b5 белопольных слонов. Впрочем, для того, чтобы осуществить этот замысел, наиболее аккуратным был бы ход 11...♜b6.

13.b4.

Сыграно согласно плану. Ход необязательный — после 13.¤d3 или 13.¤d2 белые уже стояли лучше.

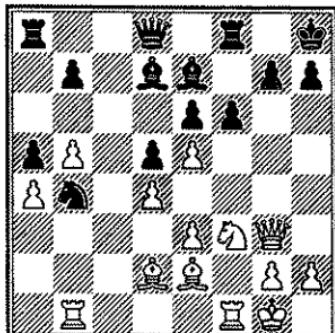
13..a6 14.¤b1.

Аккуратнее 14.¤d2 — сейчас после 14..¤a7 15.a4 0-0 16.0-0 ♜e8 можно было вынудить ладью вернуться на a1.

14..¤a7 15.a4 ¤c6 16.¤d2 a5 17.b5.

В принципе, белые не собираются играть на ферзевом фланге. Они намерены его плотно закрыть, а наступать будут на фланге противоположном.

17..¤b4 18.0-0 0-0 19.¤e1 ♜h8 20.¤g3 f6.

Мою игру в этой партии отличает нерешительность. Сыграв на прошлом ходу королем на h8, я уже решил пойти пешкой f и в случае размена на f6 бить пешкой. Значит, логически, бить на e5 я не собирался. Почему же тогда не сыграть пешкой f на два поля вперед?! Правда, в этом закрытом положении один-два лишних темпа, наверно, роли не играют...

21.♗bc1 f5 22.h4 ♜c8 23.h5 ♜:c1 24.♕:c1 ♜a2 25.♖a1 ♜b4.

Этим маневром черные как бы подчеркивают: они не в силах противодействовать планам белых и просто выжидают, что будет дальше... Конечно, в голову приходили идеи — сыграть g7-g6 или g7-g5, чтобы получить таким образом оперативный простор на королевском фланге. Скажем, 24...♜e8 25.♘h3 g6 26.hg ♜:g6. В этом случае белые не стали бы проводить g2-g4, а предпочли бы сначала перевести коня на f4 (по маршруту ♜e1-g3-f4) или, наоборот, перевести на f4 слона (♞e1-g3-f4). Следить за этими переводами и быть не в состоянии нарушить планы белых — небольшое удовольствие...

26.♗h3 ♜e8 27.♘f2.

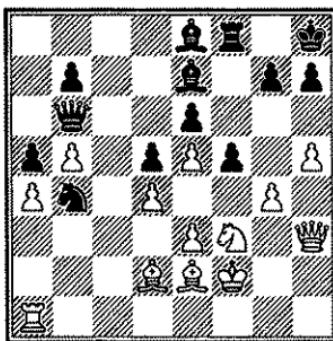
Готовясь провести g2-g4 в самый подходящий момент. На немедленное 27.g4? последовало бы 27...fg 28.♗:g4 ♜f5, и пешку h не защитить.

27...♙b6.

Отчаянный ход — из центра в закуток... В предвидении, что пешке е6 потребуется защита. А может быть, пригодится противостояние по диагонали с королем f2...

28.g4.

В отличие от меня, Спасский действует очень энергично. Интересно было бы проверить, что собирались делать черные после 28.♖c1 — не вернуться ли ферзем на d8? А после 28.♖c1 ♜a2 можно было бы сделать еще один полезный ход — 29.♗g1...

28...g5!

Этот ход логически вытекает из оценки позиции, которую я дал после 25-го хода черных. Черные должны бороться за пространство на королевском фланге.

29.hg ♜:g6 30.g5!

Отлично сыграно! Король белых теперь надежно укрыт, а черных ожидает страшная атака по линии «h».

30...f4!

Этот ход напрашивается. Причем делать его нужно сразу. Если чуть-чуть промедлить, сыграв, скажем, 30... $\mathbb{Q}g8$, то после 31. $\mathbb{Q}h4$ f4 (или 31... $\mathbb{Q}e8$ 32. $\mathbb{Q}h1$ f4 33. $\mathbb{Q}f5!$ fe+ 34. $\mathbb{Q}g3$) 32. $\mathbb{Q}:g6$ fe+ 33. $\mathbb{Q}g3$ hg 34. $\mathbb{Q}h6$ $\mathbb{Q}f7$ 35. $\mathbb{Q}f1+$ $\mathbb{Q}e8$ 36. $\mathbb{Q}:f8+$ $\mathbb{Q}:f8$ 37. $\mathbb{Q}:g6+$ $\mathbb{Q}d7$ 38. $\mathbb{Q}:e3$ у белых здоровая лишняя пешка.

31.ef.

Теперь «по рисунку» у черных все в порядке. Переставить короля с h8 на a8, так у них вообще лучше!

31... $\mathbb{Q}c2??$

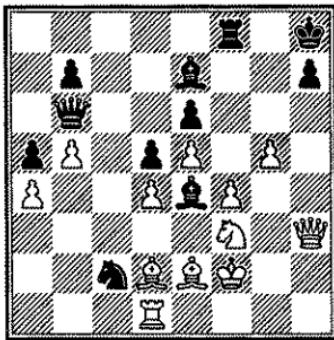
А с этим ходом спешить не следовало. Нужно было держать его как угрозу. Тем более, что угрожало при случае и $\mathbb{Q}d3+$. Правильно было сделать полезный ход 31... $\mathbb{Q}g8$.

Не могу вспомнить, пришел ли мне в голову ход 31... $\mathbb{Q}:g5$? Очевидно, что на взятие на g5 конем или пешкой последует 32... $\mathbb{W}:d4+$ и потом 33... $\mathbb{W}:a1$. Взятие на g5 опровергается, но варианты сложны. Вот один из них: 32. $\mathbb{Q}g1$ $\mathbb{Q}:f4$ 33. $\mathbb{Q}:b4$ ab 34. $\mathbb{Q}:g6$ $\mathbb{Q}:e5$ 35. $\mathbb{Q}g2$ $\mathbb{Q}:d4$ 36. $\mathbb{Q}g5$ $\mathbb{W}c7$ 37. $\mathbb{Q}h6$. Очень сильно за белых и 32. $\mathbb{Q}:b4!$ ab 33.a5 $\mathbb{W}c7$ 34. $\mathbb{Q}:g5$ $\mathbb{Q}:f4+$ (34... $\mathbb{W}c2$ 35. $\mathbb{Q}:e6)$ 35. $\mathbb{Q}g1$ $\mathbb{W}c2$ 36. $\mathbb{Q}:e6$. Интересно, посчитал ли эти варианты мой противник? Как вы, наверно, догадались, читатель — после этой партии нам на много лет было не до совместных анализов...

32. $\mathbb{Q}d1!$

Единственный ход! После 32. $\mathbb{Q}c1$ $\mathbb{Q}b4!$ (33. $\mathbb{Q}:b4$ ab) черные отыгрывают пешку и стоят хорошо.

32... $\mathbb{Q}e4$.

Ничего не грозит — на 33... $\mathbb{Q}:f3$ последует g5-g6 с выигрышем. А все-таки тревожно — впервые с начала партии черные создают (или делают вид, что создают, что в напряженной партии может оказаться одно и то же) угрозы! Между тем, сделанный ход рискованный. Пешка g5 как-то прикрывает черного короля, и ее нужно блокировать, чтобы белые не вздумали ее пожертвовать. Играя на e4 слоном, нужно было рассчитать такой вариант: 33.g6 $\mathbb{Q}:g6$ 34. $\mathbb{Q}g1$ $\mathbb{Q}:d4!$ (единственный ход, все остальное проигрывает сразу) 35. $\mathbb{Q}:g6$ $\mathbb{Q}:f3$ + 36. $\mathbb{Q}:f3$ $\mathbb{W}d4$ 37. $\mathbb{Q}h6$ $\mathbb{W}e4+$ 38. $\mathbb{Q}f2$ $\mathbb{Q}c5+$ 39. $\mathbb{Q}f1$ $\mathbb{W}b1+$ 40. $\mathbb{Q}e1$ $\mathbb{Q}g8$ 41. $\mathbb{Q}g4$ $\mathbb{Q}b4$, и белые определенно не выигрывают. Или 35. $\mathbb{Q}e3$ $\mathbb{Q}c5$ 36. $\mathbb{Q}:g6$ $\mathbb{Q}:f3$ 37. $\mathbb{Q}:f3$ $\mathbb{Q}:e3$ 38. $\mathbb{Q}f6$ $\mathbb{Q}f6$ 39.ef $\mathbb{W}d4$, и черные спасают партию.

33.¤e3?

Спасский, который до сих пор превосходно вел партию, допускает грубую ошибку — стоящий на отшибе конь разменивается на важную фигуру белых, скрепляющую всю их пешечную позицию. После правильного 33.¤c1 у белых оставался перевес. Очевидно, не годилось 33...¤f3 из-за g5-g6. Черные должны были продолжать 33...¤g8 или 33...¤f7. После 33...¤g8 34.¤d3 взятие на d4 ведет после ¤e3 к потере фигуры. Лучше, значит, 33...¤f7. Если тогда 34.¤d3, то 34...¤d4 35.¤e4 ¤f5+ 36.¤d4 de 37.¤h5 ¤g7 38.¤e3 ¤c5 39.¤f5 ef 40.¤c5 ¤c5+ 41.¤f1 ¤e3, и партия должна окончиться ничьей. Или 35.¤e3 ¤f3 36.g6 ¤g7 37.¤f3 ¤f3 38.¤b6 ¤h4 с хорошими шансами на ничью у черных. Сильнее за белых 34.g6! (смотри примечание к 32 ходу черных), и на 34...¤g6 — 35.¤d3 с серьезным позиционным перевесом во всех вариантах.

33...¤e3 34.¤e3 ¤c7!

Черные перехватывают инициативу. Компьютер предложил здесь сначала сыграть слоном на f5, но мне хотелось активизировать своего ферзя. А в случае 34...¤f5 35.¤h1! ¤c7 36.¤c1 белые предупреждали активность фигур противника. Я был доволен позицией. Помняв, я решил предложить противнику ничью. В «бокс»

Спасского отправился главный судья Кажич. На мирное предложение Спасский ответил резким отказом. И выразил возмущение, что ему мешают думать.

35.g6.

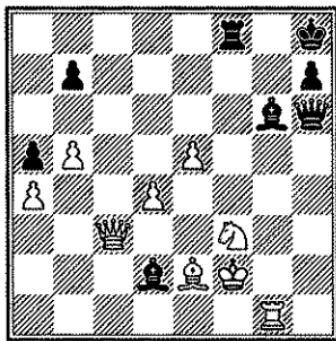
На немедленное 35.¤:e6 могло последовать 35...¤c3+ 36.¤d3 ¤:g5 37.¤:g5 ¤:d3 38.¤:d3 ¤e1+ 39.¤f3 ¤f1+ 40.¤g4 ¤:d3 41.¤f7+ ¤g8 с ничьей. Как видим, Спасский все еще играет на выигрыш... Между тем, моя оценка позиции была правильной. Еще немного, и белые утратят контроль за происходящим на доске.

**35...¤:g6 36.¤:e6 ¤a3!
37.¤:d5 ¤c1+ 38.¤f2 ¤f4
39.¤c4 ¤g7 40.¤g1 ¤h6.**

Отложенная позиция, в которой Спасский записал ход. Позиция подверглась кропотливому анализу на протяжении многих часов мною и моими помощниками (Стин, Мурей, Кин). У черных перевес — это было ясно. Но, по утверждению нашего «летописца» Кина (его книга о матче появилась уже через несколько дней после окончания поединка), при лучшем ходе 41.¤e1! белые могли спасти партию, — таково, по словам Кина, было наше заключение после анализа.

Спасский записал плохой ход — 41.¤c3 и поэтому считал позицию белых безнадежной. Он пришел на доигрывание

ние посмотреть следующий ход черных — 41... $\mathbb{Q}d2$, который был очевиден (кстати, он никогда нигде не был упомянут), и тут же сдался. Поскольку эта позиция оказалась заключительной в матче, попробуем разобраться, почему Спасский сдал ее без игры.

42. $\mathbb{Q}a3$ $\mathbb{Q}b4$ 43. $\mathbb{Q}e3$.

После отступления на a1 или b2 черные играют слоном на e4, и позиция белых не защищима.

43... $\mathbb{Q}h4+$ 44. $\mathbb{Q}g2$ $\mathbb{Q}e4$
 45. $\mathbb{Q}f2$ $\mathbb{Q}g8+$ 46. $\mathbb{Q}f1$ $\mathbb{Q}h3+$
 47. $\mathbb{Q}g2$ $\mathbb{Q}e1!+$ 48. $\mathbb{Q}:e1$ $\mathbb{Q}:g2+$
 49. $\mathbb{Q}:g2$ $\mathbb{Q}h1+$ 50. $\mathbb{Q}g1$ $\mathbb{Q}f8+;$
 45. $\mathbb{Q}d1$ $\mathbb{Q}d5$ 46. $\mathbb{Q}e2$ $\mathbb{Q}e1$
 47.e6 $\mathbb{Q}:f3+$ 48. $\mathbb{Q}:f3$ $\mathbb{Q}g3+$
 49. $\mathbb{Q}f1$ $\mathbb{Q}:f3+$; 47. $\mathbb{Q}f1$ $\mathbb{Q}d2!$
 48. $\mathbb{Q}f2$ $\mathbb{Q}h6$ 49. $\mathbb{Q}g2$ $\mathbb{Q}e3$ 50. $\mathbb{Q}h1$
 $\mathbb{Q}f4$ 51. $\mathbb{Q}h3$ $\mathbb{Q}e4$ 52.e6 $\mathbb{Q}:d4$
 53.e7 $\mathbb{Q}c1+$ 54. $\mathbb{Q}g2$ $\mathbb{Q}g8+$
 55. $\mathbb{Q}g3$ $\mathbb{Q}:f3+$ 56. $\mathbb{Q}:f3$ $\mathbb{Q}:g3+$
 57. $\mathbb{Q}:g3$ $\mathbb{Q}g5+$.

Если бы белым удалось разменять ферзей, их положение можно было бы удержать. Но разменять ферзей не удается,

например: 46.e6 $\mathbb{Q}d6!$ 47.e7?!

$\mathbb{Q}:f3+$ 48. $\mathbb{Q}:f3$ $\mathbb{Q}g3+$ с выигрышем.

Несколько ходов, конечно, можно было сделать — проверить качество анализа противника, но, по-видимому, Спасский был настолько удручен течением этой партии, что оказался не в силах продолжать матч...

А как же все-таки оценить положение после 41. $\mathbb{Q}e1$? Не исключено, что плодовитого писателя Кина подвела память. После 41... $\mathbb{Q}e4!$ 42. $\mathbb{Q}c3$ $\mathbb{Q}d5$ позиция белых выглядит довольно беспомощно. Или 42. $\mathbb{Q}f1$ $\mathbb{Q}f5$ — черные полностью владеют инициативой, угрожая белому королю со всех сторон. Слабее 41... $\mathbb{Q}f5$ 42. $\mathbb{Q}c5!$ (не 42. $\mathbb{Q}d5?$ из-за указанного Вернером Хугом 42... $\mathbb{Q}e3$ 43. $\mathbb{Q}f1$ $\mathbb{Q}c2!$, и у белых нет защиты от $\mathbb{Q}d2+$ со скорым матом) 42... $\mathbb{Q}e6$ (не 42... $\mathbb{Q}c8?$ Ввиду 43. $\mathbb{Q}c4!$ с угрозой 44. $\mathbb{Q}:c8+$) 43. $\mathbb{Q}d6$ или 43. $\mathbb{Q}e7$, и черные вряд ли могут усилить свою позицию.

Спасский всегда любил рассказывать, в каких хороших отношениях он со своими противниками. Я никогда в эти разговоры не верил. На этот раз ему было не до маскировки. Он отказался от всяких выступлений в прессе. В частных беседах он обвинил всех и вся, а в первую очередь меня и Кажича, что его гипнотизиро-

Судья Божидар Кажич вскрывает конверт с записанным ходом

вали, мешали думать, и быстренько покинул Белград. На многие годы прекратились нормальные отношения со Спасским. В случае, если приходилось высказаться в прессе, или мы случайно сталкивались во время соревнований — мы вели себя по-разному. Я считал, что у нас по-прежнему существует политическая общность взглядов, и всякий раз поддерживал его в прессе. А при встрече предпочитал быть холоден. Спасский, наоборот, встретив меня, был сама любезность, зато использовал любое выступление в прессе, чтобы сказать про меня какую-нибудь гадость. Но все-таки,

мы — профессионалы, мы варимся в одном котле, и мы рано или поздно должны были наладить отношения друг с другом...

В 1984 году умер Бондаревский. 1986-й год. Мы со Спасским участвуем в небольшом турнире в Брюсселе. Турнир закончен. Мы сидим возле телевизионного экрана и смотрим развивающуюся перед нашими глазами 23-ю партию матча в Ленинграде между Каспаровым и Карповым. И без всякого вступления, будто рассказывая о вчерашнем происшествии, Спасский говорит: «Помнишь, Виктор, я обвинил Кажича, что он мешал мне играть, что он

однажды помешал мне поставить коня на f5? Но оказалось, что это был Бондаревский. Идем мы после игры по Белграду, я говорю ему: «Вот, черт, не дали мне поставить коня на f5!» А он мне отвечает: «Но ведь он так хорошо стоял у тебя на d4!» А надо тебе сказать, что Бондаревский работал с Вольфом Мессингом».

Вот это новость! Вольф Мессинг, знаменитый в Советском Союзе гипнотизер, специалист по массовым сеансам гипноза, человек, способный заставлять людей действовать против их воли. Человек, деятельность которого вплотную интересовался Иосифом Сталином... Человек, который с точностью до одного дня предсказал окончание войны в 1945 году. Человек, который не боялся ни бога, ни черта. Однажды, рассказывают, всесильный начальник КГБ Лаврентий Берия пригласил к себе Мессинга и в своем кабинете высказал желание, чтобы Мессинг участвовал в допросах, пытках людей, попавших в лапы КГБ. Мессинг отказался. Тогда Берия сказал, что Мессингу не выйти из этого здания, стал звонить по телефонам, чтобы все ходы-выходы были перекрыты. Но Мессинг вышел, и со двора, минуя последние ворота, помахал Берия ручкой. В своей автобиографии Мессинг вскользь подтвердил этот рас-

сказ, не упомянув, правда, имени «всесильного начальника». Я вспомнил — Мессинг болел за Спасского. А Бондаревский, обладая он одной третьью силы Мессинга, мог бы сделать многое... Вот, например, что я еще вспомнил.

...1965 год, Тбилиси, финальный матч претендентов Таль — Спасский. Первую партию Таль выиграл в сицилианской защите черными. Потом были сплошь ничьи, а потом вдруг Спасский выиграл четыре партии подряд. Выглядело это нереально — не поймешь, как и почему это случилось. А между тем, стало известно, что на гастроли в Тбилиси приезжал Вольф Мессинг! А что Мессинг болел за Спасского, это не было секретом. И тут я отчетливо понял: Таль, гипнотизер-любитель, попал на профессионала этого дела. Да еще под руководством самого Вольфа Мессинга! Отдадим должное 10-му чемпиону мира. Он был, пожалуй, пионером, первопроходцем новых видов борьбы — как бы выразиться поаккуратнее и в то же время понятнее — «возле шахматной доски». Как и следовало ожидать, попытки влиять на шахматные поединки нешахматным путем, со стороны, получили дальнейшее развитие.

Два человека из Петербурга хотели написать книгу о парapsихологии в шахматах и

просили меня рассказать о моем матче 1977 года со Спасским. А чтобы расположить меня к рассказу, они решили просветить меня: «Известно ли вам, что в матче 1987 года в Севилье Каспаров для защиты от Дадашева пригласил известного английского парапсихолога Мэттьюза и еще одного испанца?» Я ничего этого не знал, меня в основном интересовали мои собственные проблемы, но мне понятно

было, что и Карпов, и Каспаров располагают большими деньгами и, встречаясь между собой, не жалеют средств для своей собственной защиты.

Но вернемся к героям этой главы. Наконец-то мне стало понятно, почему Спасский так держался за старика Бондаревского! Я вспомнил 9-ю партию матча в Киеве. Я вспомнил Белград 1977–78 года. И содрогнулся — могучие были у меня противники!

Глава 17

ПЕРЕД МАТЧЕМ НА ПЕРВЕНСТВО МИРА

Темп жизни в Европе, как я уже упоминал, намного быстрее, чем в Советском Союзе, в том числе и шахматной жизни. Не успел я закончить матч в Белграде, как уже играл в Вейк-ан-Зее. Сыграл я прилично, пропустив вперед только Портиша. А потом отправился в Израиль. В небольшом городке Беэр-Шева обосновался мой старый ленинградский приятель Л. Левант. Он популяризировал шахматы — основал шахматный клуб, стал регулярно проводить шахматные соревнования. В его первом турнире я принял участие и выиграл с неплохим результатом — 12 из 13-ти. Турнир привлек внимание властей. Нас, участников принял премьер-министр правительства Менахем Бегин. Я подарил ему свою книжку на английском языке «Шахматы — моя жизнь». Я был крайне заинтересован в знакомствах с сильными мира сего; не из-за тщеславия, а потому, что меня мучительно волновала проблема — как спасти семью из советского плена. Вот неполный

список, к кому я обращался за эти несколько лет: к голландскому парламенту, к правительству Швейцарии, к ФИДЕ, к «Амнести Интернейшнл», к правительству Израиля, к европейскому парламенту, к президенту Исландии, к президенту Филиппин, к группе защиты гражданских прав британского парламента, к такой же группе во французском парламенте, к американскому госдепартаменту, к палате представителей США, к миллиардеру-коммунисту Арманду Хаммеру, к русской мафии Нью-Йорка... Брежнев мог бы составить книгу из этих петиций...

Из Израиля я вернулся в Кельн-Порц, где должен быть выполнить кой-какие обязанности по контракту. Готовиться к матчу я начал только в мае. А Карпов начал свою подготовку давно, в прошлом году. Матч со Спасским еще продолжался, но Карпов был уверен, что я выиграю. Потом он сыграл в турнире в Бугайно, потом отправился на Кавказ в сопровождении Тали и Васюко-

ва. Его главный тренер — Фурман был уже смертельно болен, но заменить его были готовы многие. Из ГДР позвали на помочь специалиста по французской защите В. Ульмана, потребовали обстоятельный доклад от моего многолетнего тренера В. Осноса и скрупулезно изучили его, обошли весь Союз в поисках лечивших меня когда-либо врачей и получили сообщения обо всех моих болячках. Снова, как и четыре года назад, Карпов стал работать со своим психологом Зухарем.

Важный вопрос — где играть — решался в феврале. Четыре страны предложили призовой фонд около миллиона швейцарских франков — Германия, Австрия, Голландия и Филиппины. Главное, все-таки, были не деньги, а выбор страны, где были бы обеспечены равные условия противникам, где организаторы занимали бы нейтральные позиции. Германия не казалась мне такой страной. Карпова там на редкость тепло принимали, там, как я узнал, он хранил свою валюту. Накануне церемонии объявления стран-кандидатов на проведение матча господин Юнквирц, представитель фирмы телевидения в Гамбурге, рассказал мне такую историю. Его группа засняла фильм в Белграде, одну из партий, где рельефно было показано странное поведение Спасского во время игры.

Фильм этот был запродан нескольким телевизионным компаниям, немцы отдали его на копировальную фабрику, чтобы обеспечить нужное количество копий. А на фабрике случился — или был организован — пожар, и фильм пропал! То, что в Западной Германии невозможно отличить просоветских агентов от порядочных людей даже по языку, мне было известно. Я знал и одного бывшего советского шахматиста, который жил в Германии 34 года и не мог получить немецкого гражданства. В министерстве внутренних дел ему говорили: «Напишите сначала в Москву. Пусть они официально признают, что вы не их гражданин». Понятно — советского медведя боятся везде, во всем мире. Но все равно — в Германии играть нельзя.

Меня заинтересовали Филиппины. Мне казалось, что чем дальше от Советского Союза, тем лучше. Я думал, что и советского посольства там нет. На самом деле, посольство СССР появилось в Маниле в 1975 году. На самом деле, на Филиппинах уже сильны были антиамериканские настроения. Не знал я и того, что в Маниле в январе побывал Батуринский, и обо всем было с Кампоманесом договорено. Впрочем, все эти детали были неизвестны и Карпову. Оказалось, что у него, как и у меня, Филиппины на втором месте

(первым кандидатом я назвал Австрию). И тогда ФИДЕ назвало Филиппины местом игры. Европейские шахматные организаторы расстроились, предприняли шаги, чтобы вернуть матч в Европу (например, слив призовые деньги Германии и Австрии), но отобрать лакомый кусок у хитрого Кампоманеса не удалось. А через несколько лет после этого матча пройдоху-филиппинца стали называть Карпоманесом!

Я ознакомился с правилами проведения матча на первенство мира. Они были приняты на заседании бюро ФИДЕ в октябре 1977-го года в Каракасе. Участники финального матча претендентов уже были известны, но их на заседание не пригласили. Зато советские были в полном составе, включая чемпиона мира. Якобы под давлением, советские согласились, что матч будет играться до шести побед, не считая ничьих. Зато все остальные пункты были в пользу чемпиона, до последних мелочей. Чемпион получил право на реванш в случае проигрыша. Когда-то, лет 15 назад это не слишком справедливое правило отменили, а вот теперь, когда на престол взошел, наконец, без единого матча с чемпионом мира, настоящий чемпион — он защищал свой трон двумя соревнованиями.

Правилами была предусмотрена оплата всех расходов, а

также гонорар двум помощникам каждого из участников матча. Оплата руководителя группы и врача предусмотрена не была. Этих людей участник должен был оплачивать из своего кармана, или их оплатила бы федерация, которую представлял участник. Заранее было записано, когда начинается игра. Не ранее пяти часов вечера — так пожелал чемпион.

Прочитав правила, я понял, что Батуринский с Авербахом хорошо поработали. Попробовал что-то изменить — нельзя. Попробовал ввести еще два пункта. Примерно: «Участник не имеет права стоять над доской в момент, когда его противник обдумывает ход». «Ну, что вы, — отвечает др. Эйве, — есть специальный пункт, что шахматист должен вести себя по-джентльменски, не мешать противнику». «Да у Карпова привычка такая. А когда он поймет, что это мне мешает, то будет делать это нарочно!» «Ну, что ж, будете в каждом отдельном случае обращаться к арбитру...» Второй пункт: «Перед началом партии участники должны стоя приветствовать друг друга. Если один из участников не намерен больше этого делать, он должен заранее сообщить арбитру о своем решении». И этот пункт др. Эйве не принял, но обещал ознакомить с ним советскую сторону. У меня после беседы

с президентом возникло странное ощущение. Что он не возражает, если моими руками будет свергнуто советское иго над ФИДЕ, но сам ни на шаг не пойдет мне навстречу.

Нужно было урегулировать дела в своем лагере. У меня была сколочена группа, на помощь которой у меня не было жалоб. Но мне показалось, что помощники стали уставать к концу моего матча со Спасским. Я подумал: может быть, следовало подготовить вторую смену. Я пригласил из Штатов Уильяма Ломбарди, побеседовал с ним. Он не принял мое предложение. Во-первых, он понял, что его приглашают не на роль главного. Во-вторых, у него, похоже, были в этот момент другие заманчивые предложения. От идеи расширить группу помощников я не отказался. В разгар матча я пригласил к нам аргентинца О. Панно, и не пожалел — Оскар работал очень хорошо.

Не все было в порядке в моей группе. Я узнал, что Кин выпустил книгу о матче со Спасским. Разрешения писать он у меня не спросил, но опубликовал наши совместные анализы. Над этой книгой он работал совместно с Д. Леви, человеком, который подготовил к изданию книгу Карпова под скандальным заглавием «Шахматы — моя жизнь». Скандальным потому, что год назад кни-

га с таким названием вышла в Англии, но — моя книга!

На название книги нет копираита, но любому понятно, что так поступать непорядочно. Сомнительная личность — Дэвид Леви; Карпов нашел себе в Англии союзника... Мне стала понятна и причина усталости Кина к концу матча в Белграде. Сейчас мне ясно, что я ошибся — следовало отрезать кусок организма, зараженный гангреной наживы. А я попытался сберечь нервы и энергию, необходимые для создания нового коллектива, попытался залечить неизлечимое. В мае в Лондоне мы заключили с Кином контракт, где четко определялись мои финансовые обязательства по отношению к нему, а также было сказано, что «секундант не будет писать, составлять или помогать писать или составлять какую-либо книгу в процессе матча», а также, что вся его журналистская работа должна быть одобрена руководителем делегации. В случае нарушения этих пунктов я освобождался от своих финансовых обязательств по отношению к нему. Ну, а в этом случае, логически рассуждая, его, Кина неизбежно потянуло бы в противоположный лагерь... Но не будем упреждать события.

Накануне матча мне предстояло урегулировать дела дома. Мой работодатель в Германии, г-н Хильгерт, был очень доволен, что я преодолел все пре-

Петра Лееверик, Виктор Корчной и Вильфрид Хильгерт.
Германия, 1977

пятствия и вышел на Карпова. Возрос мой авторитет и, говоря цинично, моя финансовая ценность. Г-н Хильгерт стал рекламировать меня в Германии на предмет выступлений. За сеансы давали 2000 марок, в то время большие деньги. Я дал 4–5 сеансов. Деньги Хильгерт забирал себе. Такая форма эксплуатации в контракте записана не была, и тогда я, согласно условиям контракта, «за два месяца вперед» дал знать, что ухожу.

У каждого беженца обострено чувство дома. Поскольку после матча я не собирался работать в Порце и, конечно, жить там, я перед отъездом на Филиппины снял квартиру в Швейцарии, в Волене, заплатил за четыре месяца вперед. Квартира была пуста; мебель я собирался перевезти из Порца после матча.

Кто будет руководителем моей группы, у меня не было сомнений. Матч предстоял серьезный; советские всегда во всеоружии. Защищать мои интересы должна была женщина, которая родилась в Вене, а в возрасте 19-ти лет была похищена советской разведкой и увезена из Австрии в Воркуту. Так называемое «особое совещание», тройка людей, заменившая суд в Советском Союзе, по вздорному обвинению — «агент американской разведки» — присудила ее к 20-ти годам

тюремного заключения. Она отсидела в концентрационном лагере в Воркуте 10 лет, хлебнула лиха. Зато она узнала, что представляет собой советская власть, советское правосудие, имела полное представление, кто был ее противник — руководитель советской делегации, полковник юстиции в отставке, бывший помощник главного прокурора советской армии В. Батуринский. Петре Лееверик предстояла серьезная работа в Багио. Кстати, назначение ее на пост руководителя группы одобрил и президент ФИДЕ профессор Эйве.

За пару дней до отъезда мы прочли в газете «Советский спорт» заметку «Перед дальней дорогой»: «Когда человек собирается в дальний путь, чтобы делать большое, нужное для всей страны дело, друзья провожают его добрыми напутственными словами. Сегодня их услышал Карпов...»

Еще бы не большое, еще бы не важное! После моего бегства из СССР там постарались изъять из обращения всю шахматную литературу за 25 лет, где упоминается мое имя! Партии, сыгранные гроссмейстерами против меня, предавались забвению, книги, где упоминается мое имя, не принимались в букинистических магазинах. И имя этого человека снова предстояло публиковать на страницах газет...

Глава 18

И ГРЯНУЛ БОЙ!

В первых числах июля прилетели в Манилу. Моя группа в составе пяти человек и советские — 14 членов делегации. На следующий день — первая пресс-конференция советских. Выступает шеф, Батуринский. «Мы приехали играть в шахматы, в чистые шахматы». Почему-то никто из журналистов не спросил: если они приехали именно с этой целью, почему их так много. На вопрос о моей семье — тот же придуровковатый ответ: «Мы приехали играть в шахматы, больше ничего не знаем». Советские не обнародовали, кто был в составе их делегации, не спешили раскрыться. Через несколько дней Кампоманес позволил нам ознакомиться с составом советской группы. Там было три тренера — Балашов, Зайцев, Таль. Последний был замаскирован под корреспондента «64»; несколько специалистов призваны были следить за здоровьем чемпиона — врач, спортивный тренер, повар, психолог-пара психолог, телохранитель. А также группа лиц,

чтобы поддерживать матч на должном юридическом уровне — шеф-юрист, два переводчика, пресс-атташе. По самым скромным подсчетам, в группе было 6 агентов КГБ. По ходу матча к Карпову наезжали В. Ивонин, Е. Васюков, председатель шахматной федерации СССР В. Севастьянов, работники посольства СССР в Маниле...

Моя пресс-конференция состоялась на следующий день. Я зачитал письмо Брежневу с просьбой выпустить мою семью. Отметил, что человек с таким прошлым, как Батуринский, не имел права возглавлять делегацию на матче на первенство мира. Пользуясь присутствием Таля на конференции, я бросил ему упрек, что он, гроссмейстер, пишет про меня гадости в советской прессе. Кстати, меня спросили, не опасаюсь ли я за свою жизнь. Я ответил, что нужен Карпову как партнер, и если проиграю, то все в порядке. Ну, а если выиграю — тогда уж точно мне следует опасаться за

свою жизнь. Правильный вопрос и прозорливый ответ!

Приехали в Багио. Президентом ФИДЕ образовано жюри матча. Довольно объективно: Батуринский и Лееверик, Малчев (Болгария) и Эдмондсон (США). И еще три человека, которые в связи с занимаемыми ими постами должны быть объективны: главный судья Л. Шмид, организатор матча Кампоманес и председатель Лим Кок Ан. На первом же заседании сторон – важные вопросы. Обсуждаются флаги и гимны участников. С Карповым все ясно. У него флаг и гимн Советского Союза. А со мной? Речь ведь идет не об украшении на шахматном столике, а о равенстве прав двух участников матча. Батуринский требует, чтобы я играл с табличкой «без гражданства», жюри против, они считают, что мне нужно дать швейцарский флаг. Батуринский исчерпал все аргументы. Тогда он в бешенстве кричит: «Я ответственный представитель советского государства. Если у Корчного будет флаг, мое правительство не согласится начать этот матч!» И хлопает дверью... В порядочном обществе такое поведение квалифицируется как шантаж, как орудие терроризма, но черный полковник на службе государства-медведя не стыдится вести себя как бандит. Далеко не

последний раз в течение этого матча. И на завтра жюри сдается: большинством 4:2 при одном воздержавшемся меня лишают флага и – само собой разумеется – юридического равенства в матче.

В связи с решением жюри я получил несколько теплых писем. Особенно приятно было получить вот такое письмо из штата Техас: «...Вы производите впечатление человека, который не боится нести ответственность за свои убеждения. Такие люди – редкость в мире. Здесь, в Техасе мы восхищаемся людьми такой целостности характера. Мы предлагаем Вам самое ценное, что у нас есть – флаг Техаса. Одинокая звезда символизирует самобытность Техаса. Пусть Божья длань придаст Вам силы! Р.С. Желаем Вам приложить продубленную Вами шкуру Вашего противника к Вашему сараю! Вин Харрис, Джеймс Мансур». К письму была приложена посылка со знаменем штата Техас.

На открытии матча присутствовал президент Филиппин Ф. Маркос, а также советский посол в Маниле Михайлов. Я колебался – должен ли я вставать при исполнении советского гимна. Проблемы мои разрешились, когда вместо гимна СССР заиграли «Интернационал», гимн компартии. Маркос встал, видимо, не зная, что это

за музыка. А мы с фрау Лееверик остались сидеть... Почему «Интернационал» — осталось невыясенным. Через несколько лет А. Рошаль выдумал историю, что кто-то сел на пластинку с гимном СССР, сломал ее. А объяснить, откуда взялась пластинка с «Интернационалом», у пресс-атташе Карпова не хватило фантазии...

Расписание дней игры было составлено за несколько месяцев. Там значилось, что игра будет по понедельникам, средам, пятницам. Позднее Кампоманес передвинул расписание на один день. Ввиду бессвязности предложенного им объяснения, ясно было, что сделал он это по требованию советских. Карпов — на редкость суеверный тип. В Советском Союзе понедельник считался невезучим днем. А мое мнение по ходу этого матча никого не волновало. Матч начался во вторник...

Первые четыре партии без больших волнений закончились вничью. Замечены были странности в поведении советских: в середине партии Карпову принесли питание, которое он тут же съел. Советские сказали, что это йогурт. Дело было не в названии и даже не в содержании, а в принципе. Согласно правилам ФИДЕ, связь игрока со зрительным залом запрещена. Я всегда беру что-нибудь на игру — чай, шо-

колад. А вот Карпов предположил, чтобы ему приносили. Жюри обсуждало эту проблему целый день. К сожалению, английская часть моей группы не склонна была рассматривать проблему серьезно, поэтому протест, написанный Кином, носил юмористический характер и так, к сожалению, он пошел в мировую прессу. Им, англичанам, не хватало политического сознания, не хватало понимания, что матч носит политический характер, и потому можно и следует ожидать любых трюков с советской стороны. Мне же, единственному, ситуация была совершенно ясна: в середине партии Карпова подкармливали наркотиком. Зачастую после кормежки он начинал строчить ходы, как из пулемета. Почему он опасался оставлять свой йогурт на сцене? Могло случиться, что удалось бы взять его еду на химический анализ. Я не специалист в медицине, но его йогурт, по-видимому, содержал кортизон. Впоследствии и в других матчах он принимал этот наркотик регулярно и, как следствие, — значительно прибавил в весе.

В Советском Союзе поэт Леонид Сергеев написал об этом строчки, которые стали знаменитыми:

Вот, справа, он — кумир всего народа,

Пьет лишь кефир в
ответственный момент!
Вот, слева, он — без племени,
без рода,
С презрительным названьем —
«претендент».

Постепенно росло напряжение и на шахматной доске. В пятой партии я долго нажимал, а Карпов все 100 ходов оборонялся. В моем цейтноте он всегда старался играть быстро. В этой партии во втором моем цейтноте он играл настолько слабо, что дал мне возможность заматовать его в пару ходов. Но я этого не заметил... После длительного доигрывания партия закончилась вничью. И тут советский черный полковник расцеловал филиппинского миллионера Кампоманеса.

Перед 4-й партией др. Эйве временно покинул Багио. И тогда в зале появился один странный субъект — человек, бесспорно, связанный с Карповым. Во время игры он также внимательно разглядывал меня. Мы хотели получить информацию, кто это такой, но советские не спешили раскрыватьсь: «Придет время — скажем». Обратите внимание — они уже ведут себя здесь, как хозяева!

Прошло несколько дней. Стало ясно, что это привезенный советскими психологами Владимир Зухарь сидел возле самой сцены; все пять часов, не шевелясь. Было очевидно,

что он ежедневно работает с Карповым; по-видимому, проводит гипнотические сеансы перед игрой, а во время игры визуально подбадривает чемпиона. В то же время он старается вне игры чаще встречаться со мной, давая мне понять, что он действует и будет действовать отрицательно на меня. Я начал прятаться от Зухаря, по возможности меньше находиться за столиком на сцене. В седьмой партии я получил подавляющий перевес по дебюту. Карпов сидел бледный, со слезами на глазах. Но привыкший работать за доской все пять часов, я в новых условиях играл очень плохо; позволил Карпову получить сильнейшую контригру, и когда партия была отложена, все считали, что мне пора сдаваться. Мои помощники разбрелись кто куда, оставив меня одного горевать о проигранной позиции. Все же Петре удалось привести ко мне Мурея. Глубокой ночью мы с ним вдвоем нашли хитрую защиту — можно было еще сопротивляться. Каково же было наше изумление, когда Карпов, посмотрев мой очевидный записанный ход, тут же предложил ничью!

24. В. Корчной — А. Карпов

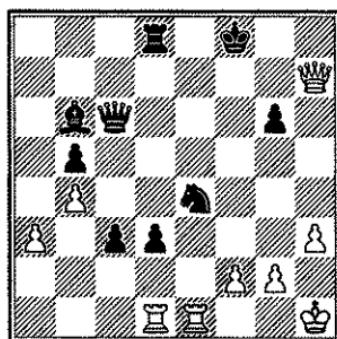
Багио 1978 (м/7)

Защита Нимзовича E47

1.d4 $\mathbb{N}f6$ 2.c4 e6 3. $\mathbb{Q}c3$ $\mathbb{Q}b4$

4.e3 0-0 5. $\mathbb{Q}d3$ c5 6.d5 b5 7.de

fe 8.cb ♜b7 9.♘f3 d5 10.0-0 ♜bd7 11.♗e2 ♜e8 12.♗g3 e5 13.♗f5 g6 14.♗h3 a6 15.♗g5 ab 16.♗e6 e4 17.♗d2 ♜c5 18.♗c7 ♜e7 19.♗:a8 ♜:a8 20.a3 ♜b6 21.♗c2 ♜c8 22.♗:c8 ♜:c8 23.♗a5 ♜bd7 24.♗d2 ♜d6 25.♗b4 ♜c5 26.♗:c5 ♜:c5 27.♗h1 ♜d6 28.♗ad1 ♜h8 29.♗c2 ♜e6 30.♗e2 ♜c6 31.h3 ♜e8 32.b4 ♜b6 33.♗b2 ♜g8 34.♗fe1 ♜f7 35.♗c2 d4 36.♗g3 ♜d8 37.ed ed 38.♗d2 d3 39.♗h6 c3 40.♗e4 ♜:e4 41.♗:h7+ ♜f8.

42.♗h8+. Ничья.

Я терялся в догадках. А любители со всего мира писали мне, просвещали. Вот так: «...Кажется вполне вероятным, что делегация Карпова установила микрофоны, а, возможно, фотокамеру или подглядыватель в комнатах, где вы анализируете отложенные партии. Даже если допустить, что Карпов открыл спасающий Вас ход самостоятельно, он подождал бы предложить ничью, а сделал бы пару ходов, чтобы убедиться, что Вы нашли это спасе-

ние», — писал Мортон Делман (Техас, США). А ведь мой отель охранялся. Без разрешения, моего или Кампоманеса, туда не смог бы проникнуть и таракан...

И еще в одном месте могла просачиваться информация из нашего мозгового центра. Без ведома и разрешения, моего или фрау Лееверик, Кин ежедневно посыпал телексы в Лондон — остав будущей книги о матче. Каждая строчка, написанная Кином, просматривалась Кампоманесом. А то, что организатор матча на стороне советских, он скоро перестал скрывать.

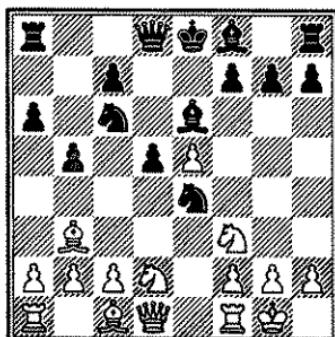
О следующей партии я должен рассказать подробнее.

25. А. Карпов — В. Корчной Матч на первенство мира,

Багио 1978, 8-я партия

Испанская партия C80

1.e4 e5 2.♘f3 ♜c6 3.♗b5 a6 4.♗a4 ♜f6 5.0-0 ♜:e4 6.d4 b5 7.♗b3 d5 8.de ♜e6 9.♗bd2!

Это — знаменитая партия. Для шахматного мира — тем,

что в ней впервые был применен новый ход, точнее сказать, новый метод борьбы против открытого варианта испанской партии. В позиции, где были известны лишь ходы 9.c3, 9. $\mathbb{e}2$ или 9.a4, белые развивают свой ферзевый фланг, не опасаясь после $\mathbb{A}e4-c5$ размена своего испанского слона.

А для меня эта партия памятна инцидентом, случившимся перед ее началом: поправ принятые нормы поведения, подписанные перед матчем соглашения, Карпов отказался от освященного веками ритуала, от рукопожатия. Собственно, это кульмиационный момент матча. Несмотря на огромный перевес советской команды по всем показателям: численное превосходство, завоевание на свою сторону жюри и организатора матча Кампоманеса, да что говорить — в этом заброшенном на край земли городке они уже вели себя как хозяева! — на шахматной доске достижения команды выглядели бледно, даже тревожно.

Теперь советские решили нанести удар. Комбинированный, со всех сторон. На шахматной доске — применить с ногсшибательную новинку. Месяцами гроссмейстеры анализировали ее и последующую игру в тренировочном лагере Карпова под Москвой. Одновременно, в лучших традици-

ях сталинско-гитлеровской науки, нанести удар вне шахматной доски. Перед самым началом игры — не дать противнику опомниться! Люди будут называть этот демарш вероломным нарушением принятых норм поведения. Плевать! Им, советским, не привыкать! Что и было исполнено. А потом уже, в кулурах, пресс-атташе чемпиона А. Рошаль зачитал заявление, где были объявлены, обоснованы причины коварного поведения Карпова...

Занимательны правила игры, записанные в кодексе ФИДЕ. На каждом соревновании присутствуют судьи — главный судья и его помощники. Логично представить, что если случилось что-то неординарное, они спешат восстановить порядок. Нет, не так! Участник должен подойти к судье, пожаловаться, и тогда, только тогда! судья начинает действовать. То, что участник при этом теряет время, что он в результате каких-то действий противника может оказаться психологически подавленным, в расчет не принимается. Обратите внимание: агрессор, задумавший враждебные действия заранее, имеет подавляющее преимущество! Видимо, не обошлось без влияния Ботвинника — любил он диктовать президентам ФИДЕ свои условия...

То, что главный судья Лотар Шмид (Западная Герма-

ния) заметил все, что произошло накануне партии, несомненно. Ведь существует даже фотография, на которой Карпов с выражением лица иезуита отклоняет рукопожатие. Рассудя по-человечески, Шмид должен был остановить игру. Но он предпочел поступить согласно букве шахматного кодекса и даже никогда не извинился передо мной за свое поведение!

Говорят, время лечит раны, время все приводит в порядок. Но не объясняют — сколько времени нужно...

25 лет спустя мне позвонил А. Рошаль. За это время мы наладили с ним дипломатические отношения. Но бывший пресс-атташе Карпова не предпринял никаких шагов добиться большего. Никогда я не слышал от него слов сожаления за свое поведение или за эскапады своего босса. На просьбы рассказать что-нибудь о секретных действиях советской стороны он, который был в курсе всех мелочей стратегии и тактики советского лагеря, никак не реагировал. И вот в разговоре по телефону он дал мне понять, что он уже в возрасте, что его (так я понял!) мучает совесть, что он хочет рассказать, наконец, народу правду о матче. Что на телевидении Москвы он хочет устроить разговор между мной и Карповым, он будет третьим.

Я поразмыслил ночку об этом предложении. Странно, подумал я, в тоне разговора я не почувствовал желания Рошала покаяться. Впрочем, мне и не приходилось видеть правильно воспитанного советского человека-большевика, я бы сказал — не приходилось видеть такого когда-либо берущим свои слова назад, извиняющимся за свое поведение, признающимся в неправильно содеянном. Тем более, если это касается дел политических, не столь давних. Видимо, каяться предстояло мне. На следующее утро я ответил Рошалю отказом. Он был расстроен. Операция по очистке совести, сопровождаемая традиционным жертвоприношением, не состоялась...

9...¤c5.

Этот ход довольно очевиден. Угроза разменяться на e4 и потом на eb неприятна. Хотя находятся упрямые ребята, которые продолжают здесь 9...¤e7 и даже 9...¤c5.

10.c3.

С небольшой перестановкой ходов возникла позиция, известная теории. Мне было ясно, что на этом, теоретическом пути меня ждут подготовленные Карповым новинки. В ходе матча мне их не избежать. Но сейчас, получив удар перед партией, я не способен решать сложные задачи. Нужно уйти с путей домашней подготовки Карпова! И я сыграл 10...g6.

Дебют «открытая испанская» очень старый, проверенный временем, ходы черных — строго единственные; свернуть с этой дорожки означает прийти к заведомо худшей игре. Зато этот ход Карпов не анализировал!

11. $\mathbb{Q}e2?$

Карпов тут же допускает ошибку. Правильно 11. $\mathbb{Q}c2$ с последующим $\mathbb{Q}e1$. Об этом я еще кое-что скажу, попозже.

11... $\mathbb{Q}g7$ 12. $\mathbb{Q}d4$.

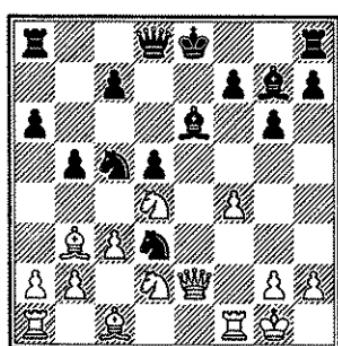
Ради того, чтобы пойти конем на d4 побыстрее, и было сыграно 11. $\mathbb{Q}e2$.

12... $\mathbb{Q}:e5$.

Взятие на d4 или 12... $\mathbb{Q}d7$, конечно, возможно, но это и было бы признанием недоброкачественности дебютной стратегии черных.

13. $f4$ $\mathbb{Q}c4?$

Сыграно после продолжительного обдумывания, но оказывается решающей ошибкой. После правильного 13... $\mathbb{Q}ed3$ на доске сохранялась игровая позиция с обоюдными шансами.

Вот некоторые варианты:

14. $f5$.

Слабее 14. $\mathbb{Q}c2$ $\mathbb{Q}:c1$ 15. $\mathbb{Q}a:c1$ 0-0 16. $f5$ $\mathbb{Q}c8$, и у белых нет атаки.

14... gf .

Почему-то за доской я даже не рассматривал этот ход. А после 14... gf 15. $\mathbb{Q}a:c1$ $\mathbb{Q}:d4+$ 16. cd $\mathbb{Q}:b3$ 17. $\mathbb{Q}:b3$ gf 18. $\mathbb{Q}:f5$ или 18. $\mathbb{Q}c5$ у белых подавляющий перевес.

15. $\mathbb{Q}:f5$ 0-0.

Смешно говорить, что я, анализируя в уме различные возможности, забыл про этот ход. Но при коне на f5, при открытой линии «f» он выглядит очень опасно. Все же не нужно забывать, что черные неплохо развиты, их фигуры довольно активны, а белым еще предстоит развить фигуры ферзевого фланга.

16. $\mathbb{Q}:g7$.

Думается, это лучший ход. Естественное продолжение 16. $\mathbb{Q}c2$ наталкивается на 16... $\mathbb{Q}:f5$ 17. $\mathbb{Q}:f5$ $\mathbb{Q}e8$ 18. $\mathbb{Q}h5$ $\mathbb{Q}e1+$ 19. $\mathbb{Q}f1$ $\mathbb{Q}e7$ или 19... $\mathbb{Q}e8$ с преимуществом у черных.

16... $\mathbb{Q}:g7$ 17. $\mathbb{Q}c2$.

На хитрый ход 17. $\mathbb{Q}e3$, предложенный В. Хугом, есть ответ 17... $f5$ 18. $\mathbb{Q}c2$ $f4$ 19. $\mathbb{Q}d4+$ $\mathbb{Q}f6$, и у черных лучше.

17... $\mathbb{Q}:c1$ 18. $\mathbb{Q}a:c1$ $\mathbb{Q}d6$.

К сожалению, не годится запланированное f7-f5. Тогда 19. $\mathbb{Q}e5+$ $\mathbb{Q}f6$ 20. $\mathbb{Q}:f5$, и черным не удастся удержать позицию.

19. $b4!$

Обязательный ход. Грозило f7-f5 и потом ♜e4 с полной консолидацией позиции черными.

19...♜d7 20.♝f3.

Или 20.♛d3 f5 21.♝f3 ♜f6 с полным уравнением.

20...♞ae8.

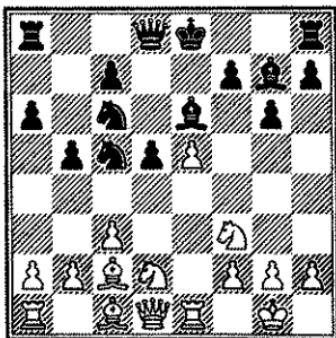
Не годится 20...f5 21.♝d4 ♜ae8 22.♗:f5 ♗:f5 23.♕:e8, и белые выигрывают.

21.♝d4.

Или 21.♛d3 f5 22.♗g5 ♜f6 23.♛d4 h6 — черные отбиваются, или 22.♝d4 ♜e5 23.♛g3+ ♛h8 — положение белых приятнее, но и только!

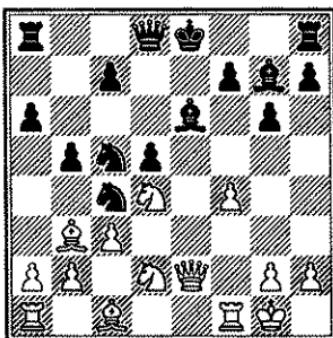
21...♜e5 (22.♗:h7 ♜g4) с неясной игрой.

Я пытался несколько раз проверить эти варианты на практике. Но не получается. Молодые шахматисты вызубрили партию из Багио наизусть. Но, поскольку я иду на ее повторение, они верят мне больше, чем Карпову. Так, Золтан Алмаши (Будапешт 2003) сыграл вместо 11.♛e2 — 11.♗c2 ♗g7 12.♗e1.

Самые естественные ходы...
Вот здесь, как я понимаю эту

позицию, положение черных критическое. Грозит 13.♗b3 ♜:b3 14.♗:b3, а потом ♗g5, ♜d2 и т.д. Я сыграл 12...♜d7, на что последовало очевидное 13.♝d4. Теперь плохо брать на e5 ввиду размена на e6 с последующим f2-f4 и далее ♗:e6. Поэтому приходится брать на d4. В партии было 13...♜d4 14.cd c5 15.♝f3?! ♗g4! 16.h3 ♗:f3 17.♕:f3 0-0, и черные добились примерного уравнения (18.♕:d5 cd 19.e6 fe 20.♗:e6 ♗h8 21.♗d6 ♜c7 22.♗:g6? ♜f6 или 21.♗:g6 hg 22.♗d6 ♗h4). Однако, если вместо 15.♝f3 сыграть f2-f4, перевес белых — серьезный, близкий к решающему — вне сомнения.

14.f5 gf 15.♝:f5.

Конец партии в комментариях не нуждается. Белые без труда развили победоносную атаку.

15...♜g8 16.♝:e4 de 17.♗c2 ♜d3 18.♗h6 ♗f8 19.♗ad1 ♜d5 20.♗:d3 cd 21.♗:d3 ♜c6 22.♗:f8 ♜b6+ 23.♗h1 ♗:f8 24.♗f3 ♗e8 25.♗h6 ♗g7 26.♗d7 ♗b8 27.♗:f7 ♜:d7 28.♗d8+.

Черные сдались.

Мировая пресса в основном правильно оценила случившееся перед 8-й партией. Правда, левый социалист Доннер написал в своей книге: «Странно, что обычно такой корректный Карпов допустил некрасивый поступок. Но Корчной вынудил его своим поведением». Ну да, в 1939 году Финляндия своим поведением вынудила СССР напасть на нее. А потом и Голландия вела себя так некрасиво, что немцы были вынуждены ее оккупировать...

Советская пресса не упомянула о случившемся в восьмой партии. Иначе пришлось бы рассказать советскому читателю, что Карпов одно время добровольно пожимал руку беглому советскому гроссмейстеру. Из тактических соображений, конечно... Но читатель мог бы этого и не понять.

На выходку Карпова нужно было ответить. Но свободных людей, таких, чтобы писать кляузы, в моем лагере не было. Прошло несколько дней, пока нам удалось подготовить заявление. Наш друг, югослав Брана Црнцевич написал черновик. Я перевел его на русский, фрау Лееверик — русский на немецкий, Кин — немецкий на английский. В таком виде фрау Лееверик зачитала мое заявление. Это выступление против советских оказалось плодом коллективного труда людей многих национальностей — не-

плохой пример для политических деятелей всего мира. Заявление было написано сильно, со здоровой порцией ехидства. Например: «Считает ли Карпов, что Корчной, отказавшись от советского флага, потерял право на все остальные флаги?.. Карпова учили в школе, что его страна — самая большая в мире. Корчной надеется все же, что интеллектуальный уровень Карпова позволяет ему разглядеть некоторые другие страны мира».

А конкретно — я выражал сожаление, что сам предложил церемонию рукопожатия, и отказывался на будущее от всяких взаимоотношений с Карповым. Ничья должна была предлагаться через арбитра. Забегая вперед, скажу, что это нововведение ударило по мне самому. Но как часто бывает, чувство собственного достоинства требует жертв.

Между тем борьба против Зухаря продолжалась. Мое поведение во время 7-й партии было замечено всеми. Наша группа протестовала против его присутствия вблизи сцены. Советские защищали его изо всех сил. «Видный ученый, неофициальный член делегации», согласно Батуринскому, мог сидеть, где он хотел. На время удалось уговорить его сесть в 7-й ряд. Т.н. джентльменское соглашение. Но ненадолго. Борьба с Зухарем про-

должалась на протяжении всего матча. Не так просто усмирить хулигана, который маскируется под ученого. Мои люди старались отвлечь его внимание во время игры. В ответ советские усилили его охрану. Агенты КГБ не подпускали никого близко к Зухарю. Случайно во время 17-й партии недалеко от Зухаря расположился гражданин Гонконга с женой. Их затолкали гебисты. Опасаясь получить серьезные увечья, пара покинула зал после трех часов игры.

Между тем, в Багио приехал и мой психолог, В. Бергинер из Израиля, и, не замеченный никем, сел в пятый ряд. В день 11-й партии Зухарь оказался парализованным. Карпов играл быстро, но бездумно. Я выиграл и сравнял счет в матче. Бергинера довольно быстро распознали. Используя свое заметное численное превосходство в зале, советские уже не давали ему покоя. Его пребывание в Багио стало бессмысленным. Он уехал после 14-й партии. А «видный ученый» Зухарь после 11-й партии вернулся в четвертый ряд.

В середине матча в Багио появился мой работодатель из Германии. Разложил на столах журнал «Schach Report» со статьей, рассказывающей, как я его обидел. Приехал, не поленился, значит — чтоб меня ударить, чтобы помочь Карпову выиграть

матч. В Порце он арестовал мою мебель. Пришлось после матча подавать на него в суд. Конечно, я выиграл дело. Самоуправство Хильгерта было наказано.

В районе 14-й партии в зале была введена полицейская система слежки. При покупке билета нужно было показать удостоверение личности — Кампоманес успешно овладевал советскими методами поголовной проверки населения на благонадежность. Еще новость — хотя Карпов мне руки не пожимает, он не хочет отказываться от удобств. Он намерен предлагать ничью непосредственно. Это — по правилам ФИДЕ, заодно можно позлить противника. Были precedents, когда противники не общались: Алексин с Капабланкой, Корчной с Петросяном. Но Карпова это не интересует. Жюри, уже давно уступившее диктату советских, послушно принимает сторону советского чемпиона...

В матче меня ожидало тяжелое время. 13-ю партию я играл хорошо; постепенно переиграл Карпова и отложил ее с некоторым перевесом. Но найти выигрыш не удавалось. Чтобы лучше проанализировать позицию, я, вспомнив свой матч с Геллером 1971 года, взял тайм-аут. На этот раз мое решение оказалось ошибочным — мне не повезло по ситуации.

Глава 19

КРИЗИС

Готовясь к серьезному поединку, я обычно заготавливаю несколько оборонительных схем. И чаще всего с начала матча применяю, с моей точки зрения, самую прочную. Так и на этот раз; больше месяца советские старались найти к ней ключи, опровергнуть схему. Наконец, на пятой неделе им это удалось. Карпов получил перевес по дебюту, и партия была отложена в тяжелой позиции у черных.

На следующий день я должен был доигрывать две партии. Так хотелось выиграть чуть лучшую позицию из прошлой партии! Однако выигрыша не было. Пора идти к судье предлагать ничью, но были трудности со временем на часах. Можно повторять ходы на доске, но к такой игре я не привык. В цейтноте я ушел от повторения позиции, зевнул несложный тактический удар и проиграл. Другую партию я проиграл тоже. Счет стал 3:1 в пользу Карпова.

Окрыленный успехом, Карпов решил, что ему пора закан-

чивать матч. Правда, следующую партию он играл черными, зато после совещания с психологом ввел в бой новый вид оружия. В то время, как я обдумывал ход, он начал качать свое кресло. Я отсел от стола, начал в позе Спасского изучать позицию по демонстрационной доске. Подошел Шмид, спросил, в чем дело. Я объяснил. Он пошел разговаривать с чемпионом. Тот ответил: «Ему мешает, что я качаюсь, а мне мешают его очки». Без стыда и совести; давая понять, что его поведение хорошо продумано. Кстати, согласно утверждению основателя советского государства Владимира Ленина, совесть — понятие классовое. Прав старик — природа обделила пролетария из Златоуста совестью. Прошло минут пятнадцать, пока Карпова уговорили вести себя прилично. Но, пожалуй, повлияло не красноречие главного судьи, а факт, что позиция приобрела совсем ничейный характер, и даже откровенно хамское поведение не помогло бы ее выиграть. К это-

му виду оружия Карпов впоследствии прибегал неоднократно — как щодливый школьник он начинал качаться, когда на него не обращали внимания судьи.

Насчет очков. Я носил их с самого начала матча: еще тогда, когда Зухарь, как секретная «катюша», находился в резерве главного командования. Цель очков была лишить Карпова удовольствия смотреть мне в лицо — в зеркальных очках отражалась его собственная физиономия. Но, кажется, они всерьез мешали Зухарю.

Очевидна была связь Карпова с Зухарем во время игры. Новинка советской практической психологии была подготовлена уже к матчу Карпова с Фишером. Внушает ему Зухарь накануне игры, что он, скажем, играет, как Фишер и Алехин вместе взятые, поддерживает по ходу игры — и Карпов играет как зверь! Кентавр с головой Зухаря и задницей Карпова непобедим! Попутно он и мне старался мешать. Я, вообще-то, не верю, что человека можно заставить действовать против себя — если этот человек сам себя контролирует. Но в практических шахматах на высшем уровне иногда возникает ситуация, когда игрок не в силах себя контролировать, например, в цейтноте. Здесь человек, подобный Зухарю, парapsихолог, способен творить чудеса. И творил...

Странно — единственный человек в зале, который мне мешал; казалось, не должно было быть никаких проблем, чтобы отсадить его. Но Батуринский излил реки красноречия, чтобы отстоять его, Зухаря, право сидеть в зале, где тот хочет. И отстоял. И вся советская ватага на протяжении пяти часов игры физически прикрывала «маститого ученого»...

В жюри моему представителю уже нечего было делать: ни одно мое предложение не принималось, ни один протест не был удовлетворен. А советским жюри уже было не нужно. Любое их предложение безоговорочно принималось организатором. Мешает советским бинокль фрау Лееверик? Без предупреждения вывешивается объявление: «Бинокли в зрительном зале запрещены». Понадобилось советским контролировать зрителей в зале? Отныне, как на советской границе, каждый при покупке входного билета показывает паспорт. Карпов не может играть сегодня? Пожалуйста, мы выведем из строя трансформатор. Никто не виноват! Стихия.

Последняя попытка привлечь внимание мировой прессы, оказать давление извне на продажное жюри, на оголтелое поведение советских было предпринята фрау Лееверик накануне 17-й партии. Подготовить это заявление на английском

языке ей помог Кин, но скрыл свое соавторство. Вот выдержки из выступления шефа моей делегации: «...Батуринский настаивает на том, чтобы рассматривать нашу делегацию не более, чем международную банду поставленных вне закона людей, или пиратов, что вполне соответствует советскому образу мышления, мышления кандалов и наручников, игнорирующего любые права и законы, не совпадающие с их собственными представлениями о реальности. Мы недавно отмечали 10-ю годовщину вторжения в Прагу советских штурмовиков в августе 1968-го года... Надеюсь, что я выступаю не за 10 лет до советского вторжения в Швейцарию... Меня обвинили в ведении холодной войны против советских. Я, однако, настаиваю, что именно советская делегация в заранее рассчитанной продуманной манере начала холодную войну здесь с вопросом о праве Корчного на флаг. Не я же, а Батуринский в порыве бешенства... угрожал не появиться на открытии, если Корчному будет предоставлен флаг. Батуринский заявляет, что я ненавижу Советский Союз. Действительно, 10 лет, проведенные мной в советском концлагере, не способствовали тому, чтобы Советский Союз стал моей любимой страной. Признаюсь, я не пою советский гимн в своей ванной... Но у

меня не было других желаний, кроме одного — чтобы участникам были предоставлены равные условия, чтобы матч решался за шахматной доской, а не при помощи желчных выпадов в прессе или сомнительных маневров в зрительном зале... Защищая изо всех сил Зухаря, советские показывают, что это важное лицо, человек, который способен влиять на игру. Советские признаются таким образом в своих попытках повлиять на результат матча из другой сферы — вне шахматной доски...»

Прошло всего несколько дней, и Кин, соавтор этого заявления, послал в Австрию руководителю второй европейской зоны Доразилу, якобы от имени Голомбека, телеграмму такого содержания: «Убедительно прошу связаться со швейцарской федерацией с целью удалить Петру Лееверик с поста главы делегации Корчного. Чемпионат мира в опасности из-за ее сомнительных действий и возбуждающих политических заявлений». Против устраниния фрау Лееверик с поста руководителя делегации решительно высказался профессор Эйве.

Проблема Зухаря не давала мне покоя. Если моя группа не может мне помочь — попробую помочь себе сам. Я никому не сообщил о своем намерении, только фрау Лееверик в общих

чертах. Перед началом 17-й партии я подозревал Кампоманеса и потребовал отсадить Зухаря от сцены. «Иначе, — сказал я, засучивая рукава, — я сам с ним разберусь!» Этого Кампоманес не ожидал. Он подошел к советским, стал с ними шептаться. Мое время шло, я не садился за столик — они не торопились. Наконец — прошло 10 минут — Кампоманес подошел ко мне и отрапортовал: первые шесть рядов освободили от зрителей, Зухарь посажен в 7-й ряд. Я сломил Кампоманеса. Но он мне этого не забыл, не простили...

Можно ли играть после сильной нервной встряски и потери 10-ти минут на часах? Оказалось, что трудно.... Карпов был переигран вчистую, он потерял пешку без всякой контригры. А дальше — дальше я допустил несколько грубых ошибок, выпустил очевидный выигрыш, а потом в цейтноте в ничейной позиции зевнул по глупому мат.

Счет 4:1 в пользу Карпова. А главное, после всех этих историй, в состоянии полной бесправности, мог ли я еще тянуть этот матч в таком настроении?! Я взял последние два тайм-аута и покинул Багио, в сопровождении Петры и Браны Цринцевича — он не покидал меня в самые тяжелые времена в Белграде, и здесь тоже. Отдохнуть в Маниле, дать пресс-конфе-

ренцию... Буду ли я еще играть? Не знаю, посмотрим...

Уезжая, я оставил Кину доверенность в письменном виде — представлять меня в жюри. Речь шла только об этом, но Кин сделал далеко идущие выводы — он назвал себя отныне главой делегации. Одним из первых его шагов на этом посту была посылка букета цветов господину Кампоманесу. Потрясающе! Господин Кампоманес как тигр борется за права советских в Багио, а Кин посылкой цветов объявляет о своей с ним солидарности! Этим шагом Кин положил начало большой дружбе, которая продолжалась как во время матча, так и впоследствии. Телеграмма Доразилу и цветы Кампоманесу — вот так началась подрывная деятельность Кина!

В то время, как я отдыхал в Маниле, мои люди в Багио не сидели без дела. Они дали понять советским, что если не будет достигнут компромисс — матч окончен. Накануне моей пресс-конференции в Маниле они позвонили и сказали, что достигнуто соглашение. «Только не надо пресс-конференции», — сказал Кин. Какая чушь! В филиппинской столице ничего не знали о грязной игре, которую вели советские — Кампоманес не пропускал такую информацию.

Незадолго до моего отъезда в Манилу Кампоманес по недомыслию посетил известного

на Филиппинах психолога, иезуита отца Булатао, поинтересовался, что он думает об умственных помехах. Тот, незнакомый с фактами, все же высказался, что психологическое влияние из зала возможно и помешать ему трудно. Навестил отца Булатао и я, накануне пресс-конференции. Он высказал мне то же самое и добавил, что единственная возможность помешать этому влиянию — установить на сцене стекло, которое помешало бы участникам видеть зрительный зал.

В день пресс-конференции заседание жюри с целью выработать компромисс было отложено. Им интересно было узнать — как далеко я пойду в своих жалобах и требованиях. На встрече с журналистами я рассказал о сложившейся ситуации — о полной безнаказанности советских, об их словоре с Кампоманесом. Особо остановился на проблеме Зухаря. Рассказал о посещении отца Булатао, о его предложении. Потребовал установить такое стекло на сцене. Потом я долго разговаривал по телефону с Кином, обсуждал возможные варианты соглашения с Кампоманесом и советскими. А на следующий день прибывшие в Манилу Стин и Мурей рассказали, что компромисс — в письменном виде — уже заключен.

Вот его главные пункты: «Г-н Кин уведомил, что Корч-

ной отказался от своего требования... установить зеркальный экран между участниками и зрителями. Г-н Батуринский уведомил, что Карпов... согласился с тем, что доктор медицинских наук, профессор Зухарь будет, начиная с 18-й партии и до окончания матча, находиться в секторе, отведенном для официальных членов советской делегации. Г-н Кин уведомил, что Корчной... не будет пользоваться очками с зеркальными стеклами, которые создают помехи зрению Карпова». Оказывается, я был нужен Карпову! Ему оставалось выиграть две партии; ему хотелось показать миру, что он и сам, один способен играть и выигрывать! Совсем нетрудно: у него подавляющий счет в матче, подавляющий психологический перевес, обеспеченный гегемонией советских в Багио; в настоящий момент он, тренированный на 24 партии, превосходит меня и физически. Наконец, и в чисто шахматном отношении у него огромный перевес: я опустошен, мои подготовленные заранее оборонительные и наступательные схемы дали трещины — мне нечего играть ни тем, ни другим цветом. Я готовлю что-то на ходу, между партиями — что-то, чего я не играл никогда в жизни...

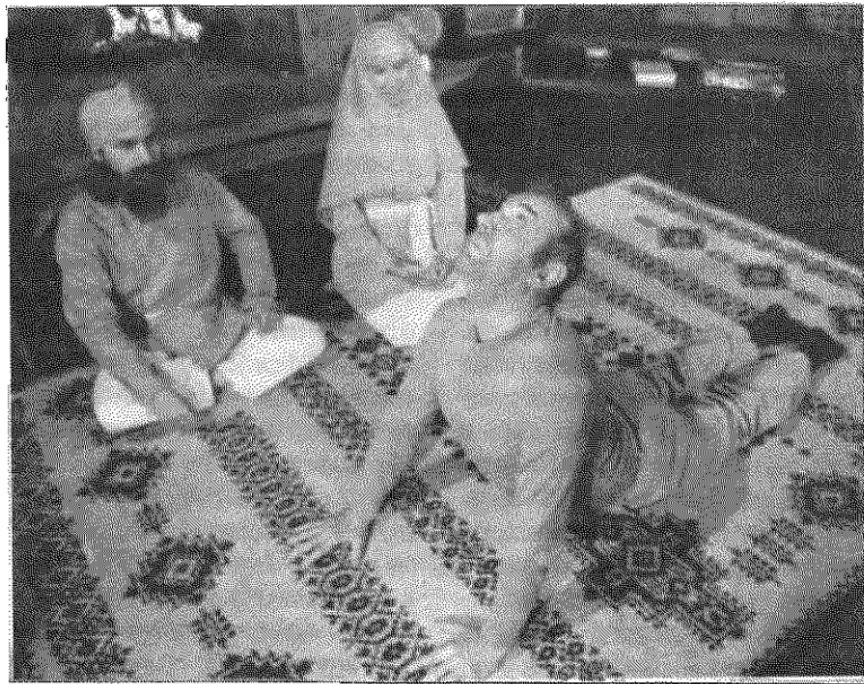
Казалось, я обречен — еще неделя, и матч бесславно окончен. Но на помощь мне пришли люди, которые после

пресс-конференции узнали о моем бесправном положении, пришли добровольцы. И что-то изменилось...

Где-то после 18-й, трудной партии, где я 60 ходов мучился в тяжелой позиции и, наконец, спасся, в мою комнату в отеле постучали. Вошли два молодых человека. Они, мужчина и женщина, приехали из Манилы, они предложили бесплатно свою помощь. Американцы, в свое время закончившие Гарвардский университет, Виктория Шеппард и Стивен Двайер занялись йогой, стали членами организации «Ананда Марга».

Симпатичные, высокообразованные, они понравились всем в нашем лагере. На 19-й партии Дида и Дада, так мы их теперь называли, появились в зале в оранжевых одеяниях. По мнению нашего друга Браны, это выглядело как-то несерьезно, маскарадно. Но оказалось, были и другие мнения. Закрыв лицо платком, вышел из зала Зухарь, за ним потянулись и другие члены советской группы — за четверть часа йоги добились того, за что я безуспешно боролся два месяца!

Впрочем, советские отступали недолго. С помощью

Дада и Дида обучают Виктора Корчного искусству йоги

Кампоманеса они уже на следующий день перешли в контраступление. Йогам запретили сидеть в их оранжевых одеждах, запретили приближаться к советской группе...

На шахматной доске у меня нелегкое время. Я слабо играл 20-ю партию. Она отложена в проигранном для меня положении. Если Карпов записал правильный ход, то ходов через пять мне придется сдаться. Записывая ход, Карпов на удивление продумал полчаса...

Мне рассказали позже такую историю: Дада спросил у Стина — как позиция? Стин, в плохом настроении, был немногословен: «Плохо, Корчной проигрывает». Дада сказал: «Нет, будет ничья». Я приехал на доигрывание. Все холуи Карпова, включая Зухаря, ждут меня. Я понял тут же: Карпов записал не лучший ход, предстоит серьезное доигрывание. У меня все равно тяжелое положение — мне нечем ходить. Но Карпов играет сверхосторожно. Мне удалось спасти партию! Мой болельщик Гарри Голомбек сказал, что после этого доигрывания он поверил в реинкарнацию, в многократное рождение души...

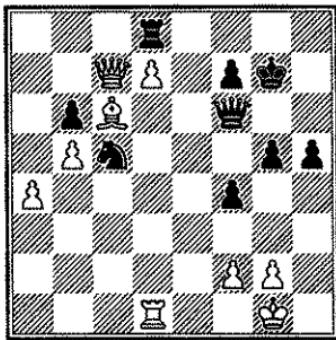
26. А. Карпов — В. Корчной

Багио 1978 (м/20)

Защита Каро-Кани B15

1.e4 c6 2.d4 d5 3.¤d2 de
4.¤:e4 ¤f6 5.¤:f6+ ef 6.¤c4

¤d7 7.¤e2 ¤d6 8.0-0 0-0 9.¤f4
¤b6 10.¤d3 ¤e6 11.c3 ¤d5
12.¤:d6 ¤:d6 13.¤d2 ¤ad8
14.¤fe1 g6 15.¤ad1 ¤g7 16.¤e4
¤c7 17.b3 ¤fe8 18.¤b1 ¤g4
19.h3 ¤:e2 20.¤:e2 ¤:e2
21.¤:e2 ¤d5 22.¤d2 ¤f4
23.¤e4 f5 24.¤f3 h6 25.h4 ¤e6
26.¤e3 ¤c7 27.c4 f4 28.¤c3
¤f6 29.¤a5 ¤e6 30.d5 cd 31.cd
b6 32.¤a4 ¤c5 33.¤:a7 ¤d7
34.d6 ¤:h4 35.¤c7 ¤f6 36.b4 h5
37.a4 ¤h6 38.b5 g5 39.¤c6 ¤c5
40.d7 ¤g7.

41.¤e1.

Выигрывало 41.¤a7! ¤e6 42.a5.

41...¤e6 42.¤d6 g4 43.¤f1 g3 44.¤e5 h4 45.a5 ba 46.b6 ¤:e5 47.¤:e5 ¤b8 48.b7 ¤d8 49.¤e8 ¤f6 50.fg fg 51.¤e2 ¤g7 52.¤f3 a4 53.¤e4 ¤f6 54.¤:a4 ¤e7 55.¤:h4 ¤d7 56.¤f4 ¤d6 57.¤b4 ¤c7 58.¤c4+ ¤d7 59.¤g4+ ¤e8 60.¤e4+ ¤f8 61.¤d7 ¤:b7 62.¤e8+ ¤g7 63.¤:d8 ¤b2+. Ничья.

Накануне 21-й партии — опять заседание жюри. Кампоманес откопал, что мои по-

мощники-йоги находятся под следствием по подозрению в убийстве дипломата. Они выпущены на поруки. Преступникам не место в зале! Так называемая «презумпция невиновности» — пока человек не осужден, он не преступник — не признается в Советском Союзе, не признается она и Кампоманесом. Защищаясь от советского диктата, я расширяю свою группу: отныне Диди и Дада — члены моей делегации! В ответ Батуринский шлет возмущенную телеграмму доктору Эйве. Президенту придется приехать в Багио — взглянуть на людей, которых титулованный юрист-бандит называет террористами.

Странный случай накануне 21-й партии. Йоги научили меня одной фразе на санскрите. Если я увижу Зухаря — полезно сказать ему эту пару слов. Действительно, перед 21-й партией приезжает Зухарь и направляется прямо ко мне — видимо, пожать мне руку. Ему в лицо я выпаливаю подготовленную фразу. Он закрывает голову руками и отступает...

После такой маленькой победы партия моя развивается, как по нотам. Я выиграл ее при доигрывании. 4:2! Карпов стал заметно уставать. Нервы его не выдерживают, он плохо спит. Он ругает тренеров за свои неудачи. В советской прессе, и в западной прокоммунистичес-

кой тоже, появляются сообщения, что под его окном дебоширят хулиганы, не вовремя летают самолеты. Полное вранье, конечно, но надо как-то объяснить народу неуверенную игру чемпиона, заодно бросив тень и на претендента — не его ли люди там дебоширят? Натренированный играть 24, только 24 партии, Карпов смертельно устал. Интервью дает экс-чемпион мира Таль. В его рассказе сквозит отчаяние — что теперь будет?.. Между тем, продолжается наступление на моих йогов. Им уже запретили показываться на игре, запретили жить в отеле, где я живу, запретили даже в этом отеле показываться.

В этой ситуации мне было бы следовало играть поосторожнее, затянуть матч, дождаться, пока Карпов совсем обес силит. Но я борюсь за победу каждый день, я рисую, заставляю и Карпова играть с полной выкладкой. Ну, вот и случилось — я испортил хорошее положение в 27-й партии и проиграл ее. 5:2! Карпову осталось выиграть всего одну партию. Но, кажется, он в этой партии отдал все без остатка, последний пучок энергии. Белыми он не уравнял игры. Партия отложена в несколько худшем для него положении. При доигрывании в моем цейтноте он играет быстро и бездарно. Я выиграл. 5:3!

Глава 20

БУРНЫЕ СОБЫТИЯ НА ФИНИШЕ

В голландском шахматном «Бюллетене» в статье моего бывшего тренера Г. Сосонко я прочел фразу о «безукоризненной эндшпильной технике симпатичного чемпиона мира». Странная фраза; я бы откорректировал ее, добавив к некоторым словам частицу «не». 29-я партия. Мне удается найти дебютное построение, малознакомое чемпиону мира. Всю партию он в защите. Партия откладывается все еще с шансами на спасение у чемпиона. Но при доигрывании в моем цейтноте он опять сбивается с правильного курса. 5:4!

Что случилось? Карпов, который имел колossalный психологический, спортивный, шахматный, да и политический перевес, не сумел его использовать, стал уступать в матче позицию за позицией. Единственная уступка, на которую согласилась советская сторона — убрать своего психолога из пределов моей видимости — дорого обошлась чемпиону. Он утратил свои лучшие качества, и в первую очередь — тонкость

психологической оценки позиции. Боюсь, что этот термин даже гроссмейстерам будет не очень понятен. Это не реальная оценка позиции, а как бы знание того, что думает о позиции противник, способность понять ход его мыслей. Это значит — наполовину сократить анализ возможных ответов противника, рассматривая лишь те, которые противник считает наиболее опасными для вас и для себя. То есть, это просто способность предвидеть, что будет делать противник! Этим качеством Карпов владел, как никто другой, и его-то он утратил. Налицо была и полная потеря уверенности в себе.

А нажим на меня и на моих югов продолжался. Указом Кампоманеса им было запрещено передвижение по городу. Они должны были находиться у меня на вилле, и только. Говоря юридическим языком, всемогущий Кампоманес наложил на них «домашний арест». Меня очень злило поведение Кампоманеса, да и всего жюри. Я на-

писал письмо Лим Кок Ану, Майкл Стин вручил его председателю жюри лично. Вот кусочек из письма: «Меня... удивляет шум, затянутый организаторами вокруг присутствия членов «Ананда Марги» в турнирном зале. Напоминаю, что они были освобождены министерством юстиции за недостатком доказательств якобы совершенного ими преступления. Странно, что Кампоманесу не пришла в голову идея удалить фрау Лееверик. Все-таки много лет назад ей дали 20 лет тюрьмы за терроризм. Она отсидела, по счастью, меньше, но никогда не была реабилитирована. Да и меня, без сомнения, считают преступником в ССР. Не хотел бы Кампоманес и от меня избавиться?!. Есть несколько преступников в зале, но это члены советской группы... До сих пор организаторы не предприняли попыток проверить наличие оружия в одежде Пищенко и его друзей...» (Пищенко — телохранитель Карпова.) Лим Кок Ан прочитал письмо и тут же вернул его Стину обратно. Забегая вперед, безобразно вел себя Лим и в Буэнос-Айресе при обсуждении итогов матча. А еще через полтора года Лим Кок Ан приспал мне в Швейцарию письмо, где извинялся за свое поведение.

31-я партия. Карпов играет совсем простенький дебют с

целью побыстрее сделать ничью. Ни в начале партии, ни в середине игры у меня нет ни тени перевеса. А когда перешли в эндшпиль, тут чемпион, как всегда, был не на высоте. Мне удалось стеснить его позицию, и в отложенном положении, казалось, чемпиону нет спасения. Велико было разочарование, когда дома мы обнаружили, что выигрыша нет, что в главном варианте единственными ходами Карпов делает ничью. Пришлось заняться психологией. Что советские могли проанализировать, а что нет? Как заставить Карпова работать своей головой? При доигрывании я жертвуя пешку — я как бы уговариваю Карпова играть, играть на выигрыш! Но его не уговоришь — он играет пассивно, даже слишком пассивно. Потом он зевает важную пешку, и я выигрываю. 5:5!

Теперь уже Карпов взял последний тайм-аут. Ему нужно было привести в порядок нервную систему, заделать прорехи в своей дебютной подготовке. Подготовить новое мощное наступление на моих помощников, а для этого дождаться, когда уедет Эйве — единственный человек, которого немножко стеснялись советские. По плану, составленному мисс Баккер, Эйве покидал Багио в самые горячие дни матча, чтобы навести порядок

в шахматной федерации Венесуэлы — им с госпожой Баккер эти дела были важнее, чем вопрос — кто будет чемпионом мира. Правда, перед отъездом д-р Эйве вызвал для беседы Кина и фрау Лееверик и заявил, что если советские снова будут трогать моих помощников-йогов, он разрешает мне остановить матч — он организует новый поединок с Карповым. Этого я не знал...

Кое-что Карпов предпринял, чтобы упрочить свои финансовые позиции. Искусно уклонившись от информации в прессу. В день проигрыша 31-й партии он заключил контракт с компьютерной фирмой в Гонконге — рекламировать их продукцию, шахматные компьютеры. По этому контракту он должен был получить, как минимум, полмиллиона долларов. Кроме того, как истинный уроженец Златоуста он застраховался на случай проигрыша матча — при неблагоприятном исходе поединка Карпов не собирался возвращаться на родину. Своему западногерманскому агенту Юнгвирту он дал указание зарезервировать ему билет в Калифорнию, купить там виллу и машину. Что и было исполнено. По слухам, вилла обошлась Карпову в 180 тысяч долларов. Никогда бы эта информация не была опубликована, но однажды, в 1988-м году Карпов обратился

в западногерманский суд с претензией, что Юнгвирт обокрал его. И доверенное лицо советского чемпиона мира, Юнгвирт рассказал на суде, как ему пришлось тратить деньги Карпова в Штатах, и агентство DPA распространило информацию по миру...

В один из этих выходных дней ко мне подошел Кампоманес и сказал: «У нас здесь есть пансионат для сирот. У вас свободное время — сходите туда, расскажите им что-нибудь!» Не помню, пошел ли я один или вместе со своим другом Майклом Стином. Я пришел, и вот сидят молодые ребята. О чём я им должен рассказать? Что я играю в шахматы, что я беглец, что мне довелось встретиться на узкой дорожке с человеком, которого поддерживает огромное государство — то, из которого я бежал? Вряд ли им это интересно... И тут я вспомнил, что Филиппины были испанской колонией. Потом была война между Испанией и Соединенными Штатами, и Филиппины освободились от испанского ига. И что дальше? Я встал на сцене и запел им по-русски мексиканскую песню:

Ну, кто в нашем крае
Чилиту не знает?
Она так умна и прекрасна!
И вспыльчива так и властна,
Что ей возражать опасно...

И утром и ночью, поет и
хочет,
Веселье горит в ней, как пламя.
И шутит она над нами,
И с нею мы шутим сами.

И когда я исполнил первый куплет, меня поддержали 400 человек — они пели эту песню по-испански! Это было нечто невероятное. Вот так можно найти общий язык с людьми! Когда мы исполнили песню, я попрощался с ними. Так я на несколько минут доставил удовольствие детям-сиротам.

А тем временем в штабе Карпова, где, кстати, стояла телекс-машина, шел обмен телексами с Москвой. Запрашивали, ломали голову — что делать, если я теперь, вот сейчас потребую отпустить мою семью. В моем лагере ни одной трезвой голове это в голову не пришло — все очень оптимистично расценивали мои шансы при окончании матча. А между тем был в моем лагере человек, который занимал высокий пост и который очень не хотел моей победы: Кин, который ежедневно посыпал телексы-кусочки книги о матче в Лондон, в которых он сурово критиковал мое и фрау Леверик поведение, Кин, который давно, как я понял — в районе 15-й партии похоронил меня, Кин, который, нарушив заключенный со мной кон-

тракт, не мог рассчитывать ни на какое вознаграждение с моей стороны. И, наоборот, в случае победы Карпова он рассчитывал на вознаграждение со стороны Кампоманеса! Зафиксировано многократное предательство моих интересов Кином в последние дни матча и после его окончания. Но все логично. Виноват я — с такими людьми контракты не заключают!

Между прочим, после нашего возвращения из Манилы профессор Эйве заявил, что нет никаких причин менять руководителя моей группы, то есть П. Лееверик должна оставаться на своем посту. Она не возражала, но не хотела больше посещать заседания жюри, где уже не принимались во внимание никакие наши просьбы или протесты. Там ее замещал Кин. В конце матча это ее решение обернулось серьезной ошибкой.

День 32-й партии. С утра — экстренное заседание жюри. Зачитывается заявление Балашова — Карпова. Они волнуются за свою безопасность и требуют удалить йогов. Иначе Карпов отказывается играть. Знал бы я об этом заявлении — как бы, думаете, я на него ответил?! Принимается решение — немедленно изгнать йогов из Багио. За исполнением этого решения должен проследить сам Кин. Будь он моим

подлинным представителем, сразу по принятии жюри этого решения он должен был провозгласить матч оконченным, согласно распоряжению доктора Эйве. Но такое заявление, как мы уже знаем, было не в финансовых интересах Кина... Зато исполнительный Кин примчался на виллу, где он редко бывал, чтобы лично проследить, как будут выгонять йогов. Готовится злодейский, вероломный акт. При живейшем участии моего самозванного руководителя группы. Учитываются все детали: если фрау Лееверик вовремя появится на игре — она увидит, что творится, и потребует прекратить игру, прекратить матч. Простодушному Якову Мурею дано задание — запретить Петре Лееверик первые два часа присутствовать на игре. Он послушно исполняет приказ...

Я приезжаю на игру. Меня встречает строй советских — все тут. В глазах скрытое торжество, злорадство. Мне невдомек, что происходит. Начинается игра. В четвертом ряду сидит Зухарь. Я его не вижу, я только чувствую, что Карпов заиграл опять, как в начале матча — задница кентавра обрела снова голову! Кин спросил Батуринского, что произошло? Почему Зухарь опять впереди? А тот ответил: «Это было джентльменское соглашение. Оно обязательно толь-

ко для джентльменов!» Прокурор в отставке очень гордился своей шуткой. А на самом деле это ведь не острота. Английское слово «gentleman» лучше всего перевести на русский как «порядочный человек». Мало было порядочных людей в Советском Союзе, а в рядах советского десанта на Филиппины — совсем никого. Интересно, как обстоят дела с наличием порядочных людей у наследников СССР, в его осколках... Стин сказал Кину, что тот должен остановить игру. Кин ответил идиотской фразой, что это выведет меня из равновесия. Фрау Лееверик потребовала, чтобы Кин послал телеграмму доктору Эйве, но Кин уклонился и от этого. Не правда ли, Кин вел себя очень последовательно и логично!? Телеграмма была послана Стином через три часа после начала партии...

Сама партия развивалась тоже довольно странно. В дебюте я применил новинку. Но Карпов на нее не отреагировал — он немедленно ответил, и совсем не так, как я ожидал. Помню, меня сразу кольнуло — кто-то меня предал! Партия развивалась с преимуществом у Карпова и была отложена в безрадостной для меня позиции. Я не собирался доигрывать партию, но не спешил сдаваться. Зато поспешил Кин. В девять утра он позвонил судье

Филипу и без моего ведома сообщил, что я сдаю партию.

Я отказался прийти на закрытие. Я обратился в международный суд справедливости в Гааге с требованием отменить результат матча на основании невыполнения советскими подписанных ими соглашений. На следующий день после закрытия Кин привез мне чек от Кампоманеса. Привез и оставил; не хватило у Кина силы воли встретить меня лицом к лицу. А на чеке было написано: «Разрешается получить деньги только в случае, если Корчной признает матч закончившимся».

А если вдуматься — ведь этой надписью Кампоманес признал себя виноватым!

Еще несколько строчек о «сэре Кине», распределителе звания чемпиона мира по шахматам. Во время обсуждения в Буэнос-Айресе итогов матча Кин выступил с сообщением, что матч был проведен Кампоманесом на высшем уровне. Также было зачитано письмо, якобы написанное Кином спонсору матча г-ну Иллюзирио, где он утверждал, что во время 32-й партии мне ничего не было известно о нарушении советскими джентльменского соглашения. В своей предательской деятельности Кин был просто незаменим! И Кампоманес высоко оценил услуги Кина — он одарил Кина 20 тысячами

швейцарских франков. Но Кин продолжал оказывать услуги филиппинскому магнату. На обсуждении результатов матча на бюро ФИДЕ в Граце в феврале 1979 года Кин снова выступил с горячим одобрением деятельности Кампоманеса во время матча. Нельзя отказать в логике поведения английскому гроссмейстеру. Он занял позицию, мне абсолютно враждебную. И логика привела его, наконец, в СССР. Как явствует из документов ЦК КПСС, выкупленных мною из канцелярии высшего органа власти почившего в бозе СССР в 1994 году, накануне матча 1981 года в Мерано сэр Кин готовил Карпова в Москве...

В годы, когда Каспаров только что стал чемпионом мира, мы с ним были в очень хороших отношениях. И он неоднократно намекал мне, что мне бы следовало помириться с его другом Кином. Понятно — молодежь слабо разбирается в людях. Не желая перечить юному чемпиону, я только ухмылялся. Но подумать только! Беспринципный англичанин сумел втереться в доверие по очереди — к Корчному, Карпову, Каспарову! — людям разной нервной системы, жизненного опыта, политических взглядов. Подобное искусство вряд ли заслуживает подражания, но восхищения — бесспорно!

Глава 21

СРАЗУ ПОСЛЕ МАТЧА

Закончился изнурительный поединок. К концу матча с каждым днем Кампоманес вел себя все более враждебно, а после его окончания совсем распоясался. У нас были билеты филиппинской авиакомпании. Нам сообщили, что места в Европу будут только через 10 дней. Помочь отправить нас поскорее Кампоманес отказался. Зато он прислал нам письмо с сообщением, что с завтрашнего дня мы сами должны платить за отель. Принимая во внимание, что Кин завтра улетел прямым самолетом в Европу, приходишь к мысли, что идея удержать нас подольше в условиях, далеких от гостеприимства, принадлежала не авиакомпании, а лично горе-организатору матча — чтобы не позволить нам вовремя прибыть в Буэнос-Айрес на Олимпиаду и заседания ФИДЕ. Обменять билеты на полет другой авиакомпанией тоже не удавалось.

Исключительно враждебно вела себя теперь стража. У нас ведь была полицейская охрана

в течение всего матча. Большую часть времени солдаты проводили в бедлэе у нас на вилле. Украли у меня вoki-токи, в то время весьма редкое техническое оборудование. Украли библию на русском языке... Что давало основания предполагать сотрудничество наших телохранителей с КГБ. Эти же люди провожали нас в аэропорт в Манилу. На их лицах была написана готовность расстрелять нас в любой момент. Ждали только приказа. Странные мысли бродили у меня в мозгу — как будто мы были взяты на прицел. 12 лет спустя это подтвердил Михаил Таль.

В безвыходной, казалось бы, ситуации нас выручило маленько чудо. Меня пригласили на сеанс в Гонконг. Удалось поэтому в тот же день долететь до континента. А там уже было легче. С помощью работников «Swissair», доплатив по тысяче долларов за душу, мы с Петрой добрались до Цюриха. А Стин, тоже с доплатой отправился через Лос-Анджелес в

Буэнос-Айрес. На бюро ФИДЕ в Граце в феврале 1979 года обсуждалась жалоба Стина, что Кампоманес недовыполнил свои финансовые обязательства. А против него выступал Кин, который утверждал, что Кампоманес блестяще провел соревнование и к нему не может быть претензий...

В последние дни нашего пребывания в Багио нам позвонил швейцарский шахматный деятель Ив Краусхар и сказал: «Швейцарский юрист из кантона Гларус, любитель шахмат, предложил свои услуги — вести бесплатно ваши дела в Гааге и, может быть, другие дела тоже». Я согласился — купил товар не глядя. Наверно, лучше было бы выбрать адвоката самому: прошло несколько лет, Советский Союз еще не распался, а швейцарец-социалист Бродбек подружился с коммунистом Анатолием Карповым...

По прибытии из Гонконга в Цюрих в отеле рядом с аэропортом Швейцарской шахматной федерацией была устроена моя пресс-конференция с участием того адвоката. Мое имя он удачно, успешно использовал. Вскоре, не без помощи Петры Лееверик, у него появились выгодные клиенты — фигуристы: чемпионка мира Дениз Бильман, прославленные Протопопов и Белоусова. При его содей-

ствии были заключены миллионные контракты с фирмой «Holiday on Ice». А о своем намерении работать для меня бесплатно этот адвокат скоро позабыл. Не покупайте кота в мешке, господа!

На заседаниях ФИДЕ в Буэнос-Айресе Кампоманес и Лим уговорили большинство делегатов, что в Багио все было в порядке. Но поскольку раздавались голоса «посмотреть, проверить», то по предложению опытного конгрессмена Ю. Авербаха обсуждение этого вопроса было перенесено на бюро ФИДЕ. Заседание бюро в Граце в феврале было просто безобразным. Казалось бы, мое обращение в суд в Гааге бросает тень на ФИДЕ, обязывает эту организацию серьезнее проверить, что случилось в Багио. Вместо этого, заслушав отчет Кампоманеса, а потом выслушав заявление его холуя Кина, бюро «единодушно» приняло резолюцию (при ее принятии отсутствовали Олафссон и Юнгвирт), что матч великолепно проведен Кампоманесом, что прекрасно поработало жюри, а «преднамеренные действия и оплошности», допущенные мной, «не соответствуют спортивной этике шахмат и общепринятым правилам поведения, а также наносят вред достоинству, престижу

ФИДЕ». Опять, в который раз, как в речах коммуниста Батуринского, перепутаны местами причины и следствия. Я запросил материалы этого заседания — узнать по конкретнее, чем я провинился. Мисс Баккер сообщила мне, что эти материалы строго секретны. Именно так, утверждает история, начинали свою деятельность все диктаторы. Действительно, не протоколировать же, что будущий президент ФИДЕ вместо делового обсуждения того, что происходило в Багио, бросился на моего адвоката с бутылкой. Где-то с этого момента, как только Кампоманес стал большим человеком в ФИДЕ, в этой организации появились черты сектантства, она стала всячески прятать свои дела от общественности. Оказав неоценимые услуги советским, Карпову, Кампоманес в уплату приобрел мощную поддержку советской Федерации в ФИДЕ. С ее помощью он вскоре взгромоздился в кресло президента этой организации, и даже на три срока. Бедные шахматы!

В свое время ФИДЕ руководили обеспеченные, финансово независимые люди — голландец Рюэб, швед Рогард, голландец Эйве, исландец Олафссон. Кампоманес тоже был не из бедных, но он назначил себе, впервые в исто-

рии ФИДЕ, ежегодное жалование в 150 тысяч швейцарских франков. Но и этого ему было мало. В конце 2003-го года суд в Маниле установил, что во время проводившейся в Маниле Всемирной шахматной Олимпиады-1992 Кампоманес прикарманил из отпущеных правительством страны на проведение соревнования денег сумму, равную 180 тысячам евро, и присудил Кампоманеса к тюремному заключению на 1 год и 10 месяцев. Отсидев три президентских срока, попив 14 лет кровушки у шахматного мира, он уступил выгодный пост российскому кандидату — Илюмжинову. Кампоманеса оставили «почетным президентом ФИДЕ» и даже после приговора филиппинского суда забыли снять с него почетное звание...

В 1979 году я написал книгу о матче в Багио. Я не спешил ее издавать. Я послал письмо Карпову. О том, что книга о Багио готова, что она ни в коем случае не прибавит ему популярности. Но если мою семью отпустят, то я не буду ее издавать. Одновременно я отправил письмо в Кремль тогдашнему руководителю страны Л. Брежневу. Я сообщил, что написал антисоветскую книгу, что собираюсь издать ее не менее, чем на 9 языках, общим тиражом полмиллиона экземпляров. Но если

семью отпустят, я обещаю ее не издавать. Я вырвал из рукописи несколько ярких страниц — товар лицом — и послал письмо «с уведомлением о вручении». Частичный успех я имел — «человек с ружьем» подписал принятие письма в Кремле. Но ответа на эти письма я не получил...

Издательство ОПИ в Лондоне издало мою книгу на русском, я сам издал ее на немецком, правда, небольшим тиражом. А потом я позаботился получить хороший перевод книги на английский язык. Тогда я предложил ее английским издателям, но, на удивление, прочитав манускрипт, мне ответили отказом — ее не приняли на английский книжный рынок! Я подумал: неужели Кин и Леви настолько сильны!? А может быть, здесь были замешаны более крупные силы? В российской «Литературной газете» в 1992 году я прочел занимательную статью «Роберт Максвелл — фаворит КГБ?» Роберт Максвелл был более-менее хозяином британской прессы. Кто знает — не исключено, что и он приложил свою руку, чтобы мой труд никогда не появился на лондонских прилавках... Книгу эту, используя перевод на английский, я издал в Швеции, Исландии, Франции, Аргентине...

В начале 1979 года я приехал в Израиль. Меня пригласил туда человек по имени Самуэль Флато-Шарон. Родился он в Польше, воспитывался, жил во Франции. Приворовался там и бежал от правосудия в Израиль. Для того, чтобы израильские власти не выдали его международной полиции, ему полезно было бы стать депутатом Кнессета, а для того, чтобы быть туда избранным, требовалось паблисити. По-видимому, в Израиле я был популярен. Флато-Шарон сообщил мне, что он в хороших отношениях с людьми из КГБ, в частности, дружит с полковником Виктором Луи, и он поможет мне вызволить семью из Советского Союза. О том, что в те дни в СССР шел документальный фильм о Флато-Шароне под названием «Мошенник века», мне известно не было. За его усилия помочь моей семье я должен был дать некоторое количество сеансов в Израиле. Разумеется, бесплатно. Не помню точно — кажется, пять. Что я и выполнил. Помочь моей семье он даже не пытался. Когда моего сына посадили за решетку, я написал письмо в израильские газеты, где рассказал, как Флато-Шарону удалось меня одуречить...

ДОКУМЕНТЫ

**КОМИТЕТ
ПО ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ И СПОРТУ**
 при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

21 ноября 1979 г.

Секретно
ЦК КПСС

О разбирательстве иска Корчного в амстердамском суде

Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР полагает необходимым информировать о судебном иске, возбужденном в суде г. Амстердама участником матча 1978 года на звание чемпиона мира по шахматам В. Корчным.

После окончания матча Корчной и выступающая в его защиту шахматная федерация Швейцарии подали протесты в Международную шахматную федерацию (ФИДЕ) по поводу якобы имевших место нарушений во время последней, 32-й партии матча, состоявшегося в г. Багио, и закончившейся победой А. Карпова, с требованием аннулировать результат этой партии. Это требование аргументировалось тем, что на Корчного якобы оказывал гипнотическое влияние член советской делегации доктор медицинских наук Зухарь В.П., сидевший во время 32-й партии в 4-м ряду среди зрителей.

Конгресс ФИДЕ, состоявшийся в ноябре 1978 г. в г. Буэнос-Айресе, решил, что матч считается законченным со счетом 6:5 в пользу А. Карпова. Одновременно конгресс поручил Бюро ФИДЕ по поступлении отчета главного арбитра рассмотреть протесты Корчного и швейцарской федерации, а также протест главного организатора матча Ф. Кампоманеса (Филиппины) на неспортивное поведение Корчного.

Бюро ФИДЕ, состоящее из 10 руководящих деятелей этой федерации, в том числе президента, четырех вице-президентов и генерального секретаря, рассмотрев указанные вопросы на заседании в феврале 1979 года в г. Граце (Австрия), единогласно приняло следующие решения:

- признало, что во время 32-й партии никаких нарушений регламента матча и правил игры допущено не было, протестов в установленном порядке не поступало;

— отметило, что матч был подготовлен и организован наилучшим образом, жюри и арбитры выполняли свои функции объективно и эффективно;

— осудило преднамеренные действия Корчного во время матча, противоречащие спортивной этике и общепринятым нормам поведения, нанесшие ущерб достоинству и престижу ФИДЕ, и строго предупредило Корчного, чтобы он вел себя в будущем корректно;

— декларировало, что все вопросы организации, проведения и судейства официальных чемпионатов являются исключительной компетенцией ФИДЕ и ее руководящих органов, решения которых являются окончательными.

Информация о решении Бюро была принята очередным конгрессом ФИДЕ, состоявшемся в августе 1979 г. в г. Сан-Хуане (Пуэрто-Рико), без дискуссии.

Одновременно с протестами, адресованными ФИДЕ, Корчной через адвоката обратился с иском в суд г. Амстердама против ФИДЕ, штаб-квартира которой находится в этом городе, а также против А. Карпова, как ответчика. Предмет иска тот же — требование аннулировать результаты 32-й партии матча в г. Багио.

Исковое заявление адвоката Корчного от 3 ноября 1978 года было переслано в СССР по дипломатическим каналам, но возвращено МИД СССР без вручения Карпову по причине нарушения Гаагской конвенции 1954 г. по вопросам гражданского процесса, так как оно было прислано без перевода на русский язык.

16 октября 1979 г. посольство Нидерландов в СССР направило МИД СССР ноту с просьбой вручить А. Карпову документ о его вызове на 3 января 1980 года в амстердамский суд, признавший себя правомочным рассматривать иск Корчного по существу.

Спорткомитет СССР полагает, что амстердамский, как и любой другой национальный суд, не правомочен рассматривать вопросы организации, проведения, судейства и результатов чемпионата мира по шахматам. Эти вопросы, как и указано в приведенном выше решении Бюро ФИДЕ, относятся к компетенции руководящих органов ФИДЕ, международной спортивной организации, объединяющей 109 национальных федераций. Мотивы, фигурирующие в иске Корчного, уже являлись предметом рассмотрения ФИДЕ и были отвергнуты как неосновательные. Требования, чтобы национальный суд отменил или изменил эти решения, являются беспрецедентными в практике деятельности всех международных спортивных объединений.

Обращение Корчного в суд явно преследует цель попытаться дискредитировать результаты матча в Багио и его победителя, признанные всем шахматным миром. Учитывая недоброжелательное отношение не-

которых голландских органов к СССР и поддержку, которую находят в этой стране антисоветские заявления и публикации Корчного, можно допустить принятие амстердамским судом любого решения.

Спорткомитет СССР полагает, что чемпиону мира А. Карпову и Шахматной федерации СССР надлежит игнорировать судебную процедуру амстердамского суда, не являться в суд, не представлять ему никаких документов, а вызов А. Карпова в судебное заседание 3 января 1980 г. вернуть посольству Нидерландов в СССР через МИД СССР с сообщением об отказе А. Карпова принять его.

В случае необходимости опубликовать в зарубежной печати материалы о советской позиции по указанному вопросу.

Согласовано с МИД СССР (т. Мальцев В.Ф.) и КГБ СССР (т. Бобков Ф.Д.).

Просим согласия.

Председатель Комитета
С.П. Павлов

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Коммунистическая Партия Советского Союза. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

СЕКРЕТНО

ЦК КПСС

**К вопросу о вызове т. Карпова А.Е. в амстердамский суд
(Нидерланды)**

Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР (т. Павлов С.П.) сообщает, что после окончания матча за звание чемпиона мира по шахматам в г. Багио (Филиппины) Корчной и шахматная федерация Швейцарии подали протест в Международную федерацию шахмат (ФИДЕ) по поводу якобы имевших место нарушений правил во время последней партии матча. В протесте высказывалось требование – аннулировать результат этой партии в связи с тем, что на Корчного будто бы оказывал гипнотическое воздействие член советской делегации, доктор медицинских наук т. Зухарь.

ФИДЕ рассмотрела указанный протест и отвергла его, утвердив результат соревнования (6:5 в пользу т. Карпова). ФИДЕ отметила, что в последней партии матча никаких нарушений регламента и правил до-

пущено не было, осудило поведение Корчного как противоречащее спортивной этике и общепринятым нормам.

Несмотря на принятное решение ФИДЕ, Корчной обратился с иском в суд г. Амстердама (Нидерланды) против Международной федерации шахмат и т. Карпова. В октябре с.г. посольство Нидерландов в СССР направило МИД СССР ноту с просьбой вручить т. Карпову документ о вызове его 3 января 1980 г. в амстердамский суд.

Учитывая, что указанный вопрос может решать только Международная федерация шахмат, Спорткомитет СССР полагает, что чемпиону мира т. Карпову и Федерации шахмат СССР надлежит игнорировать судебную процедуру амстердамского суда, т.е. не являться в суд, не предъявлять ему никаких документов, а вызов т. Карпова на судебное заседание вернуть посольству Нидерландов в СССР через МИД СССР с сообщением об отказе т. Карпова принять его.

В случае необходимости опубликовать в печати материалы о советской позиции по указанному вопросу.

С МИД СССР (т. Мальцев В.Ф.) и КГБ СССР (т. Бобков Ф.Д.) согласовано.

Предложение Спорткомитета СССР поддерживаем.

Примите согласия.

Зав. Отделом пропаганды ЦК КПСС
Е. Тяжельников

6 декабря 1979 года

КОМИТЕТ
ПО ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ И СПОРТУ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

4 марта 1980 г.

Секретно
ЦК КПСС

Информация о листовке, полученной А.Е. Карповым

Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР полагает необходимым информировать ЦК КПСС о том, что член-

пион мира по шахматам т. Карпов А.Е. во время пребывания в ФРГ (г. Бад-Киссинген) на международном шахматном турнире в феврале с.г. получил через портье гостиницы прилагаемую листовку, на которой рукой бывшего советского гроссмейстера Корчного написано письмо в адрес А.Е. Карпова.

Письмо оставлено без ответа.

Приложение: листовка на 1 листе.

Председатель Комитета
С.П. Павлов

Приложение:

У меня к Вам вполне деловое предложение. Я закончил книгу о матче в Багио – называется «Анти-шахматы», 62 страницы, ни одного шахматного знака. Не без гордости должен отметить, что эта книга – шаг вперед по сравнению с предыдущей. Она – откровенно антисоветская, что касается Вас – пока Вы ее не читали – у Вас не было резона обижаться на меня. Предыдущую книгу из-за недостатка опыта я опубликовал лишь на 4-х языках. Я обещаю на этот раз, как минимум, 9 языков.

Надеюсь, Вы взвесите идеологический вред, причиняемый этой книгой государству и Вам лично. В случае, если моя семья будет выпущена до 6 марта 80-го года, книга не будет издана никогда. Аналогичное письмо послано мною на днях в Политбюро, в Кремль, на имя К. Черненко. Приложено несколько страниц книги – для знакомства. Как только моя семья появится в Вене в начале марта, книга будет послана Черненко.

Подпись – Корчной
5.2.80 г.

Глава 22

ОЛИМПИАДА В БУЭНОС-АЙРЕСЕ И ХАМЕЛЕОН ДОННЕР

Я много раз участвовал в мировых шахматных Олимпиадах. За команду СССР играл шесть раз: первый раз в Лейпциге в 1960 году, последний — в Ницце в 1974-м. Позже не раз выступал за команду Швейцарии. Но, пожалуй, самые яркие воспоминания связаны у меня с Олимпиадой 1978-го года в Буэнос-Айресе, где я впервые представлял Швейцарию.

Я прилетел в Южную Америку вскоре после изнурительного матча с Карповым на Филиппинах, где разница по времени с Аргентиной была 11 часов. По дороге из Азии в Америку я задержался на два дня в Европе, в Швейцарии. А прямо с самолета, и часа не прошло, я уже сидел за доской, играл партию против китайского шахматиста. Обратите внимание: китайцы в этот момент уже откололись от так называемого «лагеря социализма», ведомого Советским Союзом. А как вели себя по отношению ко мне представители этих «стран социализма»? О,

это было интересно наблюдать! Люди из СССР, Болгарии, ГДР, Монголии, Кубы, встречаясь со мной, проходили «сквозь меня», как будто я был человек-невидимка. Венгры замечали меня, могли уступить дорогу, поляки кивали, у некоторых хватало смелости даже со мной поздороваться. Единственные, кто разговаривал со мной, как с нормальным человеком, были румыны!

Эта Олимпиада оказалась единственной, где советские уступили первое место. Победила команда Венгрии. Да и за второе место шла отчаянная борьба — с советской сборной конкурировали американцы. В последнем туре команда США должна была встретиться со швейцарцами. Мне позвонили из штаба американцев и попросили сделать маленькое одолжение — не играть в этот день. Но даже из злости по отношению к советским я не мог себе такого позволить. Я выиграл партию. Американцы отстали от советских на очко. Моя преданность шахматам

была высоко оценена западными журналистами.

Когда беседуешь с судьями Олимпиады, они объясняют, что жеребьевка во время Олимпиады производится автоматически, с помощью компьютера. На самом деле, все не так просто. Ведь существуют напряженные отношения между некоторыми странами, и организаторы, как и судьи, по мере сил стараются предупредить ненужные столкновения, обострение ситуации. В первую очередь это касается расселения участников. Принимаются во внимание схожесть привычек, образа жизни людей. Ну, и желательно не допустить встреч за шахматной доской тех, скажем, арабских стран, которые не признают само существование Израиля с его шахматной командой. Но может быть, самой хлопотливой задачей организаторов было предупредить матчи команд «стран социализма» со Швейцарией — из-за меня, конечно. Это ограничение существенно сказалось на классе противников нашей команды, и мы заняли одно из лучших мест в истории Швейцарии — вошли в дележ с 6-го по 13-е. Ограничение оказалось на руку и мне — мои противники на первой доске были не слишком сильны. С результатом 8 из 10-ти я, как выяснилось, добился абсолютно лучшего результата

на Олимпиаде! И как следствие, был избран журналистами лучшим шахматистом года. В истории присуждения шахматного «Оскара» это оказалась крупная победа журналистов Запада над социалистическим лагерем. Победа?! А разве на этом поле тоже воевали? Да, для лагеря социализма любая деталь имела политическое значение, и при присуждении «Оскара» они выступали единым фронтом. А их западным коллегам подобная «коллегиальность» и не снилась! Но на этот раз что-то случилось. Мое выступление на Олимпиаде произвело фурор; за блок западных журналистов активно боролся мой пресс-атташе Эдуард Штейн, перед глазами журналистов, хотя и в некотором отдалении, маячили фигуры моих жены и сына... При голосовании впервые был посрамлен советский ставленник, чемпион мира А. Карпов!

Запомнилось еще немало деталей Олимпиады. Я собирал подписи игроков, участников Олимпиады под воззванием за освобождение заложников — членов моей семьи, оставшейся в СССР. Не все шло гладко. Советского Союза боялись во всем мире. Под разными предлогами поставить свою подпись под гуманитарным воззванием старались уклониться уроженцы Швеции, США... Интересный случай

произошел с командой Ирака. Обычно я подходил к каждому игроку в отдельности, просил подписать. Это увидел человек с военной выпрекой, по-видимому, руководитель команды Ирака. Он взял у меня лист для подписи — как я понял, чтобы я не приставал к членам его команды, а через часик вернул мне его со словами: «Я, — он произнес это с ударением, — я подписан!» Я с благодарностью вспоминаю урок, преподанный мне иракским полковником. Оказывается, в мире демократии есть люди, которые боятся иметь собственное мнение. А в тоталитарном мире бывают люди, которые имеют свое мнение и охотно и резко выражают его...

Мне вспоминаются в этой связи мои взаимоотношения с голландским гроссмейстером Яном Доннером. Интересный человек, воспитанный в духе левосоциалистических идей. Пожалуй, первый красочный рассказ о нем я услышал в середине 60-х годов. Он выиграл турнир в Венеции в 1967-м году, получил помимо денежного приза дорогое ювелирное изделие и публично, в резких выражениях заявил, что подарит его в фонд борьбы против американцев во Вьетнаме. Впрочем, к Соединенным Штатам Америки у него было непростое отношение. Об этом я узнал позже.

Впервые мы установили с ним товарищеские отношения во время турнира на Кубе 1969 года. Я трижды играл на Кубе, начиная с 1963 года. Замечал ухудшение с каждым годом ее экономического положения. Вспоминаю год 1963-й. Я выиграл Мемориал Капабланки, получил довольно большую сумму денег. Пошел в гаванский универмаг «Эль сигло» купить что-нибудь для своей жены. Заглянул в отдел женской одежды, выбрал несколько блузок; продавщица в роли манекенщицы по очереди надела каждую и прошлась мимо меня. Потом я сказал: «Заверните, я беру все». «Нет, это невозможно, — ответили мне. — У нас карточная система, одна блузка — это полугодовая норма!» Это было мое первое близкое знакомство с экономическим положением Кубы.

Однако Олимпиада 1966 года была проведена на Кубе образцово. В наши дни, когда спортивные соревнования привлекают тысячи и тысячи людей, требуется большой, отлично слаженный коллектив работников, их обслуживающий, нужны немалые финансовые средства. Страна с тоталитарным режимом способна удовлетворить этим требованиям. Способна выделить крупные средства в порядке рекламы своей формы правления. Я участвовал более чем в дюжине

Олимпиад, но на моей памяти организация соревнования в Гаване — одна из лучших.

И вот три года спустя я снова играю в турнире памяти Капабланки. Я вижу на улицах измученных людей, женщин в порванных чулках, видавшие виды машины. Автобусы ходят круглые сутки. В них, я замечаю, noctуют люди. По-видимому, бездомные. В отеле «Гавана либрे» баражают кондиционеры, еда несвежая. Я начинаю ходить на обед в столовую советского торгового представительства. По моему совету и Доннер стал вместе со мной посещать советскую сто-

ловую. Простая обстановка у советских, еда простая, но отравиться нельзя, все свежее. Бряд ли левый социалист Доннер вывел какие-либо политические заключения из проблем нашего питания в Гаване...

Мой первый турнир в Голландии, в Вейк-ан-Зее, 1968 год. Я выиграл первые семь партий. Последнюю, седьмую — у вероятного конкурента — Талля. За три тура до конца мне уже обеспечено первое место. Я получаю поздравительную телеграмму от принца Клауса. Очень приятно, по-моему, для любого шахматиста. Но у Доннера свое мнение. Он говорит

	 STAATSBEDRIJF DER PTT						
VERKORTINGEN VOOR BETAALDE DIENSTAANWIJZINGEN							
RPx = Antwoord besteld x (bedrag) BT BILY LTV		PG = Bericht aflevering x (bedrag) TC = Collocaering TR = Telegrafisch Reseau GP = Post Reseau		MP = Gedecodeerde persoonlijk LX = Gelaatste telegram			
NOTA HET STACHTSNAARPAF DER PTT VERGROET GERN SCHADE, VERKOEPEERT DOOR HET VERAMERIKEN, VERTAAGD OF VERLAAGD GAAN VAN HEN TELEGRAM.							
TELEGRAM							
(1) AANGENOMEN TE	TELEGRAM NUMMER	AMSTERDAM WEEKDAG	(4) DATUM EN TIJD VAN		MENST. BIJVOEGSELS	OPGEOND DOOR	
(2) ONTVANGEN TE			(1) AANNEMING, (2) ONTVANGST				
	17599	16	06/11/68 16:00 17:55				
<i>Please accept my sincere congratulations on your admirable victory</i>							
<i>Claus</i>							
OTA <small>Voor navolgen omtrent verstrekte verzoeken kunnen wij uiteraard tot het telegraafkantoor. De kosten van rechtersrechtskosten slanden en gedraagt, geviseerde certificatietelegrammen worden niet terugbetaald.</small>							<small>NADRUK IS VERBODEN</small>

Поздравительная телеграмма от принца Клауса

мне: «Принц Клаус — немецких кровей. Поэтому его не любят в Голландии. И вот таким образом он пытается завоевать популярность». И не пришло в голову Доннеру, что бороться за популярность нужно было не столько Клаусу, сколько шахматам. При поддержке именитых людей, в том числе и принца Клауса!

Во время соревнований 1968—71 годов я познакомился, вошел в хорошие отношения с одной семьей в Амстердаме. С их помощью я открыл счет в голландском банке. И при каждом удобном случае старался послать деньги на этот счет. Напомню, что в то время иметь счет за границей советским было запрещено. Нарушая этот запрет, я вел себя явно не так, как подобало члену компартии. Выиграв какой-то турнир, я обменял деньги, и на руках у меня оказалась банкнота 1000 гульденов. Во время Олимпиады в Скопье 1972-го года я передал эту банкноту Доннеру и попросил отдать ее семейству Кадлубиков в Амстердаме. Что он и сделал. А лет через 5 социалист Доннер спросил меня: «А что, ты уже тогда планировал бежать из СССР?»

Кстати, наши разговоры шли по-английски. Как я это всегда представлял, you в английском языке — это уважительная форма обращения, как Вы по-русски, Sie по-немецки

или usted по-испански. Тем не менее, разговаривал он со мной таким, я бы сказал, небрежным тоном, что следовало понимать: ты, du, tu... Свообразный человек Доннер. Как-то остроумно высказался про него Бент Ларсен: «Доннеру следовало быть героями жертвой в романе Агаты Кристи — в заключительной сцене все без исключения присутствующие имели бы мотив расправиться с ним».

1976 год. Я бежал, прячусь от советских ищек в доме Вальтера Моя в Вестзаане. Кто бы ни пытался к нам зайти — мы не впускаем. Но вот знакомая физиономия. Доннер! Откуда он узнал, где я нахожусь? Видимо, как раньше Берри Витхаус, тоже от словоохотливой секретарши ФИДЕ, которой я по политической близорукости слишком доверился. Доннер вошел. Мы ведем с ним более-менее непринужденную беседу. Доннер не вникает в психологические тонкости моего пребывания в подвале. Он рубит с плеча: «Вот, ты попросил политического убежища в Голландии. А знаешь, у каждой страны есть свои проблемы. Помнишь, в 1966-м году был крупный международный турнир в Штатах, я там играл. Тогда я считал, что Голландия — полицейская страна, и собирался попросить политического убежища в Аме-

рике!» Мне было тогда не до сравнений, а сейчас я думаю: год спустя, в 1967-м он ратовал за уничтожение американцев во Вьетнаме. Да, мысль этого человека летала от одной крайности к другой...

В 1977 году, когда я выиграл четвертьфинальный матч претендентов у Петросяна, Доннер не поздравил меня. Но он сказал мне: «Ты не можешь себе представить, что бы с тобой случилось, если бы ты этот матч проиграл». Он ничего не добавил, но и так было ясно. Сколько бы я ни выигрывал матчей, советские уже начали бойкотировать меня. И чем ниже бы я опустился, тем легче было бы им меня всячески унижать...

Доннер оказался последователен в своих словах и действиях. В подтверждение сканного им в 1977 году он после моего матча с Карповым в Багио выпустил книжку, где добросовестно переписал все окколошахматное вокруг матча на Филиппинах, всю грязь, которой полила меня, беженца из СССР, советская пресса. Ему бы, западному гражданину, моему боевому соратнику — сколько турниров мы

играли бок о бок! — защитить меня, жителя Голландии, от грязных потоков лжи,пущенных из Москвы! Но на такое деяние у большого, физически сильного человека Доннера не хватило силы характера. Я написал ему письмо, открытое письмо. Оно было напечатано в газете «Фолькскрант» под заголовком «21 вопрос и одно спасибо гроссмейстеру Доннеру». В письме я объяснял Доннеру, что он не имел права с расстояния 12 000 километров безапелляционно судить о матче, не имел права и переписывать советскую точку зрения. А закончил письмо огромным «спасибо!» от лица советских...

Я вспомнил еще одно высказывание Б. Ларсена о Доннере: «Все, что он рассказывал, было исключительно интересно, но все — неправда!» К сожалению, далеко не все голландцы познакомились с этим высказыванием Ларсена. Зато на склоне лет, будучи неизлечимо болен, будучи навсегда прикован к больничной койке, Доннер начал писать. И в тот год был признан лучшим голландским писателем года!

Глава 23

ГОД 1979

Сеансы одновременной игры сотни лет служат для популяризации шахмат, для демонстрации искусства ведущих мастеров и гроссмейстеров, а также как практические уроки для людей, желающих овладеть тонкостями игры. В последнем случае им теперь представляется серьезную конкуренцию компьютер. Со многих точек зрения использовать компьютер удобнее, чем быть участником сеанса гроссмейстера. Дешевле тоже. Но компьютер пока что сеансов не дает. И вообще, при игре против машины отсутствует довольно важный компонент — человеческий контакт. Рядовой шахматист начала XXI века с удовольствием садится играть против человека, обладающего высоким шахматным званием.

Вообще, гроссмейстеры не любят, когда в группу участников обычного сеанса вклиниваются несколько сильных игроков. Гроссмейстеры иногда дают сеансы мастерам, но с часами на каждой доске, чтобы и участник сеанса, и сеан-

сер могли при случае подумать несколько минут, а то и больше над ходом. Однако у меня случались сеансы без часов, где все как один участники были высокого класса. Я никогда не был быстрым сеансером, а с годами стал еще медленнее. Запомнился сеанс в Лондоне после гастиングского турнира 1975–76 года. Я встречался с юниорами. Помнится, ту школу возглавлял Леонард Барден. О том, что лондонские юноши сильны, шахматный мир узнал через десяток лет. Помню, мой сеанс продолжался 7 часов 15 минут. Помню, было 30 досок; я сделал 12 ничьих и проиграл единственную партию ребенку по имени Найджел Шорт. Партии этого сеанса не сохранились. Еще помню одну фразу, которую я сказал после сеанса: «Если человек способен получать удовольствие от тяжелого труда, то это случилось со мной сегодня!»

Запомнилось мне посещение Барселоны. Я приехал в главный город Каталонии, чтобы получить присужденный

мне за 1978-й год «Оскар». Мне сказали, что по традиции я должен дать сеанс. Я забыл спросить, какой состав меня ожидает. Сеанс был на 25-ти досках. По-видимому, против меня играли (без часов, конечно) лучшие шахматисты Каталонии. Сеанс продолжался 8 часов. И я выиграл его со скромным результатом 13:12.

История эта имела занятное продолжение. Примерно через полгода меня пригласили в Барселону сыграть в круглосуточном блице. Я приехал. Поглавляющее большинство участников были испанцы — я не помню ни одного иностранца в турнире. Согласно системе турнира, если игрок выигрывал, то он сразу получал нового партнера; проигравшему приходилось иногда подолгу ожидать следующего противника. Я сыграл больше всех партий — я выиграл все 93! Я чувствовал, что по несколько раз я прибил всех участников моего сеанса. Это было удовольствие! Приза за свою победу в турнире я не получил —

кассир с деньгами бежал! И тем не менее, от двух посещений Барселоны в том году у меня остались приятные воспоминания...

Возможно, в годы 1979–81 моя шахматная форма была на высшем уровне. Я разделил 1-е место в двух турнирах: в Аргентине с Майлсом, в Бразилии с Любоеевичем, выиграл классный турнир в Южной Африке. Мне следовало бы быть поосторожнее с сеансами. Я вскоре заметил, что очень устаю от них. В 1982-м году был такой случай. Накануне турнира «Ллойд-банк» я снова давал сеанс лондонским юниорам. В турнире я сыграл слабо. А в одном из туров я проиграл юноше, которого обыграл в сеансе...

Возвращаясь к 1979 году — я снова давал сеансы в Штатах, а закончил их, казалось бы, естественно: остановившись в Калифорнии, я записался на участие в турнире в Лон-Пайне. И это оказался мой единственный неуспех в том году — я остался без приза...

Глава 24

БОЙКОТ

С момента моего бегства было ясно, что советские постыраются со мной дела не иметь. Их нужно заставить! Попытка изгнать меня из официальных соревнований на первенство мира была предпринята, но благодаря твердой позиции президента ФИДЕ Эйве успеха не имела. Что касается других соревнований, то поскольку жестких правил оформления приглашений на них не существовало, у советских оставалась большая свобода рук для всяческих махинаций. В Советском Союзе приглашения на соревнования приходили не на дом шахматистам, а в федерацию, а у нее был свой план — кого и когда посыпать на турниры за рубеж. Приказ бойкотировать меня пришел из верхних эшелонов власти СССР, но если западные люди с пристрастием запрашивали советских шахматных функционеров — почему советские не приезжают на турнир, Батуринский, Крогиус отвечали брехней, будто гроссмейстеры сами не желали

иметь со мной ничего общего. Бойкот был очевиден. ФРГ, Франция, Канада, Голландия, Югославия поддались бойкоту, кто полностью, кто частично. США, Испания, Италия, Швейцария не уступили своих позиций.

Советским удалось и некоторых своих сателлитов в Восточной Европе принудить к бойкоту. Все шло тихо мирно, пока однажды организаторы одного турнира не встретили сопротивление, бойкот, силы которого они не предвидели. Организаторы из Баня-Луки прислали мне приглашение уже в Багио. Потом, в конце года, когда я находился в Белграде, они посетили меня и уговаривали принять это приглашение. Наконец, я согласился. Организаторы в письменной форме сердечно поблагодарили меня за согласие участвовать. Но не прошло и месяца после того, как они объявили о моем участии, как они прислали мне письмо, где с огорчением между строк сообщали, что вынуждены аннулировать приглаше-

ние, ибо «слишком много иностранных игроков собирается отказаться играть в турнире, если Вы там принимаете участие». Эта история получила всемирную огласку. Но не изменила ситуацию. Сколько бы советских ни ругали, в принципиальных, политических вопросах они были непоколебимы. Согласно подсчетам статистиков, за семь лет я пропустил 43 крупных международных соревнования...

Не все было просто с бойкотом. Вот для иллюстрации случай, правда, один-единственный, когда вышло наоборот. На турнир в Биле 1979 года пригласили меня, а также моего старшего секунданта Р. Кина. Когда выяснилось, что Кин нарушил контракт, предал мои интересы, мне стало не приятно оказаться с ним в одном турнире. Я сообщил об этом организатору соревнования Г. Сури. Ему, естественно, было важнее иметь участников меня, нежели Кина, и он сообщил англичанину, что отказывает ему в участии. Кин разозлился. Он постарался раздуть эту историю на весь мир. «Бойкот» было слово, которое он чаще всего употреблял. Слово в данном случае бессмысленное. Контракт на участие в турнире в Биле еще не был заключен с Кином, а он уже требовал от Сури 10 000 швейцарских франков за нанесение

морального ущерба. Жаль, что гроссмейстер Кин бросил практические шахматы — ведь он прекрасно владел искусством блефа!

Посмотрите все-таки на эту историю с моих позиций: человек меня, мягко говоря, обидел; естественно, я не хочу его видеть каждый день! А люди, меня уважающие, склонны были скорее разделить мои чувства, чем точку зрения Кина...

Но что касается советского бойкота, то его пружины вскрылись, когда Романишин и Юсупов нечаянно приехали на турнир в Лон-Пайне (США), где я уже находился. Советская разведка пристально следила за моими передвижениями по миру. Но темп моей шахматной жизни в этот момент превзошел все возможное. Из посольства в Вашингтоне отправилась телеграмма в Москву о моем неожиданном появлении. А оттуда — бумага в центральный орган власти СССР — ЦК КПСС с просьбой разрешить гроссмейстерам сыграть в опене. Понадобился многоступенчатый обмен телеграммами, письмами, и, наконец, ЦК КПСС милостиво разрешил гроссмейстерам участвовать бок о бок со мной в турнире. В одном из последних туров я встретился с Юсуповым и обыграл его. После игры мы не анализировали партию с партнером, как обычно — я ушел. Многие западные шахма-

тисты были шокированы моим поведением. Они не поняли, что на совместный анализ тоже требовалось разрешение высшего органа власти Советского Союза... Я выиграл этот сильный опен-турнир. А упомянутые документы (один из них вы найдете в конце главы) были выкуплены мной из канцелярии ЦК КПСС в 1994-м году.

Часто задают вопрос: «Как случилось, что в Советском Союзе появилось столько сильных шахматистов?» А скажите, обсуждал ли когда-нибудь британский кабинет министров — поехать ли Найджелу Шорту на турнир в Вейк-ан-Зее? Были ли в Бундестаге дебаты по вопросу поездки гроссмейстера Унцикера на турнир в Даугавпилс?!

Я не рассказал об отношении английской федерации к советскому бойкоту. Скажем так: она старалась ему не поддаваться. За одним-единственным исключением. Был международный турнир в Лондоне в 1982 году. Сильнейшие английские шахматисты получили приглашение играть там. Все, за исключением проживавшего в Лондоне моего друга Майкла Стина. Был ли это жест английской федерации сделать приятное советским, и если так, то кто надоумил их сделать такой жест — Кин, Кампоманес или Батуринский — осталось невыясненным. Но Стин этого оскорбления не вынес. Вскоре он бросил шахматы. И не прошло и года, как перестал горевать об этой потере...

ДОКУМЕНТЫ

**КОМИТЕТ
ПО ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ И СПОРТУ**
 при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

31 марта 1981 г.

Секретно
ЦК КПСС

Об участии советских шахматистов в международном шахматном турнире, проводимом в США

Посольство СССР в США телеграммой (№1055 от 30 марта с.г.) сообщило, что в открытом международном шахматном турнире, для участия в котором в США прибыли советские гроссмейстеры О. Романишин и А. Юсупов, неожиданно решил участвовать гроссмейстер Корчной.

В предыдущие годы от международных неофициальных соревнований, в которых играл Корчной, советские шахматисты отказывались. Причем, несмотря на то, что об отказах соответствующие организации оповещались заблаговременно, зарубежная пресса и некоторые представители шахматной общественности критиковали за это советскую шахматную федерацию. Вместе с тем советские шахматисты А. Карпов, Т. Петросян, Б. Спасский, Л. Полугаевский встречались с Корчным в официальных отборочных и финальных соревнованиях за звание чемпиона мира.

Учитывая политическую обстановку в США и то, что этот турнир проходит накануне предстоящего в сентябре с.г. матча за звание чемпиона мира по шахматам между А. Карповым и Корчным, Спорткомитет СССР полагает возможным, в порядке исключения, разрешить советским шахматистам участие в международном шахматном турнире, проводимом в США.

Участие советских гроссмейстеров в данном турнире позволит получить дополнительную информацию о Корчном, уровне его шахматной подготовки, а также проверить по заданию тренерской группы А. Карпова некоторые дебютные варианты в игре советских гроссмейстеров с Корчным.

Прошу согласия.

Председатель Комитета
С.П. Павлов

**КОМИТЕТ
ПО ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ И СПОРТУ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР**

МОСКВА, Г-69, Скатерный пер., дом 4

Телефоны: 290-26-50, 290-24-15

1452-50 008

№ 1821с

31, академия шахмат 19 81 г.

Секретно
Экз. № 1

Ц К К П С С

Ц К К П С С	
СЕКТОР	
31 МАРТ 1981 18590	
ПОДАЧА В ЗАВЕРШАЮЩИЙ В ОБЩИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ Ц К К П С С	

Об участии советских шахматистов в международном шахматном турнире, проводимом в США

Посольство СССР в США телеграммой (№ 1055 от 30 марта с.г.) сообщило, что в открытом международном шахматном турнире, для участия в котором в США прибыли советские гроссмейстера О. Романишин и А. Юсупов, неожиданно решил участвовать гроссмейстер Корчной.

В предыдущие годы от международных неофициальных соревнований, в которых играл Корчной, советские шахматисты отказывались. Причем, несмотря на то, что об отказах соответствующие организации оповещались заблаговременно, зарубежная пресса и некоторые представители шахматной общественности критиковали за это советскую шахматную федерацию. Вместе с тем советские шахматисты А. Карпов, Т. Петросян, Б. Спасский, Л. Полугаевский встречались с Корчным в официальных отборочных и финальных соревнованиях за звание чемпиона мира.

Учитывая политическую обстановку в США и то, что этот турнир проходит накануне предстоящего в сентябре с.г. матча за звание чемпиона мира по шахматам между А. Карповым и Корчным, Спорткомитет

№ 2327

Так выглядит оригинал документа, приведенного на предыдущей странице

Глава 25

ГОДЫ 1979–80. ОПЯТЬ ОТБОР

Я написал книгу о матче в Багио по горячим следам. Я не знал многих деталей, сопутствовавших матчу. Что для обеспечения успеха советскому чемпиону на Филиппины было послано 17 офицеров КГБ, как сообщил в 1998-м году перебежчик из КГБ Митрохин. Не знал, разве только догадывался, что ставкой в этом матче была жизнь — в случае выигрыша я был бы умерщвлен, к этому было все подготовлено. Это поведал мне Таль в 1990 году. Но что я точно чувствовал — что матч был не шахматным, а политическим событием. Это был поединок советского военизированного отряда с чуждой, заведомо антисоветской группой. При молчаливом нейтралите-те всего остального мира. Где политическое всячески выпячивалось руководителями советского отряда. И поэтому, именно поэтому! — я должен был написать книгу о матче и назвать ее «Антишахматы», чтобы показать миру: для СССР политика — главное, чем

бы его люди ни занимались, и шахматы, невинные шахматы — это тоже проводники политики Советского Союза, политики навязывания своего влияния по всему миру. И я написал книгу. Тем более что в моей борьбе против советской машины была своя героика, на-кал борьбы, сопротивление, которого никак не ожидали с советской стороны. У меня были основания похвастаться своей шахматной силой, своей стойкостью как личности. Что я и сделал.

Прошло два года. Я снова играл в отборочных соревнованиях на первенство мира. Практическая сила моя несколько снизилась. Сказывался возраст, а также напряжение, которое мне пришлось выдержать в 1978 году. Но счастье было на моей стороне. Я снова встретился с Петросяном. Похоже, господь Бог не оставлял его своим вниманием, продолжал награждать Петросяна за его старания изгнать меня из Советского Союза. Этот титанический труд увен-

чался успехом, зато теперь Петросяну, уже вторично, пришлось повстречаться со мной на Западе.

Петросян был по-прежнему силен. Он переигрывал меня. Как отметил главный судья матча Голомбек — в первой половине миттельшпилля. Главный судья считал, что в какой-то момент Петросян стоял на выигрыш в 4, 5, 6 и 7-й партиях. Но регулярно моему противнику не хватало энергии на пятый час игры. И здесь я переигрывал его. Я выиграл 5-ю и 9-ю партии и со счетом 5,5:3,5 матч.

Забегу на несколько лет вперед. Весной 1984 года в Таллине проводился международный турнир, где Петросян принимал участие. Был там и журналист из Ленинграда Александр Геллер. Петросян был плох, ему оставалось жить недолго. Каким-то обостренным чувством умирающего он ощущил, что Геллер — мой человек (называйте как хотите — друг, однокашник). Петросян пришел к нему и извинился за все то, что он мне в жизни причинил. Видимо, я был несправедлив — была у человека совесть!

Следующим моим противником был, как и три года назад, Лев Полугаевский. Все какие-то звери мне попадались на пути — не по имени же месопотамской реки был назван

Тигран Петросян! Матч проводился в Буэнос-Айресе под водительством главного судьи Мигеля Найдорфа. Мы играли в прозрачной кабине, сделанной из пуленепробиваемого стекла — новшество для шахматных соревнований. Обеспечить безопасность участников в наше тревожное время — это проблема. Стеклянная кабина — это дорогоувато. Но зато самим фактом установки кабины подчеркивалась политическая важность матча.

Матч получился трудный. Если в 1977 году мне удалось практически после пяти партий решить матч в свою пользу, то теперь игра шла очко в очко. По ходу матча возник один вопрос, который я попытался решить с советской группой. Группа эта состояла из четырех человек (тренеры Свешников, Багиров, руководитель делегации Серов). Моя группа состояла даже из шести человек — Стин, Сейраван, Петра, юрист — шеф группы, пресс-атташе Э. Штейн. Мы играли по старой формуле — три дня игры, день доигрывания, два дня игры, день доигрывания, выходной. Доигрывание бывало не всегда. Тогда такой день становился днем отдыха. Между тем, все члены групп получали деньги ежедневно на питание и карманные расходы. Разница заключалась в том, что свою группу я оплачивал сам,

в то время как советские оплачивались деньгами правительственные, или, точнее, Спорткомитета СССР. Естественно, я был заинтересован сократить время матча, по возможности сделать игровыми освобождавшиеся дни доигрывания. Некоторые проблемы возникли бы у организаторов, поскольку тогда дни игры не являлись бы строго фиксированными, но те были согласны. Против новшества решительно выступила советская сторона. В советском обществе поговорка «солдат спит, а служба идет» хорошо прижи-

лась. Деньги от командирующих организаций, так называемые «суточные», никогда не подлежали возвращению властям. Эта сумма рассчитывалась заранее в кабинетах в Москве и была основной статьей дохода путешествующих на Запад простых советских людей. Я посмел замахнуться на «святое» — на их твердые заработки. И они дали мне отпор...

У меня был минимальный перевес в матче. Приближалась последняя, 12-я партия матча. К этой партии Полугаевский подготовил сногсшибательную

Рукопожатие на фоне Фридриха Олафссона и Мигеля Найдорфа

новинку. Споры о ее практической силе продолжались и 25 лет после окончания этой партии. Мне не удалось уравнять шансы. Белые уже были близки к выигрышу. И тут Полугаевский снял пиджак! В Советском Союзе была в то время популярна песня, сочиненная Высоцким — песня о Фишере. О том, как за шахматной доской с Фишером оказался боксер, как, угрожая американцу физической расправой, «даже снял для верности пиджак!» — он заставил Фишера согласиться на ничью. Так я и понял жест Полугаевского — как знак его явного превосходства. Партию я не спас. Счет сравнялся. Закончилось основное время матча. Мы стали играть дальше по две партии — до первой победы.

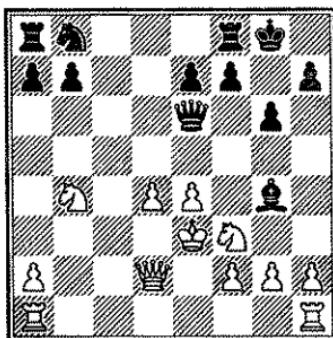
Одновременно с этим матчем в Европе игрался матч Хубнера с Портишем. Их партии публиковались в аргентинской прессе. По привычке просматривая аргентинские газеты, я обнаружил интереснейшую новинку, примененную Портишем. Хубнеру, игравшему белыми, с трудом удалось свести партию вничью. Тут же, в 14-й партии я эту новинку применил. Оказалось, что советский гражданин Полугаевский не имел привычки просматривать аргентинские газеты. Он не сумел уравнять белыми игры. За полчаса до конца партии я снял

пиджак. Публика неистовствовала — она по достоинству оценила мой жест. Я выиграл партию, а с ней и матч.

27. Л. Полугаевский — В. Корчной

Буэнос-Айрес 1980 (м/14)
Английское начало A34

1. $\mathbb{d}f3$ $\mathbb{d}f6$ 2. $c4$ $c5$ 3. $\mathbb{d}c3$ $d5$
4. cd $\mathbb{d}:d5$ 5. $e4$ $\mathbb{d}b4$ 6. $\mathbb{d}c4$ $\mathbb{d}d3+$
7. $\mathbb{d}e2$ $\mathbb{d}f4+$ 8. $\mathbb{d}f1$ $\mathbb{d}e6$ 9. $b4$ cb
10. $\mathbb{d}d5$ $g6$ 11. $\mathbb{d}b2$ $\mathbb{d}g7$ 12. $\mathbb{d}:g7$
 $\mathbb{d}:g7$ 13. $\mathbb{d}:b4$ 0-0 14. $d4$ $\mathbb{d}g4$
15. $\mathbb{d}e2$ $\mathbb{d}d6$ 16. $\mathbb{d}d2$ $\mathbb{d}e6$
17. $\mathbb{d}:e6$ $\mathbb{d}:e6$ 18. $\mathbb{d}e3$.

18... $f5$ 19. $\mathbb{d}d3$ fe 20. $\mathbb{d}:e4$
 $\mathbb{d}:e4+$ 21. $\mathbb{d}:e4$ $\mathbb{d}d7$ 22. $\mathbb{d}hc1$
 $\mathbb{d}f5$ 23. $\mathbb{d}e7$ $\mathbb{d}f6+$ 24. $\mathbb{d}d3$ $a5$
25. $\mathbb{d}c2$ $\mathbb{d}d5$ 26. $\mathbb{d}:b7$ $\mathbb{d}f4+$
27. $\mathbb{d}e4$ $\mathbb{d}:g2$ 28. $\mathbb{d}e5$ $\mathbb{d}f4+$
29. $\mathbb{d}d5$ $\mathbb{d}f5$ 30. $\mathbb{d}c7$ $\mathbb{d}d8+$
31. $\mathbb{d}c5$ $\mathbb{d}:c2$ 32. $\mathbb{d}c6$ $\mathbb{d}e8$
33. $\mathbb{d}:e7+$ $\mathbb{d}f8$ 34. $\mathbb{d}e6$ $\mathbb{d}f5+$
35. $\mathbb{d}e5$ $\mathbb{d}f4$ 36. $\mathbb{d}:h7$ $\mathbb{d}g8$
37. $\mathbb{d}d7$ $\mathbb{d}d3+$ 38. $\mathbb{d}b6$ $\mathbb{d}:e5$
39. de $\mathbb{d}e:e5$ 40. $\mathbb{d}c1$ $\mathbb{d}f6+$ 41. $\mathbb{d}a7$
 $\mathbb{d}:f2$. Белые сдались.

В финальном матче претендентов мне предстояло играть

с Робертом Хюбнером. Вообще, у нас были неплохие отношения. В 1978 году, накануне Багио, он приезжал ко мне помочь в подготовке к матчу. А когда-то, в 1973-м, мы играли тренировочный матч. Шахматист крепкий, солидный, он, однако, иногда распускает свои нервы. Известно было, например, что в 1971 году он покинул Севилью, не доиграв матч с Петросяном. А в 1983 году он сыграл вничью матч со Смысловым, но отказался присутствовать при процедуре в казино — кто окажется счастливее на зеленом поле и таким образом будет признан победителем в матче. Вероятно, в той ситуации я поступил бы точно так же...

Наши отношения, повторяю, были нормальными. Но из-за спины Хюбнера выглядывало лицо его спонсора и руководителя его группы Вильфрида Хильгерта, человека, с которым я поссорился накануне матча в Багио. Я работал у него в 1977 году, жил по соседству в Кельн-Порце, но разошлись мы как-то не по-хорошему, с обидой друг на друга. И одной из причин, похоже, было слабое знание мною немецкого языка. Ясно, что присутствие Хильгерта накаляло довольно мирную с первого взгляда обстановку матча...

С самого начала поединка некоторый перевес был на сто-

роне Хюбнера. Он выиграл первую партию и большую часть матча вел в счете. Мне игралось нелегко — инициативу Хюбнера в игре белыми было трудно нейтрализовать. Но случилось, что в одной, отложенной с его преимуществом партии Хюбнер, упорно разыскивая путь к выигрышу, допустил грубейшую ошибку и вынужден был сдаться. А в другой партии, отложенной в довольно сложном положении, перевес был на моей стороне. Но она так и осталась неокончена, эта партия. Неожиданно, при равном счете в матче, Хюбнер покинул Меран. Причины его бегства, кроме вышеупомянутого грубейшего зевка, мне остались неизвестны. А Хюбнеру вряд ли когда-нибудь захочется копаться в негативных воспоминаниях...

Летом я участвовал в двух турнирах, которые рассматривал как тренировочные к матчу с Карповым. Турнир в Лас-Пальмасе выиграл Тимман. Я проиграл важные партии Тимману и Ларсену. Турнир в Баден-Бадене выиграл Майлс. Своей игрой в обоих турнирах я был недоволен.

В августе 1981-го я сыграл вторично в турнире в Южной Африке. За участие в этих турнирах меня бешено критиковали за якобы выражение солидарности с политикой апартеида. В 1989 году во время

турнира в Ханинге (Швеция) нашлись люди, которые устроили демонстрацию, требуя исключить из турнира Андерссона и меня за содействие колониальному режиму Южной Африки. Давая интервью шведскому журналисту, я высказался: «Конечно, много безопаснее бороться против апартеида в Африке, чем против атомных подводных лодок в Балтике». У советских граждан, которые покинули «империю зла», сложилось циничное отношение к кампании против режима в Южной Африке. Вспомним — зачинателем кампании «Борьба за мир во всем мире» было кровожадное советское государство. Точно так же — зачинателем кампании против колониальных режимов в Африке был Советский Союз. С очевидной целью — проникновение в Африку, установление там своей сферы влияния.

Советские граждане были свидетелями: лицемерное провозглашение равенства и братства всех народов не нашло подтверждения во внутренней

политике страны, в ее жизни. В Москве, правда, появился университет Дружбы Народов имени Патриса Лумумбы. Звучало красиво, но мало для кого было секретом, что там обучали терроризму. Что касалось Южной Африки, то, требуя бойкотировать ее, советские одновременно поддерживали активные связи с алмазными и золотопромышленными трестами ЮАР. Даже мне довелось получить свидетельство этой связи. Однажды мы посетили золотую шахту в Йоханнесбурге. В киоске шахты я купил себе золотые запонки. Я показал эти запонки знакомой, искусствоведу, эмигрантке из СССР. Посмотрев внимательно, она сказала: «Эти запонки сделаны из советского золота. Только советское золото имеет эту пробу!» «Как же так, — опешил я, — а как же борьба с апартеидом?» «А пусть дураки борются!» — заключила она.

Результаты турнира не были приняты ФИДЕ для корректировки рейтинга. ФИДЕ неоднократно заявляла, что она — вне политики. Неправда!..

Глава 26

МАТЧ В МЕРАНЕ

Я не написал книгу о матче 1981 года в Меране. Накануне поединка рейтинг у Карпова и меня был примерно одинаков: у него 2705, у меня 2695. Казалось, предстоит серьезная борьба. Но этого не случилось. Я явно недооценил силы, возможности могучего Советского Союза и его шахматных дружин. Глядя со всех возможных углов зрения, матч стал для меня полной катастрофой. А на шахматной доске это было форменное избиение. Я проиграл матч со счетом +2 -6 при 10-ти ничьих, то есть 11:7.

Довольно слабый результат, но я, субъективно, оценивал его как прекрасное спортивное достижение. Ибо давление Карпова в матче от начала и до конца было подавляющим, ибо каждые пол-очка я вырывал в страшной борьбе, чуть ли не зубами. Я не написал книги об этом матче, а зря. Советские предпочли не вспоминать о нем. Видимо, им самим было неудобно вспоминать, что они там творили, какими махинациями обеспечили победу Кар-

пову. То, что было в Багио три года назад — мелкая стычка, репетиция — не очень удачная — настоящей войны. Которая произошла на итальянской земле...

Карпов привез с собой из Москвы 43 человека. Позже к нему прибыли еще люди из посольства в Риме. Всего в войске Карпова оказалось около 70-ти человек. Как в армии Суворова, каждый солдат знал свой маневр. Чем занимался сосед, ему, солдату, было неизвестно. Полную картину о происходящем на поле сражения имели только три человека: полководец, «черный полковник» юстиции Батуринский, скромный потребитель продукции семидесятиголовой гидры Карпов и пресс-атташе советского лагеря Рошаль.

Соблюдалась, как я уже сказал, полная секретность. Советские привезли с собой три контейнера груза. Четыре часа они ожидали в миланском аэропорту разрешения пропустить груз без досмотра и добились своего. На вопросы, что

в контейнерах, отбивались шутками: Карпов, мол, любит читать. Груз был помещен на даче, которую организаторы предоставили Карпову.

Дача чемпиона охранялась полицией. Ни один иностранец туда не был допущен. Во время матча в Меран приехала группа советских туристов. Ни одна советская женщина, не исключая жену Карпова, не смогла посетить дачу. Как только окончилась последняя партия, в тот же вечер пришли грузовики и под покровом темноты увезли оборудование. Если позволительно делать догадки — это было, действительно, сверхсекретное оборудование, часть из того, что Советский Союз готовил к войне против остального мира.

Круговая порука, документы в КГБ с грифом «хранить вечно», то есть ни за что не публиковать тайны. Прошло 24 года. Батуринский умер, не проронив ни слова. Когда разговариваешь с Рошалем, складывается впечатление, что он лучше примет ампулу с ядом, чем что-нибудь расскажет. Придется рассказать мне. Кое-что, мною замеченное. От фактов достоверных до других, близких к гипотезам.

Карпов за доской — не джентльмен; точнее, «и за доской». Улучив момент, когда судья не смотрит на него, этот шкодливый школьник старает-

ся воздействовать на своего противника любыми нешахматными средствами. У нас были дорогие подвижные кресла. Когда наступала моя очередь хода, Карпов зачастую начинал крутиться в кресле, сидя за столом. Однажды в середине матча я не выдержал и сказал ему: «Гаденыш, не крути стул!» Гаденыш — это кличка, данная ему в детстве его сверстниками-шахматистами. Какой тут поднялся шум! После партии собралось жюри — судить меня. Фигурировали два документа: заявление Карпова — конечно, о том, что я мешал ему думать за доской; и запись разговора, сделанная советскими. Значит, как только я открыл рот, сидящие в первом ряду советские включили магнитофон и записали разговор. А все-таки, как это произошло технически? Я открыл рот, а они включили?! Неправдоподобно. На самом деле, на протяжении пяти часов игры каждый день они сидели в первом ряду с высокочувствительной аппаратурой, записывая мое физическое состояние — пульс и давление крови в зависимости от положения на доске, в зависимости от силы ходов Карпова. Неплохое подспорье для подготовки к очередной партии...

Конечно, это следовало пресечь, выгнать советских с первых рядов. Но не с моими

правами беженца, не с опытом этого адвоката из провинциального городишко Гларуса. Само политическое сознание этого человека — левого социалиста противоречило духу борьбы в этом матче: советские, с их колоссальным численным и техническим превосходством, были намерены сломить меня раз и навсегда, а мой шеф и не думал бороться против них, он был обеспокоен лишь возможностью улучшить взаимоотношения с милыми советскими людьми... Как я играл, что мне мешало — его это ничуть не интересовало. Ни разу за время матча он не пришел побеседовать со мной по душам. Помнится, я проиграл 4-ю партию, а он подошел к Петре и предложил ей вечерком пойти потанцевать. К огорчению руководителя делегации, идея похода на танцы была отвергнута партнером... Газета «Советский Спорт» от 12.11.1981 со ссылкой на пражскую «Руде право» сообщает: «Адвокат, защищавший своего клиента, с течением времени, когда лучше узнал Карпова, начал менять мнение. “Против кого и с какими аргументами я должен защищать Корчного?” — заявил он на одной из встреч с журналистами». Очевидно, член судейской коллегии гроссмейстер Мирослав Филипп снабдил «Руде право» этой информацией.

Когда-то, за пару лет до Мерана адвокат из Гларуса вызвался помочь мне бесплатно. Заявление это было позабыто. И он не гнушался урвать, где только мог. В контракте с организаторами было записано, что оба участника обеспечиваются на время матча дачами. Карпову ее предоставили, а я на получении дачи не настаивал. Вместо нее организаторы должны были бы предложить (в качестве неустойки) денежную компенсацию. Я этих денег никогда не увидел...

Признаться, у меня не было претензий к моему шефу во время предыдущих матчей. Но здесь его будто подменили. Он просто мечтал быть принятим в советские ряды, стать для них родным! Забегая вперед, отмечу, что его старания увенчались успехом. Не прошло и трех лет после окончания матча, как он подружился с Карповым. Спустя еще несколько лет Бродбек стал финансовым и юридическим представителем Карпова в Западной Европе. Ну, а Карпов, не сыграв ни одной партии во внутренних швейцарских соревнованиях, с подачи своего швейцарского друга попал в список сильнейших швейцарских шахматистов!

Как это случилось технически? По-видимому, их приятельские отношения стали завязываться во время матча. Не

случайно адвокат оказался единственным из моей группы, кто пришел на церемонию закрытия матча в Меране. А в 1984 году, когда у Карпова возникли проблемы с его миллионом, заработанным по контракту в Гонконге, и ему потребовалась юридическая консультация по финансовым вопросам в Западной Европе, он разыскал милого швейцарца, и тесные отношения были установлены.

Я с удовольствием читаю книги по психологии, но никогда не поднимался до уровня профессионального психолога. Все же попробую разобраться в образе мышления 12-го чемпиона мира. В Советском Союзе и, конечно, в России — огромная разница в образе, да и в уровне жизни между крупными городами и провинциальным миром — селами и мелкими городами. Происходит миграция: население бежит из тьму-таракани в Москву, Петербург, Нижний Новгород... Родившийся на Южном Урале в городишке Златоуст Анатолий Карпов переехал затем вместе с семьей в расположенную недалеко от Москвы Тулу, потом в Москву, Ленинград и снова, на этот раз насовсем, в Москву. Однако навсегда, на всю жизнь он сохранил комплекс неполноценности маленького мальчика из провинции, попавшего в крупный культурный центр. Комп-

лекс этот подстегивал юношу добиваться успехов за шахматной доской, расширять свою коллекцию почтовых марок, зарабатывать больше денег. Но ни звание чемпиона мира, ни миллионы накопленных долларов — ничто не помогло Карпову избавиться от мучительного комплекса, приобретенного в детские годы. Как следствие: вероятно, когда он впервые увидел меня, я произвел на него сильное впечатление, и он начал подражать мне. В большом и малом. Мое окружение, мои люди тоже произвели на него впечатление. Я оказался для него не только образцом для подражания, но и главным врагом — тем, с кем в первую очередь предстояло бороться.

Чтобы лишить меня силы, следовало убрать людей, помогавших мне. Карпов стал переманивать их на свою сторону. Это превратилось у Карпова в привычку — началось Фурманом, а закончилось Бродбеком. А между делом... посмотрим. Рассказывая о матче в Багио, я упомянул о полученном мною письме вместе с флагом из американского штата Техас. Не прошло и трех лет после публикации моей книги, где я рассказал об этом эпизоде, как и у Карпова появились связи со штатом Техас (а не с каким-либо другим из пятидесяти американских шта-

тов!). Я выпустил книгу «Шахматы — моя жизнь»; не прошло и года, как Карпов выпустил книгу с таким же названием. Карпов подсмотрел, что Петра водит машину «Ауди», и купил себе такую же. Мой серый глянцевый костюм произвел на Карпова впечатление — он купил себе такой же! Ну, и совсем недавно, в 2002 году в университете в Молдавии мне присвоили звание почетного доктора. Такого Карпов стерпеть не мог: не прошло и года, как ему удалось заполучить звание почетного профессора в петербургском университете!

Помните, Ботвинник написал: «Карпов бесплоден, как стерилизованная самка». А вам, читатель, никогда не ставили пиявки?

...Но я отвлекся от рассказа о заседании жюри во время матча в Мерано. Оно, как и полагалось, сурово осудило меня за нарушение этики и присудило меня в случае повторного нарушения к 12 000 швейцарских франков штрафа.

У меня, вообще, нормальные глаза. До шестидесятилетнего возраста, за редким исключением, никогда не болели. Ношу очки, но могу читать и без них. Во время матча в районе 5-й партии меня увидел мой болельщик, врач из Белграда, и ужаснулся: «Что с вашими глазами?!» Я не при-

дал тогда этому разговору серьезного значения. Сразу после окончания матча, еще не успели отъехать грузовики с дьявольским грузом, я почувствовал сильнейшую резь в глазах. По-видимому, во время матча я был подвержен облучению, а тут произошла смена режима. Обвинение в облучении уже появлялось в прессе. Советские ничего не ответили. Очевидно — нечего...

У Карпова было четыре тренера: Зайцев, Таль, Васюков и Балашов. Еще Полугаевский в качестве корреспондента «Советского спорта» писал про меня всякие гадости, хотя находился в самом центре вертепа, знал, как все происходило на самом деле. Также он прославился тем, что разработал новинку, с помощью которой Карпов выиграл последнюю партию матча. Имел ли право, с точки зрения этики, этот трусливый Лев работать с Карповым? Глупый вопрос. Далеко не все советские понимали, что значит слово «этика».

Итак, у Карпова было четыре официальных тренера. Перед началом матча Карпов настоял, чтобы существовала телефонная связь между дачей и залом для игры. Каждый день на игре присутствовали только два тренера. Другие два оставались на даче. Каждый ход немедленно передавался туда по телефоном. Никаких объяс-

нений советские никогда не дали. Подозреваю, что под пышной шевелюрой советского чемпиона мира прятались наушники. Было замечено, что Карпов неуверенно играет в дебюте и часто устает к концу партии. Тренеры анализировали позицию и сообщали ему свое мнение на протяжении всей партии, а Карпов мог по желанию включать и выключать наушники.

А однажды со мной произошел такой случай. В комнатах участников были установлены мониторы, где было видно течение партии. На мониторе я увидел ход, сделанный Карповым. Я посмотрел на сцену. Карпов все еще думал над ходом. Он сделал этот самый ход через несколько минут. Вот это технический прогресс! Напомню, что до появления шахматных компьютеров в Западной Европе оставалось еще лет пять...

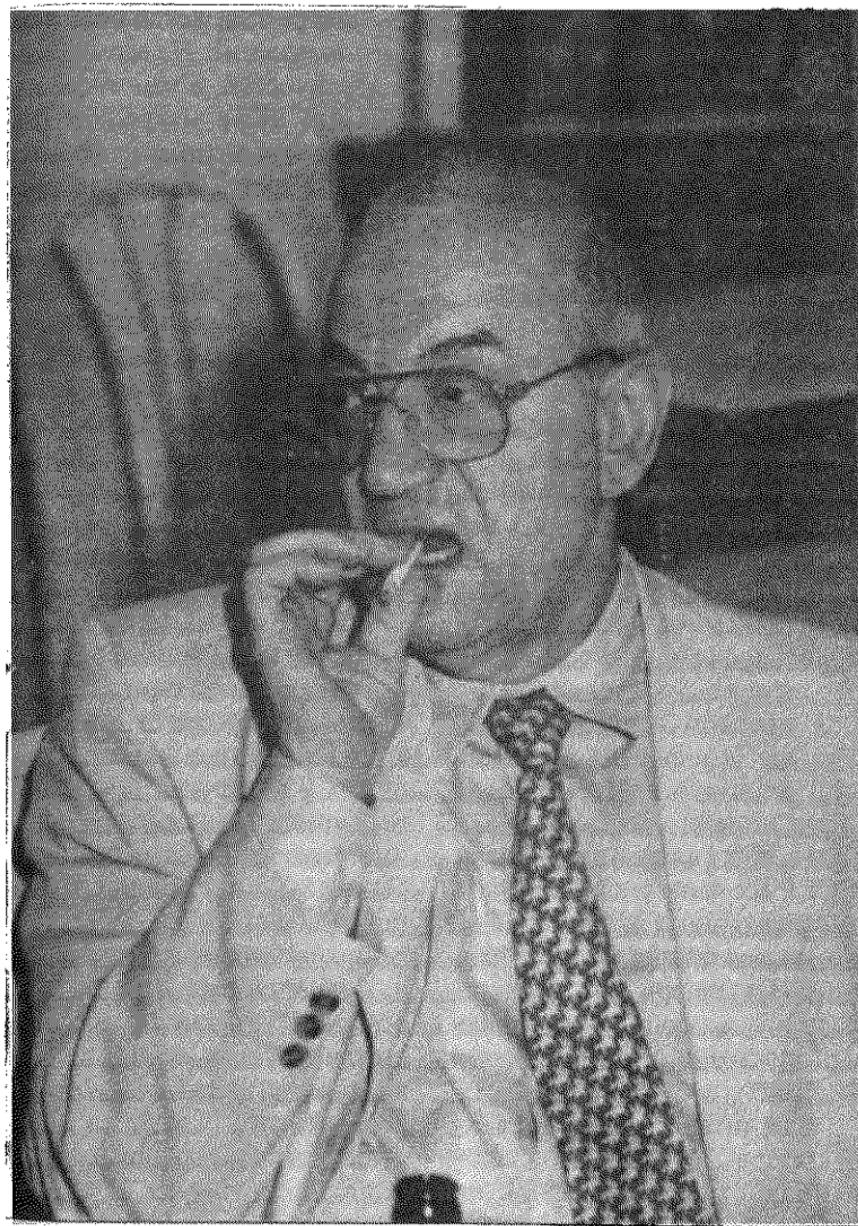
Батальон Карпова и мои люди жили в разных отелях. Мой пресс-атташе Эдуард Штейн рассказал российскому журналу такой случай. Он пошел по делам, забыл что-то, вернулся. «Войдя в номер (он был почему-то открыт), я увидел троих мужчин и заметил, что все мои бумаги приведены в страшный беспорядок... Не успел я пошевелиться, как один из "бойцов" чем-то прыснул из баллончика мне в глаза —

и меня не стало. Очнулся... минут через 15, лежа на постели... глаза застлало пеленой... померили давление — оказалось 210 на 110». Думаю, что комнаты наши прослушивались советскими. Они зашли сменить жучки, заодно покопались в бумагах Штейна и попутно решили повлиять на его здоровье.

Теперь следовало бы заявить решительный протест, потребовать создать комиссию для выяснения обстоятельств, потребовать удалить часть советских из Мерана! Ничего подобного — мой юрист без всякого шума перевел Штейна в другую комнату...

У меня нет ни малейшего желания чернить себя в своей автобиографии, но мне кажется, читателю было бы интересно узнать, как советская пресса рассказывала о матче. Статью Юрия Васильева, сейчас одного из ведущих спортивных журналистов Москвы, вы найдете в конце главы.

В заключение — о вещах, которые до сих пор не признаны до конца так называемым здравомыслящим миром. Известно, что под Москвой был секретный институт парапсихологии. Известно, что он работал «на оборону». Известно, впрочем, что накануне Багио в коридоре института висел плакат: «Поможем Карпову сохранить звание чемпиона!»

По моим сведениям, однако, поддержка Карпову с этой стороны была слабой, на уровне любительской. По сравнению с тем, что было в Меране. Там находилась целая группа парапсихологов во главе с ленинградским профессором Кабановым. Я разговаривал с некоторыми членами своей немногочисленной группы из 9 человек, не считая появившихся вскоре после начала матча йогов. (Как и 3 года назад, я их не приглашал, они приехали по собственной инициативе.) Некоторые из опрошенных мною помощников сказали, что они находились под странным психологическим прессом. Если это правда, то очевидно, что под прессом находился и я. Больше о парапсихологическом влиянии в Меране я не знаю ничего. Но с годами я узнал, что сильнейшие игроки СССР все чаще стали нанимать парапсихологов для помощи во время важнейших соревнований. Нет, не зря советские делали вид и продолжают делать вид и поныне, что этого матча не было!

Еще немного о матче, вокруг матча... Моя невоенизированная охрана оказалась не очень дружной. Как, впрочем,

бывает всегда, когда босс терпит поражение. На матче было немало гостей, в том числе известный автор мюзиклов Тим Райс и талантливая актриса Эллен Пейдж. Матч произвел сильное впечатление на Райса. Он написал сценарий мюзикла «Чесс». Музыку сочинила «АББА». Эллен Пейдж играла одну из главных ролей. Не было сомнения, что главный персонаж мюзикла сплан с меня. Мюзикл был принят публикой с восторгом и годами не сходил со сцены одного из главных театров Лондона. Во время проходившего там в 1986 году матча Карпов – Каспаров членам обеих делегаций было запрещено смотреть этот мюзикл. Я, наоборот, несколько раз посмотрел это представление. У мюзикла был шахматный консультант, международный мастер Вильям Хартстон. Однажды он спросил меня, понравилось ли мне представление. «Неплохо, – сказал я, – но неприятно, что во втором акте чуть ли не все действующие лица объединились в заговоре против главного героя». «А что, – ответил Хартстон, – разве в реальности было по-другому?!» И я промолчал...

ДОКУМЕНТЫ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Коммунистическая Партия Советского Союза. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

СЕКРЕТНО

ЦК КПСС

О матче на звание чемпиона мира по шахматам

12 июня 1981 г. президент Международной шахматной федерации (ФИДЕ) Ф. Олафссон единолично, в нарушение существующего регламента матча и Устава ФИДЕ, принял решение о переносе начала матча на звание чемпиона мира по шахматам с 19 сентября на 19 октября 1981 г. Свое решение он мотивировал тем, что до сих пор не решен вопрос о выезде из СССР семьи Корчного, что, якобы, ставит участников матча в неравные условия.

Шахматная федерация СССР т чемпион мира А. Карпов заявили решительный протест и потребовали экстренного созыва исполкома ФИДЕ. Однако Ф. Олафссон отказался от созыва указанного заседания.

До очередного заседания исполкома и конгресса ФИДЕ (22 июля 1981 г., Атланта, США), где, видимо, президент ФИДЕ поставит вопрос о предстоящем матче, советская сторона полагает целесообразным осуществить ряд мероприятий, направленных на сохранение ранее утвержденных сроков проведения матча.

В частности, имеется в виду провести в г. Москве совещание представителей шахматных федераций соцстран, организовать переговоры с Ф. Олафссоном, членами исполкома ФИДЕ и представителями национальных шахматных федераций ряда западных и развивающихся стран, вручить президенту ФИДЕ письмо ОВИР МВД СССР, разъясняющее истинное положение дел с выездом семьи Корчного из СССР и др. (Приложения 1 и 2).

Просим согласия.

Зам. Зав. Отделом пропаганды ЦК КПСС
М. Грамов

8 июля 1981 года

Приложение №1

ПЛАН

Мероприятий Спорткомитета СССР и Шахматной федерации СССР в связи с заявлением президента Международной шахматной федерации (ФИДЕ) Ф. Олафссона

1. Направить телеграмму совпосольству в Исландии с просьбой информировать Ф. Олафссона о согласии советской стороны командировать 11 июля с.г. в Амстердам (Нидерланды) представителей Шахматной федерации СССР для переговоров с ним по вопросам проведения матча на звание чемпиона мира по шахматам.

2. Провести в Москве совещание представителей шахматных федераций социалистических стран для выработки согласованной позиции на конгрессе ФИДЕ, открывавшемся 22 июля с.г.

3. Пригласить в Москву на 9-10 июля с.г. вице-президента ФИДЕ по странам Азии Ф. Кампоманеса для консультаций и согласования позиций по матчу на звание чемпиона мира по шахматам.

Провести в июле с.г. аналогичные переговоры с вице-президентом ФИДЕ по Европе К. Юнгвиртом.

4. Провести переговоры с председателем Оргкомитета по проведению матча на звание чемпиона мира по шахматам в г. Мерано (Италия)

3. Унтербергером, предупредив, что перенос начала матча может по-

ставить под вопрос его проведение в данном городе.

5. Направить телеграммы в совпосольства в Колумбии, Коста-Рике, Гайане, Мексике, Никарагуа, Венесуэле, Аргентине, Перу, Шри-Ланке, Кипре, Греции, Португалии, Турции, Индонезии, Испании, Ираке, Иордании, Ливане, Алжире, Замбии, Мали, Анголе, Гане, Мавритании, Марокко, Нигерии, Сенегале, Зaire, Ямайке, Кувейте. Провести в указанных странах переговоры с представителями шахматных федераций и просить их поддержать позицию Шахматной федерации СССР при рассмотрении вопроса на заседании исполкома или конгресса.

Аналогичные переговоры провести: в Тунисе с вице-президентом ФИДЕ Р. Белькади, в Ливии – с президентом 12-й зоны ФИДЕ Т.М. Швейди, в Сирии – с членом ЦК ФИДЕ М.В. Кассемом, в Югославии – с руководителем федерации и президентом 11-й зоны ФИДЕ Б. Кажичем.

6. Командировать 11 июля с.г. в Амстердам зам. председателя Шахматной федерации СССР т. Батуринского В.Д. для переговоров с Ф. Олафссоном и передачи ему личного письма чемпиона мира по шахматам Карпова А.Е. и письма ОВИР МВД СССР.

7. Карпову А.Е. выступить с заявлением в случае отрицательного решения исполкома ФИДЕ о сроках проведения матча и вынесения указанного вопроса на конгресс ФИДЕ.

8. ТАСС, газете «Советский спорт», журналу «64 – шахматное обозрение» организовать выступления и интервью с зарубежными и советскими гроссмейстерами и шахматными деятелями по вопросу проведения матча.

9. Газете «Советский спорт» опубликовать реплику в адрес югославской печати, которая систематически помещает оскорбительные высказывания Корчного в адрес чемпиона мира.

10. Опубликовать в зарубежной печати интервью с начальником ОВИР МВД СССР об истинном положении дел с выездом семьи Корчного из СССР.

11. Направить телеграммы в совпосольства в соцстранах с просьбой провести переговоры об обязательном направлении представителей соцстран на конгресс ФИДЕ.

12. Подготовить к конгрессу ФИДЕ аргументированные предложения:

а) об отмене незаконного решения президента ФИДЕ о переносе срока матча;

б) о переносе матча в Лас-Пальмас (Испания), если подпункт «а» не будет рассмотрен положительно;

в) об осуждении поведения Корчного, не подчиняющегося решениям высших органов ФИДЕ и продолжающего оспаривать их в голландском суде.

13. Если конгресс ФИДЕ в Атланте (США) будет малопредставительным и примет неудовлетворительное решение, добиваться созыва Чрезвычайного конгресса.

Приложение №2

ДИРЕКТИВНЫЕ УКАЗАНИЯ

К переговорам заместителя председателя Шахматной федерации СССР т. Батуринского В.Д. с президентом Международной шахматной федерации (ФИДЕ) Ф. Олаффсоном

1. Выразить серьезное неудовлетворение Шахматной федерации СССР и лично чемпиона мира Карпова А.Е. допущенными отступлениями президентом от регламента матча на первенство мира и действиями, вызывающими сомнение в его объективности (выбор места и арбитров матча, не реагирование на нарушение претендентом пункта 2-2 регламента и др.). Передать президенту личное письмо Карпова А.Е.

2. Подтвердить позицию Шахматной федерации СССР и чемпиона мира о том, что президент, принимая решение об отсрочке матча до 19 октября с.г., превысил свои полномочия и нарушил регламент матча, и настаивать на пересмотре этого решения.

3. Указать, что советская сторона решительно отвергает попытки оказывать давление, связав матч на первенство мира с вопросом о выезде семьи Корчного из СССР, и что ультимативное, по существу, требование президента лишь осложняет дело. Вручить президенту письмо ОВИР МВД СССР, разъясняющее этот вопрос. Сообщить Ф. Олаффсону, что в случае обращения Корчного о воссоединении семьи этот вопрос будет рассмотрен в установленном порядке.

4. Выяснить, какие шаги может предпринять президент в дальнейшем, если конфликт по поводу срока начала матча не будет уложен. Предупредить, что если президент не изменит своего решения, может возникнуть вопрос о переносе места матча.

5. Предложить президенту следующие возможные решения вопроса:

а) восстановление первоначально согласованного срока начала матча в Мерано (Италия) 19 сентября с.г. с заявлением президента о том, что он удовлетворен полученным от советских компетентных органов разъяснением;

б) перенос матча по климатическим условиям в Лас-Пальмас с сохранением срока начала матча 19 октября с.г.;

в) в крайнем случае согласиться на начало матча в Мерано не позже 1 октября с.г., при этом президент находит форму для дезавуирования ранее объявленной им причины отсрочки матча.

6. Обратить внимание президента на продолжающееся неподчинение Корчного решениям ФИДЕ по матчу 1978 года, а также на то, что его некорректное поведение не встречает должного отпора со стороны президента. Потребовать от президента публичного осуждения оскорбительных высказываний Корчного.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Коммунистическая Партия Советского Союза. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

№ Ст-19/58гс

Выписка из протокола №19 заседания Секретариата ЦК

КПСС от 9 июля 1981 года

О матче на звание чемпиона мира по шахматам

1. Согласиться с планом мероприятий Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР и Шахматной федерации СССР в свя-

зи с заявлением президента Международной шахматной федерации (ФИДЕ) Ф. Олафссона (приложение №1).

2. Согласиться в основном с директивными указаниями к переговорам заместителя председателя Шахматной федерации СССР с президентом ФИДЕ Ф. Олафссоном (приложение №2).

Секретарь ЦК

Послано: т.т. Громыко, Пономареву, Русакову, Павлову С., Щелокову, Лосеву, Киселеву, Замятину, Тяжельникову.

п. 1 – т. Пегову

10.VII.81 г. – т. Андропову (гс)

ПРЕЗИДЕНТУ МЕЖДУНАРОДНОЙ ШАХМАТНОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Г-ну Ф. ОЛАФССОНУ

г. Рейкьявик, Исландия

Как Вам уже сообщалось на беседе в Министерстве внутренних дел СССР 24 апреля 1981 года, вопросы выезда из страны граждан СССР регулируются советскими законами и являются исключительно внутренним делом СССР, вмешательство в которые иностранных государств, общественных организаций и отдельных лиц неприемлемо.

В порядке исключения, из уважения к Вашему высокому посту, информируем, что гр-ка Корчная И.Е. и гр-н Корчной И.В. обращались в МВД СССР в 1977 году с просьбой разрешить им выезд из СССР в Израиль по вызову Яны Сорокер. К заявлению была приложена справка, в которой указывается, что Корчной не возражает против выезда в Израиль жены и сына и никаких материальных претензий к ним не имеет. Таким образом, ни Корчная И.Е. и Корчной И.В., ни господин Корчной, который оставил семью в 1976 году, не поднимали вопроса о воссоединении семьи. По действующему законодательству в связи с этим Корчной И.Е. и Корчному И.В. было отказано в выезде в Израиль. Повторных обращений от них не поступало.

Что касается самого Корчного, то в июле 1978 года, перед началом предыдущего матча на звание чемпиона мира он пытался передать в посольство СССР в Маниле письмо по указанному вопросу на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР. В связи с тем, что письмо было составлено в оскорбительном тоне, оно без рассмотрения было возвращено Корчному.

Начальник отдела виз и регистраций иностранцев МВД СССР
К. Зотов

КОМИТЕТ
ПО ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ И СПОРТУ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

17 сентября 1981 г.

Секретно

ЦК КПСС

О матче на первенство мира по шахматам

Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР полагает необходимым информировать о готовности чемпиона мира по шахматам тов. А.Е. Карпова к матчу на первенство мира, начинающемуся 1 октября с.г. в итальянском городе Мерано.

Намеченный план подготовки выполнен. С декабря 1980 г. проведено девять учебно-тренировочных сборов в различных климатических условиях (Подмосковье, Прибалтика, Черноморское побережье Кавказа). В общей сложности А.Е. Карпов находился на централизованных сборах пять месяцев. Кроме чемпиона мира, из числа шахматистов в сборах участвовали тренеры-секунданты гроссмейстеры Ю. Балашов, И. Зайцев, тренеры-консультанты М. Таль, Л. Полугаевский, а также привлекавшиеся для консультаций по отдельным теоретическим проблемам гроссмейстеры Е.П. Геллер, Р. Ваганян, А. Михальчишин, Т. Георгадзе, Э. Гуфельд. В СССР приглашался зарубежный гроссмейстер, который дал полезную информацию о методах подготовки претендента в период матча 1978 года.

Программа теоретической шахматной подготовки по основным намеченным направлениям (дебютный репертуар чемпиона и прогнозируемый репертуар соперника на оба цвета) завершена. Продолжается работа по уточнению отдельных второстепенных вариантов с неясной окончательной оценкой. Вся необходимая теоретическая информация собрана, отпечатана на микропленках и введена в мини-ЭВМ, которая будет вывезена на матч. Были получены и изучены партии и все материалы об игре Корчного в четырех последних турнирах, с этой целью на два из них направлялся наблюдатель.

За пять месяцев 1981 г. А.Е. Карпов принял участие в трех международных турнирах гроссмейстерского состава, заняв в двух из них первые места и в одном – второе. Им была сыграна за этот период 41 партия, с результатом +10 -1 =24, а всего после матча 1978 г. в Багио чемпион

мира сыграл 168 партий, с результатом $+66 -9 =93$, из них более 90 процентов партий против гроссмейстеров.

Корчной в мае-августе с.г. принял участие в четырех международных турнирах, из них только в одном вышел победителем, а в трех остальных занимал вторые-четвертые места, проиграв в общей сложности в этих соревнованиях 8 партий из 45. Всего за период после матча в Багио Корчной сыграл 212 партий с результатом $+110 -20 =78$, из них 75 процентов против гроссмейстеров.

В течение всего периода уделялось значительное внимание медицинскому контролю, восстановительным мероприятиям, общефизической подготовке чемпиона мира, а также его основной тренерской группы. К периодическому участию в сборах и для консультаций привлекались крупные специалисты в области медицины, психологии, по проблемам питания, сна и т.д.

В августе с.г. А.Е. Карпов прошел углубленные медицинские обследования в институте медико-биологических проблем Минздрава СССР, в результате которых у него были диагностированы холецистит в стадии субкомпенсации, хронический тонзиллит, некоторые явления вегето-сосудистой дистонии и нарушения функций печени.

В соответствии с диагнозом и рекомендациями специалистов проведены три курса консервативной терапии по санации миндалин А.Е. Карпова, изучен суточный ритм состояния его эндокринных систем и осуществляются мероприятия по регулированию режима его отдыха, сна и работы. Исследованы физические и фармакологические средства, повышающие специальную работоспособность шахматиста и разработана тактика применения их в период матча. Осуществлен также ряд профилактических лечений.

Проведенная работа позволила повысить общую и специальную работоспособность А.Е. Карпова. В настоящее время состояние его здоровья удовлетворительное, а психологический настрой хороший.

Заканчивается работа по материально-техническому обеспечению состава делегации, выезжающей на матч, продуктами дополнительного питания повышенной калорийности, медикаментами, восстановительными средствами. Учитывая, что матч может продлиться около трех месяцев, делегация снабжается видеозаписью многих фильмов, концертов советских артистов и библиотечкой, что должно способствовать снятию психо-эмоционального напряжения в условиях длительного пребывания за рубежом.

В состав делегации, выезжающей вместе с А.Е. Карповым, кроме шахматистов, входят врачи, консультанты по техническим, биологическим и другим специальностям. Большинство членов делегации находились на матче 1978 г. в Багио. Основная часть делегации выле-

тит в Италию 22 сентября с.г. с целью акклиматизации и предматчевой подготовки на месте. Остальные члены делегации прибудут к началу матча.

Учитывая опыт матча 1978 г. и полученную информацию, следует ожидать, что Корчной будет пытаться использовать матч для нагнетания напряженности и антисоветских выступлений. Его представители уже выдвинули перед организаторами в г. Мерано ряд требований (в частности, об установлении стеклянной кабины на сцене), не основанных на регламенте матча и правилах игры ФИДЕ. Спорткомитет и Шахматная федерация СССР, советская делегация на матче будут принимать соответствующие контрмеры, чтобы обеспечить наиболее благоприятные условия для выступления чемпиона мира по шахматам А.Е. Карпова.

Председатель Комитета
С.П. Павлов

КОМИТЕТ
ПО ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ И СПОРТУ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

10 ноября 1981 г.

Секретно
ЦК КПСС

О ходе матча за звание чемпиона мира по шахматам

Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР полагает необходимым информировать ЦК КПСС о ходе матча за звание чемпиона мира по шахматам между А.Е. Карповым и Корчным.

Политическая обстановка вокруг матча остается сложной. Впервые на такого рода соревнованиях собралось так много всякого рода отщепенцев, антисоветчиков, лиц, далеких от шахмат, в том числе представителей радиостанций «Свобода», «Свободная Европа» и «Голос Америки».

Местная печать преимущественное внимание уделяет Корчному. Следует отметить, что и в игровом зале большинство составляют болельщики претендента.

Поездка в Мерано заместителя Председателя Спорткомитета СССР тов. Ивонина В.А. и председателя шахматной федерации СССР тов. Севастьянова В.И. способствовала определенному улучшению отношения к советской делегации со стороны организаторов матча, которые, в частности, в этой связи провели прием с приглашением президента ФИДЕ Ф. Олаффсона, членов жюри, судей и представителей общественности. Широкая публикация в печати информации об этом приеме (подобного они не давали для представителей другой стороны) вызвала нескрываемое раздражение в группе претендента.

Чемпион мира А.Е. Карпов в настоящее время находится в удовлетворительном состоянии. Первый временный спад в его игре, связанный с небольшим простудным заболеванием и сопутствующими ему практическим прекращением занятий физическими упражнениями, определенным нарушением режима сна и снижением аппетита, был быстро преодолен. А.Е. Карпов вновь стал совершать прогулки, заниматься на велоэргометре, играть в теннис. Несмотря на нестереотипность режима дня А.Е. Карпова (поздний отход ко сну), врачи и тренеры отмечают улучшение функционального состояния организма и более активную работоспособность.

К сожалению, все эти оценки имеют относительный характер, так как по данным углубленного обследования, проведенного в Институте медико-биологических проблем перед выездом на чемпионат мира А.Е. Карпова, подтверждено наличие в его организме отклонений патологического характера, которые сейчас компенсированы, но могут дать рецидив.

У А.Е. Карпова имеются явления умеренно выраженной вегетативно-сосудистой дистонии, сколиоз позвоночника, хронические блефароконъюктивит и тонзиллит. Хроническими для А.Е. Карпова являются также постоянное психическое перенапряжение, навязчивые мысли о шахматной партии, что ведет к плохому сну. Однако, несмотря на рекомендации врачей и признание А.Е. Карповым их целесообразности, на практике он плохо прислушивается к советам и, в частности, упорно отказывается от употребления снотворных и успокаивающих препаратов.

Питание чемпиона мира организовано хорошо и в полном соответствии с рекомендациями Института питания. Потерю в весе на 1,2 кг за 40 дней матча, при стабильном весе на протяжении последних 10 дней, следует признать нормальной. Вместе с тем, А.Е. Карпов продолжает принимать витаминные препараты и дополнительное питание из высококалорийных продуктов. При активном содействии сотрудников КГБ СССР, находящихся в составе делегации в Мерано, приняты также меры к тому, чтобы исключить возможность воздействия на чемпиона мира через пищу.

Психологическое состояние А.Е. Карпова в основном хорошее. Со-знаявая большую ответственность за исход матча, он сохраняет спокойствие и деловитость. Составом делегации принимаются меры и к тому, чтобы у А.Е. Карпова не появилось настроения благодушия: порой он бывает излишне самоуверенным, недооценивает силу противника. Претендент действительно был хуже подготовлен к началу матча, но в ходе матча сумел в значительной мере устраниТЬ этот недостаток.

В последних партиях А.Е. Карпов нередко играл пассивно, ожидая ошибки соперника, а иногда без достаточных оснований торопился выиграть, ослабляя свои позиции, и упускал победу или терпел поражение, как это случилось 5 ноября с.г. в 13-й партии. Это поражение наиболее тревожное, так как оно связано преимущественно с психологическим состоянием чемпиона мира. Поэтому в настоящее время, кроме вопросов шахматной подготовки, особое внимание уделено проблемам морально-волевой и психологической подготовки А.Е. Карпова.

12 ноября с.г. в Мерано выезжает его жена. Продлен срок пребывания на матче крупного специалиста в области психологии и реабилитации, профессора, доктора медицинских наук М.М. Кабанова. В Мерано направлены видеозаписи многих кинофильмов и концертов популярных советских артистов. В ноябре и начале декабря Мерано посетят две группы советских туристов.

В настоящее время группа Корчного кроме усиления непосредственно шахматной подготовки стала предпринимать акции прямого психологического воздействия на А.Е. Карпова. В печати систематически подогревается вопрос о семье претендента, а А.Е. Карпов «критикуется» за то, что он никак «не способствовал выезду» семьи Корчного из СССР. Вновь нагнетается вопрос о «парасхологической борьбе», которую якобы ведет СССР на матче в Мерано. К наглому поведению претендента добавились его личные оскорбительные высказывания в адрес А.Е. Карпова во время игры, что запрещено правилами. При этом Корчной точно угадывает моменты, когда это производят на А.Е. Карпова наиболее гнетущее воздействие.

Малокомпетентные судьи (главный судья к тому же плохо слышит) не дают решительного отпора по сути дела хулиганскому поведению Корчного. Не способствуют нормализации обстановки и действия президента ФИДЕ Ф. Олаффсона, который, отменив решение жюри о наложении на Корчного денежного штрафа в случае повторения его высказываний во время игры, практически поощряет претендента на дальнейшие хулиганские действия.

Шахматная федерация СССР направила по этому вопросу протест президенту ФИДЕ. Представляется целесообразным провести в Мерано пресс-конференцию с разоблачением и осуждением фактов психо-

логического воздействия на чемпиона мира со стороны Корчного и его окружения. При этом следовало бы принять меры по обеспечению широкой публикации этих материалов в зарубежной и советской прессе.

По общему мнению, все действия группы Корчного и его хулиганские выходки заранее рассчитаны на то, чтобы затянуть матч, нервировать А.Е. Карпова, заставив его ошибаться в условиях физической и психологической усталости, что неизбежно может наступить в условиях длительных матчей.

Анализ хода матча и ознакомление делегации Спорткомитета СССР с положением дел на месте показывают, что план подготовки А.Е. Карпова к матчу на звание чемпиона мира, включающий в себя теоретическую, физическую и психологическую подготовку, был правильным. У А.Е. Карпова имеются все условия для плодотворной деятельности и отдыха. В Мерано с ним работают сильнейшие гроссмейстеры СССР (И. Зайцев, Ю. Балашов, М. Таль, Л. Полугаевский). Группа оказания помощи в составе гроссмейстеров Е. Геллера, Т. Георгадзе, Р. Ваганяна, А. Михальчишина, Ю. Разуваева работает также и в Москве, регулярно направляя в Мерано по специальным каналам соответствующие рекомендации.

Ответственные работники КГБ СССР принимают меры по повышению бдительности на вилле, где в основном проживает А.Е. Карпов, в гостинице и в игровом зале.

Спорткомитет СССР ориентирует А.Е. Карпова на более уверенную игру и принимает меры к повышению его психологической устойчивости. Обращено внимание тренерской группы и А.Е. Карпова на опасность затягивания матча, так как каждая ничья вдохновляет претендента в психологическом плане.

Направляется в порядке информации.

Председатель Комитета
С.П. Павлов

ЖУРНАЛИСТИКИ АНАЛИЗ МАТЧА В МЕРАНО ПОБЕДА ВО ИМЯ ШАХМАТ

Трудно переоценить услугу, оказанную издательством «Известия» тем редким счастливцам, которым достанется в киосках эта маленькая книжица. («Шахматы-81: Победа в Мерано». М., «Известия», 1981, 112 стр., с илл. Составитель В. Б. Кассис).

С точки зрения простого любителя нашей древней игры, в этой скромной книжке есть главное – текст всех 18 партий матча. Есть небольшой, но весьма глубокий комментарий гроссмейстера Л. Полугаевского, осветившего самые яркие фрагменты матча.

Но основная нагрузка в этой брошюре ложится на игру нешахматную, политическую.

Авторы ведут для нас с вами репортаж с политического процесса, почему-то именуемого «Матч в Мерано». Нет, конфликт нельзя рассматривать просто: Карпов против Корчного. Конфликт шире, глубже – глобальнее, если угодно. С одной стороны – спокойный, выдержаный человек, полный высокого достоинства, представитель великой нации и великой страны, которому симпатизируют даже те, кто «по долгу службы» должен не симпатизировать, а, наоборот, поливать грязью. С другой стороны – обезображеный лютой ненавистью к стране, пригревшей его у себя на груди, коварный, подлый, грязный пааноник. По разные стороны баррикад. А в центре – все же, все же! – а посреди этой высоченной, непроходимой баррикады – шестьдесят четыре клетки и два тихих войска: черные и белые.

Вероятно, когда-нибудь потом, в отдаленном будущем (я цитирую из книги): «...спортивный мир в полной мере сможет глубоко оценить всю гуманную, общечеловеческую значимость третьего восхождения Анатолия Карпова на шахматный Олимп. Нет, здесь ничего не преувеличено: победа Карпова в матче в Мерано стала еще одним утверждением благородных принципов в поединках за шахматной доской, победой добра над злом, честных и открытых спортивных идей над коварными и подлыми по своей сути замыслами отщепенцев, политических интриганов и подонков, моральных уродцев, чьим знаменем стал Корчной».

В ярких, публицистически острых и абсолютно непримиримых очерках и репортажах перед нами проходят как бы два человеческих пласта: простые симпатичные жители итальянского городка – стеклодувы, крестьяне, владельцы лавочек и отелей, просто нормальные люди, которые в Карпове видят – и находят! – простого русского парня, открытого, милого, скромного. Среди этих людей мы видим и больших гроссмейстеров, таких, как известный всем М. Найдорф, мы видим и коллег-журналистов, которые передают правдивые репортажи в свои издания. И пласт второй – черный – переда каких-то странных личностей, бывших шпионов, уголовников, фарцовщиков – это окружение претендента.

Книга написана по-репортерски живо и остро. В ней много интересных снимков. Масса прелюбопытнейших фактов.

Ю. Васильев
«Советский спорт», 14 марта 1982 г.

9

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!**Коммунистическая Партия Советского Союза. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ****СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО**

Ст-І9/58гс

Выписка из протокола № 19 заседания Секретариата ЦК КПСС
от 9 июля 1981 года

Подавлено копией в ЦК КПСС (Офиц. орган, 11 склон) через 15 дней со дня получения (Пост. Секретариата ЦК КПСС от 17 июня 1970 г., пр. № 12, п. 4c)

О матче на звание чемпиона мира по шахматам

- Согласиться с планом мероприятий Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР и Шахматной федерации СССР в связи с заявлением Президента Международной шахматной федерации (ФИДЕ) Ф.Олафссона (приложение № 1).
- Согласиться в основном с директивными указаниями к переговорам заместителя председателя Шахматной федерации СССР с Президентом ФИДЕ Ф.Олафссоном (приложение № 2).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Послано: т.т.Громыко, Пономареву, Русакову, Павлову С.,
Щелокову, Лосеву, Киселеву, Замятину, Тяжельникову.
п.1 - т.Легову.
10.УП.81г. - т.Андропову (гс).

IЗас

См. комм.док.

Глава 27

ТАЙНЫ ШАХМАТНЫХ СОБЫТИЙ

В шахматном мире существуют таинственные явления, труднодоступные для объяснения. Детали этих событий никогда не предавались гласности. За десятки лет никто никогда не пытался честно разобраться в случившемся: кто организовал шахматную Олимпиаду в Триполи в 1976-м году параллельно с законной в Хайфе? Кто препятствовал, а кто способствовал проведению матча Корчной — Каспаров в 1983 году? Кто потребовал остановить матч Карпов — Каспаров в 1985 году?

Три поколения людей сменились на Земле, пока народы узнали, что два людоеда в 1939-м году решили завоевать Западную Европу и разделить ее между собой. Притворив таким образом миллионы и миллионы граждан Европы к страданиям и смерти. Поставленные мной теперь вопросы далеко не так актуальны, они касаются меньшей части человечества — только шахматистов. Но разобраться все-таки нужно. А впечатление — что с

годами, с появлением новых поколений все забывается, пропадает интерес к событиям недавней, совсем недавней истории шахмат.

Уходят из жизни коммунисты. Инеке Баккер, Виктор Батуринский могли бы немало рассказать об организации Олимпиады в Триполи, но они ушли, так и не проронив ни слова. Могли бы осветить и другие два вопроса. Напомню про матч Карпов — Каспаров. После 48-й партии при счете 5:3 в пользу Карпова матч был остановлен, результат признан ничейным! Такого в шахматном мире не бывало и, думается, не повторится. Как я вижу это из Швейцарии, люди, близкие к Карпову, были обеспокоены его физическим, его психическим состоянием. Эти люди — Севастьянов, Крогиус, Батуринский решили, что Карпова необходимо спасать. Остановить матч ни советское правительство, ни ЦК КПСС не могли. Его мог остановить только Конгресс ФИДЕ, нарушить же конституцию ФИДЕ

мог только президент. Кампоманес!! Вероятно, президента вызвали на беседу в переулок Ногина, то есть в ЦК КПСС, и без труда уговорили выступить козлом отпущения. Ведь каждый из участников матча мог быть недоволен решением остановить матч: Каспаров только что выиграл две партии подряд и имел основания полагать, что его серию побед решено прервать, а Карпов вообще выглядел без борьбы отдающим свои козыри — в кои-то веки счет 5:3 признается ничейным!? По поведению Карпова на заключительной церемонии нельзя было сказать, действительно ли Севастьянов и компания предупредили его о готовящемся событии и что оно организовано ради спасения Карпова. Впрочем, замечено было, что Анатолий Карпов — неплохой актер!

Ну, а теперь о том, что случилось в 1983 году, где мне довелось быть одним из статистов происшедшего. По-видимому, Кампоманес был в тесном контакте с советским Спорткомитетом. Вспоминается, что сын его учился в Москве в университете Дружбы народов, возможно, был и письменный контракт с советской шахматной федерацией. Он отлично чувствовал, что нужно советским, и готов был исполнять их явные или даже

затаенные желания. Очевидно было, что Карпов не хочет встречаться за доской с Каспаровым: ко мне он уже принарвился; кроме того, играя со мной, он получал конвертируемую валюту, а за игру с Каспаровым — скорее всего, рубли. Получил ли Кампоманес приказ от советских или он сам понял ситуацию таким образом, но он приложил все усилия, чтобы матч не состоялся. Как раз в это время отношения между СССР и США были довольно напряженными — американцы бойкотировали спортивную Олимпиаду в Москве в связи с интервенцией советских в Афганистан. Ну и Кампоманес, не будь дурак, назначил играть матч Корчной — Каспаров в Штатах, в Пасадене, предместье Лос-Анджелеса. И конечно, Каспарову запретили приехать в Штаты, и я без игры вроде выиграл матч. И все, кроме Каспарова, вроде, были довольны.

Но случилось кое-что, Карповым не предусмотрено. Шеф КГБ Азербайджана Гейдар Алиев стал заместителем председателя Совета Министров СССР. Людям из окружения Каспарова удалось как-то связаться со штабом Алиева. И, как рассказали мне, где-то между заседаниями Алиев увидел председателя Спорткомитета М. Грамова и сказал ему: «Ну ты моего парнишку-то,

Каспарова, не обижай!» И председателя Спорткомитета обуял страх божий. А матч-то в Пасадене уже состоялся! Но Грамов организовал газетную кампанию — советские трудящиеся требовали проведения матча! Послал запросы в советские посольства по миру. Посольства тоже требовали проведения матча. Кампоманес опешил — он ли не исполнял все, что хотелось Карпову, советским! И вдруг, оказывается, не угодил. Встретился со мной, мы решили требовать финансовой компенсации за странное поведение советских. И с извинением в валюте тоже не было проблем. А что я сам думал? Какой бы я ни был честолюбивый, победа без игры меня никак не удовлетворяла. Была еще одна деталь. Каспаров выиграл тур-

нир в Югославии. А после него был устроен блиц. И пригласили меня принять участие. Я примчался в Герцег-Нови и играл в тот же вечер. Неплохо сыграл. 13 лет назад в том же Герцег-Нови я был третьим после Фишера и Таля. На этот раз я был вторым, Таль третьим. Каспаров выиграл blitzтурнир, обыграл меня два раза. Правда, класса, равного Фишеру, он не продемонстрировал. И если бы я приехал на денек раньше, я бы составил ему соревновную конкуренцию. По мнению некоторых, в частности, Рошала, именно моя неудачная игра блиц против Каспарова вынудила меня согласиться на матч с ним. Наверно, очень совестливые были люди, с которыми имел дело Рошаль — Карпов, Петросян, Геллер...

ДОКУМЕНТЫ

**КОМИТЕТ
ПО ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ И СПОРТУ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР**

14 июля 1983 г.

Секретно
ЦК КПСС

Об итогах переговоров с президентом Международной шахматной федерации

Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР информирует, что 12 июля с.г. в Москве состоялись переговоры с президентом Международной шахматной федерации (ФИДЕ) Ф. Кампоманесом по вопросам проведения соревнований претендентов на первенство мира по шахматам.

Президенту ФИДЕ была изложена советская точка зрения на принятые им неправомерные и несправедливые решения о местах проведения полуфинальных матчей претендентов. Вопреки совпавшему желанию Г. Каспарова (СССР) и Корчного (Швейцария) играть матч в городе Роттердаме, Ф. Кампоманес назначил местом игры город Пасадену (США), а матч между гроссмейстерами В. Смысловым (СССР) и З. Рибли (ВНР) – в городе Абу-Даби (Объединенные Арабские Эмираты). При этом президент ФИДЕ даже не спросил мнения советских гроссмейстеров на этот счет. В практике ФИДЕ еще не было precedента, чтобы матч назначался вопреки мнению шахматистов.

Было отмечено, что, давая согласие на проведение матча в Лас-Пальмасе или Роттердаме, Г. Каспаров исходил из того, что в Пасадене нет нормальных условий для проведения матча. В частности, отсутствуют государственные гарантии безопасности, беспрепятственного въезда в Пасадену для советских представителей и дипломатов. Нет также гарантий, которые исключали бы эксцессы политического характера в ходе проведения матча и вокруг него. Неосновательны ссылки президента и на пропагандистское значение матча в Пасадене, поскольку проведение его в Европе представляет не меньший интерес для шахматного мира.

Внимание Ф. Кампоманеса было обращено на то, что он пытался навязать советским гроссмейстерам унизительные условия проведения матчей, а тон его неуважительных заявлений последнего периода в ад-

рес советской шахматной федерации не соответствует сложившимся отношениям между ФИДЕ и Шахматной федерацией СССР.

Ф. Кампоманес вынужден был признать, что решение о проведении матча в Пасадене было принято им поспешно, без должного изучения всех условий проведения матча в различных городах и учета мнения гроссмейстеров. От разговора о матче В. Смыслов – З. Рибли и нашей готовности согласиться на проведение этого матча в Абу-Даби, при условии отмены матча в Пасадене, президент ФИДЕ уклонился.

Вместе с тем Ф. Кампоманес всячески пытался оправдать свою позицию по матчу Г. Каспаров – Корчной рассуждениями о несовершенстве правил ФИДЕ, ограниченность времени для принятия решения. Одновременно, соглашаясь с нашей озабоченностью проблемой безопасности, он фарисейски заявил, что и в других странах могут возникнуть всякие эксцессы.

В конечном итоге президент ФИДЕ отказался удовлетворить законный протест советской стороны о неправомерности принятых им решений, заявив при этом: «Я готов обещать вам все, что вы только попросите, но я не могу отменить матч в Пасадене». В неофициальной беседе затем он добавил, что такое решение для него означало бы уход с поста президента ФИДЕ.

При подведении итогов беседы президенту ФИДЕ было заявлено, что советская сторона считает невозможным проведение матча Г. Каспаров – Корчной в Пасадене и предупреждает, что незаконные действия президента могут привести к тяжелым последствиям для ФИДЕ, ответственность за которые ляжет на президента Международной федерации.

В переговорах принимали участие председатель Шахматной федерации СССР, летчик-космонавт СССР В.И. Севастьянов, чемпион мира по шахматам А.Е. Карпов и участники матчей претендентов Г.К. Каспаров и В.В. Смыслов.

Следует отметить, что Г.К. Каспаров во время переговоров вел себя корректно, но многими своими действиями давал понять, что он хочет играть матч с Корчным, в том числе и в Пасадене. В дальнейших беседах с руководством Спорткомитета СССР Г.К. Каспаров согласился с позицией Комитета при условии, что вопрос о двух матчах претендентов будет рассматриваться в комплексе. В.В. Смыслов во время переговоров молчал, однако по окончании заявил, что «я пойду на все, чтобы получить возможность играть матч в Абу-Даби, несмотря на несправедливость решения президента ФИДЕ. Мне в 62 года терять нечего, и это, возможно, последний шанс выступить в чемпионате мира».

С учетом изложенного Спорткомитет СССР полагает целесообразным:

- направить в ФИДЕ телеграмму о том, что Шахматная федерация СССР остается на позициях своего протesta и продолжает настаивать на пересмотре решения о месте проведения матчей;

- опубликовать в печати материалы о переговорах, раскрывающие обстоятельства конфликта и несостоятельность доводов президента ФИДЕ;
- поручить посольству СССР в ВНР провести переговоры с венгерской стороной о возможности пересмотра гроссмейстером З. Рибли и Шахматной федерацией ранее данного согласия на проведение матча в ОАЭ;
- в случае согласия венгерской стороны, заявить, что Г. Каспаров и В. Смыслов, также как и З. Рибли, не будут играть в Пасадене и Абу-Даби, так как эти места соревнований выбраны в нарушение правил;
- если ФИДЕ откажется удовлетворить законное требование гроссмейстеров, принять меры к организации этих матчей в других странах без участия ФИДЕ. Провести при этом необходимую работу и по привлечению к этим матчам Шахматной федерации Швейцарии и Корчного.

Перед конгрессом ФИДЕ через совпосольства провести работу с представителями национальных шахматных федераций с целью получения поддержки требований советской стороны. Дальнейшую позицию Шахматной федерации СССР определять в зависимости от складывающейся ситуации.

Просим согласия.

Председатель Комитета
М.В. Грамов

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Коммунистическая Партия Советского Союза. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

СЕКРЕТНО

ЦК КПСС

О матчах претендентов на первенство мира по шахматам

Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР (т. Грамов М.В.) сообщает об итогах переговоров с президентом Международной шахматной федерации (ФИДЕ) Ф. Кампоманесом и сложившейся ситуации с полуфинальными матчами претендентов на первенство мира по шахматам, которые должны начаться в конце июля с.г.

Президент ФИДЕ, вопреки совпавшему желанию Г. Каспарова (СССР) и В. Корчного (Швейцария) играть матч в г. Роттердаме (Нидерланды), единолично, с нарушением правил назначил проведение этого матча в г. Пасадене (США). Единолично он решил и вопрос о проведении матча в г. Абу-Даби (Объединенные Арабские Эмираты) между В. Смысловым (СССР) и З. Рибли (ВНР), скрыв от Шахматной федерации СССР тот факт, что была также заявка от Нидерландов. Несмотря на протесты против этих незаконных действий со стороны Шахматной федерации СССР, Ф. Кампоманес отказывается пересмотреть свое решение. Ничего не дали и проведенные с ним переговоры в Москве 12 июля 1983 г. В практике ФИДЕ еще не было прецедента, чтобы матчи претендентов назначались без учета мнения шахматистов.

Спорткомитет СССР считает крайне нежелательным проведение матча в США в связи с отсутствием гарантий безопасности для членов нашей делегации, а также условий, которые исключали бы эксцессы политического характера вокруг матча.

По сообщению Спорткомитета СССР, Г. Каспаров в целом занимает правильную позицию, поддерживает требование шахматной федерации СССР о пересмотре решений президента ФИДЕ по обоим матчам, в том числе о невозможности проведения матча в г. Пасадене. В. Смыслов, также поддерживавший требование нашей шахматной федерации, в настоящее время высказывает за участие в матче в г. Абу-Даби. С ним ведется соответствующая работа с тем, чтобы он вернулся к своей первоначальной позиции.

Поддерживая в основном предложения Спорткомитета СССР, полагали бы целесообразным:

- направить в ФИДЕ телеграмму о том, что Шахматная федерация СССР продолжает настаивать на пересмотре решений о местах проведения матчей;
- опубликовать в печати материалы о переговорах с Ф. Кампоманесом, раскрывающие обстоятельства конфликта и несостоятельность доводов президента ФИДЕ;
- поручить Совпосольству в ВНР и Спорткомитету СССР провести переговоры с венгерской стороной о возможности пересмотраgrossмейстером З. Рибли и шахматной федерацией ранее данного согласия на проведение матча в г. Абу-Даби;
- в случае согласия венгерской стороны заявить, что Г. Каспаров и В. Смыслов, также как и З. Рибли, не будут играть в г.г. Пасадене и Абу-Даби, так как эти места соревнований выбраны в нарушение правил ФИДЕ;
- если ФИДЕ откажется удовлетворить законные требования Шахматной федерации СССР, принять меры к организации указанных матчей в других странах без участия ФИДЕ. Провести при этом необходимо-

мую работу по привлечению к этим матчам шахматной федерации Швейцарии и В. Корчного;

– накануне конгресса ФИДЕ (октябрь с.г.) провести через совпосольства работу с представителями шахматных федераций зарубежных стран с целью поддержки требований советской стороны.

Дальнейшую позицию шахматной федерации СССР определять в зависимости от складывающейся ситуации.

Просим согласия.

Зав. Отделом пропаганды ЦК КПСС

Б. Стукалин

15 июля 1983 года

**КОМИТЕТ
ПО ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ И СПОРТУ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР**

19 сентября 1983 г.

Секретно

ЦК КПСС

О матчах претендентов на первенство мира по шахматам

Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР информирует, что с 11 по 15 сентября 1983 года в Швейцарии состоялись переговоры с президентом Международной шахматной федерации (ФИДЕ) Ф. Кампоманесом по вопросам проведения полуфинальных матчей претендентов на первенство мира по шахматам.

Ф. Кампоманесу была изложена принципиальная позиция советской стороны и высказана готовность к поиску компромиссного решения. Президент ФИДЕ согласился, что в интересах развития шахмат целесообразно, чтобы полуфинальные матчи претендентов состоялись, однако выдвинул ряд условий, которые позволили бы Ф. Кампоманесу принять новое решение без ущерба для его престижа и возражений со стороны членов Исполкома ФИДЕ и других шахматных федераций.

Первоначально Ф. Кампоманес, ссылаясь на требования Шахматной федерации США, запросил не только большую финансовую

компенсацию (до 270 тыс. ам. долларов), но и поставил вопрос о выезде из СССР гроссмейстера Б. Гулько с семьей. Советская делегация отвергла эти требования. В конечном итоге достигнута договоренность, что президент незамедлительно начнет переговоры с шахматными федерациями Австрии и Испании об организации в одной из этих стран матчей Каспаров – Корчной и Рибли – Смыслов. Однако не исключено, что, исходя из стремления получить больший доход для ФИДЕ, Ф. Кампоманес может предложить местом проведения матчей Филиппины.

22 сентября с.г. Ф. Кампоманес неофициально проинформирует Спорткомитет СССР о предполагаемом месте проведения матчей.

При согласии советской стороны с представленным предложением президент ФИДЕ просит, чтобы Шахматная федерация СССР направила ему письмо о снятии своего протеста с повестки дня конгресса ФИДЕ, что позволило бы Ф. Кампоманесу, используя права президента в период между конгрессами, принять решение о проведении матчей в кратчайший срок (проект письма, согласованный с президентом ФИДЕ, прилагается). Одновременно в ФИДЕ должен поступить телекс о готовности советской федерации, при положительном решении вопроса, перевести ФИДЕ 60 тыс. ам. Долларов в качестве частичной компенсации за несостоявшиеся матчи в Пасадене и Абу-Даби.

Остальные вопросы, связанные с дифференцированным распределением доходов от проведения полуфинальных матчей претендентов между ФИДЕ и участниками соревнований, Ф. Кампоманес согласен рассмотреть при подписании соответствующего контракта.

Получив данные документы, Ф. Кампоманес 25–26 сентября с.г. официально объявит новое решение о проведении полуфинальных матчей. Начать их он планирует после 20 октября с.г.

15–16 сентября с.г. в Югославии состоялись неофициальные встречи с В. Корчным, на которых он подтвердил свою готовность играть с Г. Каспаровым, а также поставил вопрос о том, чтобы впредь советские шахматисты не отказывались от участия в международных турнирах с участием Корчного. Спорткомитет СССР полагает возможным рассматривать этот вопрос в каждом отдельном случае с учетом целесообразности.

Просим согласия.

Председатель Комитета
М.В. Грамов

Примечание автора: Насколько я помню, вопрос о снятии бойкота я не ставил. Эта идея принадлежала на 100 процентов Каспарову!

**Проект
Президенту ФИДЕ Ф. Кампоманесу**

Как известно, в сентябре с.г. Совет гроссмейстеров, руководствуясь интересами развития шахмат в мире, обратился к президенту ФИДЕ с призывом пересмотреть решение по полуфинальным матчам претендентов Каспаров – Корчной и Рибли – Смыслов.

Шахматная федерация СССР высоко оценивает предложение ведущих гроссмейстеров мира и заявляет, что она готова предпринять все необходимые шаги для решения этой проблемы и призывает к этому всех участников полуфинальных матчей.

Достойно сожаления, что в последнее время, вместо поиска приемлемых решений по матчам претендентов, между Шахматной федерацией СССР и ФИДЕ произошла резкая полемика, не соответствующая сложившемуся многолетнему плодотворному и конструктивному сотрудничеству.

Шахматная федерация СССР, понимая, что по существующим правилам президенту ФИДЕ в период между конгрессами предоставлено право принимать решения по местам проведения претендентских матчей и стремясь устранить имеющееся недопонимание, снимает свой протест по полуфинальным матчам претендентов с повестки дня конгресса ФИДЕ 1983 года.

Шахматная федерация СССР выражает надежду, что заинтересованность гроссмейстеров и усилия руководства ФИДЕ в этом направлении найдут поддержку всего шахматного мира и будут способствовать укреплению ФИДЕ.

Председатель Шахматной федерации СССР
В. Севастьянов

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Коммунистическая Партия Советского Союза. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

СЕКРЕТНО

ЦК КПСС

О матчах претендентов на первенство мира по шахматам

Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР (т. Грамов М.В.) информирует, что достигнута договоренность с президентом Международной шахматной федерации (ФИДЕ) Ф. Кам-

поманесом о проведении в сентябре с.г. полуфинальных матчей претендентов на первенство мира по шахматам между Г. Каспаровым (СССР) – В. Корчным (Швейцария) и В. Смысловым (СССР) – З. Рибли (ВНР).

В качестве условий, которые бы позволили Ф. Кампоманесу принять такое решение без ущерба для его престижа и возражений со стороны исполкома ФИДЕ и других национальных шахматных федераций, предполагается, что шахматная федерация СССР направит ему письмо о снятии протеста с повестки дня конгресса ФИДЕ. Одновременно должно поступить подтверждение о готовности советской стороны перевести ФИДЕ 60 тыс. американских долларов в качестве частичной компенсации за несостоявшиеся матчи в г. Пасадене (США) и г. Абу-Даби (Объединенные Арабские Эмираты).

Не позднее 22 сентября с.г. президент ФИДЕ сообщит о месте проведения соревнований (ведутся переговоры с Австрией и Испанией). Не исключено, что Ф. Кампоманес может предложить для проведения матчей Филиппины.

Выплату ФИДЕ 60 тыс. долларов можно осуществить за счет средств Спорткомитета СССР.

Предложение Спорткомитета СССР поддерживаем.

Просим согласия.

Зав. Отделом пропаганды ЦК КПСС
Б. Стукалин

21 сентября 1983 г.

Глава 28

США

В конце 70-х годов я неоднократно бывал в Соединенных Штатах. В свое время, когда на шахматной сцене бушевал Роберт Фишер, в Штатах начался шахматный бум. Однако Фишер, гениальный, но не в твердом уме человек ушел, практически навсегда, и шахматная жизнь в стране перестала бурлить. Интерес к игре все же сохранился. В 70-е, 80-е годы шахматная жизнь текла неспешно. Проводились турниры, как правило, опены. Крупные, с сотнями участников. Например, в 1983 году я играл в открытом первенстве США, где было 840 участников. Много лет, вплоть до самой смерти проводил турниры в Лон-Пайне их спонсор мастер Стетхем. Опен 1981 года, где был преодолен бойкот советских, оказался для него последним... Мои выступления — лекции и сеансы во многих городах Америки тоже привлекали внимание.

В конце 70-х годов началась иммиграция в США евреев из СССР. В крупных го-

родах появились целые районы, заселенные русскоговорящими. Как, например, Брайтон Бич в Нью-Йорке. И, естественно, возникла соответствующая инфраструктура — организации, обслуживающие русскоговорящее население. Однажды, в начале 1981 года я давал сеанс в Питтсбурге. Перед началом ко мне подошел один русский, представился, сказал, что работает инженером на одном заводе. Предложил внести взнос за участие в сеансе. Я ответил, что платить нужно организаторам выступления, а не мне. Тогда он продолжил: «Я прочитал, что создан “Фонд помоши Корчному к матчу против Карпова”. Но я пользуюсь случаем вручить лично вам двести долларов в Фонд помощи». Я обомлел. Какой-то мошенник, прикрываясь моим именем, обирает русских, только что приехавших в Штаты! Я не принял деньги, я написал резкое опровержение в русскоязычную газету Нью-Йорка «Новое русское слово».

Мне казалось, что после освобождения из советского плена моя семья — жена и сын должны были ехать в Штаты. У сына, считал я, там было бы больше возможностей, чем в Европе. Большинство его друзей и подруг отправились в Штаты. Жена прилично говорила по-английски. Ей там, в Штатах, было бы хорошо. Я буду наезжать в Нью-Йорк. Может быть, через несколько лет мне захочется туда переехать... Я снимал квартиру в Манхэттене в 1980—82 годах, жил там некоторое время. Потом больше полугода квартира стояла пустая, в ожидании постояльцев...

В конце 1979 года мною заинтересовалась фирма «Мак-Кормик». Они предложили, что будут меня рекламировать, использовать меня для рекламы, а я за это стану платить им 30% от своих доходов. Я согласился, исправно платил фирме месяцев десять. Но потом они прислали письмо, что шахматы, к сожалению, не популярны, и они бессильны включить меня в мир рекламы. С тех пор, за двадцать с лишним лет шахматы — думается, благодаря мне, Фишеру, Каспарову, Шорту, Ананду, Крамнику — сделали серьезные шаги к популярности в западном мире. Сейчас уже несколько гроссмейстеров работают в мире рекламы.

Видимо, форма связи рекламного агентства с артистами-гроссмейстерами стала хорошо известна. Некоторые работники ФИДЕ, используя свое влияние в шахматном мире, при попустительстве остальных руководителей шахматного союза стали продвигать в турниры своих людей. За это продвинутые в крупные соревнования молодые люди платят им 30% своих заработков. Что тут можно добавить? Tax free!!

Однажды, зимой 1980—81 года мне позвонила дочка Сталина, Светлана Аллилуева, и пригласила к себе. Как ей удалось найти мои координаты — не знаю; вероятно, у нас оказались общие знакомые. Дочь Сталина жила в то время в окрестностях Нью-Йорка. Я приехал на поезде. От станции она подвезла меня к себе домой на машине.

В чем дело, откуда у нее возникло желание со мной побеседовать? Матч в Багио был широко разрекламирован в прессе. Особое внимание уделялось парapsихологическому влиянию, которому я был подвержен во время матча. А дочь великого Сталина подозревала, что КГБ следит за ее жизнью и, более того, парapsихологически вмешивается в нее. В момент, когда мы встретились, она уже в шестой раз поменяла жилье. По этой причине, т. е. стараясь уйти от персональной

парапсихологической слежки! Я вспомнил своего друга Льва Спирионова. Он говорил: «Два переезда равны одному пожару!»

Что бы я ни думал о возможности парапсихологической слежки тогда и сейчас, моя обязанность была — разуверить ее. И я высказал сомнение в возможности такой формы преследования. Мне показалось, что ей это не понравилось. И мы поэтому больше не встречались.

По ходу беседы, которая продолжалась более двух часов, мне удалось узнать некоторые черты характера дочери великого человека. Я понял — дочери Сталина выпала нелегкая доля. Светлана Аллилуева считала себя во всех смыслах наследницей отца. Печатные труды Сталина издавались на Западе коммунистами, деньги за продажу книг откладывались в швейцарский банк. За несколько лет, что я прожил на Западе, я научился не задавать прямых вопросов в разговоре — прямой вопрос требует прямого ответа и потому может быть расценен собеседником как вторжение в его личную жизнь. Но все же я уяснил, что Светлане удалось забрать из банка эту пару миллионов.

Однако акт наследования содержал не только приятные ощущения. Светлана испытывала страшный гнет ответ-

ственности за преступления, совершенные Иосифом Джугашвили-Сталиным. Вот пример: «У меня много друзей в Западной Германии», — говорит она. «Ну, поезжайте туда, повстречайтесь с ними». «Но как я могу?» «Что вы, — говорю я, — ведь это сейчас самая демократическая страна в мире!» «Да, но ведь она разделена!» «Ну и что?» «А кто в этом виноват?!»

Пришла из школы дочь Светланы. Она сидела тихо и не обращала никакого внимания на наш русский говор. Мать общалась с ней по-английски, притом, что английский язык Светланы был не слишком богат и фонетически не очень чист. Почему она не учила дочь русскому языку? Из опасения, что и на внучку падет проклятие за злодеяния ее деда. Нет, нелегкая доля выпала наследникам тирана XX века...

Интересный вопрос: к чему шахматы ближе, к точным наукам или к гуманитарным? Ближе математикам или артистам? На эту тему трудно рассуждать. Большинство шахматистов, особенно сильных, обладают артистическими данными. Во время партии шахматист чувствует, о чем думает противник — чем сильнее шахматист, тем сильнее у него развито это чувство. Как бы то ни было, по ходу своей жизни я

не раз ощущал интерес артистов к тому, чем я занимаюсь. Скажем, во время моего матча с Полугаевским в 1980 году в Буэнос-Айресе ко мне подошел приехавший на гастроли Мстислав Растропович. У меня где-то сохранилась карточка, на которой он написал: «Называйте меня Слава». В 1983 году я приехал в Соединенные Штаты играть матч с Каспаровым. Матч не состоялся, и вместо него я выступил в открытом чемпионате США. Частым гостем этого турнира был известный киноартист Петер Фальк — «детектив Коломбо». Он много общался во время чемпионата с Петром.

Как-то я познакомился со знаменитым танцовщиком, перебежчиком в США Михаилом Барышниковым. О его жизни снят известный фильм «Белые ночи», где Барышников сыграл самого себя. Какой сюжет! Американский балет летит в Японию над Советским Союзом. По дороге случается какая-то авария, и самолет вынужден совершить посадку. Советская разведка тут как тут, и главного героя, в свое время сбежавшего из СССР, берут под арест. Они хотят, чтобы он выступал на сцене Мариинского театра в Ленинграде и забыл об Америке. В конце концов, танцовщику снова удается бежать, укрывшись в американском консульстве. Барышников прекрас-

но играл в этом фильме и прекрасно танцевал.

В Лос-Анджелесе мы познакомились с писателем Василием Аксеновым, он подарил мне свою книгу «Дорогая наша железка». В Нью-Йорке я познакомился со скульптором Эрнстом Неизвестным. По-видимому, шахматы притягивают людей искусства. А вот чтобы профессор физики или математики подошел со мной поздороваться и побеседовать, я не могу припомнить.

...Что происходит с моей семьей в СССР, было по-прежнему неясно. Я обивал все пороги, надеясь найти поддержку, вызволить семью. Кто-то предложил мне поискать помощни у русской мафии Нью-Йорка. В отчаянии я согласился, меня обещали связать с нею. Встреча с «крестным отцом» произошла в одном из ресторанов в центре города. Он приехал с одним телохранителем. Godfather, человек примерно одного возраста со мной, одинакового телосложения, 100-процентно русский, бесспорно — хорошо образованный. Мы разговаривали довольно дружелюбно, я рассказал о своих проблемах. Спросил, чем бы они могли помочь, предложил деньги. Он ответил, что дело политическое, вряд ли они способны помочь, и деньги пока что ни к чему. Мы расстались по-хорошему. Об этом

человеке, узнал я, ходили легенды — как о Робин Гуде...

Мою семью освободили через три с лишним месяца. Я сразу через знакомых запросил мафию — должен ли я им что-нибудь. Мне ответили: ничего. После этого обмена информацией все было тихо...

Летом 1983 года я снова был в Штатах — в Пасадене (Калифорния). Мне позвонили из Нью-Йорка, сказали: надо бы увидеться. Я ответил: «Да, я лечу в Европу через Нью-Йорк». Мы прилетели в аэропорт Кеннеди вместе с гроссмейстером Гутманом. Нас ожидала группа людей. Мы поехали с ними, в их машине. По дороге они сказали, что их влияние сыграло некоторую роль в том, что мою семью освободили, и они хотят от меня 40 тысяч долларов. Разговаривали, как свидетельствовал Гутман, довольно резко. Возможно, Гутман не вполне представлял себе, с кем мы имеем дело. Во всяком случае, он проявил недюжинную храбрость, готовность защищать меня в случае опасности физической расправы. Меня об-

шарили, забрали из одежды все, что было. Наскребли таким образом 1026 долларов. Насчет сорока тысяч у меня, конечно, были сомнения. Никаких документов не было, никаких доказательств финансовых претензий, не ожидалось и расписок. Я предложил выписать чек, помнится, на 8000 долларов (а больше банк не стал бы и выплачивать). Они отказались. Мы расстались. Я узнал потом, что в мафии смешилось руководство. То есть человека, с которым я беседовал, уже убили. Наверно, не из-за мягкой политики в отношении меня, но, может быть, за совокупность допущенных ошибок...

Еще раз мне пришлось встретиться с человеком мафии через год. Ее поланец приехал в Берн. Опять я предложил выписать чек на некоторую сумму. Кажется, на шесть тысяч. И он отказался. Странная история. С моей головы не упал ни один волос, если не считать потерянной в Нью-Йорке наличности. Вероятно, на мое счастье, там опять смешился «крестный отец»...

Глава 29

ПОСЛЕ МЕРАНА

Существует пословица: «Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом». Матч 1981 года в Меране был настолько гадким, несправедливым, принес мне столько горя, что я решил и объявил во всеуслышание, что больше я с Карповым матчи играть не буду. Я потерял перспективу, и, может быть, в связи с этим случился спад жизненной энергии, энергии, необходимой для успешных шахматных выступлений. Как по мановению волшебной палочки, не прошло и года, как мой рейтинг упал на сто очков. В октябре 1982 года я играл товарищеский матч с Тимманом в Хильверсуме. Его рейтинг был 2605, мой — ниже. С некоторым трудом мне удалось свести матч вничью. Но я по-прежнему был в списке сильнейших, у меня было право участия в турнире претендентов.

Я неплохо сыграл на Олимпиаде в Люцерне в 1982 году. Правда, я проиграл одну важную партию. Впервые мне довелось встретиться с Каспаровым. Мне было известно, что

он стремится играть самые сложные, запутанные положения и вкладывает в каждую партию массу нервной энергии. Партия получилась не слишком занимательной. В хорошем положении я просмотрел тактический трюк, и моя позиция сразу развалилась.

Мне предстояло вскоре играть с Портишем, и я готовился очень серьезно. Моими помощниками были на этот раз голландец Ганс Рее и выходец из СССР израильтянин Лев Гутман. Не скажу, что я играл тот матч много сильнее, чем венгерский гроссмейстер, но мне сопутствовало счастье. Удалось нейтрализовать давление противника в игре белыми, а самому выиграть белыми одну красивую партийку. Матч был из 10-ти партий. При счете 5:2 оба помощника покинули меня. Вот уж что вряд ли случилось бы в Советском Союзе! Отъезд Рее был предусмотрен заранее, а Гутману вдруг захотелось сыграть в опен-турнире в Метце, и он на такси из Бад-Киссингена помчался во Францию. А я проиграл следующую

партию вразнос. Изругал про себя своих нерадивых тренеров, собрался с силами и выиграл следующую партию. А с ней и матч, со счетом 6:3.

Чем привлекательны человеческие шахматы по сравнению с компьютерными? Очень многим, и прежде всего, существованием психологических элементов. Вот, я пишу книгу в начале 2005-го года. Меня спрашивают: «Кто сейчас чемпион мира?» Отвечаю: «Крамник». «Почему?» «Потому что он обыграл в матче сильнейшего шахматиста мира – Каспарова». Парадокс? Нет, в человеческих шахматах такое случается, и очень часто. Два игрока, скажем, примерно равного класса, а один все время проигрывает другому. Говоря по-русски, он попал в клиенты к другому. Правильнее было бы употребить слово «вассал». Причины вассальной зависимости, повторяю, психологического порядка. Что я подметил: переезд из одной страны в другую, смена политического режима, изменение экономических условий – серьезное испытание. При приспособлении к новым условиям жизни меняется многое, изменяются привычки человека; как следствие, меняется часто и шахматная клиентура. Так, в новой жизни я стал испытывать трудности в игре с Талем и Ларсеном; а раньше они вообще не могли мне противостоять...

Обычно разгром в матче тяжело переносится и может способствовать возникновению многолетней вассальной зависимости. Что касается Портиша, то он был не слишком подавлен исходом матча. Он, наоборот, после матча хорошо поработал, изучил плюсы и минусы моего стиля и после небольшого перерыва выиграл у меня в турнирах на протяжении короткого времени 5 партий!

Матч с Каспаровым все-таки состоялся. Помимо финансовой неустойки, было договорено о снятии с меня бойкота. В таком серьезном вопросе не обошлось, видимо, без участия Гейдара Алиева. Каспаров прибыл в Лондон в сопровождении 8-ми членов группы. Наверно, это были лучшие специалисты, которыми располагал Азербайджан. Но я заметил, что Москва не снабдила его специальной информацией, сведениями обо мне, собранными организациями вроде КГБ по крупицам за последние годы. Не достоин, значит...

У меня было два помощника – Л. Гутман и Д. Ван дер Виль. Я всегда стремился обзавестись помощниками помоложе, в надежде обогатиться в первую очередь их энергией, а может быть, и свежими идеями. Вероятно, с заправкой энергией мне не повезло – в этом я намного уступил своему юному противнику. Впрочем, и 20 с лишним лет спустя

мало кто может сравниться в энергетике с Каспаровым. Наш матч оказался не слишком длинным, но мне показалось, что не только я сам, но даже мои тренеры изнемогли...

Я выиграл первую партию и в нескольких последующих партиях обезвредил домашнюю подготовку, дебютные построения моего юного соперника. Критический момент наступил в 6-й партии. Я заметил за собой уже в те годы: если напряженная партия откладывалась, мне было трудно анализировать отложенную позицию. Несколько человек, включая Романишина и Белявского, указали мне на грубые ошибки в анализе отложенных с ними партий. 6-я партия матча после интересной борьбы была отложена в позиции с небольшим перевесом Каспарова. Я со своими помощниками плохо проанализировал положение. При доигрывании перевес черных стал виден невооруженным глазом. У белых все еще была ничья, но единственным способом. Я его не заметил... Воодушевленный победой, Каспаров стал выигрывать одну партию за другой и вскоре закончил матч. Со счетом 8:4.

Как я вскоре узнал, очень расстроился за меня Карпов. Выглядело так, считал Карпов и люди из его штаба, будто я сплавил матч! Вынужден защищаться от домыслов: я серьезно готовился к матчу, боролся, как

всегда, в полную силу, со мной в Лондоне находился и психолог. Я не люблю объяснять свои неудачи малопонятными, второстепенными факторами. Но следующую точку зрения мне излагали после матча многие люди. Если я вбил себе в голову, что больше никогда не буду играть матч с Карповым, то подсознательно бороться с Каспаровым мне было действительно трудно. Ведь победитель матча выходил на Карпова...

Помимо матча с Каспаровым, еще одно происшествие в Лондоне. Вечерком мы прогуливались по улицам с психологом. И однажды к нам подбежали двое юношей в спортивной обуви, выхватили у меня из рук сумочку с деньгами, банковскими карточками, паспортом и другими документами и на спринтерской скорости оторвались от нашего преследования. Через пару дней я зашел в полицейский участок узнать, не подбросили ли им какие-нибудь документы. «К сожалению, ничего нет», — сказал офицер полиции. «Ну да, это моя вина, — сказал я. — Я должен был быть более бдительным, гуляя по улицам Лондона». «Сожалею, — отпарировал офицер, — что, гуляя по улицам Лондона, вы должны быть бдительны...». Хм, я действительно стал бдительнее, но спустя 20 лет история повторилась, на этот раз в пригороде Парижа, Энгюен-ле-Бене...

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ГУРНИР В ВЕЙК-АН-ЗЕЕ

13-29 января 1984 г.

Участники	Страна	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	О	М
1. А. Беляевский	СССР	=	1	=	1	=	1	=	1	=	1	=	1	=	1	10	1-2
2. В. Корчной	Швейцария	=	1	=	1	=	1	=	1	=	1	=	1	=	1	10	1-2
3. П. Николич	Югославия	0	0	1	=	0	=	=	=	=	=	=	=	=	1	7,5	3
4. У. Андерссон	Швеция	=	0	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	7	4	
5. А. Алорьян	Венгрия	=	=	=	=	1	=	=	0	=	=	=	=	=	=	6,5	5-9
6. Э. Майлс	Англия	0	0	1	=	0	1	=	1	=	0	=	1	=	1	6,5	5-9
7. Р. Хюбнер	ФРГ	=	=	=	=	0	=	1	0	=	0	=	1	=	1	6,5	5-9
8. В. Тукмаков	СССР	=	0	=	=	0	=	=	=	=	=	=	=	=	1	1	6,5
9. Дж. ван дер Виль	Голландия	0	0	=	=	0	1	=	=	=	1	=	=	=	1	6,5	5-9
10. Г. Сосонко	Голландия	0	0	=	1	=	=	=	=	=	=	=	=	=	6	10	
11. Х. Рее	Голландия	0	=	0	=	1	1	=	0	=	0	=	0	=	5,5	11	
12. Э. Горре	РНГ	=	0	0	=	=	=	=	=	=	1	0	=	0	5	12	
13. Г. Лиггеринк	Голландия	0	0	=	0	0	0	=	=	=	1	=	1	=	4	13	
14. П. ван дер Стеррен	Голландия	0	0	=	=	0	0	=	=	=	=	=	=	=	3,5	14	

Глава 30

ПРИЕЗД СЕМЬИ, РАЗВОД, БОЛЕЗНЬ ЖЕНЫ

5 июля 1976-го года я вылетел из Москвы в Амстердам. Чтобы не вернуться. 4 июля 1982 года моя семья вылетела из Москвы в Западную Европу. Почерк советских властей. Они охотно держали в своих железных объятиях людей, задумавших уехать — кого 6, кого 8 лет. Никакие просьбы о помиловании на них не действовали. Как решили, так и исполнили. Хотя, с другой стороны, в документах о моей семье, подпísанных лично Андроповым, тогда начальником КГБ, напоминалось, что семьи невозвращенцев не выпускаются вообще. А тут пробились...

Сначала семья собиралась прибыть неделей раньше. Я освободил предполагаемый день приезда от всяких работ. Не знаю, была ли это инициатива властей или членов семьи, но день приезда отложили на неделю. На этот раз я не смог освободиться — у меня был сеанс. В аэропорту Вены приехавших встречал мой адвокат; это дало основания людям, в

том числе и моему адвокату, говорить, что я нарочно отказался встречать семью.

Итак, приехали жена Белла, сын Игорь, моя приемная мать Роза Абрамовна. Ну, и собака Утан — это я когда-то придумал ей такое имя, без задней мысли скомпрометировать председателя ООН. Поселились временно в доме адвоката. Я продолжал жить в Волене, регулярно навещая их.

Как мне объяснили опытные люди, самые серьезные испытания семьи на прочность — это тюрьма и эмиграция. Мы переписывались с женой эти 6 лет, но с каждым годом все реже. Естественно — что бы мы ни предпринимали, она и я, мы делали это порознь, без согласования друг с другом. Я не мог их покинуть, брошенных на произвол советских властей, но на самом деле единой семьи уже не существовало. Идею ехать в Штаты, в Манхэттен, осуществить не удалось. В посольстве США им дали понять, что политическое убежище дается человеку единственный

раз. Как только они вступили на территорию Швейцарии, им, членам семьи беженца, предоставлено убежище правительством этой страны. В Штаты их, конечно, могут впустить, но лишь как членов семьи высококвалифицированного работника. Впрочем, учитывая последовавшие вскоре события, покидать Швейцарию и не следовало.

После временного пребывания в Цюрихе семья переехала в Лозанну; в Ленинграде сын обучался в школе с усиленным изучением французского языка, в этом университетском городе он собирался продолжить образование. Действительно, в 1983 году он поступил в университет на факультет физики. Закончил его с успехом в 1988 году.

А у меня с женой начался бракоразводный процесс. Он проходил во французской части Швейцарии, в городе Морж, продолжался почти три года. Что касается Розы Абрамовны, то по зрелом размышлении она решила отправиться в Израиль — в ее возрасте учить иностранные языки было трудновато, а в Израиле, куда прибыло уже свыше 200 тысяч пересе-

ленцев из СССР, русский язык занял почетное место.

После развода Белла начала работать — выучив французский язык, она занялась переводами на русский. Но через несколько лет она заболела. Болезнь ее — амиотрофический латеральный склероз, известный в Штатах как Laugeric's disease, одна из неизлечимых. Ее состояние быстро ухудшалось. В журнале «New in Chess» я прочел интервью Мекинга. По-видимому, у него было что-то похожее; врачи отказались лечить его, но как-то ему удалось выжить, выздороветь. Я послал Белле это интервью, посоветовал написать Мекингу письмо. Обмен информацией с Мекингом был бы ей важным подспорьем. Похоже, она не воспользовалась моим советом. В 1995 году она умерла.

По прошествии полугода десятков лет треволнения, недоразумения, обиды в наших отношениях с сыном уступили место родственным связям. Вдвоем мы слетали с ним в Израиль в мае 1999 года на похороны его бабушки, няни и друга, моей приемной матери — Розы Абрамовны...

Игорь Корчной

В РУКАХ ИНКВИЗИЦИИ

Современные террористы берут заложников ради выкупа. Официальные советские власти брали заложников, чтобы посеять страх среди людей, желающих уехать из «коммунистического рая». Сын Корчного — Игорь подал заявление на выезд в Израиль. Его арестовали и осудили на два с половиной года лишения свободы, формально — за уклонение от службы в армии. Эта акция была использована как средство давления на отца, игравшего матч на первенство мира с Анатолием Карповым.

О пребывании в советских застенках рассказывает сам потерпевший.

Серый день какой-то выдался. Середина ноября 1979 года, праздники закончились. Мать уехала, уведя за собой «хвост». Непонятно все же — то ли на самом деле за нами охотятся, то ли дурака валяют. Как всегда, мать объявила конспиративным телефонным звонком: «Ребята! Я у подруги забыла зонтик и собираюсь за ним заехать. Буду у вас через полчаса». А вообще-то надоело скрываться. Полтора года метаний по стране. Под конец я почти и не прятался. Жил в доме МИД на Фрунзенской набережной, где отставные шпионы сидели на скамеечке перед входом и следили за всеми, кто входит и выходит.

Звонок. Наши друзья несколько секунд переговариваются с теми, кто за дверью,

Игорь Корчной

после чего, побледнев, помогают мне забраться в стенной шкаф и возвращаются в прихожую, чтобы открыть дверь. Устраиваюсь в шкафу поудобней. Вдруг дверь его открывается — предо мной здоровенный мент. Все. Отбегался.

КПЗ. Дощатый настил, никаких одеял, матрасов — лежи, как лежится. Лежу. Все время клонит в сон — защитная реакция. Но толку мало: что бы ни снилось, все — воля. А в последний момент перед пробуждением мысль: «Кончилась воля. И надолго».

Друзья-то домашним сообщают, но никто не знает, где я, наверняка будут психовать. Странно, даже есть неохота. Уже пошли вторые сутки с 13 ноября, когда меня задержали. Сплошная неопределенность.

Шелкает засов на двери, входят двое. Один — длинный, как Никита Михалков в фильме «Свой среди чужих», таскающий за собой пацаненка. Даже шляпа похожая. Другой — не пацаненок, хотя и ростом не вышел. Фингал под глазом. Ну, сейчас начнут мутузить.

«Если не будешь дергаться, все будет нормально. Нас прислали за тобой из Ленинграда», — говорит «Михалков». Как-то даже полегчало. Полтора года спустя после того, как пришлось бежать из Питера, я снова возвращаюсь домой.

Ленинградский вокзал. Всюду группки призывников. Мы по путям, «с черного хода», пробираемся к питерскому поезду. Меня пристегнули наручниками к мужику с подбитым глазом. Мерзкая штуковина: сжимает при каждом неловком движении и обратно не отпускает. «Не мог-

ли бы вы ослабить наручники, пожалуйста?» Ослабляют. Мой «напарник» то ли stoически терпит, чтобы не злить начальство, то ли его наручники не сжимаются (что вряд ли). Еле успеваем перейти пути перед локомотивом. «Интересно, если напарника затянет, то и мне ведь мало не покажется. Бр-р-р!»

Наконец, доходим до первого. Ух ты! «Красная стрела» — мой любимый поезд. Ну вот, приеду с музыкой — под глиеровский Гимн великому городу. Двухместное купе. Я сплю на верхней полке, мужики вдвоем сидят на нижней. «Парень, ты сибарит? Тогда трудно тебе будет». Даже не кришнаит. И чего пристали?

Утром, как и ожидал, — глиеровский гимн. Потом — в «Волгу», и по Невскому проспекту — на Васильевский остров. В КПЗ. Как бы фигово ни было, но появилась мысль: «Все, дома». Почти полтора года я не был в Питере.

* * *

Началось все в июле 1976 года. О том, что отец остался в Голландии после шахматного турнира, мы с матерью услышали по «Голосу Америки». Ощущение было, как при прыжке с вышки в бассейн: захватило дух, и страшновато. При этом мысль: «Может, сейчас удастся быстрее достичь намеченной цели?»

Жить в Союзе мне не хотелось лет с двенадцати. Ощущение полной бессмыслинности и безнадежности жизни в нем появлялось регулярно. Уже в девятом классе я попросил отца, как человека, бывавшего за границей, составить таблицу трудностей и перспектив учебы на Западе и в СССР. Думать тут особо было не о чем. Точные науки мне нравились всегда, да и на Западе, о котором я столько мечтал, толку от них будет больше, чем от других.

Весной 1976 года в семье появились отвальные настроения. Отец тайком от матери забирался ко мне в комнату, чтобы напитовывать на магнитофон свои «антисоветские» мемуары. От меня он своих настроений не скрывал. На всякий случай, давал информацию, с кем на Западе войти в контакт, если с ним что-нибудь случится. Мать же рассказывала, что у отца есть возможность поехать тренером одного из европейских шахматных клубов, так что можно будет проанализировать, как бы всем оказаться на Западе. Бабушка же говорила, что если отец откажется от очередного претендентского цикла, в обмен на это нас могут всей семьей выпустить в Израиль; там видно будет, куда поехать дальше.

А тут — такой сюрприз! С одной стороны, глава семьи перескочил через барьер. Но семья-то осталась за этим ба-

рьером. Еще ни к одному невозвращенцу родных не выпускали. Правда, времена уже были не сталинские, но гэбуха спуску не давала.

Одним из первых пожаловал представитель партийной организации — искать партбилет. Я так понял: сбеги отец на Запад с партбилетом в кармане, этому партийцу оторвали бы голову.

Потом появились товарищи в штатском. Вели с матерью доверительные беседы: «Видать, оступился ваш супруг. Бывает. Но мы готовы простить. Уговорите его вернуться». Еще чего! Вот так сразу все бросим и начнем уговаривать! Наш королевский пудель, Утан, каждого гебиста встречал, как друга. То есть, как и всех остальных друзей и знакомых. И как собаке объяснишь, что гэбуха — это гэбуха и хвостом передней лучше не вилять?

Лето, приемные экзамены на носу, жарища. Для забавы я, пользуясь линейкой, как контуром, вывел на белом листе бумаги тонкой карандашной линией «Help!» и повесил снаружи на двери. Вечером к нам должен был прийти знакомый и поклонник отца. Ждем. Никого. Наконец, телефонный звонок: «У вас обыск?» «Почему обыск? Все в порядке». Оказалось, подойдя вплотную к двери (а разглядеть надпись можно было только вблизи), он увидел этот самый «хелп» и не

на шутку перепугался. Но все-таки потом позвонил.

Начал сдавать экзамены в Ленинградский Политехнический институт. Пока я сдаю, мать, как и многие родители, сидит в вестибюле. Переживает. У нее для этого веские причины. Рядом с ней женщина, тоже вся на нервах: «Волнуюсь — у сына пятый пункт. А у вас что?» — «У нас еще хуже». — «Что еще может быть хуже?» Таки хуже.

Экзамены сдал на пятерки. Очевидно, приказа заваливать не было. Уровень подготовки (физматшкола, а перед экзаменами — занятия по математике и физике с друзьями, исполнявшими роль репетиторов) позволил получить высокие баллы безо всяких натяжек. Проявлять же подлую инициативу никто из экзаменаторов не захотел, что в то время было не так уж часто.

В начале учебного года — собеседование с куратором группы: «Вы — Игорь Корчной?» «Да». «Сын невозвращенца Корчного?» «Да». «Вы, надеюсь, понимаете, что у вас нет никаких перспектив для карьеры здесь?» Видимо, не осознает, что укрепляет мое нежелание оставаться в Союзе, подсказывает, что делать. Перспектив, конечно, не было никаких, да я и не собирался задерживаться в СССР. На лекции ходил нечасто, да и занимался тоже не Бог весть как.

Начались четвертьфинальные матчи претендентов. Отцу выпал Петросян. Матч — в итальянском городке Чокко. Курс «Истории КПСС» у нас вела стервозная тетка, бдительно следившая за посещаемостью своего предмета, за мной — особо внимательно. Как-то раз, когда я отсутствовал (мне потом рассказывали сокурсники), в начале лекции тетка внимательно осмотрела зал. «Где Корчной?» И кто-то из островерхих с задних рядов ответил: «Корчной в Чокко!»

Весной 1977 года мы получили приглашение от пятиюродной тетушки из Израиля. Для нас это была единственная реальная возможность покинуть СССР. Конечно же, в ОВИРе и в КГБ прекрасно знали, куда и к кому мы едем. Но нам сказали: необходимо приглашение из Израиля.

Начался сбор документов. Одну из нужных справок Политех не давал. Пришлось подавать заявление об отчислении из института. Покинул я его без особого сожаления. Одно было неприятно: Политех давал отсрочку от армии, но какая армия, когда уже есть приглашение и нет никаких причин отказывать в выезде? Ну, в 18 лет оптимизма не занимать. Многие же знакомые, помнившие сталинские времена и хрущевскую «оттепель», грустно качали головами и говорили, что

впереди еще много препятствий. Многие считали решение отца оставаться на Западе вот так, с бухты-бараками, весьма рискованным для семьи. Другие утверждали, что можно было бы уехать тихо, официально, всей семьей — в обмен на отказ от участия в претендентском цикле 1976—1978 годов. При подаче документов с нас взяли подпись: мы уведомлены, что при выезде из СССР мы теряем советское гражданство. Подпиная бумажку, мать расплакалась. Выходя из ОВИРа, я ей сказал: «Зря ты так! Не плакать надо при потере советского гражданства, а радоваться! Сама поймешь, когда будем уезжать!»

Пока суть да дело, начали учить немецкий. Отец остался в Голландии, но потом переехал в Германию — в любом случае, немецкий не помешает.

Пессимисты оказались правы. После нескольких месяцев ожидания пришел вызов в ОВИР. Сидевшие там ответственные товарищи сообщили, что нам в нашей просьбе отказано. «Почему?» «Ваш отъезд нецелесообразен». «Что же теперь делать с институтом, из которого пришлось уйти? И с армией?» «Пусть сын осудит отца в прессе, откажется от попыток покинуть Советский Союз — и мы с радостью примем его обратно в институт. Иначе — увы. Ведь желание учиться в системе высшего образования нашей

страны несовместимо с желанием ее покинуть». «А то, что теперь грозит призыв в армию — это совместимо с желанием покинуть страну?» Ответственные товарищи развели руками. Ведь в этом и состоял их замысел. Из института в то время в армию призвать было нельзя. Армия же закрывала путь к отъезду. Было очевидно, что разыгрывалась простенькая комбинация: после армии навесить секретность и надолго закрыть возможность эмиграции. Не подкопаешься: секретность — она и в Африке секретность!

Осенний призыв 1977 года я проскочил. Теперь, когда появилось много свободного времени, начал учить английский. Германия Германией, а ехать надо в Штаты! Сталходить в группы «погружения», читать бестселлеры на английском (сначала со словарем, затем довольно быстро — без). К весне 1978 с английским все было в порядке.

В мае 1978 года грянуло: меня вызвали в военкомат и вручили повестку. Оставаться дома было нельзя — а вдруг придут и силой потащат на призывной пункт? За последний год среди наших друзей и знакомых появились отказники, годами ожидающие разрешения на выезд из СССР и знающие все «приколы» властей.

Игра в прятки началась в самом Ленинграде — скрывал-

ся я у знакомых сначала в Купчино, потом — на Выборгской стороне. Главное было — не появляться на Васильевском острове, где я жил. Искали меня, похоже, без особого усердия. В июне я даже решил снова наведаться домой. В ту же ночь раздался звонок из Швейцарии. Отец — ну как не поговорить?! На всякий случай, сразу после этого я опять ушел из дома. А в пять часов утра, по рассказам матери, в нашей квартире раздался звонок: пришли из военкомата. За домом следили.

Через несколько дней мы с бабушкой уехали в деревушку в Латвии, от греха подальше. В июле 1978 года в Багио начался матч на первенство мира по шахматам, и я по вечерам, выходя на прогулки, слушал сообщения о нем по Би-Би-Си, прижав к уху коротковолновый приемник.

Позже я переехал к Эстонию, в университетский город Тарту. Там я провел месяц с небольшим у наших друзей, преподавателей тартусского университета. Супруга, Лариса Ильинична Вольперт была трижды чемпионом СССР по шахматам среди женщин, входила в сборную Союза. Когда-то они вместе с отцом играли в одной команде, много общались на шахматной почве, и мать, перебирая возможности спрятать меня, не ошиблась.

Жил я в рабочем кабинете хозяина дома, где все стены заполняли книги — проза, поэзия, история. Протянешь руку — тут тебе и Пастернак, и Ахматова. Заодно я еще бессовестно пользовался тем, что хозяин, Павел Семенович Рейфман, был вынужден заходить в свой же кабинет. Слово за слово — и получалась не менее чем часовая беседа (скорее, монолог, так как я, разинув рот, слушал) об истории российского и советского государства, политике, журналистике и цензуре. Лариса Ильинична, заядлая пушкинистка, тоже с удовольствием просвещала заезжего неудачника разговорами о Пушкине, Стендэле и связях русской и французской литературы*.

В Тарту чувствовал себя как бы немного на Западе. Многие говорят не по-русски, да и атмосфера не такая совковая, как в остальной стране.

Наконец, приехала мать, и мы стали собираться в Москву. Павел Семенович посоветовал дать пресс-конференцию для западных СМИ, сообщил адрес своего московского знакомого, Жени Габовича.

В Москве я остановился у друзей матери по работе, Пейсиковых, а сама мать — у своих институтских однокурсников,

---

* Примечание отца: С Ларисой Вольперт я советовался перед бегством из СССР в 1976 году.

Али и Марка. После долгих колебаний она решилась — таки пойти в гости к Габовичу. Тот сразу же обзвонил всех знакомых зарубежных корреспондентов и назначил дату пресс-конференции. У бедной матери аж челюсть отвисла. Но делать нечего — надо выступать. Естественно, первый блин получился комом. В нескольких километрах от места встречи с журналистами я узнал по «голосам», что пресс-конференция состоялась, что у нас все в порядке (интересно, а я от кого тут, как зайчик, бегаю?), а выступила мать лишь для того, чтобы подтвердить — да, мы желаем выехать, но нас непускают. Все.

Расслабившись после встречи с журналистами, мать забежала к Але с Марком, а потом решила отправиться ко мне. Хорошо, что Марк ее сопровождал. В пустынной развороченной клумбе рядом с домом друзей копались двое «садовников». Марк посадил мать в свою машину — и у машины тут же появился «хвост». Скорее всего, КГБ не столько искало меня, сколько пыталось проследить, с кем из западных журналистов мать попробует вступить в контакт, чтобы по возможности этому помешать. Стало ясно, что ей лучше вернуться в Питер. По дороге на Ленинградский вокзал «Запорожец» Марка заглох на Ленинском проспекте. Начала обра-

зовываться пробка. Недовольные водители, матерясь, высекали из машин. Из двух «Волг» следовавших, как выяснилось, за машиной Марка, вылезли несколько человек в штатском. Они прикрикнули на опечивших водителей, помогли запустить «Запорожец» и, уже не прячась, эскортировали мать до самого поезда на Питер.

Что делать дальше — было неясно. Через знакомых мы выходили даже на дочь Брежнева (было известно, что она не гнушалась взятками и могла многое провернуть), но получили ответ: наше дело — политическое, зашло слишком далеко, и помочь она не может. Как потом выяснилось, и Карпов перед матчем в Багио просил в верхах, чтобы нас выпустили. К тому времени отец уже был с Петрой Лееверик, и Карпов с советниками считали, что выпустить семью перед матчем или во время его — лучший способ сорвать игру противника. Но и Карпову ответили отказом, посоветовав справиться своими силами. Получалась оригинальная ситуация — власти считали, что я обязательно должен отсидеть, а потом можно будет разговаривать. На их условиях... Я же надеялся, что удастся выехать до того, как посадят. Так прошло почти полтора года. По доходившим до меня сведениям, в своих выступлениях Александр Рошаль говорил: «Мы

знаем, где сын Корчного, и когда потребуется — арестуем».

Рошаль оказался хорошо осведомлен. Приближалась жеребьевка матчей претендентов следующего цикла, и тутто меня арестовали. Как я подметил, часто пакости со стороны властей были приурочены к какому-нибудь событию шахматной жизни с участием отца. То жеребьевка, то какой-нибудь матч против совков. Арест был и местью невозвращенцу, и превращением меня в заложника, угрозой, что в случае необходимости со мной могут сурово расправиться.

Итак, круг замкнулся. Я снова в Питере, на Васильевском острове, в отделении милиции, километрах в пяти от дома. Мать с бабушкой наверняка не знают, что я рядом. Волнуются.

Сняли отпечатки пальцев («поиграли на пианино»). Пришел «воронок», набитый под завязку, и меня повезли в Кресты. Наконец, очутился в камере. Ничего камера, всего шесть человек на четыре места. Окна, правда, закрыты двумя рядами наклонных металлических пластин — так, что даже в щелку не глянуть, как там снаружи. Через две недели после ареста по радио сообщили о том, что «ограниченный контингент» советских войск вошел в Афганистан. Да, в тюрьме-то становилось безопаснее, чем в армии!

Суд состоялся через два месяца после ареста. Зал был полон «представителей трудовой общественности». Большинству друзей, пришедших на суд, пришлось остаться в коридоре и на лестнице. Пряятно было увидеть всех их после долгого отсутствия.

Что же до суда, то надеяться было не на что. Вопрос был лишь в том, какой срок мне дадут. Оказалось — два с половиной года при максимуме в три. Учитывая, что за несколько лет до того меня «прикрепили» к военно-морскому флоту, где надо служить три года, я «сэкономил» шесть месяцев.

«Кресты» были промежуточным этапом между волей и лагерем. Хотелось поскорее выбраться из тюрьмы, не сидеть весь день в четырех стенах. Тем более, тюрьма начала переполняться: в преддверии Олимпиады-80 Ленинград стали зачищать от бомжей и «прочих элементов», способных вызвать у иностранных гостей «неправильное» впечатление от СССР. В камерах на четыре человека теперь размещали по двенадцать. Когда в марте 1980 года я услышал: «На выход, с вещами!», то висел в самодельном гамаке между двумя верхними койками. Больше добавлять народ в камеру было некуда.

Выдернули меня ночью, привезли на вокзал и погнали вместе с другими заключенны-

ми по путям, к столыпинским вагонам. С обеих сторон — злобный лай немецких овчарок охраны (собак я люблю, но с тех пор не выношу эту породу). Шаг вправо, шаг влево — считается побег. Да еще заставили, придурки, издеваясь над нами, часть пути пройти на kortochkax. Начальство решило, что незачем меня оставлять в городе, где нас многие знают и нам будет легче общаться с волей. Лучше отправить меня подальше. Сначала — в Свердловск, в пересыльную тюрьму, потом — в Курган и, наконец, в лагерь у деревушки с обманчивым названием: Просвет. Сдернули меня аккурат перед четвертьфинальным матчем претендентов. Загнали на 3000 км от дома, где вряд ли попадется кто — либо из знакомых. Да и вообще, в глубинке москвичей и питерских не любят.

В первое утро в лагере я проснулся от хитов «Бони М». Мороз и солнце, день чудесный... «Новобранцев» выгнали на уборку навалившего накануне снега, и все — под шлягеры, которые я любил слушать на воле. Работать меня определили в отряд №1, считавшийся привилегированным, так как там обитала лагерная обслуга — повара, банщики. Все лагерные интриги и борьба за место в этом отряде меня не касались: я знал, что в моем случае на все будет воля на-

чальства, или лагерного, или районного, или вообще московского. В первое время любопытные офицеры постоянно приходили в отряд, посмотреть на диковинного зверя. Один даже решил провести со мной воспитательную беседу, из которой я запомнил одну фразу: «Наша система — система мира. Это значит, что весь мир должен быть советским». Пока что меня решили не трогать. Как заложник, я должен был оставаться в хорошей форме. По крайней мере, до приказа сверху. Назначили меня дневальным в лагерной школе, «шнырем» на блатном жаргоне. Вся работа состояла в том, чтобы не высовываться, тихо сидеть в школьной каморке.

Наконец-то до меня начали доходить письма с воли. Каждый день — письмо от матери, каждый день — письмо от бабушки, а также частые письма от друзей и подруг. Ну, и отвечал я тоже с такой же частотой. Письма я, по наивности, часто бегал получать в штаб, чтобы не ждать, когда их принесут в отряд. Как я потом понял, зэки, многие из которых тоже бегали в штаб, решили, что я делаю это для того же, что и они — чтобы «стучать». Таким образом, «наездов» на новичка не было. К тому же, задним числом я узнал, что перед моим прибытием был проведен инструктаж:

заложника до особого приказания не трогать!

Так продолжалось до полуфинального матча претендентов 1980 года. В Москве, видать, решили, что пора «закручивать гайки» и дали приказ держать меня построже. Пришлось рас прощаться с первым отрядом и месяц рыть канавы, таскать доски на строительстве небольшой швейной фабрики внутри зоны. Посыпались взыскания: в неположенное время находился в неположенном месте, форма одежды не та, еще что-то. Начальство решило выслужиться. Но до натравливания на меня зэков дело не дошло.

Через месяц меня определили на ту самую швейную фабрику, которую я перед этим помогал строить. Времени отвечать на письма, продолжавшие идти с той же частотой, стало меньше, но переписка позволяла мне абстрагироваться от окружающей реальности, и я продолжал ее, несмотря на трудности. Появились и друзья. Первым был Арнольд Спалинь, один из руководителей «Адвентистов седьмого дня», севший в 1979 году по «делу Шелкова». Каждый день мы с ним встречались и вели беседы — о религии, политике и вообще «за жизнь». К середине срока вокруг каждого барака поставили ограждение с будкой на выходе. Покидать территорию такой

локальной зоны можно было лишь в составе отряда или по пропуску. Мы все равно ухитрялись общаться, несмотря на эти ограничения. Я устроился разносчиком прессы для отряда, что позволяло выходить за пределы локальной зоны и иметь «отмазку» на случай, если заловит патруль: шел в библиотеку за прессой.

Начальство опыта с «политическими» почти не имело, поэтому иногда удавалось нахальным напором избежать наказания. Как-то в жаркий летний вечер я с приятелями вышли перекурить на крыльце швейной фабрики и нарвались на патруль. Всех повели на вахту. Причина? Нарушение формы одежды. На швейной фабрике во время рабочей смены все были одеты в голубые рубашки. На зоне же должны были ходить в черном. Крыльце — это уже не фабрика, а зона. Ребята матерились, ожидая лишения права на посылки и бандероли. Я попросил бумагу и ручку, чтобы написать объяснительную записку: «По сообщению курганского метеоцентра от..., сегодня стрелка термометра перевалила за 30 градусов вследствие антициклона, пришедшего...» и т.д., и т.п., на две страницы мелким почерком, с упором на отсутствие необходимой вентиляции в швейном цехе и падающую из-за этого производитель-

ность труда. Дежурный на вахте выругался и послал всех по дальше. Связываться с писакой ему явно не хотелось.

К началу матча на первенство мира в Мерано обстановка на швейной фабрике стала накаляться. Количество отрядных приблудненных, пользующихся благоволением начальства, отынивающих от работы, сильно увеличилось, а план надо было выполнять. Начали мордовать остальных, работающих, чтобы те вкалывали за двоих-троих. Со «швейки» пора было сматываться. Жаловаться на конкретных людей мне не хотелось, но требовалось что-либо предпринять. В самый разгар смены я ушел с рабочего места, пошел на вахту и стал писать заявление: «В связи с травлей, сознательно развязанной лагерным начальством, я вынужден отказаться от работы на швейной фабрике». Естественно, все это на двух страницах, с пространным изложением международной обстановки.

В тот же вечер меня перевели в штрафной изолятор на две недели. 250 граммов хлеба каждый день, плюс через день — «горячая пища» (подогретая вода). Письма от меня идти перестали, на воле поднялся переполох, дошедший аж до западных СМИ. По истечении срока, весь в нарывах, но довольный, что снова вышел на свежий воздух, я вновь оказался в

отряде №1, и вновь — школьным «шнырем». Работать в этот раз пришлось на самом деле — мыть полы, парты, доски, давать звонки и относить в штаб классные журналы с пометками о посещаемости. Среднее образование было обязательным, так что по прибытии на зону, если кто, не сообразив, говорил, что у него неполное среднее образование, ему в дальнейшем приходилось это самое «неполное» завершать, посещая школу каждый день после работы. Времени на что-либо еще не оставалось. Если кому надо было прогулять один или несколько уроков, была возможность договориться со школьным «шнырем» за некоторую «мзду». «Шнырь» перед тем, как отнести журнал в штаб, всегда мог поставить галочку о присутствии. Не я это придумал, но отказываться от таких преимуществ тоже не собирался. Появилось в изобилии курево, стало лучше питание, в бане теперь мылся не раз в неделю с отрядом, а когда захочу. На заводе зоны, делавшем запчасти для бронетранспортеров, заказал себе гантели — естественно, в обмен за неотмеченные несколько прогуянных уроков. В столярной сделали мне бирку. С одной стороны ее — все, что положено по правилам (фамилия, инициалы, номер отряда), но по-английски. С другой стороны — то же самое, но по-русски. Гуляю по

зоне с английской биркой. Как только вижу патруль — отгибаю проволоку, и бирка переворачивается «русской» стороной. В таких условиях прошли последние восемь месяцев до освобождения.

Матч в Мерано закончился для отца неудачно. Начальство ехидничало. Как-то раз один из лейтенантов подошел ко мне на просчете: «Ну что, Корчной, продул твой папаша!» — «От этого у вас колбаса в магазинах не появится!» — ответил я ему. И ничего этот паразит сделать мне не мог. Замначальника по режиму, отправивший меня в штрафной изолятор, за свои фокусы вылетел от нас на зону для малолетних преступников, что являлось понижением. Москве лишние скандалы были не нужны, особенно сейчас, когда цель была достигнута: Корчной не стал чемпионом мира.

Освободился я в середине мая 1982 года и через два дня был уже в Питере. Надо получать паспорт. Иду в военкомат за какой-то справкой, без которой его не выдадут. Большая комната, полно народу. За одним из столов сидит на вид приличный мужик, в кожаном пиджаке. Вручает мне повестку в армию на ноябрь месяц. «Так я уже сидел за отказ, а за одно преступление два раза не судят».

Мужик, казалось, сильно разнервничался, разорался: «Ах,

ты, такой-сякой, не хочешь в армию? Так мы тебя в барабан рог скрутим! Моя бы воля — я бы вообще таких, как ты, расстреливал! А преступление-то уже новое — вот и рецидив!» Поорал, поорал, увидел, что на нас никто не обращается, и, перейдя на шепот, сказал: « Я на днях слушал интервью вящего отца по «Голосу Америки». Надеюсь, скоро вы сможете уехать в США. Желаю удачи». Каково, а?

А я был полон решимости: если уж будут судить, отсиджу новый срок, а в армию не пойду, возможность уехать на Запад тем самым себе не отрежу.

В начале июня нам, наконец-таки, дали разрешение на выезд — естественно, в Израиль. До Израиля мы, конечно, не доехали, а, прилетев в Вену самолетом Аэрофлота, сразу же направились в Цюрих на самолете Swissair. Прямой билет Ленинград — Цюрих нам в питерском аэропорту продать отказались: властям надо было как-то соблюсти свои совковые приличия.

На этом совдеповский период моей жизни закончился. Еще несколько лет мне снились кошмары: я вновь за решеткой. Просыпался в холодном поту. Затем неволя стала сниться все реже и реже, а лет через пять подобные сны вообще прекратились. Я привык к свободе.

ДОКУМЕНТЫ

23
Секретно

 СССР КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР <i>12. април 1978 г.</i> <i>№ 1167-А</i> <i>гол. Москва</i>	ЦК КПСС ЦК КПСС <i>13 ИЮН 78 17470</i> <i>ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ</i> <i>В ОБЩИЙ ОТДЕЛ ЦК КПСС</i>
--	--

О нежелательности выезда за границу семьи невозвращенца
КОРЧНОГО В.Л.

ЦК КПСС

**О нежелательности выезда за границу семьи невозвращенца
 КОРЧНОГО В.Л.**

В июле 1978 года на Филиппинах начнется чемпионат мира по шахматам, в котором примет участие отказавшийся возвратиться в 1976 году из Нидерландов на Родину гроссмейстер КОРЧНОЙ В.Л. Будучи за рубежом, КОРЧНОЙ сделал ряд клеветнических заявлений относительно советской действительности. В Ленинграде остались его жена КОРЧНАЯ Изабелла Егишевна, 1931 года рождения, армянка по национальности, и сын КОРЧНОЙ Игорь Викторович, 1959 года рождения, русский. В настоящее время они при активной поддержке КОРЧНОГО добиваются выезда из СССР в Израиль.

По мнению Комитета госбезопасности, удовлетворять ходатайства членов семьи КОРЧНОГО нецелесообразно по следующим соображениям: по существующей практике никому из членов семей невозвращенцев и изменников Родины разрешений на выезд за границу не выдается. Разрешение на выезд жене и сыну КОРЧНОГО В.Л. создало бы прецедент, которым не преминули бы воспользоваться проживающие за рубежом другие невозвращенцы и изменники Родины. Пример с КОРЧНОЙ, безусловно, послужил бы для спецслужб противника и средств массовой информации капиталистических государств поводом для оказания на нас давления.

Просим рассмотреть.

Секретно

 СССР КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР <i>12 июня 1978 г.</i> <i>№ 1167-А</i> <i>г. Москва</i>	<i>Личная</i> <i>ЦК КПСС</i> ЦК КПСС <i>12 ИЮНЬ 1978 17470</i> <i>ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ</i> <i>В ОБЩИЙ ОТДЕЛ ЦК КПСС</i>
--	--

О нежелательности выезда за границу семьи невозвращенца Корчного В.Л.

ЦК КПСС
Об антиобщественных акциях членов семьи невозвращенца
Корчного В.Л.

Комитет государственной безопасности СССР располагает данными о том, что жена невозвращенца, участника матча на звание чемпиона мира по шахматам Корчного – Корчная И.Е. подготовила обращение к зарубежной общественности и личное письмо президенту США Картеру, которое намерена передать через государственного секретаря США Вэнса, в связи с отказом ей и сыну выехать из Советского Союза в Израиль. В этих же целях она 19 октября с.г. провела в Москве на квартире начальника отдела Всесоюзного научно-исследовательского института морского рыбного хозяйства и океанографии Габовича Е.Я. встречу с иностранными корреспондентами. На встрече присутствовали 9 корреспондентов из США, Великобритании, ФРГ, Франции и Швеции.

Сын Корчного – Корчной И.В., 1959 года рождения, умышленно уклоняется от призыва в Советскую Армию, настроен антисоветски.

Несмотря на то, что Корчная пытается нагнетать провокационную шумиху, разрешать ей и сыну выезд за границу не следует, так как по существующей практике членам семей изменников Родине и невозвращенцев выезд не разрешается, о чем докладывалось ЦК КПСС №1167-А от 12 июня 1978 года.

Что же касается сына Корчного, то он в соответствии с Законом о всеобщей воинской обязанности подлежит призыву на службу в Советскую Армию и в случае уклонения от службы будет привлечен к уголовной ответственности на основании действующего в нашей стране законодательства.

Сообщается в порядке информации.

Председатель Комитета
Ю. Андропов

н. СТ139/39иц 22 XII 1978 г.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

115

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Секретариата ЦК Коммунистической Партии Советского Союза

О лишении гражданства СССР Корчного В.Л.

1. Принять предложение Спорткомитета СССР и Федерации шахмат СССР о лишении гражданства СССР Корчного В.Л.
2. Одобрить проект Указа Президиума Верховного Совета СССР по данному вопросу (прилагается).
3. Внести на утверждение Политбюро.

*одобренное
в рабочем
варианте
22 XII 1978 г.*

Результаты голосования:

✓
 7-5. Суслов, Кириленко,
 Бочкарёв, Герчако,
 Драгич, Зимин, Ребров,
 Горбачев - за
 (см. первонач. проект поясн.)

6195

Выписки тт. *Горбачев Ребров*

Рассекречено: 22 XII 1978. М.Медведев

Часть III

ГРАЖДАНИН МИРА

Глава 31 ЧУВСТВУЮ ВОЗРАСТ

Каков оптимальный возраст шахматиста? Другими словами, в каком возрасте шахматист достигает пика своих результатов? Сложный вопрос. В советской шахматной прессе писали: между 40 и 44-мя годами. А может быть, писали потому, что это был в ту пору возраст Ботвинника? Бессспорно, оптимальный возраст зависит от множества причин: как рано и насколько интенсивно человек стал заниматься шахматами, насколько энергичен он от природы и как тратил свою энергию. Склонен ли он заправляться энергией (я имею в виду занятия спортом) или, наоборот, имел тягу к дурным привычкам, таким как алкоголь и курение...

Я попробовал установить пик нескольких людей. Не претендую на абсолютную истину, но мое мнение может оказаться интересно для читателя. Пик М. Талля — турнир в Монреале 1977-го года, в возрасте 41 года. Пик Б. Спасского — чемпионат СССР 1973 года, в возрасте 36 лет. Пик А. Карпова — первая часть «безлимитного» матча с

Каспаровым 1984 года, в возрасте 33 лет. Каспаров в возрасте 40 лет жалуется на общую усталость, но, возможно, своего пика еще не достиг. Сложнее всего подойти с объективными мерками к самому себе — ведь у меня были отличные результаты как в 1968-м, так и в 2001 году. Все же, с неохотой я признал, что мой пик был в Багио в 1978-м году, в возрасте 47 лет. А несколько лет спустя, в 1985-м году я впервые почувствовал, что играть тяжело. В Монпелье проводился турнир претендентов на первенство мира. Я готовился, у меня был помощник высокого класса, Дж. Спилмен. Я старался, в конце турнира был совсем истощен, но не смог набрать 50%. Не хватало, я чувствовал, энергии, а кроме того — знания современной теории. Моя шахматная жизнь продолжалась, но теперь я знал, что есть планка, через которую я перепрыгнуть уже не могу.

Турниры классом пониже я продолжал выигрывать; как одиночные, так и круговые. Так, я регулярно и с успехом играл в Луга-

но-опен, хорошо выступал и в традиционном турнире в Беэр-Шеве (Израиль), был вторым после Каспарова в Брюсселе-1986. А летом 1987 года добился особенно крупного успеха — выиграл межзональный турнир в Загребе. На турнире в Брюсселе 1987 года я сыграл бледно. Случилась там такая история. Участники должны были сами определить лучшую партию, а потом организатор Бессел Кок, которому принадлежала эта идея, выдавал лауреату денежный приз. Гроссмейстеры назвали лучшей партию, которую Любоеевич выиграл у меня. А в последнем туре Каспаров выиграл прекрасную партию у Талья — единственная в жизни победа Каспарова над Талем. Я говорю: «Странно, почему эту партию не выбрали?» Почему — мне было известно: потому что Карпов стал распространять слухи, будто Таль ее нарочно проиграл. Мы сидим с Талем, и я говорю: «Выбрали мою партию с Любоеевичем — не любят они меня!» И Таль, который в последние годы искал контакта со мной, сказал: «Нас не любят!», имея в виду нас с ним — евреев...

1988 год. Устроили соревнование — сборная СССР против сборной мира. Кто же играл в сборной СССР? Каспаров, в настоящий момент Россия. Чернин (Венгрия), Гуревич (Бельгия), Белянский (Словения),

Аzmайпариашвили (Грузия), а за сборную мира — испанец Ильескас, кубинец Ногейрас, я — швейцарец... Играли по швейцарской системе по 7 партий. Команда Советского Союза выиграла с перевесом в одно очко. Лучшие индивидуальные результаты — по 5 из 8-ми, показали Каспаров, Гуревич и я. Был один приз, который по логике вещей надо было отдать мне, поскольку у меня были более сильные соперники — они же выиграли матч! Но тщеславные ребята устроили жребий. По жребию я выиграл приз!

В матчах претендентов в начале 1988 года я должен был встретиться с молодым исландцем Й. Хьяртарссоном. В шахматных викторинах тех лет один из частых, притом трудных вопросов был: в каких странах шахматы — обязательный предмет в школе? Люди обязательно вспоминали Советский Союз. Неправильно! В 70-е, 80-е годы две страны имели шахматы в школе как обязательный предмет: Куба и Исландия. В результате Исландия при населении 260 тысяч человек имела 8 гроссмейстеров. Для сравнения — чтобы иметь такое же число гроссмейстеров на душу населения, в СССР должно было быть 10 000 гроссмейстеров! Так что средний шахматный уровень в Исландии был очень высок, а мне предстояло играть с лучшим из исландцев.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТУРНИР В ЗАГРЕБЕ

1-24 авгуиста 1987 г.

Участники	Страна	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	О	М
1. В. Кориной	Швейцария	=	1	=	0	=	0	1	1	1	1	1	=	=	1	1	1	1	1	
2. Я. Эльвест	СССР	=	1	=	1	0	=	0	1	1	1	1	=	0	0	10	10	2-3		
3. Я. Сейраван	США	0	=	=	1	=	1	1	0	1	1	1	=	0	1	1	10	10	2-3	
4. П. Николич	Югославия	=	0	=	0	1	=	1	1	=	1	1	=	1	1	1	1	9.5	4-6	
5. Х. Ногейрас	Куба	1	=	0	1	=	=	=	=	0	=	1	=	1	1	1	1	9.5	4-6	
6. Х. Гранда Зунига	Перу	=	0	=	=	=	=	=	=	=	0	1	1	1	1	1	1	9.5	4-6	
7. Э. Торре	Филиппины	1	1	0	1	=	=	=	1	0	=	0	0	1	=	1	9	7		
8. И. Пинтер	Венгрия	0	=	0	0	=	=	=	0	1	1	0	=	1	1	1	1	8.5	8-11	
9. Л. Полугаевский	СССР	0	=	1	=	=	=	1	=	=	=	=	=	0	=	1	1	8.5	8-11	
10. И. Гринфельд	Израиль	0	1	0	=	=	=	0	0	=	=	1	=	1	1	1	1	8.5	8-11	
11. В. Эйнгорн	СССР	0	0	1	0	=	1	0	=	=	1	1	=	0	1	1	1	8.5	8-11	
12. К. Хулак	Югославия	0	0	0	=	1	1	=	0	=	0	0	=	1	1	1	1	7.5	12	
13. В. Иникев	Болгария	=	0	=	0	=	0	1	1	=	0	=	=	=	=	=	7	13		
14. Э. Майлс	Англия	=	0	1	0	=	0	1	=	=	=	0	=	0	0	1	6.5	14		
15. Д. Барлов	Югославия	0	0	0	=	0	0	0	0	1	0	1	=	1	1	1	6	15		
16. Г. Хикъ	ФРГ	=	0	0	0	=	0	0	0	=	0	0	0	=	1	1	5	16		
17. Ф. Барага	Канада	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	=	0	0	0	0	1.5	17	

Хьяртарссон был прекрасно подготовлен. Он нашел лучшие пути против моих дебютных систем, а после матча даже включил некоторые мои схемы в свой дебютный репертуар. Кроме превосходства в подготовке, у моего противника оказались и другие преимущества. Я очень люблю ходить на лыжах и пошел на лыжную прогулку в день перед открытием соревнования. И упал, и был вынужден играть с перевязанной ногой. Правда, играют в шахматы не ногами, но все равно — неприятно.

Хьяртарссон играл практичнее меня. В прошлом он бывал в жутких цейтнотах, а вот теперь ему удавалось правильно расходовать время для обдумывания. Матч состоял из 6 партий, а я уже проигрывал 3:1. Как-то мне удалось выиграть две последние партии и сравнять счет. Но непрактичность моей игры сказалась. Следующую партию я проиграл, и матч закончился. Хьяртарссон вышел на Карпова. Но уверяю, что на этот раз и в моем подсознании не было мысли, что я должен был уступить Хьяртарссону сомнительную честь играть с несимпатичным председателем «Фонда мира».

Кстати, по ходу матча главный судья Глигорич упрекал меня, что я намеренно много курил за доской и всячески старался мешать моему противнику. Не помню — думаю, что не намеренно. Я, очевид-

но, страшно нервничал во время этого матча.

Прошло много лет с тех пор. Правительство Исландии перестало поддерживать шахматы (раньше гроссмейстеры, как в Советском Союзе, получали там зарплату). И Хьяртарссон, наряду с некоторыми другими ведущими шахматистами страны, ушел из профессиональных шахмат и стал бизнесменом. Жаль...

Что касается курения, то на шахматистов давно начались гонения — их ограничивали все больше. А теперь, под предлогом, что шахматы должны стать олимпийским видом спорта, курение в игровом зале запрещено совсем. Что делать, раз уже запрещают курить в ресторанах Нью-Йорка! Вероятно, это ограничение гражданских свобод правильно; не мне судить. Но я бросать курить не собирался...

Вообще, я охотно читаю книги по психологии. На русском языке таких книг немногого. Читаю по-английски. Однажды мне попалась книга «Что Вы говорите, когда разговариваете с самим собой?» американского автора, не помню фамилии. Книга была написана интересно. Оказывается, разговаривая с самим собой, вы беседуете со своим подсознанием — мощным оружием, которое способно помочь вашему сознанию выполнить поставленные перед ним задачи. В

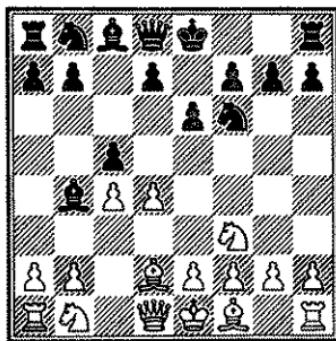
книге были примеры, как беседовать с подсознанием. Ну, запишите свой разговор с подсознанием на кассету и слушайте его время от времени... Занимательно было написано — как разговаривать при желании бросить курить. Я прочитал это вслух несколько раз. Но я не собирался бросать курить! А потом вдруг, месяц спустя у меня закололо в сердце, и я, курильщик с полувековым стажем, бросил курить в одну минуту! И уже на 11 лет...

28. Г. Каспаров — В. Корчной Брюссель 1986

Защита Боголюбова E11

1.d4 $\mathbb{Q}f6$ 2.c4 e6 3. $\mathbb{Q}f3$ $\mathbb{Q}b4+$
4. $\mathbb{Q}d2$ c5.

Я постарался подготовить к этой партии дебютную схему, малознакомую 13-му чемпиону мира: ход 4...c5, введенный в практику рижским мастером Витолиньшем, сравнительно редко применялся в советских соревнованиях.

5.g3.

Впоследствии теоретики, может быть, на основании этой партии, пришли к выводу, что сильнейшее продолжение за белых — сразу разменяться на b4.

5... $\mathbb{Q}b6$ 6. $\mathbb{Q}g2$ $\mathbb{Q}c6$.

Сделано всего несколько ходов, а у белых уже серьезные проблемы в центре. Похоже, они теряют пешку. Как, например, в варианте 7.dc $\mathbb{Q}:c5$ 8.0-0 $\mathbb{Q}e4$ 9.e3 $\mathbb{Q}:b2$. Чемпион мира предпочитает отдать пешку другим, стандартным способом.

7.d5.

Таким образом Каспаров пожертвовал уже немало пешек и, кажется, выиграл все те партии. Но ситуация на доске несколько иная — черные не уступают противнику в развитии. Наращивать инициативу белым будет труднее. Заслуживало внимания скромное 7.e3?! Но 13-го чемпиона мира не упрекнешь в скромности. И, особенно, за шахматной доской!

7...ed 8.cd $\mathbb{Q}:d5$ 9.0-0 $\mathbb{Q}de7$
10.e4.

В момент, когда мы играли эту партию, ни я, ни, думаю, мой партнер не подозревали, что все это уже встречалось в советских соревнованиях. В партии Тукмаков — Салов (Львов 1984) было 10. $\mathbb{Q}e3$ d5 11.a3 d4 12. $\mathbb{Q}f4$ $\mathbb{Q}a5$ 13. $\mathbb{Q}bd2$ $\mathbb{Q}:d2$ 14. $\mathbb{Q}:d2$ 0-0 15.b4 с некоторой активностью за пожертвованный материал. Последний ход белых — новинка.

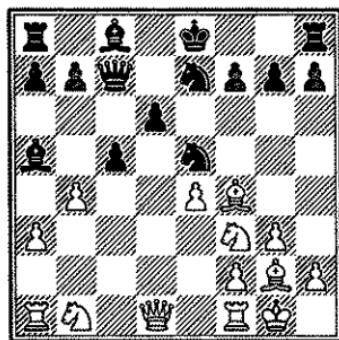
10...d6 11. $\mathbb{Q}e3$.

Ловушечный ход — грозит a2-a3 и b2-b4 с поимкой слона. Между тем, этот ход обворачивается потерей темпа, поскольку белые вскоре поставят слона на f4. После немедленного 11... $\mathbb{Q}f4$ $\mathbb{Q}g4$ 12. $\mathbb{W}d6$ белые отыгрывали пешку с примерно равной игрой. Впрочем, чемпион мира, наверно, считал, что белыми «примерно равная игра» ему недостаточна...

11... $\mathbb{W}c7$ 12.a3 $\mathbb{Q}a5$ 13. $\mathbb{Q}f4$.

В более поздней партии Чубурданидзе — Чандлер (Швеция 1988) белым удалось подправить игру чемпиона мира. После 13. $\mathbb{Q}bd2$ $\mathbb{Q}:d2$ 14. $\mathbb{Q}:d2$ $\mathbb{Q}e6$ 15. $\mathbb{Q}e1$ a5 16.f4 f6 17. $\mathbb{W}h5+$ $\mathbb{Q}f7$ 18. $\mathbb{W}g4$ 0-0 19.h4 они получили инициативу.

13... $\mathbb{Q}e5$ 14.b4!?

Каспаров, нельзя не отметить, получил прекрасное шахматное воспитание — то, чего не хватает многим современным гроссмейстерам, не исключая меня самого. Позицию без пешки и без инициативы

он не мыслит возможным играть — к инициативе нужно стремиться любой ценой! Итак, он отдает вторую пешку. Но это не конец. В этой партии ему придется еще пойти на более серьезные материальные затраты...

14...cb 15.ab $\mathbb{Q}:b4$ 16. $\mathbb{W}a4+$ $\mathbb{Q}7cb$ 17. $\mathbb{Q}d4$ a5 18. $\mathbb{Q}c3$ $\mathbb{Q}d7$ 19. $\mathbb{Q}d5$ $\mathbb{W}d8$ 20. $\mathbb{Q}f5$ 0-0.

Отразив крупные и мелкие ловушки, черные закончили развитие, сохранив прочное положение. Фигуры белых, особенно кони, стоят активно, но не видно, где и как подступиться к позиции черных.

Белым пора менять фронт — создать угрозы королю противника.

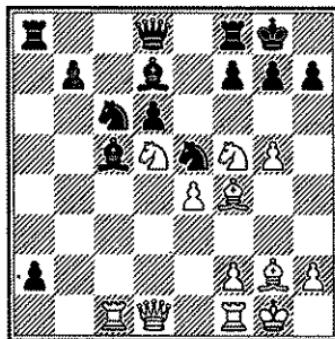
21. $\mathbb{W}d1$ $\mathbb{Q}c5$ 22. $\mathbb{W}c1$!

Очевидно, что черные собираются толкать вперед пешку **a**, и ладья, будучи на a1, могла бы надолго предупредить превращение этой пешки в ферзя. Но белые, не имея двух пешек, обязаны играть активно! Их фигуры должны двигаться, создавать угрозы. Вот эта ладья вскоре забралась на c7 и даже на e7! У Каспарова, согласитесь, великолепное чутье в атаке!

22...a4 23.g4.

На 23. $\mathbb{W}h5$ у черных было два хороших ответа — 23...g6 или 23...f6, оба доказывающих, что ферзь слишком рано включился в атаку.

23...a3 24.g5 a2.

Здесь уже нужно быть внимательным к угрозам черному королю. На 25... $\mathbb{Q}:g7$ у черных был единственный, но достаточный ответ — 25... $\mathbb{Q}g4!$ с выигрышем: 26. $\mathbb{Q}f6+$ $\mathbb{W}:f6$ 27.gf $\mathbb{A}:d1$ 28. $\mathbb{R}f:d1$ $\mathbb{Q}d4$.

25. $\mathbb{W}h5.$

Попытка пробить оборону черных ходом 25. $\mathbb{Q}h6+$ не проходила: 25...gh 26. $\mathbb{Q}f6+$ $\mathbb{W}h8$ 27. $\mathbb{W}h5$ $\mathbb{R}g8$ 28. $\mathbb{W}:h6$ $\mathbb{R}g7$.

25... $\mathbb{Q}:f5.$

Сейчас этот ход вынужден.

26.ef $\mathbb{Q}d4!$

Важный ход. С поля d4 слон поддерживает проходную пешку, вступающую на последний ряд, и одновременно включается в защиту своего короля.

27. $\mathbb{Q}:e5.$

Белые должны разменять одного из коней-защитников. И лучше это сделать сразу — после 27. $\mathbb{Q}e4$ $\mathbb{R}e8$ 28. $\mathbb{Q}:e5?$ очень сильно взятие на e5 ладьей.

27... $\mathbb{Q}:e5$ 28. $\mathbb{Q}e4$ $\mathbb{R}e8.$

Единственный ход. Поле e7 нужно защитить. Так, на 29.f6 последует 29... $\mathbb{Q}g6$ 30. $\mathbb{Q}e7+$ $\mathbb{R}e7...$

29. $\mathbb{R}c7!$

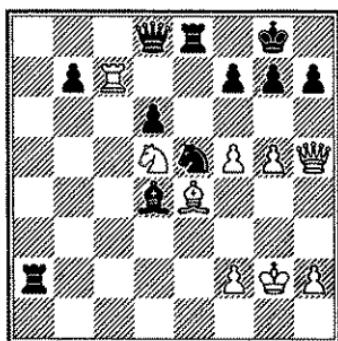
А что же еще? Идет борьба за поле e7! Правда, нетрудно себе представить, что в этой борьбе белые обречены на неудачу...

29...a1 $\mathbb{W}$ 30. $\mathbb{Q}:a1.$

Готовясь к жертвенным операциям, белые должны увести своего короля с g1 от возможного $\mathbb{Q}e5-f3+$. Более естественного хода, чем взятие на a1, трудно придумать.

30... $\mathbb{Q}:a1+$ 31. $\mathbb{Q}g2$ $\mathbb{R}a2.$

Естественный для цейтнота ход. Но энергичнее было бы 31... $\mathbb{R}e1!$, и если 32. $\mathbb{A}c2$, то 32... $\mathbb{Q}c1!$ — когда будет уничтожен этот слон, у белых не останется никакой атаки. Конкретные варианты: 33.f6 $\mathbb{R}:c2$ 34. $\mathbb{Q}e7+$ 34... $\mathbb{R}e7$ 35.fe $\mathbb{R}:f2+$ 36. $\mathbb{Q}g3$ $\mathbb{W}a8$ или 34. $\mathbb{R}:c2$ $\mathbb{Q}g6$ 35. $\mathbb{R}d2$ $\mathbb{R}e5$ 36. $\mathbb{R}:d4$ $\mathbb{R}:d5.$

32. $\mathbb{R}e7!$

Вообще, будь на наших часах хотя бы по пять минут, чемпиону мира — без ладьи и двух пешек — нужно было бы сдаться. Но у нас висят флаги, то есть на последние 9 ходов осталось меньше минуты.

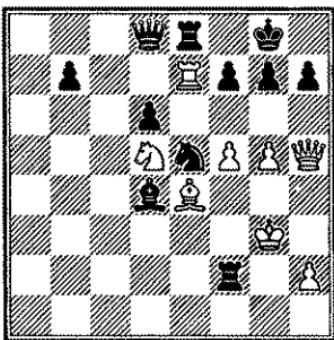
И потому у него есть моральное право тянуть сопротивление и даже кой-какая, пусть слабая надежда — спастись.

Спасающих партию ходов нет, остается надеяться на чудо, на некий психологический эффект неожиданности. И чемпион мира находит самый неожиданный в этом положении ход!

А что же нормальные ходы? Посмотрим: 32.¤e7+ ¤:e7 33.f6 ¤g6 34.¤:g6 ¤:f2+ 35.¤g3 ¤e3+ 36.¤:f2 hg и потом 37...¤:c7. Или 34.fe (34.¤:e7? ¤f4+) 34...¤:f2+ 35.¤g3 ¤:e7 36.¤:h7+ (36.¤:e7 g6) 36...¤f8 37.¤h8+ ¤g8, и атака белых закончилась. Примерно то же самое и после 32.f6 — 32...¤g6 33.¤:g6 hg 34.¤e7+ ¤:e7!

Ну а чем грозят белые в этом положении, после хода ¤e7? Действительно, есть две серьезные угрозы: одна очевидная — f5-f6, другая — более скрытая: 33.¤f6+ gf 34.g6...

32...¤:f2+ 33.¤g3.

Теперь попробуем оценить, взвесить оптимизм чемпиона

Виктор Корчной и Гарри Каспаров за разбором только что сыгранной партии

мира. Попробуем найти какой-нибудь из более-менее осмысленных ходов, который не(!) выигрывает партию.

Очевидно, без труда выигрывает давно задуманный черными ход 33... $\mathbb{Q}g6$. Трудно найти после этого следующий ход белых.

Выигрывает и 33... $\mathbb{Q}f3+$ 34. $\mathbb{Q}g2$ $\mathbb{Q}f4$. После 35. $\mathbb{Q}:e8+$ $\mathbb{Q}:e8$ 36. $\mathbb{Q}:f4$ $\mathbb{Q}g6$ материальное преимущество черных решает партию.

Несколько сложнее обстоят дела после 34... $\mathbb{Q}e3$. Тогда 35. $\mathbb{Q}f6+$ gf 36. $g6$ hg 37. fg $\mathbb{Q}f8$ (единственный ход) 38. $\mathbb{Q}:b7$ $\mathbb{Q}d7$ (38... $\mathbb{Q}:g6$ 39. $\mathbb{Q}:f7+$ ведет к ничьей вечным шахом) 39. $\mathbb{Q}h6+$ (или 39. $\mathbb{Q}h7$ fg 40. $\mathbb{Q}h6+$ $\mathbb{Q}e7$, и черный король уходит от вечного шаха) 39... $\mathbb{Q}e7$ 40. $\mathbb{Q}g7$ $\mathbb{Q}f8$ 41. $\mathbb{Q}c6$ (41. $\mathbb{Q}f5$ $\mathbb{Q}a8$) 41... $\mathbb{Q}c8$ 42. $\mathbb{Q}:d7+$ $\mathbb{Q}e6$ с выигрышем.

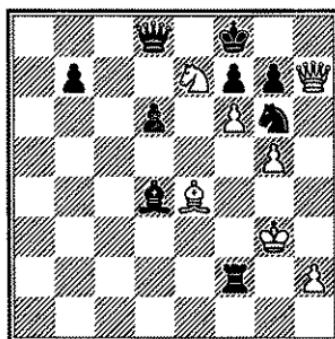
Наконец, поскольку все красивые атакующие идеи белых держатся на пешечных ходах f5-f6 или g5-g6, попробуем сделать совсем глупый (но идейный!) ход 33... $\mathbb{Q}:f5?$ После 34. $\mathbb{Q}:f5$ $\mathbb{Q}g6$ 35. $\mathbb{Q}c7$ $\mathbb{Q}e5$ 36. $\mathbb{Q}c8$ $\mathbb{Q}:c8$ 37. $\mathbb{Q}:c8$ $\mathbb{Q}:d5$ положение белых при примерном материальном равенстве тяжелое, технически проигранное.

Оказывается, труднее всего выиграть после хода, напрашивающегося хода, сделанного черными. Нужно признать, 13-й чемпион мира за шахматной доской — очень тонкий психолог...

33... $\mathbb{Q}:e7??$ 34. $f6$ $\mathbb{Q}g6$ 35. $\mathbb{Q}:e7+$ $\mathbb{Q}f8$.

Еще не поздно было проиграть партию — после 35... $\mathbb{Q}:e7$ черные получали мат в 6 ходов посредством 36. $\mathbb{Q}:h7+$ $\mathbb{Q}f8$ 37. $\mathbb{Q}h8+$ и т.д.

36. $\mathbb{Q}:h7$.

36... $\mathbb{Q}:f6?$

Нервы не выдержали. Видимо, мой партнер внушил мне, что угрожает десятками матов... Между тем, после 36... gf черные все еще выигрывали: 37. $\mathbb{Q}:g6+$ fg 38. $\mathbb{Q}:g6$ fg , или 37. $\mathbb{Q}d5$ $\mathbb{Q}e8$, или 37. $\mathbb{Q}:g6$ fg 38. $\mathbb{Q}:g6+$ $\mathbb{Q}e8$ 39. $\mathbb{Q}g8+$ $\mathbb{Q}d7$ 40. $\mathbb{Q}f7+$ $\mathbb{Q}c8$ 41. $\mathbb{Q}e7+$ $\mathbb{Q}b8$ 42. $g6$ $f5$ 43. $g7$ $f4+$ 44. $\mathbb{Q}h3$ $\mathbb{Q}:g7$. 37. $\mathbb{Q}:g6+$ fg 38. $\mathbb{Q}:f2?$

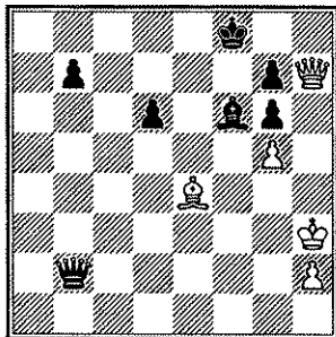
Плохой ход. Правильно было сначала разменять ферзей путем 38. $\mathbb{Q}h8+$ и только после этого забрать ладью.

38... $\mathbb{Q}b6+$.

Белые опять на грани проигрыша. Не хватает двух пешек, а белый король — под атакой.

39. $\mathbb{Q}g2$ $\mathbb{Q}b2+$ 40. $\mathbb{Q}h3?$

Правильно было 40. $\mathbb{Q}f3$.

40... $\mathbb{Q}:g5??$

40... $\mathbb{Q}e5$ выигрывало. Нельзя 41. $\mathbb{W}g6$ из-за мата в 3 хода, а после 41. $\mathbb{Q}g4$ $\mathbb{W}e2+$ 42. $\mathbb{Q}f3$ $\mathbb{W}c2$ белым тоже не устоять.

41. $\mathbb{W}g6$ $\mathbb{W}f6.$

После 41... $\mathbb{W}f6$ белым еще пришлось бы решать кой-какие проблемы. Но не слишком серьезные — разноцветные слоны гарантировали им спасение партии.

42. $\mathbb{W}:f6+$.

Ничья. Партия эта, на мой взгляд, позорная для обоих гроссмейстеров, наложила свой отпечаток на наши шахматные взаимоотношения. Вероятно, чемпион мира убедил меня в своей непогрешимости, непобедимости. После нее я проиграл Каспарову семь безответных партий...

29. В. Смыслов — В. Корчной

Гастингс 1988–89

Дебют Рети A06

1. $\mathbb{Q}f3$ $e5$ 2. $c4$ $\mathbb{Q}f6$ 3. $b3.$

Играя против меня, Смыслов часто применял нестандартные дебюты. С одной сто-

роны, отдавая дань моей дебютной подготовке к стандартным началам, и с другой стороны, стараясь доказать, что его дебютная эрудиция, общее понимание глубже, тоньше, чем мое. Пожалуй, так и было. И эта партия — ясное подтверждение тому, что мое понимание позиции так и не поднялось на должную высоту...

3... $e6$ 4. $\mathbb{Q}b2$ $d5$ 5. $e3$ $a6.$

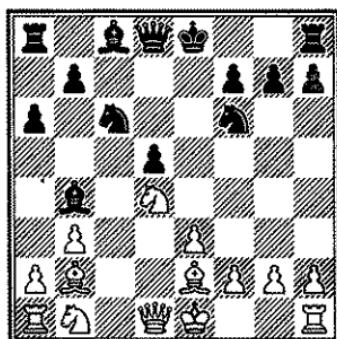
5... $\mathbb{Q}c6$ cd ed 7. $\mathbb{Q}b5$ мне казалось не слишком приятным для черных. С другой стороны — терять черными темп в дебюте... Л. Портиш в 1985-м году сыграл со мной аккуратнее: он продолжал 4... $\mathbb{Q}cb$, 5... $\mathbb{Q}e7$ и провел $d7-d5$ только тогда, когда белые уже определили положение своего белопольного слона.

6. $\mathbb{Q}e2??!$

На следующем ходу белым, ввиду угрозы соперника оккупировать пешками центр, придется сыграть $d2-d4$. Вскроется диагональ $e1-a5$, слон $f8$ выскочит на $b4$; у белых могут возникнуть нежелательные проблемы. В связи с этим белым, как и черным, было бы полезно потерять темп, то есть сыграть $a2-a3$. И получить именно ту позицию, к которой они стремились. Как видим, самые естественные ходы заслуживают иногда вопросительного знака...

6... $\mathbb{Q}c6$ 7. cd ed 8. $d4$ cd 9. $\mathbb{Q}:d4$ $\mathbb{Q}b4+!$

Этим шахом нарушается нормальное развитие белых фигур.

10. $\mathbb{Q}c3$.

Единственное, ход 10. $\mathbb{Q}c3$ стоило бы белым пешки после примерного 10... $\mathbb{Q}a5$ 11. $\mathbb{Q}c2$ $\mathbb{Q}e4$ 12. $\mathbb{Q}c1$ $\mathbb{Q}a2$.

10... $\mathbb{Q}d6$ 11. $\mathbb{Q}d2$ 0-0 12. $\mathbb{Q}c2$.

По-видимому, белым на 12.0-0 не нравилось 12... $\mathbb{Q}c7$ или 12... $\mathbb{Q}e5$. Поэтому они не спешат с рокировкой, а устанавливают контроль над полем e4, над всей диагональю b1- h7.

12... $\mathbb{Q}b4$ 13. $\mathbb{Q}b1$.

Игра строится на тонкостях. Положение ферзя на с2 было, конечно, неустойчивым. Черные прогоняют его конем на менее удобное поле. Зато их конь на время покинул центр. Отметим, что 13. $\mathbb{Q}b2$ не понравилось белым из-за 13... $\mathbb{Q}e4$ 14. $\mathbb{Q}:e4$ de с угрозами $\mathbb{Q}g5$ и $\mathbb{Q}d5$.

13... $\mathbb{Q}c7$.

Аккуратнее было 13... $\mathbb{Q}e8$, чтобы $\mathbb{Q}c7$ с нападением на с3 и на h2 оставалось как угроза. А у белых тогда не было бы разгрузочных разменов, кото-

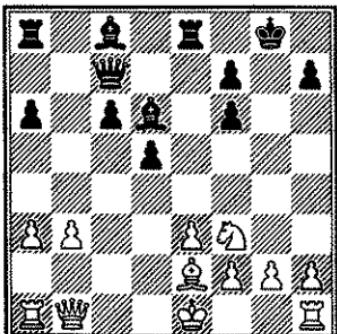
рые вскоре случились в партии.

14. $\mathbb{Q}b2$ $\mathbb{Q}e8$ 15. $a3$ $\mathbb{Q}c6$ 16. $\mathbb{Q}:c6$ bc 17. $\mathbb{Q}:f6$ gf.

Серия разменов, предпринятая белыми (кстати, после легкомысленного хода ферзем на с7 черным было ее не избежать) привела к резкому ослаблению пешечного расположения черных на королевском фланге. Зато белые расстались с ценной фигурой — чернопольным слоном, и вследствие этого на длительное время уступили черным инициативу.

Мне в моей многолетней, хотя и не столь длительной, как у Смысюла практике уже приходилось играть схожие позиции за обе стороны; мне было известно, что позиция эта сложная и не поддается ясной оценке — кто стоит лучше. Тем не менее, подсознательно позиция черных была мне неприятна. Тем более, что Смыслов с подчеркнутой легкостью совершил эти размены! Но что делать, не сдаваться же! Нужно улучшать позицию фигур...

18. $\mathbb{Q}f3$.

18...♝g4.

Интересно, как бы реагировали белые на ход 18...♝e5. Разменялись бы на e5, что после 19...fe приводило к примерному равенству, или рискнули бы сыграть 19.♞a2 ♜c3+ 20.♝d2 d4 21.0-0 или 20.♝f1. Но и ход слоном на g4 выглядит неплохо.

19.♝h4.

В случае 19.g3 последовало бы 19...♜h3 20.♝f1 ♜d7, и белым пришлось бы остаться королем в центре навсегда. А на 19.h3 черные планировали маневр ♜h5-g6-e4. После 19.h3 ♜h5 не опасен был ход ферзем на f5 ввиду 20...♛a5+ 21.♝f1 ♜c3.

19...♝d7 20.♛d3.

Белым приходится соблюдать осторожность. На 20.g3 был бы неприятен маневр ♜d6-e5-c3 с последующим d5-d4.

20...♜e4 21.♝f3.

И здесь g2-g3 было неправильно. Возможен был такой вариант: 21.g3 ♜a5+ 22.♚f1 (22.♝d2? ♜b4) 22...♜h4 23.gh ♜h3+ 24.♝g1 ♜h8 25.f3 ♜g8+ 26.♝f2 ♜g2+ 27.♝f1 ♜h2+ 28.♝g1 ♜d8 29.♜h2 ♜g8+ 30.♝h1 ♜h2, и нет защиты от маты.

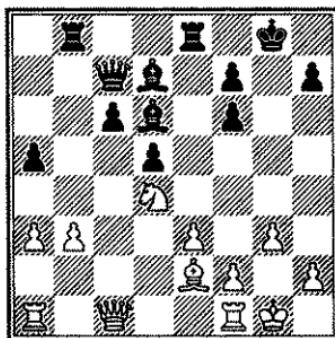
Или 25.f4 ♜g8+ 26.♝f2 ♜g2+ 27.♝f3 d4 с неотразимыми матовыми угрозами. Или 27.♝f1 ♜f4! 28.ef ♜g3+, или, наконец, 28.b4 ♜b6 с выигрывающей атакой.

21...♛a5 22.♝d2 ♜f5 23.♛b1 ♜e5 24.♛c1 ♜c7 25.0-0 a5.

Белые и черные фигуры флангируют по доске. Белые сдела-

ли уже пять ходов ферзем и пять — конем. Но между делом не забываются и полезные ходы. План черных — прорвать оборону противника на ферзовом фланге путем c6-c5 и a5-a4. Белым следует создать давление в центре, чтобы помешать успешному проведению этого плана.

26.♝f3 ♜ee8 27.♝d4 ♜d7 28.g3 ♜ab8.

29.♛c2.

Похоже, белым не удалось противодействовать планам противника. Мне казалось, заслуживало внимания 29.♝f3. Правда, после 29...♝e5 белые что-то теряют. Если 30.♜a2, то 30...♝d4 31.ed ♜b6, и белые проигрывают пешку. А после 30.♝b1 белые остаются без качества. Но за компенсацию: 30...c5 31.♝e2 ♜f5 32.♝d5 ♜b1 33.♝b1 a4 34.♝c2. Проявив нерешительность, Смыслов попадает в трудную позицию.

29...c5 30.♝f5 ♜f8 31.♝fd1.

В связи с угрозой a5-a4 заслуживало внимания 31.♜ab1. Внешне некрасивый ход 31.a4

был тоже лучше шаблонного $\mathbb{E}fd1$.

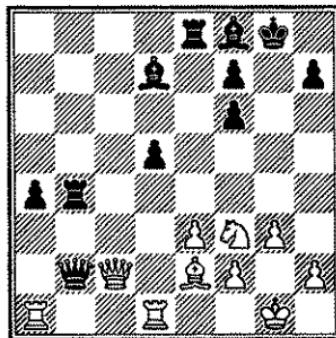
31... $\mathbb{W}e5?$

Я не претендую, чтобы эта партия вошла в сборник моих лучших партий. Все же мне хочется верить, что не этот ход, указанный в компьютерных базах данных, был сделан в партии, что человек, записывавший партию на дискету, просто перепутал порядок ходов, а в партии случилось 31... $a4$ 32. $b4$ $\mathbb{W}e5$ и т.д. Отметим, что на 31... $a4$ сильнейшее — 32. ba $\mathbb{W}e5$ 33. $\mathbb{B}g4$ $\mathbb{B}b2$ 34. $\mathbb{W}d3$ (34. $\mathbb{W}c1$ $\mathbb{B}eb8$ 35. $\mathbb{Q}h6+$ $\mathbb{Q}:h6$ 36. $\mathbb{Q}:d7$ $\mathbb{Q}:f2$ 37. $\mathbb{Q}:f2$ $\mathbb{B}b2+$ 38. $\mathbb{Q}f1$ $\mathbb{Q}:e3$ 39. $\mathbb{Q}:d5$ $\mathbb{W}:d5$ 40. $\mathbb{W}:b2$ $\mathbb{W}h1+$ 41. $\mathbb{Q}e2$ $\mathbb{W}h2$) 34... $\mathbb{A}:a4$ 35. $\mathbb{W}:d5$. Впрочем, после 35... $\mathbb{Q}:d1$ 36. $\mathbb{W}:d1$ $\mathbb{W}e4!$, или 36. $\mathbb{W}:e5$ $\mathbb{Q}:e5$ 37. $\mathbb{Q}:d1$ $c4$ 38. $\mathbb{Q}d8?!$ (упорнее 38. $\mathbb{Q}c1$) 38... $\mathbb{B}bb5!$, или 36. $\mathbb{A}:d1$ $\mathbb{W}:d5$ 37. $\mathbb{Q}:d5$ $c4$ выигрыш черных вскоре становится делом несложной техники.

32. $\mathbb{Q}h4$ $a4$ 33. $b4?$

А при этом порядке ходов после 33. $\mathbb{Q}f3!$ перевес у белых! Главный вариант: 33... ab 34. $\mathbb{Q}:e5$ bc 35. $\mathbb{Q}:d7$ $cd\mathbb{W}+$ 36. $\mathbb{Q}:d1$, и черным теперь не спасти качество и пешку! Не годится и 33... $\mathbb{W}e4$ 34. $\mathbb{W}:e4$ de 35. $\mathbb{Q}:d7$ ef 36. $\mathbb{A}:c4$ с очевидным преимуществом у белых. Только путем 34... $\mathbb{Q}:e4$ (вместо 34... de) 35. ba $\mathbb{Q}:a4$ 36. $\mathbb{Q}:d5$ $\mathbb{Q}:eb$, уповая на силу проходной пешки с и двух слонов, черные могут спасти партию...

33. cb 34. ab $\mathbb{Q}:b4$ 35. $\mathbb{Q}f3$ $\mathbb{W}b2$.

Сделав этот ход, я предложил ничью. Не было цейтнота, у черных лишняя пешка — сильная проходная $a...$ Напоминаю: подсознательно у меня не было доверия к собственной позиции. Только выиграв пешку, я успокоился: «У черных, как минимум, не хуже». И позволил себе предложить ничью. Я не разговаривал со Смысловым после партии, но картина была ясна. Смыслов — совершенно очевидно — считал положение белых безнадежным и расценил мое предложение ничьей как акт милосердия!

А вскоре состоялась вторая партия между нами...

30. В. Корчной — В. Смыслов Гастингс 1988–89

Защита Нимцовича E24

1.c4 e6 2. $\mathbb{Q}c3$ d5 3.d4 $\mathbb{Q}b4$.

Я довольно саркастически отношусь к этому ходу. Сыграть $d7-d5$ и после этого быть готовым отдать чернопольного слона, не получив за это никаких дивидендов?! Не понимаю...

4.a3 $\mathbb{Q}:c3+$ 5.bc $\mathbb{Q}f6$.

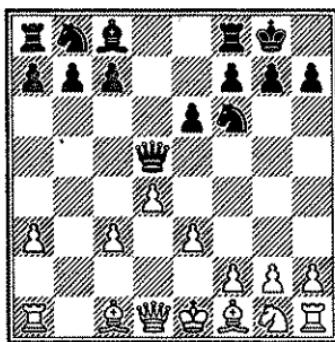

*Виктор Корчной и Василий Смыслов:
бойцы вспоминают минувшие дни...*

Есть люди, которые в этом положении ставят коня на e7, то есть на менее активную позицию. Но Смыслова в непони-

мании стратегии не упрекнешь!
6.e3 0-0 7.cd ♜:d5!
Не 7...ed 8.♗d3 с последующим ♜e2, и возникает извест-

ная в теории позиция, по мнению теории, с солидным перевесом у белых.

8.c4.

Поскольку программный ход черных — $c7-c5$ с последующим вскоре разменом на $d4$, своим продвижением пешки c белые соглашаются с образованием у них в центре так называемых висячих пешек c и d . Другой возможный план — после $\mathbb{Q}f3$, $\mathbb{Q}d3$, 0-0, $\mathbb{Q}e1$ провести $e3-e4$.

8... $\mathbb{Q}d6$ 9. $\mathbb{Q}f3$ $c5$ 10. $\mathbb{Q}d3$ $\mathbb{Q}c6$ 11.0-0 $b6$ 12. $\mathbb{Q}b2$ cd 13. ed $\mathbb{Q}b7$ 14. $\mathbb{Q}e1$.

До сих пор все ходы белых были шаблонными, а это их первый самостоятельный ход. То есть, шаблонным и, видимо, самым правильным было сыграть 14. $\mathbb{Q}e2$, чтобы побыстрее поставить на $d1$ ладью. Ну, ход ладьей на $e1$ можно понять: на 14. $\mathbb{Q}e2$ возможно 14... $\mathbb{Q}h5$ 15. $\mathbb{Q}e3$ $\mathbb{Q}f4$ 16. $\mathbb{Q}e4$. Теперь 16... $f5?$ приводит к потере фигуры после 17. $\mathbb{Q}:c6$ $\mathbb{Q}:c6$ 18. $d5$ ed 19. $\mathbb{Q}e5$, но возможно 16... $\mathbb{Q}a5$, вынуждая выгодный черным размен слонов.

После 17. $\mathbb{Q}:b7$ $\mathbb{Q}:b7$ 18. $\mathbb{Q}e5$ белые сохраняют перевес; но хочется большего. При ладье на $e1$ белые могли бы отступить слоном на $f1$ ...

14... $\mathbb{Q}ad8$.

Вот этот ход должен был бы насторожить белых. Ведь обычно в борьбе против висячих пешек ладьи устанавливают на $c8$ и $d8$. А здесь черные преувеличивают давлением на пешку c . Значит, они всерьез готовят удар по пешке $d4$!

15. $\mathbb{Q}c1$.

А вот этот ход выглядит совсем нелогично. Ведь черные предыдущим ходом показали, что не собираются угрожать пешке c ! Значит, ферзовую ладью следовало поставить на $d1$. Значит, 15. $\mathbb{Q}e2$ было обязательным ходом!

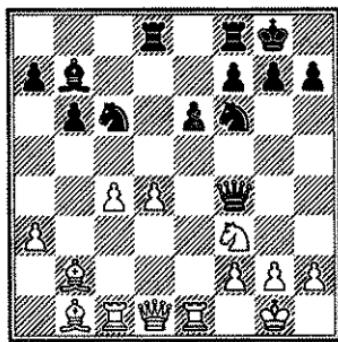
15... $\mathbb{Q}f4$.

Прежевременно здесь 15... $\mathbb{Q}g4?$ ввиду 16. $\mathbb{Q}:h7+$ $\mathbb{Q}:h7$ 17. $\mathbb{Q}g5+$ или 16... $\mathbb{Q}h8$ 17. $\mathbb{Q}e4$. Черные подбираются поближе к белому королю, чтобы создать угрозы посильнее. Но белые невозмутимы...

16. $\mathbb{Q}b1??$

Эко дьявольское наваждение! Белые делают едва ли не слабейший фигурный ход в позиции. После очевидного, давно ожидаемого 16. $\mathbb{Q}e2$ у черных, как и раньше, не было реальных угроз. На 16... $\mathbb{Q}g4$ у белых, помимо упрощающего позицию 17. $\mathbb{Q}e4$ был сильный ответ 17. $d5$, где у черных возникали вряд ли разрешимые

мые проблемы. Сильнейшее на 16.♕e2 — 16...♞a5, и если 17.♞e5, то не 17...♝b3 18.♝cd1 ♜d4? 19.♝:d4 ♜:d4 20.g3 ♜h6 21.♝:h7+ ♜:h7 22.♝:d4, а 17...♝c6 с вероятным повторением ходов. На 16...♞a5 есть и ответ 17.♕e3, что после размена ферзей на e3 тоже ведет к примерно равной игре.

16...♝:d4!

Конечно! Этот ход выигрывает по меньшей мере пешку: 17.♝:d4 ♜:f3 18.♝e5 ♜:e5 19.♛:f3 ♜c5 с большим перевесом у черных.

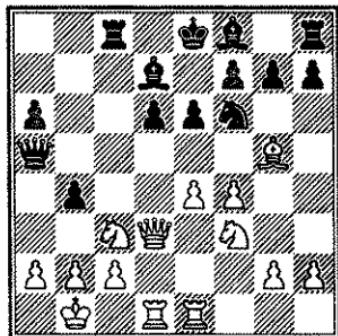
Делая ход, Смыслов одновременно предложил мне ничью. Совершенно очевидно — это был акт милосердия, плата за предыдущую партию. Пресса и некоторые крупные гроссмейстеры, как, например, Б. Ларсен расценили эту партию как вопиющий акт неспортивного поведения. С тех пор ни меня, ни Смысюва в Гастингс больше не приглашали...

Наверно, правильное, логичное решение со стороны англичан. Но, похоже, в Великобритании так никогда и не научились расписывать партии на ничью. Да так, чтобы комар носа не подточил! В качестве учебного примера для англичан, да и для других, столь же необразованных в этом отношении, приведу без комментариев одну, несколько подзабытую и, бесспорно, ускользнувшую от внимания англичан, партию.

31. В. Корчной — М. Тайманов Гастингс 1955–56

Сицилианская защита B67

1.e4 c5 2.♘f3 ♜c6 3.d4 cd 4.♝:d4 ♜f6 5.♘c3 d6 6.♗g5 e6 7.♕d2 a6 8.0-0-0 ♜d7 9.f4 ♜c8 10.♘f3 ♜a5 11.♔b1 b5 12.♘d3 ♜b4 13.♝he1 ♜:d3 14.♕:d3 b4.

15.♘d5 ed 16.ed+ ♔d8 17.♗:f6+ gf 18.♕d4 ♜c7 19.♕a7+ ♜d8 20.♕d4 ♜c7 21.♕a7+. Ничья. Учитесь, люди, пока мы живы!

Глава 32

О СУДЬЯХ ВООБЩЕ И В ЧАСТНОСТИ. ЕЩЕ ОДНА ПОБЕДА БАТУРИНСКОГО

На каждом шахматном соревновании присутствуют судьи. Они — непосредственные организаторы мероприятия, они же следят за соблюдением правил шахматных соревнований вообще и за соблюдением правил игры в первую очередь. Критерии подбора судей несложны: они должны хорошо знать правила игры, должны по возможности знать больше языков, чтобы без проблем вступать в контакт с каждым участником и по этой же причине не быть во враждебных отношениях ни с кем из них, занимая при этом объективные, нейтральные позиции.

Весной 1989 года я был приглашен на турнир в Линарес. Организатор и спонсор Луис Рентеро, владелец сети супермаркетов в Линаресе и его окрестностях, охотно приглашал советских гроссмейстеров. С одной стороны, он добивался таким образом, что его турниры оказывались самыми представительными в мире. С другой — он, похоже, демонстрировал власть денег над

убежденными коммунистами и наслаждался этой властью. Мне было известно, что в Линаресе предстоит встретиться с Карповым. Ничего не поделешь, не в первый и не в последний раз. Мы ведь вращаемся в шахматном мире; и его, экс-чемпиона мира, уважают не меньше, а кое-где заметно больше, чем меня. Но велико было мое удивление, не говоря о более активных чувствах, когда по приезде в Линарес я узнал, что главным судьей назначен В. Батуринский! Очевидно, таково было пожелание Карпова как одно из условий его участия в турнире. А мне, наоборот, было ясно, что под руководством, даже лишь под наблюдением «неджентльмена» Батурина я участвовать в турнире не могу. Понимал ли это Рентеро, или на этот счет у него не было достаточной информации? Или ему было интересно проверить — насколько сильна все же власть его денег? Как только я узнал о функциях Батурина в турнире, я поставил вопрос

ребром: или я, или Батуринский. Судя по ответной реакции, ни Рентеро, ни Карпов такого поведения с моей стороны не ожидали.

До открытия турнира оставалось полдня. Я обошел всех участников и сообщил им о своей позиции. Меня поддержали открыто и активно Тимман и Шорт. Среди советских тоже нашлись голоса в мою защиту. Как позднее сообщил Карпов, против его «старшего друга и соратника» выступили, к очевидному изумлению экс-чемпиона, Белявский и Юсупов. Ко мне пришел Б. Гулько. В прошлом, напомню, в тяжелейших условиях он не подписал коллективное письмо против меня, состряпанное Батуриным с Авербахом. А теперь, 13 лет спустя, он сказал: «Я сожалею. Но я хочу играть в этом турнире. И поэтому я не могу вас поддержать». Я всегда критиковал отсутствие гражданственности и всегда с уважением относился к ее проявлению. Я осознал и сочувственно отнесся и к положению Гулько. Позднее я сообразил, что именно от позиции Гулько зависело — состоялся бы турнир или нет. С его участием антикарповские позиции заняла бы большая половина участников турнира. Карпов не отступил бы от своего «старшего друга», и ему пришлось бы уехать. И турнир

сорвался бы. А может быть, обошлись бы и без председателя организации с загадочным названием «Фонд мира»...

Проблема, выдвинутая мною, обсуждалась организаторами, я присутствовал на этом заседании. Правда, те дебаты не переводились для меня с испанского. Какой-то дурак предложил компромисс — Батуринский-де не будет судить мои партии, этим будут заниматься другие. Но я, естественно, стоял на своем — черный полковник не может находиться в зале, где я играю. Я понимаю положение господина Рентеро: ему не часто приходилось бывать в ситуациях, где деньги сталкиваются с принципами.

Наконец, организаторы решились и сказали мне твердое «нет». Провожаемый сочувственными взглядами жителей города, собирающихся на церемонию открытия, я покинул Линарес.

Сразу по возвращении в Швейцарию я был записан в число участников турнира «Лугано-опен». Я добился там одного из крупнейших успехов в жизни. С результатом 8 из 9-ти я разделил с М. Петурссоном первое место. А Луис Рентеро с этих пор относился ко мне с великим уважением. Каждый год потом, на протяжении многих лет, он приглашал меня принять участие в его опен-турнире...

Глава 33

БЫСТРЫЕ ШАХМАТЫ. КАСПАРОВ

По-видимому, это появилось как дань популярности шахмат. Число желающих соревноваться возросло во много раз, на серьезные турниры, где одна партия длится один — целый! — день, времени не хватало. А блицтурниры, где партия продолжалась 10 минут, были распространенным видом соревнований, но признаны чересчур легкомысленными. И тогда появился новый вид, полусерьезный, полулегкомысленный — быстрые шахматы! Полчаса на партию, или 25, или 20 минут. Иногда с добавлением нескольких секунд за каждый сделанный ход, иногда без. И этот вид соревнований распространился по миру очень быстро, захватив всех — от начинающих до гроссмейстеров.

Я с удовольствием играл в быстрые шахматы. Наверно, с возрастом становится все труднее выдерживать напряжение партии, которая длится 3 часа и более, а короткая по времени идет легко. Есть несколько трудных для меня противни-

ков. Счет в серьезной игре с ними — катастрофический. Зато в быстрые шахматы они оказались слабее меня: М. Адамс, З. Азмайпаришвили, А. Морозевич.

Плохой счет у меня и с Каспаровым. Но не в быстрые шахматы. Вот что случилось в 1990 году в Париже. Турнир по олимпийской системе. Играются матчи — две партии в быстрые шахматы. Если счет равный, тогда одна, решающая, партия блиц. Такая система применяется часто. В полуфинале играю с Каспаровым. Первые две партии закончились вничью. Теперь блиц; Каспаров выбрал себе белые, обязался выиграть! Возник ничейный, совершенно ничейный эндшпиль. У Каспарова единственный шанс — чтобы я просрочил время. Мы оба сильно бьем по часам. Часы вдруг упали на пол. Кто виноват? Судья! Он должен был видеть заранее, что происходит. Теперь, пока устанавливают часы, я вспоминаю, что существует правило — в ничей-

ном положении требовать зафиксировать результат, не дать противнику шанс бессмысленной игрой реализовать перевес в скорости рук. Я требую от судьи Гийссена зафиксировать ничью. Он подчиняется. Каспаров отпал. Я выхожу на финальный матч с Н. Шортом.

Существует удивительная незримая связь между главным судьей и фаворитом в соревновании. Так, судья О'Келли в 1974 году находился под влиянием Карпова, который вел себя неприлично в матче со мной, но слабовольный бельгиец ему все прощал. Так Талю в Польше в 1974-м году простили, что он сдался в

партии против Адамского и позволили выиграть, так Каспарову в 1997 году простили, что он взял ход назад против Юдит Полгар, и тоже позволили ему выиграть. Кто простили? Судьи!

И на этот раз судья Гийссен не смог смириться с тем, что фаворит проиграл. Накануне он признал решающую партию ничьей и, таким образом, назвал меня победителем матча, а на следующий день решил изменить регламент турнира и назначил нам играть дополнительные блиц-партии. При таком судье я был обречен. Я проиграл третью дополнительную... Каспаров очень

Гарри Каспаров, Петра Лееверик и Виктор Корчной. Брюссель 1986 г.

хорошо понял, что случилось. Я ведь мог настаивать на выигрыше матча! Но предпочел покориться главному судье и обстоятельствам. И потерял при этом крупную сумму. И эту сумму в благодарность возместил мне Каспаров!

...Сложная, противоречивая личность — 13-й чемпион мира. Для моей биографии, изданной на немецком языке в Швейцарии, Каспаров написал вступительное слово. Там есть фраза о том, что в наших взаимоотношениях было много «туда и обратно». Странно, так не должно было быть — ведь я, казалось, был его естественным союзником, он полжизни своей, также как и я, боролся против Карпова! Но когда Каспаров выступал перед гроссмейстерами, требовал безоговорочно одобрить его замыслы, выяснилось, что мой авторитет, мое влияние в гроссмейстерской среде не уступают влиянию чемпиона мира. А удары по его позиции диктатора в шахматном мире Каспаров не прощал никому. В действительности, однако, я никогда не был его врагом и к группе его многочисленных врагов никогда не присоединялся. Отмечу, что

он, вообще, не слишком тонко разбирался в людях...

Человек крайних взглядов — в жизни, в политике, в шахматах, позволявший себе резкие, беспапелляционные высказывания в прессе. Как-то он подариł мне книгу о новых взглядах на мировую историю. Она утверждала, что историю пишут люди, как правило, далекие от объективности, а потому все написанное — вранье! Но ведь это нигилизм, пропаганда безграмотности, поскольку из отрицания правдивости, преемственности человеческого опыта логично вытекает вывод, что ничего учить не надо!

Я знаком с политическими высказываниями Каспарова. Не считаю себя компетентным обсуждать, комментировать их, но я высоко оцениваю знания, опыт людей, занятых в сфере политики, и потому считаю, что на знатока в политике необходимо учиться. Стать политическим деятелем, используя свою популярность как гроссмейстера — так пытаются поступать некоторые. Но выглядит это несерьезно. Одного знания шахматной стратегии, чтобы понимать политические задачи, недостаточно...

Глава 34.

О МОЁМ ГРАЖДАНСКОМ СТАТУСЕ И О СЕТЧАТКЕ

После окончания Олимпиады 1978 года в Буэнос-Айресе я вернулся домой — в Швейцарию, в Волен. Меня встречали красиво: сотни людей приветствовали меня, муниципалитет подготовил и вручил подарки. У меня была теперь отдельная квартира, мебель удалось вывезти из Порца. Был телефон. Его номер еще не значился в справочниках, но под Новый год он зазвонил. В первый раз. Звонили из советского посольства, по делу. Мне сообщили, что указом Президиума Верховного Совета меня лишили советского гражданства. Как я узнал впоследствии, вопрос этот обсуждался в ЦК КПСС. Весь ареопаг подписался под этим решением...

Напомню, что в Голландии моя просьба о политическом убежище не была удовлетворена. Причины моего бегства не были признаны политическими. Мне было предоставлено только разрешение на жительство, так называемый *verblijfverhunning*. Разница по сравнению с политическим убежи-

щем огромная. Государство, принимающее к себе беженца, заботится о нем как о своем подданном. Со временем он может стать гражданином страны. А временно проживающие — их много; они приходят и уходят. А согласно дипломатической практике, человек, которому однажды отказано в получении политического убежища, не получит статус политического беженца нигде и никогда.

Видимо, с лишением советского гражданства мне крупно повезло. Изменился мой гражданский статус. На этом основании мои хорошие знакомые сочли возможным обратиться к правительству в Берне и добились успеха — я получил убежище в Швейцарии, статус политического беженца!

Не могу забыть тот телефонный звонок... Осенью 2003 года московское телевидение имело со мной беседу. Разговор был посвящен памятной дате — 25-летней годовщине матча в Багио, но были и другие вопросы. В частности, меня спросили, не ощущал ли я страха за

свою жизнь все эти годы. Я тут же вспомнил тот телефонный звонок, рассказал о нем. Звонок не прибавил мне уверенности в неприступности моего жилья. Через несколько месяцев я съехал с той квартиры и стал жильцом у госпожи Петры Лееверик.

Прошло немало лет, прежде чем я получил швейцарское гражданство. Согласно правилам, средняя продолжительность ассимиляции в Швейцарии 10 лет, а для некоторых людей, выходцев из особо подозрительных стран, таких как СССР – 12 лет. В 1990 году подходил мой срок. Нужно было сдавать экзамены на знание истории и конституции Швейцарии. Я отнесся к этим экзаменам халатно. Я думал: я прошел столько экзаменов в жизни! Но оказалось, что запоминать прочитанное на иностранном языке многое труднее, чем на родном! Я провалился на экзамене...

Я еще не был гражданином Швейцарии, а дьявол подсовывал мне всяческие соблазны. Президент Советского Союза (первый и последний!) М. Горбачев издал указ, по которому возвращал подданство двадцати четырем интеллектуалам, в свое время выброшенным из СССР и лишенным гражданства. Первым в этом списке был знаменитый писатель А. Солженицын. Нашлось в этом указе местечко и мне. После-

довал телефонный звонок из посольства СССР, мне предложили прийти и оформить гражданство. Я обдумал ситуацию, поговорил с опытными людьми и дипломатично и мягко отклонил предложение. Думается, что люди с двойным гражданством имеют немало преимуществ, но наличие советского гражданства, гражданства страны, никогда не являвшейся нейтральной, таило в себе множество подводных камней...

Весной 1992 года, преодолев все барьеры, я, наконец, получил заветный паспорт. В ту же весну мы поженились с Петрой Лееверик. И как-то так получилось – мы отправились с ней в свадебное путешествие. И не куда-нибудь, а в Санкт-Петербург!

Советский Союз к этому моменту уже распался. Россия была самым крупным его осколком, бесспорным наследником в прошлом великой – по масштабам и по политической значимости – страны. Мы ехали в Петербург, который я покинул в бытность его Ленинградом. Тогда, уезжая, я твердил себе: «Это навсегда!» Какой бы я ни был провидец (одна ясновидящая сказала мне, что я получаю информацию из космоса!), я не мог себе представить, что с моим бегством начнется необратимый процесс: экономический и политический развал социализма,

и рухнет Советский Союз! – этакое совпадение!

Встречали тепло: старые знакомые и представители организаций. Была организована публичная встреча в огромном зале. Народу пришло видимо-невидимо!

Нас с Петрой поселили в гостинице, которая раньше предназначалась для работников обкома, она и находится недалеко от Смольного. Петра стала жаловаться, что в номере много комаров, а я говорю: «Ну, что делать, Петр построил город на болоте!» Потом через пару дней я решил убить комаров. Я поставил стул, полез наверх — оказалось, что все комары уже убиты. Я говорю Петре: «На Западе нет такого сервиса!»

Мне потом довелось не раз бывать в Санкт-Петербурге. В 1992 году город находился в тяжелейшем экономическом положении. После стало лучше...

А у меня в Петербурге возникли проблемы со здоровьем. Самолет еще только садился в Пулково, а у меня что-то случилось с глазами — стало трудно смотреть. Я говорю жене: «Плохо с глазами», а она отвечает: «Бывает, у меня тоже не все в порядке». Наконец, когда мне стало совсем нехорошо, меня надоумили пойти в глазную лечебницу, прославленную на всю Россию клинику Федорова. Я приехал туда, зашел. Полно народа, очереди. Но,

орудуя недавно полученным швейцарским паспортом, я уже через 10 минут пробрался в самые высокие сферы. Меня обследовали в течение часа. Потом без задержки собрали консилиум врачей. Говорил главный хирург клиники Леонид Горбань: «У вас отслоение сетчатки в тяжелой форме. Вам нельзя лететь самолетом, это еще более ухудшит ваше состояние. Вечером вы должны лечь в нашу клинику. А завтра утром вам будет сделана операция. Операцию будут делать я. За успех не ручаюсь...»

Скажите, как должен реагировать пациент на такую речь? Я заплатил за все анализы и бежал. И не вернулся. Я связался с женой, которая была уже дома, в Волене, и она организовала мне randevu с профессором клиники Цюрихского университета Мессмером на следующий вечер. Я купил новый билет на рейс до Цюриха. Прямо из аэропорта я направился в клинику. А утром профессор сделал мне операцию. Будем справедливы к петербургскому врачу — он прекрасно знает свое дело! Швейцарскому профессору в результате многочасовой операции при полном наркозе не удалось полностью залечить глаз. Через три дня он провел новую, дополнительную операцию при местном наркозе и, наконец, восстановил сетчатку.

ДОКУМЕНТЫ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
Секретариата ЦК Коммунистической Партии
Советского Союза

О лишении гражданства СССР Корчного В.Л.

1. Принять предложение Спорткомитета СССР и Федерации шахмат СССР о лишении гражданства СССР Корчного В.Л.
2. Одобрить проект Указа Президиума Верховного Совета СССР по данному вопросу (прилагается).
3. Внести на утверждение Политбюро.

Результаты голосования: т.т. Суслов, Кириленко, Пономарев, Черненко, Долгих, Зимянин, Рябов, Горбачев – за

22.12.1978

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О лишении гражданства СССР Корчного В.Л.

Принимая во внимание, что Корчной В.Л. систематически совершает действия, не совместимые с принадлежностью к гражданству СССР, и своим поведением наносит ущерб престижу Союза ССР, а также учитывая мнение советской спортивной общественности и Федерации шахмат СССР по данному вопросу, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

На основании статьи 7 Закона СССР от 19 августа 1938 года «О гражданстве Союза Советских Социалистических Республик» за действия, порочащие звание гражданина СССР, лишить гражданства СССР Корчного Виктора Львовича, 1931 года рождения, уроженца г. Ленинграда, проживающего в Швейцарии.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. Брежнев

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. Георгадзе

Глава 35

МАРОЦИ

Это случилось летом 1985 года. Мой знакомый позвонил мне и спросил: «С кем из усопших гроссмейстеров вам хотелось бы сыграть?» Подумав, я сказал: «С Капабланкой, Кересом, Мароци...»

Как я узнал через пару лет, мой знакомый, доктор В. Айзенбайс был председателем швейцарского парапсихологического общества. Через неделю после первого звонка он позвонил снова: «Мы не нашли там (!!) Капы и Кереса, но Мароци нам ответил. Теперь ваш ход!»

В чем, собственно, дело? Господин Айзенбайс, большой любитель шахмат, решил провести эксперимент, связанный с шахматной игрой. Чтобы доказать существование души, независимой от тела, и как следствие — возможность многократного переселения души в тело живого человека. Что означало «мы не нашли там Капу и Кереса...»? Что их души переселились в новые тела!

Меня обычно спрашивали, верю ли я в переселение душ.

А почему я должен был верить?! Меня избрали как инструмент эксперимента, не спросив — что я об этом думаю. Но людям, которые настаивали, я отвечал, что много читал об этом феномене и склонен верить.

Как, технически, проходила игра? М-р Айзенбайс звонил мне, узнавал мой ход и сообщал его медиуму. Роберт Роланс, пожилой человек, который родился в Румынии, а поскольку его отец был немец, проживал в Германии недалеко от Бонна, был медиумом. В состоянии транса он, видимо, оказывался в контакте с Мароци, и под влиянием его речи начинал быстро писать. Большой частью он писал по-немецки, но иногда и по-венгерски, хотя этим языком Роланс почти не владел.

Напомню, что Геза, или, как пишут венгры, Géza Magócsy, был знаменитым гроссмейстером первой трети XX века, соратником Ласкера, Пильсбери, Рубинштейна, Таррата, Капабланки... Он

внес значительный вклад в развитие современной теории. Он разговаривал на многих языках, но, будучи гражданином Австро-Венгрии, говорил безукоизненно в первую очередь по-немецки и по-венгерски.

На протяжении всей игры я не видел медиума. М-р Айзенбайс осуществлял контакт между нами, сообщал мне ходы Мароци, а иногда передавал мне и некоторые страницы, исписанные медиумом, вероятно, под диктовку Мароци. Кстати, мне сообщили — медиум понятия не имел о шахматах!

Итак, игра началась. Меня попросили не пользоваться доской и шахматами, поскольку у Мароци этого оборудования нет. А года через два сказали, что я могу изучать позицию на доске — у Мароци появились шахматы... Мы разыграли французскую защиту, дебют, где мне знакомы все тонкости. Возник острый вариант, где черные жертвуют пешку за инициативу. Тут я получил вопрос от Мароци: играть ли нам по старой дорожке, проложенной в 30-е годы, или по новой, разработанной Эйве и другими гроссмейстерами в 50-е годы. Я не ответил. Мароци, фактически, выбрал второй, новый путь. Что возбудило подозрение многих людей — Мароци умер в 1950-м году; не ясно, располагал ли он на не-

бесах шахматной информацией...

И конечно, меня спрашивали, действительно ли я играл с Мароци, или это был искусно поставленный фарс? С целью добиться паблисити тому парapsихологическому обществу, его председателю — ради солидных дивидендов в будущем. Эта проблема меня не очень волновала. Моя задача была сыграть партию. А с кем?.. Некоторые намекали мне, что все было в руках у м-ра Айзенбайса, что он мог столкнуть меня с кем угодно, даже с Каспаровым! — в случае, если нашелся спонсор с сотней тысяч долларов в руках. Я лично за эту игру не получил ни цента.

Но что я заметил, играя эту партию: первую часть, дебют, мой противник играл очень слабо. Это нетрудно понять, если учесть, что он лет 50 не имел практики и у него не было даже шахматной доски! А потом, когда мы перешли в эндшпиль с лишней пешкой у меня, я вдруг ощутил настоящее сопротивление! Закралась мысль, что я должен быть осторожен, иначе могу и проиграть! Я вспомнил, что мастера прошлого охотно, мастерски разыгрывали эндшпиль...

У авторов эксперимента были тоже сомнения — идет ли игра с Мароци или с кем-нибудь другим. Решили это про-

верить — спросить имя не очень известного игрока, с кем Мароци когда-то встречался. Спросили «Romih», с ним Мароци когда-то с трудом сделал ничью. Мароци ответил, что такого, из четырех букв, он не знает. Но в 1930 году ему по счастью удалось спасти партию против «Romih». Решили проверить еще раз. Спросили про турнир в Карлсбаде 1929 года. Мароци назвал имена многих участников, сказал, что турнир выиграл Нимцович, «исключительно несимпатичная личность»... Спросили Мароци про партию Земиш — Капабланка, где великий шахматист зевнул фигуру на 8-м ходу. Он ответил: «Капабланка очень нервничал в этот день. У него был роман с грузинской принцессой (Ольгой, это имя он не произнес — В.К.). Она сидела в зале, но в этот день в Карлсбад приехала жена Капабланки и тоже пришла в зал».

Партия продолжалась много лет — я был много занят в соревнованиях, медиум часто болел и был не в состоянии войти в контакт с кем-либо в

этом мире, а тем более в потустороннем. Иногда, сказали мне, и Мароци был не в настроении играть — ему было скучно. Наконец, в 1993 году партия закончилась. Я выиграл. Мароци пожелал мне успеха в будущих соревнованиях.

Осенью 1992 года телевизионная студия, расположенная в Кельне, устроила передачу под названием «Необъяснимое» и пригласила нас, всех троих, рассказать об эксперименте. Во время этого шоу я познакомился с медиумом. А вскоре после окончания партии Роберт Роланс умер. Др. Айзенбайс сказал: «Не случайно, что он умер только после окончания партии. Ему было предопределено свыше довести эксперимент до конца».

Новость об этом эксперименте распространилась по всему миру, не только шахматному. Др. Айзенбайс постарался удовлетворить всеобщее любопытство. Заканчивая свои выступления в прессе фразой: «...Мы снова доказали, что кроме жизни на Земле существует и другая жизнь!»

Глава 36

ВЕЙК-АН-ЗЕЕ, ТУРНИРЫ ВАН ООСТЕРОМА И ДРУГИЕ СОРЕВНОВАНИЯ

Шахматный праздник в Вейк-ан-Зее; великолепное, волнующее зрелище! В огромном зале, в здании у берега Северного моря сотни людей — вся шахматная Голландия — заняты любимым делом. Приглашены гости из десятков стран мира. Играют люди всех возрастов, всех шахматных уровней. Приятно смотреть, любого гостя охватывает здоровая зависть!

С 1968 до 2000 года включительно я много раз участвовал в турнире, не всегда с успехом, но всегда с удовольствием. А на пьедестале почести я был четыре раза. Два раза, будучи советским гражданином; памятные трофеи за победы в 1968 и 1971 годах — конструкции из металла — я, убегая из Союза, оставил, и они пропали. Но я завоевал новые...

Запомнилось мне произошедшее во время турнира 1984 года. Климат Вейк-ан-Зеэ тяжелый. Бывают снегопады, такие, что на два шага вперед не видать, сильные ветры, бывает

довольно холодно. Слышатся резкие перемены погоды. Здоровому человеку все эти приключения природы нипочем, а у больных людей может обостриться болезнь. В какой-то день я почувствовал себя неважно и решил съездить в больницу в прилегающий город Бевервейк. На обследование в больнице мне понадобилось больше времени, чем я предполагал. Я явно опаздывал на тур. Играть мне предстояло черными с Белявским. А был это самый первый турнир после того, как советские сняли с меня бойкот. Я дозвонился до судей, сообщил, что я несколько опаздываю, поскольку должен был посетить больницу. Я приехал, мои часы шли, с дефицитом 20 минут я собрался играть. Но Белявский отказался! По его настоянию мы разделили время пополам. А партия оказалась самой важной в турнире — я спас худшую позицию, и мы в итоге разделили первое место.

И еще раз мне улыбнулось счастье. В турнире 1988 года я

проиграл личную встречу конкуренту — молодому Найджелу Шорту, но сумел его догнать в последнем туре. Мы разделили первое место.

Один из самых знаменитых спонсоров сегодняшнего шахматного мира — голландец Йоп ван Оостером. С детских лет шахматы были его страстью. В 1955 году он участвовал в чемпионате мира среди юношей. Победитель того турнира Б. Спасский получил приз за красоту за партию против ван Оостерома.

Юноша с идеями, на заре компьютеризации ван Оостером создал компьютерную фирму «Фолмак»; первые две буквы — его инициалы. За пару десятков лет он заработал много денег, ушел в отставку и опять вплотную занялся своим любимым делом — шахматами. Ван Оостером — гроссмейстер, участвует в чемпионатах мира по переписке. Последний чемпионат мира, тот, что закончился в 2005 году, он выиграл, стал чемпионом мира! Попутно он регулярно вкладывает свои деньги в дело развития шахмат в Голландии. Броде бы — анонимно, но кому нужно, тот знает, откуда текут деньги... Кроме того, он с фантазией организовал и проводит интереснейшие соревнования. Весной каждого года в Монако — там большую часть года находится семья ван Оостеро-

ма — проходит турнир виднейших шахматистов мира. Гроссмейстеры играют друг с другом по две партии — одну в быстрые шахматы, другую вслепую. Было введено правило: занявший последнее место выбывает. Турнир — исключительно высокого класса; в год, когда Н. Шорт играл матч на первенство мира с Каспаровым, он оказался последним в турнире ван Оостерома! А на следующий год выбыл я. Мне оказалось не по силам играть вслепую. Кстати, в те годы меня пригласили сыграть сеанс вслепую на пяти досках, и я показал наихудший результат — выиграл одну партию и проиграл остальные четыре... А турнир ван Оостерома по-прежнему играется, из года в год...

Ван Оостером осуществил еще одну задумку. Он устроил соревнование — «сильнейшие женщины мира против ветеранов». 10 лет игрались такие матчи. Силы были примерно равны. Несмотря на отчаянную борьбу — сильнейшим женщинам амбиций не занимать! — счет был примерно равный.

Я неохотно уступал возрасту. Отказывался играть в специальных соревнованиях для ветеранов, утверждая, что способен бороться и побеждать молодых. Но для этих матчей сделал исключение. Соревнования ван Оостерома — самые финансово-выгодные из всех,

проводимых в мире в эти годы. Но дело не только в деньгах. Соревнования ван Оостерома проводятся в лучших условиях, какие только возможны! Очень приятно, когда организатор уважает приглашенных им людей.

Прекрасные турниры проводил в конце 80-х годов и бельгиец, крупный банковский работник Бессель Кок. Человек с идеями, основатель, кстати, современной системы банковских денежных переводов — Swift, он и в проведение шахматных соревнований внес немало интересных идей...

К сожалению, такое, бережное отношение к шахматистам в последние годы наблюдается нечасто. Наоборот, стало заметно, что организаторы проводят крупнейшие соревнования не из любви к шахматам, а ради наживы. Ну, конечно, у шахматистов долгое время не было официальной организации, которая защищала бы их и их труд. Естественно, что жулики всех мастей стараются использовать привязанность людей к

шахматной игре, завлекая людей, заставляя их платить бешеные деньги за участие в соревнованиях... На меня произвела отвратное впечатление организация турнира на первенство Европы в Охриде (Македония) в 2001 году. С каждого участника брали стартовый взнос — 100 немецких марок. Кроме того, за проживание и питание в отеле невысокого класса взимали по 60 долларов в день — 200 марок с пары муж и жена. В то же время с обычных постояльцев, не шахматистов, брали на 30% меньше. Притом — обязательно заплатить заранее!, чеки не принимаются!, обязательно жить в этом отеле и ни в каком другом! — иначе вас не допустят в турнир... Не кажется ли вам, что тут что-то неладно, читатель? Нам, гроссмейстерам, так показалось... А судейская коллегия, Европейский шахматный союз, ФИДЕ по непонятным причинам закрыли на это глаза... Никто никогда не сообщил шахматистам — куда пошли эти колоссальные деньги.

Глава 37

НОВЫЕ ПРАВИЛА ИГРЫ, СОРЕВНОВАНИЯ В ЛАС-ВЕГАСЕ И В МОСКВЕ

Чем провинились шахматы? Трудно объяснить, за что шахматное творчество подверглось репрессиям. Случилось это в самом конце XX столетия.

Сначала ученые решили создать искусственный человеческий мозг. Вероятно, для того, чтобы оспорить важность природного аппарата мышления. За образец работы мозга приняли работу шахматиста-гроссмейстера. Поначалу было непросто. Специалисты по компьютерам и гроссмейстеры работали отдельно друг от друга, стараясь смоделировать работу мозга за шахматной доской. Прошло более 20 лет, прежде чем они добились успеха. Тогда пошло легче. С каждым поколением — а компьютерное поколение живет всего несколько лет — машина набирала силу. В 1992 году я давал сеанс. Одним из 30 участников был компьютер. В середине игры я допустил небольшую стратегическую ошибку и уже не смог спасти партию — компьютер чистенько довел ее до победы. Вскоре

пришли к выводу, что компьютер стал настолько силен, что может участвовать и быть полезен при анализе партий, отложенной гроссмейстером. А кто побогаче, тот может иметь компьютер и покачественнее. Решили — турнирная партия по этой причине не должна откладываться. Обидно, конечно, — раньше анализ отложенной позиции был как бы частью шахматной науки... Я надеюсь, что рано или поздно человеческие шахматы будут отделены от компьютерных. Компьютер будет помогать человеческим шахматам, но в соревнованиях между ними будет непробиваемая стена. Разница скоро станет настолько разительной, что они встречаться не будут.

Чтобы партия заканчивалась в один вечер, требовалось сократить время на обдумывание. На этом тоже настаивали люди, заинтересованные сделать шахматы более привлекательными для публики. Мыслили, вероятно, так: если ускорить игру да убрать сложное,

запутанное из шахмат, то их поймет даже обезьяна. То есть не поднять уровень понимания публики, а снизить класс гроссмейстеров — так решили руководители ФИДЕ. Новый начальник всемирного шахматного союза, президент республики Калмыкия, крошечной страны, входящей одной сотой частью в конгломерат под называнием «Россия», Кирсан Илюмжинов начал экспериментировать в масштабах всего шахматного мира со временем, отпускаемым на партию, и со временем, отпускаемым на все соревнование. Тенденция к сокращению матчей уже существовала. Так, в 1974 году четвертьфинальный матч игрался до трех побед при лимите 16 партий, такой же матч в 1981 году состоял из 10 партий (а после 14-ти жребий в казино!), а в 1999 году — две нормальные партии! А потом — тай-брейк, где игрались партии с резко укороченным контролем. Создавалось впечатление, что большой начальник, любитель шахмат Илюмжинов не привык прислушиваться к мнению экспертов. Что думают гроссмейстеры, его не интересовало. А ведь его реформы затрагивали в первую очередь интересы, самую жизнь гроссмейстеров!

Очередное соревнование на первенство мира — его назвали чемпионатом мира, но пра-

вильнее, учитывая форму и содержание, назвать его Кубком мира — было назначено в Лас-Вегасе. Место, к шахматам не имеющее никакого отношения. Сокращали время, отпущенное на игру, якобы ради публики, но рассчитывать на появление публики в Лас-Вегасе не следовало. Зато в Европе — в Москве, Амстердаме, Лондоне, Париже посмотреть игру 64-х гроссмейстеров пришли бы сотни, тысячи людей!

Мне выпало играть с С. Долматовым. До этого я с ним серьезных партий не играл. Добротно подготовился. Поставил ему сложные проблемы в дебюте, так что за три дня, которые занял матч, он не смог с ними справиться. Партий с нормальным контролем, где иногда еще есть время подумать, было две, и на них полагалось два дня. Нормальный контроль в конце XX века и начале нового, напоминаю — два часа на 40 ходов, один час на 20 и потом полчаса, а иногда 1 час до конца партии. По непонятным причинам, хотя все партии находились под контролем компьютера и автоматически записывались, от участника требовалось вести запись. Наверно, для того, чтобы сбивать его с толку, не позволяя всерьез обдумывать ходы.

На третий день проводились дополнительные партии.

Сперва пара партий по 20 минут с добавлением 10 секунд за каждый сделанный ход, потом по 15 минут + 10 секунд, потом, если счет равный — пятиминутка!

Мой противник показал себя достойным бойцом. Я выиграл первую — серьезную партию. На следующий день он сравнял счет. Я выиграл партию в быстрые шахматы — он тут же отыгрался. Наконец, в пятнадцатиминутке я выиграл белыми и спас безнадежную позицию черными. Утомленный упорным сопротивлением противника, следующий матч — против Крамника я проиграл без всякой борьбы.

Спустя два года «чемпионат мира по версии ФИДЕ» был проведен снова. На этот раз в Москве, в Кремле. Теперь решили резко сократить время на обдумывание. Так называемые

«серьезные» партии игрались с контролем 90 минут + добавочно 30-секундный бонус за каждый сделанный ход. Такое сокращение я не смог пережить. Я проиграл матч Л. Псахису. И во всех последующих соревнованиях с этим контролем сыграл неудовлетворительно.

Есть кое-что совершенно неприемлемое в соревнованиях, организуемых в последнее время ФИДЕ на первенство мира. Все виды шахмат приветствуются! Пусть будут чемпионы мира по быстрым шахматам, по блицу, по одноминутке, т.н. «Bullet chess»! Но не нужно их смешивать. Нельзя устраивать первенство мира по нормальным, классическим шахматам и определять на финише победителя игрой блиц! Такое случилось однажды, и хочется надеяться — больше не повторится...

Глава 38

ШАХМАТЫ В ШВЕЙЦАРИИ. ТУРНИРЫ В БИЛЕ

Шахматы в Швейцарии стали развиваться позже, чем в окружающих ее странах, медленнее, чем в Австрии, Германии, Франции. Первый шахматный клуб был основан в Цюрихе в 1809 году (за этот клуб я теперь выступаю), первый чемпионат страны состоялся в 1889 году. Насколько сильно играли тогда швейцарцы? На этот вопрос ответить трудно. Но некоторые факты доказывают, что играли неплохо. В историю советских и мировых шахмат вошло имя мастера Ильина-Женевского. Будучи коммунистом в царской России, Александр Ильин был вынужден на время покинуть свою страну. Он жил в Женеве, принимал активное участие в шахматной жизни. Возможно, он выиграл однажды чемпионат города Женева, но прямого доказательства — таблицу того турнира — мне найти не удалось. Будущему победителю Капабланки (Москва 1925) в соревнованиях со швейцарцами не раз приходилось туда. Сохранилась таблица

турнира в Монтре 1914 г., где Ильин набрал 50% очков.

Многократный чемпион страны П. Ионер в 20-е годы прошлого века не раз, и не без успеха, участвовал в гроссмейстерских соревнованиях. В международном турнире 1958 года в Цюрихе Д. Келлер обыграл молодого чемпиона США Р. Фишера. Но по-настоящему интерес к шахматам в этой стране проявился, когда самоучка, житель Цюриха Вернер Хуг в чемпионате мира среди юношей обыграл представителя СССР Р. Ваганяна и стал чемпионом мира! Вот когда закипела шахматная жизнь — возникли новые соревнования: командное первенство страны, международные турниры в Биле, Женеве, Лугано, где стали участвовать резко возросшие в числе сильнейшие шахматисты страны, куда стали стекаться любители и профессионалы этой игры со всей Европы. Мой переезд в Швейцарию в 1977—78 году тоже сыграл положительную роль.

Проведение соревнований в тоталитарных странах регламентируется правительством, организуется по приказу властей. В демократических странах проведение турниров зависит от энтузиазма людей, которые занимаются их организацией. Особенно эта связь прослеживается на судьбе соревнований, которые провозглашаются ежегодными, традиционными. На деле их традиционность зависит от здоровья одного, иногда двух человек, которые организуют турнир, обеспечивают финансовую помощь и т.д. Так, в Лугано проводился крупнейший опен, который перестал существовать с выходом на пенсию его организатора Франческо де Мария. Так, лучшие дни опена в Биле были связаны с деятельностью его организатора Ганса Сури. Он проводил этот турнир 30 лет, с 1968 по 1997 год! Он обеспечил финансовую поддержку турниру банком Credit Suisse. Впервые я сыграл в Биле в напряженном для меня 1979 году и не без везения выиграл турнир с результатом 12 из 13-ти. Впоследствии я не раз играл в том турнире. Не всегда удачно, бывало, и проваливался. Турнир всегда проводился в конце июля. В городе жарко, душно. Душно и в турнирном зале. А я, вообще, считаю, что шахматист, тем более профессионал, должен приходить на

игру, как на праздник. К тому же, что касается меня — noblesse oblige! Приходится давать фору молодому человеку, прибегающему на игру в шортиках. Но когда я чувствую, что одет не так хорошо, как хотелось бы — я хуже играю...

В начале XXI века в зале, наконец, установили кондиционер. И после многолетнего перерыва я опять выиграл турнир. Не без везения, признаюсь. Турнир был совсем молодежный. Я годился в дедушки, а то и прадедушки каждому участнику. В итоге я набрал всего на очко больше пятидесяти процентов, «+2», но этого оказалось достаточно для первого места.

Запомнилась партия с Грищуком. У меня был небольшой перевес. Мой ферзь стоял на центральной линии «d». Черные вышли ферзем на эту линию, предложили размен ферзей. Несколько было, выигран ли эндшпиль, и я отступил ферзем. В обоюдном цейтноте я понял, что, уступив центральную линию противнику, выиграть не в силах. Я вернулся на линию «d», и ферзь черных тут же сбежал с этой линии. У белых стало выиграно. Через несколько ходов черные сдались. «Почему вы сбежали с линии “d”? — спросил я партнера, — почему не разменяли ферзей?» «Видите ли, это был последний ход перед контролем времени. У меня ос-

тавалось две секунды. С d7, где был мой ферзь, до вашего, на d2 — далеко. Я бы просрочил время, делая такой длинный ход», — ответил Грищук.

Запомнилась и еще одна партия из того турнира, на финише. Играю с Пеллетье; у меня лучше, и он в сильном цейтноте. А я играю не спеша. Вдруг — он задумался на несколько секунд над ходом, а я посмотрел на свои часы. У меня осталась одна секунда! Какой по счету ход — не имею понятия, но я решил во что бы то ни стало сделать следующий ход. Он сыграл, я молниеносно ответил. Успел! Оказалось, это был 40-й ход... Я выиграл партию. Интересно: сколько времени нужно пожилому человеку, чтобы из-

бавиться от такого десятисекундного стресса? День, месяц, год? Не знаю, но больше я успехов в Биле не имел...

Как я уже говорил, обычно я отказываюсь выступать в ветеранских соревнованиях, но для командных турниров иногда делаю исключение. В феврале 2004 года меня попросили возглавить сборную Швейцарии на первенстве Европы среди ветеранов в Дрездене. В предпоследнем туре наша в общем-то слабенькая команда встречалась с московской Академией шахмат. Я играл на первой доске против Васюкова черными. Надо сказать, что Васюков не выиграл у меня ни одной партии, а я выиграл у него несколько, в том числе и

Сборная сеньоров Швейцарии. Остров Мэн, 2004 г.

черными. Здесь он меня совершенно переиграл и на 40-м ходу мог получить решающее преимущество. Мы играли с электронными часами; Васюков позже объяснил, что не мог разобрать их показания, испугался просрочить время и сделал какой-то посторонний ход. Через несколько ходов я перехватил инициативу, выиграл совершенно безнадежную позицию, и в итоге команда Швейцарии разделила первое место с немцами.

Судя по реакции делового мира на шахматы, они зани-

мают теперь в Швейцарииsolidное место. Время от времени они, также как и в Германии, используются в рекламных целях. Так, в год 2000 возникла идея пропагандировать молочные продукты при помощи шахмат. Конкретно: Милка, умная корова Милка играет в шахматы и выигрывает. У кого? У гроссмейстера, конечно. Пригласили меня. Съемки проводились в Лондоне. Говорят, я неплохо сыграл свою роль. Проиграв Милке, я расстроился, сбил шахматы и убежал. Почти как в жизни...

Глава 39

НОВЫЙ ВЕК

Когда четверть века назад я бежал из империи зла, я слабо представлял себе свое будущее. Я надеялся на лучшее, но возраст был серьезным отрицательным фактором — чем моложе человек, тем легче ему привыкать к новым, несравнимым с прошлыми, условиям жизни. И вот, по прошествии десятков лет, приближаясь к круглой дате своей жизни, я подводил итог. Я живу в Швейцарии, у меня швейцарский паспорт, жилище, жена, работа, братья по оружию, друзья, почитатели. Я выступаю за клуб Цюриха; меня узнают люди на улицах, полиция в аэропортах, контролеры в поездах. Я не говорю, правда, на швейцарском диалекте, общаюсь на *hoch Deutsch*. Но его знает любой, живущий в немецкой части Швейцарии — у каждого кантона свой диалект, а немецкий язык объединяет всех. Признаться, мой немецкий хуже, чем английский, но я продолжаю повышать свой уровень. Я принял с удовольствием швейцарский образ

жизни, швейцарский менталитет. Есть, однако, одно исключение. Швейцарский нейтралитет — это серьезно. Его влияние ощущается во многих сферах человеческой деятельности. Но я родился и получил воспитание в стране, где нейтралитет не признавался никогда; причем, в отличие от десятков миллионов, запуганных властями, я всегда имел свое мнение и всегда был готов его высказать. И в новой жизни, в новых условиях я остался тем же.

И вот, когда предстояло отпраздновать мое семидесятилетие, чествовать меня захотели в двух местах. Естественно, в Цюрихе. Но и в Петербурге! Договорились, чтобы не в одно время: в Петербурге точно в день рождения, а в Цюрихе — на месяц позже. В Петербурге устроили турнир в быстрые шахматы. Его выиграл Сакаев, я был вторым. Потом торжественный прием. Выступали представители власти города, руководители шахматной феде-

рации и известные шахматисты, хорошие знакомые, выступила с речью по-русски и работник швейцарского консульства в Петербурге... .

А в конце апреля в мою честь состоялся турнир по быстрым шахматам в Цюрихе, в фешенебельном отеле «Baur en Ville». Участников турнира называл я, а приглашали организаторы. Высказали желание приехать также Крамник и Каспаров. Вход в отель и на игру был свободный. Организаторы не подозревали, сколь велик в Цюрихе интерес к шахматной игре, к именам знаменитых чемпионов. Никогда помещения отеля не были так переполнены. Зал для игры оказался забит битком, зал, где комментировали партии — тоже. Самую яркую партию турнира выиграл Крамник — у Каспарова, он же выиграл турнир. Было очень приятно, что мое имя содействовало организации в Цюрихе шахматного праздника.

К юбилею в некотором роде относится и такое событие. Весной 2002 года в Кишиневе, в Независимом Университете Молдавии, сокращенно УЛИМ, мне было присвоено звание почетного доктора. Собственно, среди шахматистов немало докторов — скажем, доктор философии Эм. Ласкер, доктор технических наук М. Ботвинник, но почетное звание, при-

своенное за вклад в развитие шахмат, — это впервые...

Странные бывают соревнования, необычные условия. Мне как-то позвонил гроссмейстер Галлахер. Гражданин Великобритании, он женился на швейцарке, живет в Швейцарии и играет на 2–3 доске за сборную этой страны. Конечно, он выступает и в командном чемпионате Англии. И вот он предложил мне сыграть одну партию за его клуб. Я согласился.

А там такие правила: на важный матч можно пригласить одного «ландскнехта», или «джокера», если угодно, и представить его в заявке за два часа до начала игры. Мне следовало приехать, разместиться в отеле и позавтракать скрытно, чтобы о моем присутствии не подозревали противники. Играть предстояло с сильной командой, которую возглавлял Найджел Шорт. Я думал, что играть буду с ним, к Шорту и готовился. Велико же оказалось мое удивление, когда за два часа до начала матча мне сообщили, что я должен играть тоже с «джокером» — с Бологаном! Очевидно, Бологану также пришлось предпринять все меры предосторожности, чтобы прибыть к месту игры неопознанным. Вероятно, ему пришлось выдержать большое физическое напряжение по дороге в Бирмингем, и он не оправился от него, — я выиг-

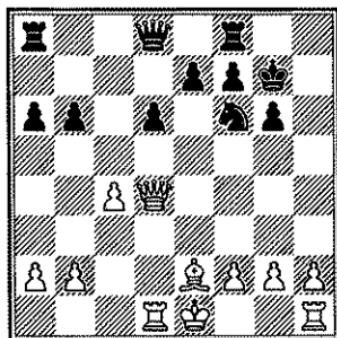
рал партию без особых хлопот, и моя команда выиграла матч.

32. В. Корчной — В. Бологан

Бирмингем 2002

Староиндийская защита E73

1.d4 $\mathbb{Q}f6$ 2.e4 g6 3. $\mathbb{Q}c3$ $\mathbb{Q}g7$
 4.e4 d6 5. $\mathbb{Q}e2$ 0-0 6. $\mathbb{Q}g5$ h6
 7. $\mathbb{Q}e3$ $\mathbb{Q}bd7$ 8. $\mathbb{W}d2$ c5 9. $\mathbb{Q}d1$ cd
 10. $\mathbb{Q}:d4$ a6 11. $\mathbb{Q}f3$ b6 12. $\mathbb{Q}e3$
 $\mathbb{Q}b7$ 13. $\mathbb{Q}:h6$ $\mathbb{Q}c5$ 14. $\mathbb{Q}:g7$ $\mathbb{Q}:g7$
 15. $\mathbb{Q}g5$ $\mathbb{Q}c:e4$ 16. $\mathbb{Q}c:e4$ $\mathbb{Q}:e4$
 17. $\mathbb{Q}:e4$ $\mathbb{Q}:e4$ 18. $\mathbb{W}d4+$ $\mathbb{Q}f6$.

19.g4 e5 20. $\mathbb{W}:d6$ $\mathbb{W}:d6$
 21. $\mathbb{Q}:d6$ b5 22.h3 $\mathbb{Q}fd8$ 23. $\mathbb{Q}:d8$
 $\mathbb{Q}:d8$ 24.cb ab 25. $\mathbb{Q}:b5$ $\mathbb{Q}d5$ 26.a4
 $\mathbb{Q}b8$ 27. $\mathbb{Q}d2$ $\mathbb{Q}c7$ 28. $\mathbb{Q}c3$ $\mathbb{Q}:b5+$
 29.ab $\mathbb{Q}:b5$ 30.b4 f5 31. $\mathbb{Q}g1$ $\mathbb{Q}f6$
 32. $\mathbb{Q}c4$ $\mathbb{Q}b8$ 33.b5 e4 34.gf gf
 35.f4 $\mathbb{Q}c8+$ 36. $\mathbb{Q}d5$ $\mathbb{Q}c2$ 37.b6
 $\mathbb{Q}d2+$ 38. $\mathbb{Q}c6$ $\mathbb{Q}c2+$ 39. $\mathbb{Q}d7$
 $\mathbb{Q}d2+$ 40. $\mathbb{Q}c7$ $\mathbb{Q}c2+$ 41. $\mathbb{Q}b8$ e3
 42.h4 $\mathbb{Q}c4$ 43.b7 $\mathbb{Q}:f4$ 44.h5 e2
 45. $\mathbb{Q}c7$ $\mathbb{Q}c4+$ 46. $\mathbb{Q}d6$ $\mathbb{Q}b4$
 47. $\mathbb{Q}c6$ $\mathbb{Q}b3$ 48.h6 $\mathbb{Q}c3+$ 49. $\mathbb{Q}b6$
 $\mathbb{Q}b3+$ 50. $\mathbb{Q}c7$ $\mathbb{Q}c3+$ 51. $\mathbb{Q}d8$
 $\mathbb{Q}d3+$ 52. $\mathbb{Q}e8$ $\mathbb{Q}b3$ 53.h7 e1 $\mathbb{Q}+$
 54. $\mathbb{Q}:e1$ $\mathbb{Q}g7$ 55. $\mathbb{Q}e7+$ $\mathbb{Q}h8$
 56. $\mathbb{Q}d8$ f4 57. $\mathbb{Q}c8$ f3 58.b8 $\mathbb{Q}$.
 Черные сдались.

В 2002 году на Кюрасао проводился международный турнир, посвященный 40-летию знаменитого «Турнира кандидатов» на Кюрасао. Я в этом юбилейном турнире играл неплохо, боролся за первое место с израильским гроссмейстером Косашвили, мужем Софии Полгар, средней сестры в знаменитой «тройке».

Вообще, семья Полгар — это уникальное явление. Папа Ласло — венгр, мама Клара из закарпатской Украины. Они родили трех девочек, и папа Полгар решил не посыпать их в школу, а воспитывать их сам. Надо признать, ему удалось развить таланты всех трех. Ласло любил шахматы и научил играть дочерей. Жужа, София и Юдит стали играть в шахматы, отказываясь участвовать в соревнованиях для девочек и женщин вообще. Выступали только в мужских турнирах, при этом само собой разумелось, что они женщины и поэтому должны получать большие гонорары! Девочки были напористые, боевые; не только за шахматной доской, но и вообще вели себя резко, по-мужски.

Не сказал бы, что я был в хороших отношениях с ними со всеми, но общий язык нашел со старшей девочкой — Жужей, или, как ее сейчас называют в Соединенных Штатах, Сюзан. Помню, первый

раз я с ней встретился в 82-м году во время какого-то турнира в Англии. Мама ее мне представила, и мы с Жужей играли блиц. Ну, и после мы были в нормальных отношениях. Другие сестры вроде бы тоже относились ко мне с уважением. Но вернемся на Кюрасао.

Я проиграл Косашвили личную встречу, тем не менее, перед заключительным туром мы стояли вровень. В последний день он начал свою партию часа на три раньше остальных, поскольку его сопернику надо было раньше уезжать. К тому моменту, когда моя партия стала только разворачиваться, Косашвили свою уже закончил — он выиграл. А я играю черными с Моландером, и у меня возникли трудности по дебюту. Я сделал ход и вижу: противник выигрывает у меня материал. Моландер сидит думает, и тут к нашему столику подходит София Полгар и начинает изучать позицию. Ну смотреть — смотри на здоровье. Подозвала папу, и они вдвоем встали над головой моего противника-финна. И подумать только, о чем они там шепчутся? Вдруг она начнет шептаться по-английски и пояснит Моландеру, что ему надо делать?! Я решил, что необходимо защищаться, и взмахнул руками: мол, идите отсюда! И тут она произносит: «Who are

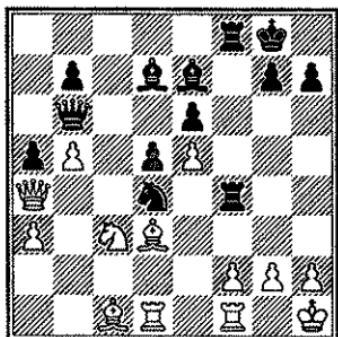
you?!» («Ты кто такой?!») Я тут же вспомнил, как Тигран Петросян пританцовывал в кавказском ритме и приговаривал: «Я кто такой? Ты кто такой? Я кто такой? Ты кто такой?» Но мне тут было не до плясок, я подозвал главного судью, которым, кстати, был Юрий Авербах, и сказал: «Вот эти мне мешают!» И он отогнал болельщиков Косашвили в сторону.

Вот такая случилась история. А Моландер не нашел правильный путь, я выиграл, и мы с Косашвили разделили первое место.

33. Р. Моландер — В. Корчной Кюрасао 2002

Французская защита C02

1.e4 c5 2.c3 e6 3.d4 d5 4.e5
 $\mathbb{W}b6$ 5. $\mathbb{Q}f3$ $\mathbb{Q}c6$ 6.a3 $\mathbb{Q}h6$ 7.b4
 $\mathbb{W}d$ 8.cd $\mathbb{Q}f5$ 9. $\mathbb{Q}b2$ $\mathbb{Q}e7$ 10. $\mathbb{Q}d3$
 a5 11. $\mathbb{W}a4$ 0-0 12.b5 f6 13.0-0
 fe 14.de $\mathbb{Q}d7$ 15. $\mathbb{Q}c3$ $\mathbb{Q}cd4$
 16. $\mathbb{Q}:d4$ $\mathbb{Q}:d4$ 17. $\mathbb{Q}ad1$ $\mathbb{Q}f4$
 18. $\mathbb{Q}h1$ $\mathbb{Q}af8$ 19. $\mathbb{Q}c1$.

19... $\mathbb{Q}e2$ 20. $\mathbb{W}c2$ $\mathbb{Q}:c1$
 21. $\mathbb{Q}:h7+$ $\mathbb{Q}h8$ 22. $\mathbb{Q}:c1$ $\mathbb{Q}f2$

23. $\mathbb{Q}:f2$ $\mathbb{W}:f2$ 24. $\mathbb{W}d3$ $\mathbb{A}g5$
 25. $\mathbb{Q}d1$ $\mathbb{A}e8$ 26. $\mathbb{Q}e2$ $\mathbb{A}h5$. Белые сдались.

Мне нередко задают вопрос о моем вкладе в теорию дебютов. Понятно, что я серьезно продвинул вперед открытый вариант испанской партии. По-видимому, я унаследовал интерес и любовь к этому варианту от Зака. Мне кажется, я внес немало ценного в разыгравшие французской защиты тоже. Сейчас есть несколько крупных специалистов этого дебюта, и все они многое у меня переняли. В рамках теоретических исследований, проделанных на базе югославского «Информатора», я написал книжечку об одном из вариантов французской защиты, а также об английском начале 1.c4 e5. Вообще, статистики подсчитали, что в моих партиях около 70-ти дебютных систем. В доброй трети из них мною были применены существенные уточнения теории, позднее принятые молодыми поколениями шахматистов.

Еще чаще меня спрашивают, какова сравнительная сила шахматистов нынешних и прошлых лет? Есть люди, которые считают: класс шахматной игры растет от года к году, и уж точно от столетия к столетию. Им резонно возражают, что человеческий мозг — вели-

чина довольно постоянная, что мудрецы древней Греции вряд ли уступали ведущим умам XX-го века, что 30, 50, 100, 1000, да и 10 000 лет не существенны с точки зрения эволюции человечества от первобытной стадии к властелину вселенной. Растет чудовищно скорость получения информации, особенно с появлением компьютерного чуда — компьютера.

Исключительный интерес представило голосование гроссмейстеров по вопросу — кто сильнейший шахматист XX столетия? Прошло 30 лет со времен выдающихся побед Роберта Фишера. Успехи Гарри Каспарова ближе, нагляднее. Ему, Каспарову, пришлось на своем пути бороться, побеждать куда больше сильных игроков, чем стояли на пути Фишера! Я тоже принимал участие в этом голосовании и был, естественно, на стороне Каспарова. Тем не менее, большинство гроссмейстеров проголосовало за Фишера...

Куда приведет человечество развитие компьютерной техники, что произойдет с шахматами — не ясно. Но пока что компьютер входит в каждый дом, в том числе — в дом каждого шахматиста. И я работаю ежедневно с компьютером. И благодаря этому мне удается разнообразить свою игру...

Глава 40

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СВЯЗЕЙ С ПЕТЕРБУРГОМ

После моего посещения Петербурга в 1992 году в шахматных кругах города возник интерес познакомиться со мной — эмигрантом поближе. Восстановить славу города — кузницы шахматных кадров, оживить его шахматную жизнь, впрочем, никогда не затихавшую. Руководителю шахматной федерации Борису Хропову удалось заинтересовать шахматными делами руководителя филиала в Петербурге могущественной организации «Газпром» С. Сердюкова. И вскоре, в 1997 году был организован большой турнир, который можно назвать международным, поскольку там приняли участие гроссмейстеры, родившиеся в Ленинграде, но переселившиеся в другие страны. Турнир выиграли втроем А. Халифман (Россия), В. Салов (Испания), В. Корчной (Швейцария).

Потом у петербуржцев возникла идея организовать шахматную встречу двух хорошо известных людей, родившихся в Ленинграде — меня и Спас-

ского. С одной стороны, на радость и пользу шахматистам города, с другой стороны, чтобы способствовать потеплению отношений этих гроссмейстеров между собой. Такой матч в быстрые шахматы состоялся в 1998 году.

Если сравнивать наш рейтинг — я должен был легко выиграть, но Спасский очень хорошо знал мои слабые и сильные стороны и был прекрасно подготовлен. Матч привлек всеобщее внимание, он был хорошо организован, игрался в отличном помещении казино «Конти», сопровождался комментариями для публики лучших гроссмейстеров города. Мне удалось выиграть со счетом 6:4.

Сильных шахматистов в Петербурге много, не хватает не практиков, а организаторов. Хропову при финансовой поддержке Сердюкова удалось все же создать команду. Ее называли «Петербургские короли». Она стала выступать в первенстве России. В команду уговорили вступить и меня. Неясно

было, хорош ли я как командный игрок, способен ли играть против российский шахматистов — их рейтинг явно занижен по причине недостатка соревнований, а теоретическая подготовка на очень высоком уровне. Так что меня включили в состав команды не с целью сделать ее сильнее, а, скорее, как талисман. И вправду, талисман сработал: команда выиграла первенство России на турнире в Смоленске в 2000-м году, заняла второе место в чемпионате Европы того же года. А в 2001 году в Томске команда набрала «+1» командных очков, «+1» в индивидуальных результатах и все равно стала победительницей.

Но особенно эксплуатировать фактор везения не следовало. От команды по финансовым соображениям откололся сначала один лидер, потом другой. Команда всерьез ослабела и вскоре перестала участвовать в крупных соревнованиях.

Между тем в Петербурге появилась еще одна группа организаторов. Нацеленная в основном на работу с юными дарованиями, она, группа Баженова, осуществила ряд интересных замыслов. Был проведен матч с Москвой, который назвали «Матчем поколений». Шести-, восьми-, десяти-, двенадцати-, четырнадцати-, шестнадцатилетние боро-

лись между собой. Меня пригласили быть капитаном. Синекура, конечно. Готовили ребят тренеры, те, которые занимались с ними круглогодично. Мне вмешиваться не полагалось. Я произнес напутственную речь перед началом матча, потом — перед началом второго тура. Ребята выиграли крупно в первый день, а во второй день с таким же счетом проиграли. Все же петербуржцы были довольны — все, кроме меня. На закрытии, поскольку матч проводился в Москве, я обвинил москвичей в применении практической парапсихологии и пригрозил, что в следующий раз в Петербурге парапсихологи отквитаются. Впрочем, состоится ли снова такой матч — нет ясности...

Группе Баженова удалось провести еще одно, помпезное, соревнование. На этот раз для взрослых — матч Париж (точнее, парижский клуб «НАО») — Петербург. Шахматные матчи на расстоянии — не новость. В конце XIX века состоялось несколько таких матчей: Петербург — Лондон 1886—87, Петербург — Париж 1894—95, Петербург — Вена 1898—99 (обратите внимание на активность петербуржцев!), в 1945 году матч СССР — США. Использовались телеграф, телефон, радио. На этот раз это было телевидение плюс

Интернет. Противника, комментаторов время от времени можно было видеть, разговаривать с ними. Проблема с часами, со временем на партию тоже была решена усилиями петербургского конструктора Б. Ешана. Матч игрался на четырех досках, в быстрые шахматы. От Петербурга играли А. Халифман, П. Свидлер, В. Корчной, К. Сакаев.

«НАО» (Париж) представляли В. Крамник (Россия), Т. Раджабов (Азербайджан), Л. Фрессине (Франция), С. Калякин (Украина). Три встречи закончились вничью. Единственный житель Парижа, Фрессине попал со мной в цейтнот и не смог удержать несколько худший эндшпиль. Петербуржцы выиграли у сборной Европы 2,5:1,5.

Глава 41

ПЕДАГОГ-ТРЕНЕР

Профессионал обязан готовить смену! Он, профессионал, не имеет права уходить из этого мира и уносить с собой на всегда свое искусство. Он должен работать как воспитатель, педагог, тренер, передавая опыт молодому поколению. Я подумал: существует гипотеза, что цивилизация Атлантиды была много выше, чем современная. Значит — случилось стихийное бедствие, значит — страна, народ, цивилизация погибли в течение считанных минут...

Человек, передавая свой опыт, вносит вклад в общий процесс развития человечества. Я понял эту мысль не сразу. Помогли, надоумили окружающие...

В начале 70-х годов в спортивном обществе «Труд», членом которого я являлся, Григорий Гольдберг организовал школу для молодых шахматистов России, где преподавал я. Ученики приезжали в Москву два-три раза в год. Всей группой мы рассматривали комментируемые ученика-

ми партии, дома я смотрел их тетрадки, оценивал их домашнюю работу, давал новые задания — просмотреть, прокомментировать то или другое. Фамилий я не запомнил, кроме тех, кто десятки лет спустя пришел ко мне, напомнил, что был моим учеником: В. Маланюк, А. Иванов, ныне гроссмейстеры. Рассказали мне, что заниматься было очень интересно, познавательно. Александр Иванов выехал на постоянное место жительства в Соединенные Штаты. Уезжая, он прятал от советских пограничников... Золото, бриллианты или антиквариат? Нет! Он прятал свои тетрадки с моими комментариями к его партиям! И гордился тем, что вывез их в Соединенные Штаты. О том, как знакомство со мной повлияло на судьбу Владимира Маланюка, вы уже читали.

Вообще, работать с практиками высокого класса непросто. У них давно сложились свои вкусы, предпочтения — как вести шахматную партию.

Если поправлять их, то с большой осторожностью, заодно расширяя кругозор молодого шахматиста, чтобы он сам, возможно, месяцами позже уяснил преимущества внушаемого мною пути. Запомнилась мне и недельная работа во Львове с Белявским, Романишином, Михальчишином, уже тогда, в 1976 году ведущими мастерами Украины. Мы поработали к взаимному удовольствию и пользе.

На протяжении многих лет я занимаюсь в Цюрихе с ведущими шахматистами немецкой части Швейцарии. Как правило, я не демонстрирую свои партии студентам, предпочитаю посмотреть и прокомментировать вместе с группой то, что один из студентов подготовил, поощряя таким образом самостоятельную работу студентов.

Ко мне иногда приезжают издалека ученики. У меня побывали Дж. Бенджамин и Е. Вайцкин из Штатов, Р. ХарЦви и Б. Альтерман из Израиля, Й. Пикет из Голландии, И. Морович из Чили, Ж. Кох, О. Рене, Ж. Лотье из Франции, Се Цзюнь из Китая, побывали швейцарские ребята Я. Пеллетье и Ф. Йенни... Приезжали ко мне поработать и обменяться информацией и люди посильнее — В. Иванчук, Б. Гельфанд. Большинство были довольны, изъявляли желание

встретиться снова. Я не уверен в своем педагогическом таланте, но я стараюсь...

Несколько раз мне случалось быть тренером-секундантом во время матчей. Однажды, это было в 1954 году, я помогал В. Шияновскому в матче против Р. Холмова. Дважды ассистировал Пикету в его встречах против Широва и Дреева. Занятие интересное, но волнующее, тем более, что противники каждый раз имели рейтинг на сотню очков больше, чем патрон...

Два раза мне довелось быть консультантом накануне матчей — я работал с Петросяном перед его поединком с Фишером, а также несколько дней занимался анализом с Тимманом перед его матчем с Карповым 1990 года. Работа эта своеобразная. Готовящийся к матчу дает консультанту позиции для анализа, которые его интересуют. Так, помнится, я приехал к Тимману на 4 дня, чтобы рассмотреть всего пять позиций! Вспоминаю такую историю: Тимманставил мне позицию из испанской партии после, примерно, 25-го хода. Ход за ходом он показал мне, как она возникает. Где-то около 20-го хода я спросил — нельзя ли уклониться, сыграть по-другому. Тимман ответил — нет, уйти с главной дороги нельзя, все форсированно. Мне было по-прежнему кое-

что неясно, но я пожал плечами, и мы на целый день углубились в изучение позиции после 25-го хода. А когда начался матч и возникла эта испанская партия, Карпов ушел в сторону от намеченного Тимманом варианта как раз в том месте, где у меня возникли сомнения. Мне было неприятно — день работы пропал впустую. И представляю себе, каково было Тимману...

А в 2002 году мои тренерско-педагогические способности опять потребовались, но в других условиях. Довольно неожиданно, вне годового плана был назначен матч в быстрые шахматы сборная России — сборная остального мира. Мне позвонили от имени президента ФИДЕ и предложили стать тренером «сборной мира». Приехать в нужное время я не мог — у меня в этот момент было другое соревнование. Но я обещал прибыть чуть попозже. Главным тренером сборной взяли Я. Сейравана. Прекрасный выбор! Сейраван отнесся к этой работе с величайшей серьезностью, твердой рукой он вел команду в бой каждый день. Приехал я.

Поговорил с членами команды, предложил свои услуги как аналитик.

Какая помощь нужна гроссмейстеру экстра-класса? Он ведь внимательно следит за всем, что происходит на шахматной доске во всем мире, обо всем имеет свое собственное мнение. Скорее всего, нужна психологическая поддержка — утешить, ободрить, выразить понимание, солидарность. Я не профессиональный психолог, зато врач-психолог — не профессиональный шахматист. Случилось, что многие участники команды беседовали со мной на кануне игры с глазу на глаз, случилось, что все они сыграли очень хорошо. И приписали этот результат ободряющей беседе со мной. И матч выиграли. И опять отметили, что без меня им пришлось бы труднее. А я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть, тем более, что опровергать как-то не хочется...

Во время одного недавнего интервью мой собеседник-журналист Караулов воскликнул: «Вы счастливый человек!», а я возразил: «Я против такого определения. У счастливого человека нет будущего!»

Виктор Хенкин

СО СВОЕЙ КОЛОКОЛЬНИ

Летом 1976 года, когда Виктор Львович Корчной не вернулся из поездки в Голландию и попросил там политическое убежище, в приморском городе Сочи проходил очередной чигоринский мемориал. Василий Васильевич Смыслов, прохаживаясь по пляжу в окружении участников турнира, кивал на меня и, лукаво щурясь, приговаривал: «Берегите Виктора Львовича, он у нас теперь один остался...»

Шутка нравилась, гроссмейстеры улыбались... Вскоре, однако, им стало не до смеха. Спортивное начальство предложило подписать коллективное письмо с резким осуждением коллеги-невозвращенца. Лишь немногим удалось избежать позора. Среди них — Михаил Моисеевич Ботвинник, чей отказ от подписи имел для меня неожиданные последствия.

«Охотники на привале». Виктор Хенкин, Виктор Корчной и Петра Лееверик. Москва 2004 г.

Тем же летом я провел неделю в пионерском лагере «Орленок», где написал статью о шахматной школе Ботвинника, проводившего там очную сессию. Статья была опубликована в одном из ближайших номеров газеты «Комсомольская правда», шахматным обозревателем которой я значился, и привлекла внимание.

На следующий день меня вызвал тогдашний редактор газеты Л. Корнешов.

— Вам известно, — спросил он, — что Ботвинник отказался подписать письмо советских гроссмейстеров, осуждающих бегство Корчного?

— Известно, — ответил я. — Ботвинник никогда коллективных писем не подписывает.

— А вам известно, — продолжал он, — что «Голос Америки» назвал вашего Ботвинника «совестью советских шахмат»?

Я промолчал. В те времена слушать «Голос Америки» и прочие «вражеские» голоса запрещалось. Передачи глушились специальными установками, однако российские умельцы ухитрялись ловить их даже на свои хилые приемники.

— В такой момент, — продолжал главный редактор, — вам не следовало предлагать к публикации материал о Ботвиннике. Вы допустили политическую беспричинность.

Я почувствовал себя, как на партийном собрании, на которых, к счастью, никогда в жизни не бывал.

— Лев Константинович, — произнес я на голубом глазу, — могу ли я расценивать ваше замечание как рекомендацию регулярно слушать «Голос Америки»?

Корнешов посмотрел на меня, как на ненормального. Но я уже закусил удила:

— Тогда распорядитесь, чтобы его не глушили.

Меня отстранили от работы на два месяца — в Кодексе законов о труде была такая мера взыскания. Зато теперь я могу с полным основанием говорить, что пострадал за Ботвинника и моего двойного тезку, стародавнего товарища Виктора Львовича Корчного.

А встретились мы впервые 50 лет назад в Риге на командном первенстве СССР. Ему было 23 года, он учился на историческом факультете Ленинградского Университета. Когда нас познакомили, я, смеясь, воскликнул:

— Прекрасно! Будете писать историю шахмат.

Молодой мастер пренебрежительно фыркнул и прошел сквозь зубы:

— Не я напишу, обо мне напишут.

Что-то знакомое послышалось в его словах. Вернувшись в Москву, я разыскал первоисточник. В 1896 году на вопрос историка Л. Бахмана, почему он не хочет написать о себе книгу, первый чемпион мира Вильгельм Стейниц ответил: «Я не историк шахмат, я сам кусок шахматной истории, мимо которого никто не пройдет. Я о себе не напишу, но уверен, что кто-нибудь напишет...»

Ответ Корчного не показался мне верхом скромности, но Виктор Львович не слишком ошибся в своем предсказании. Океан лжи и грязи, вылитый на одного из сильнейших гроссмейстеров мира советскими спортивными функционерами и бесприципальными журналистами, составил бы не один том в новейшей истории шахмат.

«Чукча не писатель, чукча читатель, — перефразируя известный анекдот, любит говорить о себе Корчной. — У меня нет и никогда не было писательских амбиций... Но должен же я рассказать правду!»

Приступая к работе над автобиографией, Виктор Львович Корчной обратился к Виктору Львовичу Хенкину с предложением о сотрудничестве. «Какова может быть форма твоего участия, — писал он мне в письме, — подумай сам».

Я подумал и предложил присоединить к его биографии свои воспоминания о людях, с которыми мы встречались, и времени, в котором жили. Возможно, наши оценки в чем-то не сойдутся, хотя во многих взглядах мы близки не только благодаря имени и отчеству.

Я осознаю, что мои заметки не идут ни в какое сравнение с историческими пластами, поднятыми моим тезкой, но, надеюсь, что они добавят некоторые штрихи, которыми так полна наша жизнь в шахматах.

ВРЕМЕН СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ

В своей родословной Корчной смог насчитать только три поколения. Войны, революции, голод, репрессии, обрушившиеся на нашу страну в

20-м веке, обрушили корни миллионов семей, разметали ветви по всему свету. Виктор Львович позавидовал мироощущению господина Старицкого с площади Пальма-де-Мальорка, чей род берет начало в глубокой древности; судь-

ба одного из его предков описана в стихотворении А.К. Толстого.

Когда был обвинен старицкий
воевода,
Что, гордый знатностью и
древностию рода,
Присвоить он себе мечтает
царский сан,
Предстать ему велел пред очи
Иоанн...

Современный Старицкий черпает жизненные силы в причастности к своему далекому предку, принявшему мученическую смерть от руки тирана. А что испытывали бы потомки Малюты Скуратова, объявившись они ныне? Чувство кровной вины, подобно Светлане, дочери Сталина? Или чувство «законной гордости», как сын Берии?

Разные судьбы выпадали на долю отпрысков древних родов. В 60-х годах прошлого века в московском такси можно было встретить шофера по фамилии Барклай-де-Толли. Да, да, это был потомок того самого генерала, который мудро командовал русской армией в начале войны 1812 года. Ему посвящено знаменитое пушкинское стихотворение «Полководец» («У русского царя в чертогах есть палата...»), это его статуя (наряду с Кутузовым)озведена у Казанского собора в Санкт-Петербурге... Крутя ба-

ранку старенького такси, болтая с пассажирами, благодаря за чаевые, ощущал ли шофер Барклай-де-Толли свою принадлежность к славному имени? Разговоров на эту тему он избегал, а мы между собой острили, что за одну только фамилию его следовало зачислить на исторический факультет МГУ без всяких экзаменов.

Корчной не знает своих прародителей. Это не его вина, а беда. Но от польских предков он унаследовал бунтарский дух и честолюбие, от еврейских — упорство и живучесть. И вот он такой, какой есть.

ИСТОЧНИК ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ

Это только Кобзон бесстыдно утверждает, что антисемитизма в СССР не было. А вот вам, Иосиф Давыдович, анекдотик из недавнего прошлого.

Мальчик говорит маме:
— Хочу жениться на Кобзоне.

— Ты с ума сошел, — возмущается мать, — он же еврей!

На бытовом уровне антисемитизм в России существовал всегда, на государственном — то затухал, то разгорался. В СССР он был негласно узаконен в послевоенные годы и назывался борьбой то с космо-

политизмом, то с сионизмом. Еврейских юношей и девушек в престижные вузы не принимали, на хорошую работу не брали, по службе не продвигали. Пресловутый «5-й пункт» — графа в анкетах и паспорте о национальности — стал темой для многочисленных анкетотов.

Иосиф Кобзон говорит, что в отношении себя он никаких притеснений не ощущал. Еще бы! Он душевно пел патриотические песни, был «лицом страны», так сказать, «государственным евреем». А вот мачеха Корчного Роза Абрамовна была просто еврейкой в государстве и все прелести антисемитизма ощущала на себе. Когда пришла пора Виктору Львовичу получать паспорт, она настояла, чтобы его записали русским, хотя неизвестно, есть ли в нем, кроме еврейской, польской и украинской кровей, хоть капля русской...

Шахматы в СССР были тем полем деятельности, где успех не зависел от анкетных данных. Если брюнет играет сильнее блондина, говаривал Остап Бендер, то здесь уже ничего не поделаешь. И еврейские мальчики усердно играли в шахматы, становились мастерами и гроссмейстерами, чемпионами городов, республик, страны, мира, достойно защищали спортивную честь Советского Союза на международных турнирах.

Вспоминаю XII всемирную Олимпиаду 1956 года в Москве. Ко мне, референту пресс-бюро, подошел господин Шапиро, корреспондент американского агентства Ассошиэйтед-пресс.

— Скажите: кто за кого играет? — спросил он нахально, кивая ярко-рыжей шевелюрой в сторону стенда, где были обозначены соперники в матче СССР — Израиль. С нашей стороны выступали Ботвинник, Бронштейн, Тайманов, Геллер, с израильской, разумеется, «тоже».

Я огляделся. Вокруг шныряли «люди в штатском», рискованная для того времени щутка могла быть расценена как антисоветская провокация.

— Это будет видно по результатам, — ответил я в унисон.

Советские евреи, конечно же, победили, хотя и с минимальным счетом ($2\frac{1}{2}:1\frac{1}{2}$).

Случалось, что высокие спортивные титулы, которые носили еврейские шахматисты, становились источником повышенной опасности.

Однажды, это было в 1967 году, в редакцию «Шахматной Москвы», где я работал ответственным секретарем, пришел Корчной, ведя за собой взведенного Штейна. В ту пору на Ближнем Востоке шла война. Ее развязали арабские страны, но наше правительство,

как всегда, во всем обвинило Израиль. Готовилось коллективное письмо с осуждением его «агрессивной политики». Письмо должны были подписать известные советские деятели науки, культуры и спорта еврейской национальности, среди них тогдашний чемпион СССР по шахматам Леонид Штейн. Ему уже на это намекнули.

Штейн был сильным шахматистом, но слабым человеком. Он знал, что напрямую отказаться от подписи, подобно Ботвиннику, у него не хватит мужества, и позорный шлейф будет тянуться за ним долгие годы. Он просил совета, как избежать этой напасти.

— Беги немедленно из Москвы, — посоветовал я. — Но не домой, во Львов, а куда-нибудь в глушь, чтобы тебя не нашли даже по телефону. Без твоего согласия твою подпись вряд ли решатся поставить...

(Любопытно, что почти десять лет спустя примерно так поступил Давид Бронштейн. Когда собирали подписи под письмом, осуждающим бегство Корчного, он находился на международном турнире в маленьком польском городке и не отвечал на телефонные звонки из Москвы.)

Не знаю, успел ли Штейн воспользоваться моим советом. Война оказалась «6-дневной», и письмо подготовить не успе-

ли, а махать кулаками после драки было нелепо.

Следующую ближневосточную войну 1973 года я встретил шахматным обозревателем «Комсомольской правды». Моим начальником был член редакции, редактор отдела спорта и военно-патриотического воспитания Валентин Ляшенко. Он называл себя «интеллигентом в первом поколении» и путал капельмейстера с капельдинером.

— Давай что-нибудь придумаем, а то главный недоволен, — сказал он мне.

Новые идеи газете всегда требовались. То какой-нибудь конкурс затеем, то матч читатели — компьютер... На этот раз идея, рожденная в недрах редакции, оказалась со знакомым душком.

— Ну, например, — продолжал Ляшенко, — открытое письмо советских гроссмейстеров, извини, твоей национальности с осуждением агрессии Израиля.

— Шахматисты, извини, «моей национальности» такое письмо не подпишут, — возразил я.

— Разве они не поддерживают политику партии и правительства?

— Они не захотят стать «не-выездными».

— Напротив! Мы пошлем их на самые престижные международные турниры!

— Если их там примут, в чем я сильно сомневаюсь...

— Это мы еще посмотрим... А «невыездными» станут те, кто откажется от подписи, — добавил «интеллигент в первом поколении» с недоброй усмешкой.

К счастью, разговор продолжения не имел. Это была попытка бежать впереди паровоза. А «паровоз» катился быстро и докатился до отказа СССР от участия в XXII шахматной Олимпиаде по той причине, что она проводится в израильской Хайфе. Вместо Хайфы мы предложили Бейрут. Вот смеху-то было!

МИСТЕР ИКС

Корчной утверждает, что чемпионом мира Карпова сделали четыре еврея — Бах, Рожаль, Батуринский и Фурман...

Эх, Виктор Львович! А сами-то вы где были?

НАШ ОТВЕТ БЕН-ГУРИОНУ

В 1964 году XVI шахматная Олимпиада проходила в Тель-Авиве. На заключительном банкете, где присутствовали также члены израильского правительства, первый в истории возрожденного государства премьер-министр Давид Бен-Гурион пригласил к своему столу советских гроссмейсте-

ров — победителей «Турнира наций», как иногда называли Олимпиады. Премьер говорил по-русски, и в завязавшейся беседе он, между прочим, заметил, что Израиль весьма заинтересован в репатриации советских евреев, поскольку люди они энергичные, не избалованные жизнью и могут принести своей исторической родине большую пользу.

В рядах нашей делегации возникло замешательство. По советским канонам, «провокатору» следовало дать отпор, но как это сделать, никто не знал. И тогда (по свидетельству гроссмейстера Штейна) слово взял коммунист Ботвинник. Глядя на собеседника сквозь толстые линзы очков, он ледяным тоном произнес:

— А вы не боитесь, что они сделают у вас революцию?

Михаил Моисеевич имел в виду, что русские евреи в одной революции уже успешно поучаствовали...

С тех пор прошло более 40 лет. Приглашением Бен-Гуриона воспользовались около миллиона советских евреев, но социалистическую революцию в Израиле, вопреки предсказаниям Ботвинника, не устроили ибо от этого самого и бежали. Однако влияние на политическую жизнь оказали огромное. Ныне от «русских голосов», а их в стране более четверти, во многом зависит и

состав израильского парламента, и политика правительства. На последних выборах избиратели вновь привели к власти партию «Ликуд» во главе с главным еврейским «ястребом» генералом Ариэлем Шароном.

ВАРИАНТ БОТВИННИКА В ЦК КПСС

В арабо-израильском конфликте Советский Союз занимал чрезвычайно жесткую позицию, требуя от Израиля освобождения всех захваченных палестинских земель без каких-либо предварительных условий. Михаил Моисеевич Ботвинник, который имел собственные взгляды на многие стороны нашей жизни и, конечно же, на мировую политику, предложил свой план ближневосточного урегулирования. Суть его заключалась в том, что палестинцы образуют самостоятельное государство, но Израиль получает право держать на его территории гарнизоны, обеспечивающие всеобщую безопасность.

В ЦК КПСС, куда Ботвинник имел обыкновение обращаться по разного рода вопросам, к его проекту отнеслись с должным вниманием, но отвергли по той причине, что Советский Союз всегда возражал против размещения военных баз на чужих территориях.

Михаил Ботвинник

Это не анекдот и не выдумка. Михаил Моисеевич сам рассказывал мне однажды, как его вызвали в ЦК на собеседование и благодарили за усилия, направленные на борьбу «за мир во всем мире». Вполне возможно, что обращение Ботвинника еще хранится в архивах.

ДЕЛО ЕГО ЖИВЕТ...

В советские времена ведущие спортсмены, в том числе и шахматисты, получали ежемесячные государственные стипендии. Это была целая система пособий для профессионалов, само существование которых в нашей стране пуб-

лично отрицалось. Размеры стипендий колебались от 100 до 300 рублей в зависимости от спортивных достижений и заслуг. Чемпион и экс-чемпионы мира, например, получали более высокое вознаграждение, чем « рядовые » гроссмейстеры. Д. Бронштейн грустно шутил: он не знал, что в матче с Ботвинником борется за звание не только чемпиона мира, но и экс-чемпиона...

Однако на стипендию мог рассчитывать лишь тот, кто никакой другой заработной платы от государства не получал, то есть всецело посвятил себя спорту. Дольше всех, помнится, держался Л. Полугаевский, не желавший бросать работу инженера, но и он, в конце концов, « продался » Госкомспорту. Единственное исключение было сделано для М. Ботвинника: специальным постановлением Совета министров СССР ему разрешалось получать и государственную стипендию, и заработную плату по месту работы.

В 1971 году, когда Ботвиннику исполнилось 60 лет, он обратился в Госкомспорт с заявлением об отказе от стипендии. Свое решение он мотивировал тем, что прекращает официальные выступления в шахматных соревнованиях и не хочет получать незаработанные деньги. Поступая так, Ботвинник освобождался от обяза-

тельств перед Госкомспортом, с которым у него нередко возникали трения. О своем решении он объявил в одном из интервью, оно было опубликовано...

Прошел год. Беседуя однажды с Михаилом Моисеевичем в институте, где он руководил одной из лабораторий, я, между прочим, спросил, как живется ему без стипендии?

— Мне продолжают ее выплачивать, — ответил он к моему удивлению.

— Но вы же от нее отказались!

— А известно ли вам, кем было подписано распоряжение о моей стипендии?

Я не знал.

— Иосифом Виссарионовичем Сталиным. Оно висит на стене над моим письменным столом в рамке. — Чеканным голосом произнес Ботвинник. И добавил:

— Наши чиновники до сих пор боятся отменять его приказы...

А я вспомнил поэтические раздумья Николая Глазкова:

Сталин умер, но дело его
живет.

Это не хорошо, а плохо.
Но виноват не русский народ,
Виновата эпоха.

Даже сейчас, когда минуло более 50 лет со дня смерти «лучшего друга советских физкультурников», эти строки не

кажутся устаревшими. Мертвые хватают живых.

ЧТО ДОЗВОЛЕНО ЮПИТЕРУ

Международный мастер Анатолий Кременецкий в своих воспоминаниях о Ботвиннике рассказывает, как Михаил Моисеевич попросил его проанализировать один из вариантов ладейного эндишиля в партии с Фишером на XV Олимпиаде для журнала «Шахматы в СССР», но обставил дело так, что заказ на статью исходил как бы от заместителя главного редактора М. Юдовича. «Не забудьте только спросить у него, сколько он вам заплатит», — напутствовал Ботвинник молодого коллегу.

Когда Кременецкий, преодолев робость, задал этот воп-

рос Юдовичу, тот посмотрел на него с удивлением и сказал: «Помилуйте, Анатолий Михайлович, у нас ведь не сапожная мастерская...» Кременецкий едва не сгорел от стыда, а впоследствии ругал себя, что не понял «тонкого юмора» Ботвинника.

Ничего себе юмор! Уж Ботвинник-то прекрасно знал, что в нашем ханжеском обществе задавать такие вопросы считалось в высшей степени неприличным. В отличие, скажем, от западных стран, где размер гонорара самым непосредственным образом обуславливается заранее.

Как-то, в конце 60-х годов, редакция «Комсомольской правды», где я вел шахматную рубрику, предложила заказать статью экс-чемпиону мира Максу Эйве, чье мнение по вопросам, связанным с шахматами, считалось весьма авторитетным. Я позвонил ему в Голландию и договорился о статье. Он спросил о гонораре: Я назвал ему сумму в 200 рублей, лежавшую в пределах моих полномочий. Тогда это были приличные деньги. Эйве согласился, и через несколько дней на редакционный телетайп пришла его статья, которая вскоре была опубликована в одном из номеров газеты.

Прошло некоторое время. Однажды позвонил Ботвинник и сообщил, что Эйве находится в Москве и хочет получить

Макс Эйве

свой гонорар. Я пригласил их в редакцию газеты.

В назначенный час два импозантных экс-чемпиона вошли в кабинет заведующего отделом спорта М. Блатина. Мы немного побеседовали за чашкой кофе, а секретарша сбегала в бухгалтерию за гонораром для голландского гроссмейстера.

Эйве раскрыл конверт и выложил содержимое на стол. Из обусловленной суммы былдержан подоходный налог в размере 12 процентов, «к выдаче» причитались 176 руб. 00 коп. Голландский гроссмейстер брезгливо отодвинул деньги и что-то пробурчал, наклонившись к Ботвиннику. Тот объяснил, что господин Эйве возражает против вычетов и хочет получить всю сумму сполна, в противном случае вообще откажется от гонорара.

Мы с Блатиным были обескуражены (ведь подоходный налог взимается во всех странах), но спорить с гостем не стали, сказав, что уладим недоразумение. Вышли в коридор, вывернули карманы, у кого-то что-то позаимствовали (все мы тогда были бедняками), наскребли 24 рубля и принесли их в кулачке. А что же Эйве? А ничего. Сгреб деньги со стола и засунул их в бумажник безо всяких комплексов.

«Что дозволено Юпитеру», не дозволено было советскому мастеру. Посыпая Кременец-

кого к Юдовичу с провокационным вопросом, Ботвинник, возможно, преследовал какие-то свои, нам непонятные цели. Или просто развлекался...

КОЛУМБОВО ЯЙЦО

В 30-х годах прошлого века в советскую шахматную элиту входили два Рабиновича — ленинградский Илья и московский Абрам. Они обладали разными «весовыми категориями» — и шахматными, и интеллектуальными. Преподаватель высшей школы Илья Леонтьевич был образованным человеком, сильным практиком; Абрам Исаакович ходил «в середнячках», зато отличался непосредственностью и веселым нравом. Это ему приписывается рассказчик: «Задремал я, знаете, както с папиросой во рту. Вдруг чувствую: какая-то дрянь горит. Просыпаюсь: я горю!»

А вот еще ...

Существует легенда, как на одном торжественном приеме в честь открытия нового континента кто-то из испанских вельмож поставил под сомнение заслуги Христофора Колумба. «Подумаешь, — ворчал он, — плыл, плыл и наткнулся на землю. Так каждый может».

Колумб велел принести куриное яйцо и предложил собравшимся установить его торчком на столе. Это никому не

удалось. Тогда великий мореплаватель ударил яйцо тупым концом по столу и установил его стоймя. «Так просто!» — воскликнули гости. «Однако никто из вас этого сделать не догадался», — заметил Колумб.

С тех пор выражение «колумбово яйцо» стало означать остроумное и неожиданно простое решение сложной задачи. Александр Алексин, комментируя одну из своих партий и желая образно оценить какой-то сильный ход, дал к нему именно такое примечание: «Колумбово яйцо!»

Это выражение очень понравилось Абраму Рабиновичу, в ту пору уже старейшему московскому мастеру, и однажды он принес в журнал «Шахматы в СССР» свою партию, где среди прочих примечаний были и такие: «первое колумбово яйцо» и «второе колумбово яйцо». Когда ему указали на ошибку, он удивленно воскликнул: «Разве у Колумба было только одно яйцо?!»

Если это анекдот, то он лежит на совести Михаила Михайловича Юдовича-старшего, любившего сочинять разные байки про известных и неизвестных шахматистов.

ПОЧКИ ОДИН

Рубятся здорово,
Бьются отчаянно,

Внуки Чигорина,
Дети Шамаева!

Так много лет назад переиницил известное четверостишие международный мастер О. Моисеев (в первоисточнике — «Внуки Суворова, Дети Чапаева»). С Чигориным все понятно, а «дети Шамаева» — это потому, что ленинградский мастер был тренером и председателем городской квалификационной комиссии. Он подписывал классификационные билеты юных шахматистов, среди которых уверенно шел вперед Витя Корчной.

Шамаев любил коверкать разные словечки. Например: «Поехал в Сочи, — рассказывает Леонид Иванович. — Почки один». «Как это, «почки?» — спрашивают. «С женой», — отвечает.

Однажды Шамаев выступал в ленинградском Доме офицеров с лекцией о сицилианской защите.

— Белые атакуют на королевском фланге, черные — на ферзевом. Кто быстрее атакует, тот и выигрывает. Поняли?

— Поняли, — недружно сказали слушатели.

— Тогда я покажу вам свою партию с московским мастером Чистяковым. Там, правда, была французская защита, но это не имеет значения...

Почки...

ВОЖАТЫЙ УДИВИЛСЯ

В 1966 году Борис Спасский одержал одну из своих ярчайших побед. В американском городке Санта-Моника он выиграл турнир на Кубок Пятигорского, опередив таких знаменитых гроссмейстеров, как Т. Петросян, Р. Фишер, Б. Ларсен, С. Решевский, Л. Портиш, М. Найдорф... Первый приз составил 5 тысяч долларов. Тогда это были совсем другие доллары, а для Спасского и вовсе баснословные деньги. До него никто из советских шахматистов таких призов не получал. Но одно дело завоевать, и совсем другое — удержать. Сразу две государственные машины захотели поучаствовать в его триумфе.

Сначала свою пасть разинула «акула капитализма» — налоговое ведомство США. Оно угрожало оттяпать от праздничного пирога увесистый кусок. На помощь Спасскому пришел аргентинский гроссмейстер Мигель Найдорф. Большой доктор по коммерческой части, он принял колдоватый над налоговой декларацией. Чтобы уменьшить облагаемую сумму, объяснил он, нужно вычесть затраты, связанные с профессиональной деятельностью. Это и оплата помощников при подготовке к турниру, и телефонные расходы на консультации с москов-

скими тренерами во время турнира, и покупка шахматной литературы...

— Помилуйте, — возражал Спасский, не привыкший к «маленьким футбольным хитростям» большого бизнеса: никаких книг он не покупал, тренеров не оплачивал, а по телефону из Санта-Моники разговаривал только с домашними.

— Сие недоказуемо, — настаивал Найдорф и выстроил столбик цифр, подлежащих списанию. Последней строчкой он включил загадочный расход в 500 долларов.

— А это что? — спросил Спасский.

Аргентинский гроссмейстер отечески похлопал его по плечу.

— Вы молодой человек, Борис. Месяц без женского внимания мог отрицательно сказать на вашем самочувствии, а, значит, и на спортивных результатах. Но кто же не знает, во сколько обходится благосклонность прекрасных дам!

— Мигель, — схватился за голову Спасский, — вы сошли с ума! Представляете, какой разразится скандал, если эта декларация получит огласку в Советском Союзе?!

Долго ли, коротко ли, но некоторыми советами многонационального гроссмейстера Борис Васильевич все-таки воспользовался и возвратился в Москву не слишком общи-

панным миллионером. Здесь его уже ожидали в Министерстве финансов.

«Акула социализма» оказалась куда прожорливей заокеанской. От Спасского потребовали обменять враждебные нам купюры на народные рубли. В те годы официальный курс составлял 62 копейки за один доллар. Этот грабительский эквивалент установил вскоре после войны лично товарищ Сталин. Ничего, кроме непомерных государственных амбиций, он не отражал. Для Спасского же был равносителен пожару. Он встал грудью на защиту своего благосостояния.

— Покажите закон, по которому вы хотите отнять у меня честно заработанные деньги, — потребовал он.

Закона не было, существовала лишь незаконная практика. И тогда Спасский, человек весьма далекий от политики, произвел залп по самому логотипу партийных бонз.

— Я не хочу, — заявил он, — чтобы сыночки членов Политбюро ездили в Африку на сафари за мои деньги!

Насчет сыночков все было правдой, но от Спасского такой прыти не ожидали.

Что говорили за высокими кремлевскими стенами по поводу бунта на шахматном корабле, мне неизвестно. К Спасскому, однако, больше не приставали. Избегали гласности,

которой всегда боялись? Или еще проще: «Вожатый удивился, трамвай остановился»?

P.S. Я ничего не сочинил. Когда страсти поутихли, обо всем этом мне рассказал сам Спасский. Мы сидели в его квартире и попивали чаек.

— Так где же доллары? — поинтересовался я.

Борис Васильевич кивнул на небольшой сейф, стоявший в углу комнаты.

Я взглянул на него (на сейф) с умилением. Совсем скоро его содержимому предстояло трансформироваться в сверкающую «Вольво».

ВАМ ВОЗВРАЩАЯ ВАШ ПОРТРЕТ...

Так сложилось, что в 1971 году, когда Борис Спасский был чемпионом мира, я нередко заходил к нему в гости. Он жил на проспекте Мира в трехкомнатной квартире дома «на курьих ножках», прозванного так за архитектурные выкрутасы. Из окон, выходящих в сторону ВДНХ, можно было видеть мухинских рабочего и колхозницу, которых Спасский окрестил «балдами».

Приветливая хозяйка, статная розовощекая Лариса потчевала нас обедом или ужином, как выпадет. Борис Васильевич держался барином, называл жену Солохой и одобрительно

шлепал по одному месту, когда она ставила на стол выпивку.

Беседы мы вели самые разные (я готовил очерк о десятом чемпионе мира), чаще всего они касались Фишера, рвавшегося к трону, как одержимый. Спасский его не боялся, как, впрочем, никого и никогда. Более того, испытывал к нему симпатию и желал успеха. В этих чувствах сквозил, однако, и личный расчет: матч на первенство мира с американцем сулил ему куда большие дивиденды, нежели с любым из соотечественников. Когда Тайманов проиграл Фишеру всухую, Спасский, казалось, не был удивлен этим результатом и, смеясь, показывал, как Марк Евгеньевич накануне матча «надувал щеки» от сознания собственной значимости. Борис вообще обладал природным даром имитатора и некоторых коллег-гроссмейстеров пародировал с таким мастерством, какому мог бы позавидовать даже Максим Галкин.

И вот сидим мы однажды в конце июня за бутылкой коньяка и обсуждаем перспективы теперь уже полуфинального матча между Фишером и Ларсеном. К датчанину Спасский относился с симпатией, замешанной на иронии. «Много амбиций, мало амуниции», — говорил он про него, вспоминая их претендентский матч в Мальме из предыдущего цикла.

— Но Бобби его так просто не одолеет, — заключил Борис Васильевич.

И тогда я возьми да скажи, что Ларсен у Фишера вообще ни одной партии не выиграет.

— Ну что вы, Виктор Львович, — укоризненно пробурчал Спасский.

— А вот и не выиграет, — упорствовал я.

Тут отворилась дверь и вошел Игорь Захарович Бондаревский. Узнав о предмете наших разногласий, он резонно предложил: а вы побейтесь об заклад.

— Отвечаю тройным, — задирясто произнес Спасский.

Я заявил, что ставлю две бутылки против, сами понимаете, шести. Ударили по рукам.

— Вам возвращая ваш портрет, — сказал Борис Васильевич, наполняя рюмки.

Это была строка из модного когда-то танго. К Спасскому время от времени прилеплялись всякие дурацкие словечки и выражения, употреблял он их кстати и некстати по только ему понятной ассоциации.

Мы опрокинули «на посошок» и расстались. На этот раз надолго. В июле Фишер обыграл Ларсена под ноль, как и Тайманова. Но Спасский куда-то запропастился, и выигранное мною пари повисло, как отложенная партия. Я уже начал о нем забывать, как вдруг — помню, на дворе стоял сентябрь,

— зазвонил редакционный телефон в «Комсомольской правде» и знакомый голос произнес:

— Виктор Львович, какой коньак вы предпочитаете?

— «Наполеон», — ответил я без запинки. Это был один из самых дорогих коньяков того времени.

На другом конце провода воцарилось молчание. Я взял ход назад.

— Соглашаюсь на армянский.

— Ждите меня через полчаса, — сказала трубка с облегчением.

Ровно через 30 минут на 6-й этаж правдинского комбината поднялся 10-й чемпион мира. Под мышкой он держал увесистый сверток, маркированный торговыми знаками приснопамятной «Березки» — сети магазинов, торговавших на чеки, заменявшие валюту.

— Вам возвращая ваш портрет! — торжественно произнес Борис Васильевич, вручая мне пакет. На сей раз это выражение полностью соответствовало смыслу происходящего.

Мы укрылись в кабинете заведующего отделом спорта Михаила Блатина. Иногда к нам «заглядывали» и другие сотрудники газеты, помню Владимира Снегирева, Юрия Роста... Два часа травил Борис Васильевич байки из «шахматного склепа». Пакет из «Березки» похудел ровно наполовину...

Мы вышли на улицу. У подъезда стояла новенькая «Вольво». Иномарки в Москве были тогда редкостью, а такая и вовсе в диковинку. Среди горбатых «Побед», непреклонных «Волг» и чахлых «Москвичей» она выделялась совершенством форм, изяществом линий и скрытыми лошадиными силами.

— Прошу, — сказал Спасский, распахивая передо мной дверцу. Я с опаской посмотрел в его отнюдь не ясные очи. Но отступать было поздно.

Скажу откровенно: другой такой езды я не припомню. Она походила на кадры чаплинских «Огней большого города», где машину вел разуверившийся в жизни миллионер. С завидным хладнокровием гнал Спасский свою «Вольву», не слишком заботясь о светофорах, дорожных знаках и прочих глупостях. Другие водители уступали ему дорогу, а гаишники провожали взглядом, но не свистели и жезлы не поднимали. Он был Чемпионом, в Москве его знали, любили и закрывали глаза на маленькие слабости...

Когда я выходил у своего дома из машины, меня слегка покачивало. Борис Васильевич помахал мне на прощанье рукой, и я услышал уже привычное «вам возвращая ваш портрет», что можно было истолковать как угодно.

ГАМБИТ СОКРАТА

Когда-то я разрешил Евгению Гику, моему шахматному ученику со Стадиона юных пионеров, использовать в своих публикациях истории, рассказанные мною на страницах различных изданий. Некоторые он так растиражировал, что они превратились в расхожие байки, например, эпизод с Борисом Спасским. Между тем в той коротенькой беседе содержится куда больше смысла, чем показалось Гику.

Действительно, Спасский спросил меня однажды: жениться ему на француженке Марине или нет? Случилось это летом 1976 года. К тому времени он уже принял решение и в моем совете не нуждался. Но поскольку женитьба влекла за собой отъезд из СССР во Францию, ему хотелось знать, как отнесутся к этому советские журналисты, коих я в некотором роде представлял. По «моральному кодексу строителей коммунизма» даже такой, легальный способ эмиграции считался чуть ли ни изменой родине.

Я оказался в неловком положении и, не зная, что сказать, призвал на помощь Сократа. Великий мудрец более двух тысяч лет назад ответил на этот вопрос соответственно своему имиджу: «Как бы ты ни поступил, ты будешь об этом

горько сожалеть». Совет не оставил Спасскому никаких шансов, и он избрал русский вариант, впрочем, мало чем от сократовского отличавшийся: «Лучше сделать и жалеть, чем не сделать и жалеть».

Минуло более четверти века. Борис и Марина уже сыграли серебряную свадьбу. И Евгений Гик всякий раз подчеркивает, что сентенция Сократа применительно к Спасскому оказалась ошибочной.

Такой критерий здесь неуместен. Житейская мудрость, заключенная в сократовском высказывании (как, впрочем, и в поговорке), не может быть ошибочной по определению. Пусть брак Бориса и Марины оказался прочным. Но это вовсе не означает, что во французском периоде жизни Спасского не было моментов, когда он по тем или иным причинам мог пожалеть о своем выборе. А мог и не пожалеть...

«Гамбит Сократа» тем и отличается, что его нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. Он разыгрывается в людских душах, а душа человека, как известно, потемки.

БОРЩ С ПАМПУШКАМИ

Киевский ресторан «Москва» издавна славился отменным украинским борщом с

пампушками. Отведать это аппетитное кушанье приходили осенью 1968 года почти все москвичи, занятые в финальном матче на первенство мира между Виктором Корчным и Борисом Спасским.

Заглянув в ресторанный зал — это было накануне первой партии матча, — я обнаружил за одним из столиков одиночного Корчного и, конечно, поспешил к нему присоединиться, чтобы задать, как теперь говорят, несколько «эксклюзивных вопросов».

Не успел я раскрыть рта, как невесть откуда возник Борис Спасский и с радостным возгласом «Два Виктора Львовича — это к счастью!» вклинился в нашу позицию с бесцеремонностью слона.

Ответный ход Корчного последовал незамедлительно. Молча, с тарелкой борща в руках он перебрался за другой столик, всем своим видом давая понять, что вовсе не рад ни обществу соперника, ни его присказке.

Я не слишком удивился такому повороту событий, поскольку знал привычку Корчного во время серьезных поединков не вступать с соперником в дружеские беседы.

Как мне казалось, сходной чертой характера отличался и М. Ботвинник. Когда М. Таль подписывал с ним соглашение о матче за звание чемпиона мира 1960 года, рижанину было

строго-настрого наказано не сердить Михаила Моисеевича. На все, порой не слишком выгодные для претендента условия матча, Таль отвечал соглашением, не давая сопернику повода для споров. Не стала ли эта «бесконфликтность» одной из причин проигрыша Ботвинника, не сумевшего «разозлиться» на улычивого рижанина? Любопытно, что годом позже, когда между ними уже успела пробежать черная кошка, Ботвинник легко взял реванш.

Сопоставление характеров показалось мне оправданным, и я опубликовал эту заметку в одном из шахматных бюллетеней. Заметка попалась Корчному на глаза, когда он уже проживал в Швейцарии, и вызвала неожиданный гнев: «Зачем ты рассказал об этом случае с борщом? — писал он мне сердито. — Ты ведь не хотел сказать обо мне плохо? А для читателей теперь ясно, что Спасский личность светлая, а Корчной — темная... Ты разве не знал, почему я тогда не захотел беседовать со Спасским?»

Честно говоря, я не знал. И когда мы с Корчным встретились в Москве, задал ему этот сакраментальный вопрос.

— И я что-то не припомню, — сказал Виктор Львович. А потом добавил:

— А с какой стати я должен был валять с ним ваньку?

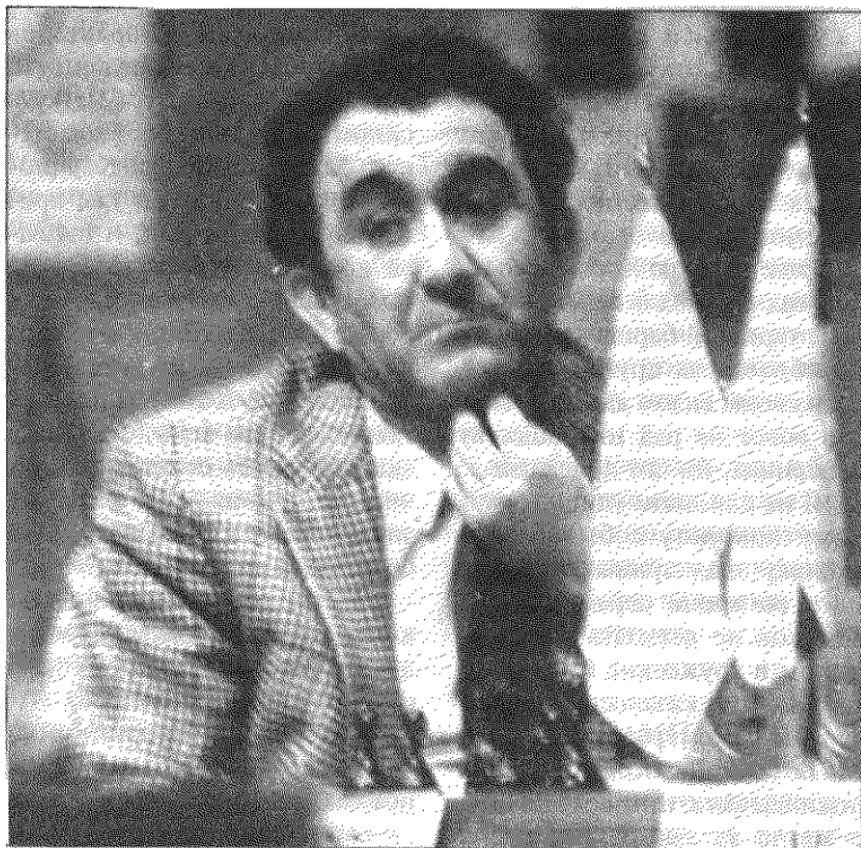
СЛАВНЫЙ «ПТАХЪ»

Странная была манера у Тиграна Вартановича Петросяна. Встречая меня в клубе, в редакции ли, он, случалось, строил уморительную гримасу и с горланным кавказским акцентом громко восклицал: «Хэнъкин!» На протяжении многих лет знакомства в наших отношениях возникали разного рода сложности, но в неприязнь они никогда не перерастали. Тем непонятнее казалось

его желание постоянно коверкать мою фамилию.

По заведенному годами порядку я притворно сердился и предупреждал, что не стану откликаться, пока он не назовет меня по-человечески. Немного поломавшись, Петросян членораздельно произносил мою фамилию на чистейшем русском языке. Инцидент считался исчерпанным.

Тигран Вартанович говорил по-русски почти без акцента, писал грамотно, образно, с

Тигран Петросян

большим старанием, чтобы, не дай Бог, не быть заподозренным в плохом владении языком. Когда он приносил свои статьи в редакцию, то как-то стеснительно просил повнимательнее их прочитать. На редакторском языке это называлось «почистить». Могу, однако, засвидетельствовать: даже в косметической правке написанные им материалы, как правило, не нуждались. И все же чувствовалось, что своему русскому Петросян доверяет не вполне.

Как-то в конце 70-х я гостил на спартаковской спортивной базе под Москвой, где готовил для «Комсомольской правды» статью о юношеской шахматной школе Петросяна. В перерыве между занятиями мы с Тиграном Вартановичем нередко прогуливались вдвоем, беседуя о разных разностях. Он любил музыку, обладал прекрасным музыкальным слухом, несмотря на прогрессирующую глухоту, и во время наших прогулок постоянно напевал что-нибудь себе под нос.

Однажды он остановился и спросил:

— Ты знаешь все русские слова?

Я рассмеялся.

— Тогда скажи, что за слово такое — птах? А?

— Где ты его выцарапал?

— Да вот, в песенке: «Соловей российский, славный птах...», — и он напел куплет.

Это была популярная тогда песня Д. Тухманова на слова А. Поперечного «Соловьиная роща», ее еще Лев Лещенко исполнял...

— Пташку знаю, птаху знаю, а птaha — нет, — не унимался Петросян, и было видно, что это его раздражало.

Я покал плечами. Мы оба не знали, есть ли такое слово в русском языке, с той лишь разницей, что он своего незнания стеснялся, а я — нет.

Вернувшись в Москву, я открыл толковый словарь Ожегова. Ни птaha, ни даже птахи там не было и в помине, маячила лишь одинокая пташка. Коллеги-журналисты, коих я расспрашивал, ничего определенного сказать не могли. «Птахъ» неожиданно выпорхнул со страниц Даля, причем оказался «гнездовым» ко всему птичьему поголовью. Только тот, подумал я, кто, подобно автору песни Анатолию Поперечному — мучительно искал нужную рифму, мог натолкнуться на это редкое, давно вышедшее из употребления словечко!

Прошло некоторое время, прежде чем я поделился с Тиграном Вартановичем результатами своих изысканий. Он помнил нашу беседу.

— Хэнькин, — мягко произнес он с другим акцентом, знакомым мне с детства. — Ведь и ты не совсем русский? А?

Петросян и не думал меня поддеть. Ему нужен был союзник в его навязчивом стремлении овладеть всеми тонкостями русского языка.

КАК Я БЫЛ ПАВЛИКОМ МОРОЗОВЫМ

В пору моей журналистской молодости я много разъезжал по нашей стране, называвшейся СССР. Часто бывал и в Ереване, где проходили разные турниры и чемпионаты. Армяне относились ко мне доброжелательно, поскольку писал я о них с уважением и не забывал нахваливать Тиграна Варташевича Петросяна.

Когда в 1963 году в матче на первенство мира с Ботвинником стало вырисовываться его преимущество, армянские болельщики пустили в ход замысловатую шутку и с особым удовольствием адресовали ее мне: «Как ваш зять — нашего зятя!» Это обозначало: «ваш зять» (то есть зять евреев) — Петросян, женатый на еврейке Роне Яковлевне, выигрывает у «нашего зятя» (то есть зятя армян) — Ботвинника, женатого на армянке Гаянэ Давидовне. Как говорится, без пол-литра не разберешься. А разбирались мы, действительно, за бутылкой, но не водки, а армянского коньяка, который щедро наливали петросяновские болельщики.

Совсем другое настроение царило в 1969 году, когда игрался второй матч между Спасским и Петросяном. Армяне уже не шутили, напротив, были удручены, разве что не рыдали. В фойе Театра Эстрады они хватали мастеров и гроссмейстеров за рукав и тащили к демонстрационной доске, рассчитывая услышать слова надежды. А надежда начала таять во второй половине матча.

Во время 21-й партии я проходил мимо демонстрационной доски, как вдруг кто-то крепко обнял меня за плечи и прохрипел в ухо с кавказским акцентом: «Ну, как там?»

«Хана вашему Петросяну», — сказал я раздраженно. Сказал и пожалел. Вокруг стояли люди с горящими глазами и недвусмысленными намерениями. Нет, это были не хулиганы, а ученые, врачи, музыканты, — словом, цвет армянской диаспоры в Москве, объединенной на этот раз жаждой крови — моей, разумеется. Я приготовился крикнуть, как в детстве, «наших бьют», но никого поблизости не было. И в самый последний момент, когда казалось, что от фингала под глазом меня уже ничто не спасет, я скрестил руки на груди и возвестил громким голосом:

— Павлика Морозова знаете?!

О сибирском пионере, убитом кулаками, знала тогда вся страна, и окружавшие меня люди несколько опешили.

— Если кто-нибудь тронет меня хоть пальцем, то завтра в «Комсомольской правде» появится сообщение о террористическом акте против ее корреспондента!

Это сейчас к терактам привыкли и относятся к ним как к неизбежному злу. А в те времена само слово вызывало мистический ужас. Еще свежи были в народной памяти неправедные суды над безвинными людьми. Самыми тяжкими считались обвинения в подготовке террористического акта против деятелей коммунистической партии и государства. И хотя они почти всегда были сфабрикованы, никто не избежал расстрела.

Моя контратака возымела действие. Враждебные руки застыли на полпути к моей физиономии, окружавшие меня люди быстренько ретировались.

Тут подоспел мой давний коллега Борис Баранов, сотрудник журнала «Шахматы в СССР».

— Эх, — сказал я с досадой, — где ты был?

— Как это «где»? — удивился он. — Пиво пил.

А вы всерьез полагаете, что реклама пива «Толстяк» придумана только сегодня?

ТАЙНЫ АРМЯНСКОГО ДВОРА

Ответственным секретарем «Шахматной Москвы» я начал работать в 1959 году. Главным редактором тогда был гроссмейстер Юрий Львович Авербах. Когда он ушел в журнал «Шахматы в СССР», газету возглавил действующий чемпион мира Тигран Вартанович Петросян. Замечу, что никакого вознаграждения главный редактор не получал, должность была общественной, хотя и престижной. Петросян мало вникал в редакционные дела, ничто не омрачало наши отношения.

Подошел апрель 1966 года, время матча на первенство мира. Петросяну предстояло защищать свой титул против Спасского. Я спросил его как главного редактора, кому поручить освещение матча в «Шахматной Москве». Он назвал Бронштейна. Это была прекрасная кандидатура. Но были и возражения.

— Давид непредсказуем, — сказал я, — может статься, его комментарии тебе не понравятся, а жесткой редакторской правки он не потерпит.

— Пусть пишет, что хочет, — решил Петросян.

Матч продолжался около двух месяцев. Бронштейн подробнейшим образом прокомментировал все 24 партии. Сде-

лал он это с высоким мастерством, на мой взгляд, объективно. Конечно, размашистый почерк Спасского был ему ближе, чем прагматичная игра Петросяна, — и это сквозило в интонациях, — но ничего обидного для чемпиона мира он в своих рассуждениях не допустил. К тому же за все время матча никаких замечаний из штаба Петросяна не поступило. Тем неожиданней была реакция Тиграна Вартановича, когда вскоре после окончания матча он посетил редакцию.

Глядя мимо меня, он сухим тоном сообщил, что не желает больше возглавлять газету, допустившую против него столько выпадов. Каких именно, он уточнить отказался.

— Помилуй, — возразил я, — ты же сам выбрал Бронштейна и дал ему карт-бланш. Если он даже позволил себе какие-то экивоки в твой адрес, ты можешь гордиться тем, что разрешил критиковать себя в своей газете! В конце концов, — прибег я к последнему аргументу, — ты выиграл матч и сохранил звание чемпиона мира. А чемпионы должны быть великолдушными...

Увы, Петросян меня не слышал, все мои доводы натыкались на глухую стену. Кто-то накрутил его самым решительным образом. Такое уже случалось. Подобострастная придворная свита вольно или невольно иг-

рала на темных струнах его души. Петросян был непреклонен. Что послужило истинной причиной его решения, кто подталкивал его к нашему разрыву, я так и не узнал.

«Куковал» я недолго, и вскоре «Шахматную Москву» украсила редакторская подпись Василия Васильевича Смысloва.

Здесь так и просятся знаменитые строки А.К. Толстого:

При нем пошло все гладко,
Не стало прежних зол,
Чуть-чуть было порядка
В земле он не завел.
К несчастью...

Но эта история еще впереди.

МЕНЯ ИСЦЕЛИЛ ФИШЕР

Расставшись с «Шахматной Москвой», Петросян не утратил интереса к печатному делу. В 1968 году после многолетнего перерыва возобновился выпуск еженедельника «64». Бразды правления взял в свои руки Тигран Вартанович. Он начал подбирать сотрудников редакции, в частности, пригласил на переговоры Толя Юдина, выпускающего из «Шахматной Москвы».

Толя работал у меня давно и исправно. Переманивать его было неэтично. Я спросил:

— Ты отказался?

Толя ухмыльнулся:

— Я сказал, что пойду работать в «64» только со своим ответственным секретарем.

«Его» ответственным секретарем был я, Толя хотел подчеркнуть свою преданность.

— И что же?

— Петросян сказал, что подумает.

Все это напоминало испорченный телефон. Но переговоры за моей спиной мне не нравились, и я съязвил:

— Будешь снова разговаривать с Петросяном, скажи, что Хенкин согласен перейти в «64», но только со своим главным редактором.

А моим главным редактором был тогда Василий Васильевич Смыслов.

Юдина в «64» больше не приглашали, но я так часто повторял в досужих разговорах свое «предложение», что оно дошло до Петросяна. Тигран Вартанович рассердился. И вот встречает он меня как-то в ЦШК и говорит:

— Надоели мне твои шуточки. Давай сыграем матч из десяти партий блиц. Если сделаешь хоть одну ничью, плачу тебе миллион.

— А если не сделаю?

— Тогда перестанешь писать о шахматах.

— Могу стать миллионером, а могу безработным? — рассмеялся я.

— Это уж как получится, — сказал Петросян, и было не-

понятно, шутит он или говорит всерьез.

Я отказался. Конечно, каждый из нас мог впоследствии обратить пари в шутку, но моральный ущерб для проигравшего был бы весьма ощутим.

Долго не покидало меня чувство уязвленного самолюбия, какой-никакой, а все-таки мастер, должен же я был взять пол-очка из десяти даже у такого великолепного блицора, как Петросян... И только два года спустя, когда Фишер всухую обыграл и Тайманова, и Ларсена, понял, что поступил мудро...

— Определенно, — заметил Корчной при нашей недавней встрече. Иронии в его словах я не ощутил.

ИЗ «64» С ЛЮБОВЬЮ

Есть в новейшей истории шахматной журналистики бесславный эпизод. О нем в советские времена стыдливо умалчивали, а ныне просто забыли. Речь идет о расправе над «Шахматной Москвой». В течение трех лет она мирно соседствовала с еженедельником «64». Но что-то во всесоюзном издании не ладилось, раз оно увидело опасность в тонюсеньком листке, выходящем два раза в месяц.

Осенью 1971 года в ЦК КПСС, вершившего все дела

нашего государства, было направлено письмо главного редактора «64» Т. Петросяна. Подлинное содержание письма мне до сих пор неизвестно. Кто готовил для него аргументы? Какие огрехи «Шахматной Москвы» педалировались? Какая польза для шахмат виделась в ее закрытии? Какие выгоды вытоговывались? На все эти вопросы может ответить Александр Борисович Рошаль (если захочет). У него есть своя «Повесть временных лет». Он держит ее не только в голове, но и в письменном столе. Многие мои опусы покажутся детскими лепетом, когда он начнет публиковать свои. Вот только дождемся ли?

Результатом обращения Т. Петросяна в ЦК стало решение о закрытии «Шахматной Москвы». Пятнадцать лет добросовестно служила она шахматистам и в одночасье была признана ненужной людьми несведущими и равнодушными. Конечно же, они пеклись об «интересах государства!» «В целях экономии бумаги...» — главный аргумент в стране развитого социализма.

Не могу удержаться от искушения рассказать старый анекдот (а, может, и быль). Однажды у Мао Цзэ Дуна спросили, почему Китай оказывает продовольственную помощь Албании, когда у самого есть нечего? Великий кормчий

ответил: «Чтобы в маленькой Албании целый год было изобилие, китайцам достаточно один раз не поужинать».

Безупречная логика китайского вождя могла бы пригодиться нашим чиновникам для преодоления бумажного дефицита в стране. Например, для того, чтобы «Шахматной Москве» хватило бумаги на 100(!) лет, Политиздату достаточно было бы сократить на пару страниц объем книг Леонида Ильича Брежнева, выходящих миллионными тиражами. При этом большая часть тиража шла в макулатуру, минуя магазинные прилавки.

Главный редактор «Шахматной Москвы» Василий Васильевич Смыслов пытался спасти газету, но делал это недостаточно энергично. К тому же Петросян в те годы пользовался большим влиянием в партийной верхушке. Тогда я обратился к Борису Спасскому. Он готовился к матчу с Фишером, у нас этому событию придавали важное политическое значение. Голос чемпиона мира в защиту «Шахматной Москвы» мог повлиять на ее участь. Но Борис Васильевич не стал подписывать подготовленное мною обращение. Он скрочил гримасу и сказал, что не хочет одолживаться у властей, с которыми отнюдь не дружит. Судьба «Шахматной Москвы» была решена. Она

перестала выходить с января 1972 года...

ПОСЛЕДНИЙ ДОВОД КОРОЛЕЙ

«Печать — самое сильное, самое острое оружие нашей партии».

И. В. Сталин

Вспоминаю 41-й чемпионат СССР 1973 года. Он проходил в Москве в Центральном доме культуры железнодорожников. Рядом со сценой была оборудована специальная комната для участников турнира, где они могли разобрать только что сыгранную партию, подкрепиться бутербродом или просто передохнуть. Попасть туда стремились все репортеры. Они выуживали те самые изюминки, без которых газетные отчеты превращаются в канцелярскую справку. Читателям всегда интересно узнать, кто из «соучастников» о чем подумал, но не сыграл, или сыграл, но не подумал. Самыми доступными на том турнире были Таль, Геллер, Тайманов, недотрогами — Спасский, Карпов, Керес... Вообще-то присутствие журналистов за кулисами турнира не поощрялось, но организаторы до поры до времени к ним особенно не придириались.

Работа у меня была сумасшедшая. Я корреспондировал

в две ежедневные газеты — «Комсомольскую правду» и «Московский комсомолец», а также день за днем выпускал 15 номеров специального бюллетеня, посвященного чемпионату. Под вечер я едва не падал от усталости и поддерживал форму регулярными походами в комнату для участников. Только там можно было взбодрить себя чашечкой двойного кофе и рюмкой коньяка; в буфетах для зрителей спиртные напитки не продавались.

Буфетчица Зина, наливая очередную рюмку, каждый раз интересовалась моим материальным положением:

— Виктор Львович, сколько вы зарабатываете в день?

— Тридцать рублей, — говорил я, не слишком преувеличивая; тогда это были хорошие деньги.

— А сколько тратите?

— Тридцать один, — отвечал я, не слишком приуменьшая.

Зина хихикала и наливала в кредит.

Но однажды дорогу в заветную комнату мне преградил невесть откуда взявшийся охранник.

— Журналистов пускать не велено, — сказал он хмуро.

Я подождал, не добавит ли он «...а также негров и евреев», и спросил:

— Кем не велено?

— Батуринским.

Это прозвучало как приговор без права переписки.

Бывший военный прокурор Виктор Давыдович Батуринский был в те годы «главным шахматистом» нашей страны. Он занимал посты начальника отдела Спорткомитета и директора ЦШК. Умный иственный, он в короткий срок заставил считаться с собой весь советский шахматный истеблишмент.

Наши отношения ничем омрачены не были. Когда-то мы вместе играли в турнирах кандидатов в мастера, даже пару раз встречались за доской. Как журналист я от него не зависел, но на время он считался моим начальником, поскольку бюллетень, который я выпускал, принадлежал шахматному клубу.

Батуринский встретил меня холодно, пахнул в лицо сигарным дымом и мой протест отклонил. Высокое начальство, сказал он, посетило турнир и выразило неудовольствие толчей в комнате для участников. Да и гроссмейстеры жаловались на засилье журналистов.

Виктор Давыдович не лукавил; скорее всего, так оно и было. Но мне очень не хотелось признавать поражение, и я выкатил на бруствер пушки — последний довод королей.

Я пригрозил, что если он не изменит своего решения (хотя бы в отношении меня), то зав-

тра в «Комсомольской правде» появится статья с критикой в адрес организаторов турнира, то есть самого Батуринского. Недостатков много, перечислял я: массовая работа со зрителями ведется плохо, на сцене тесно и душно, демонстраторы путают ходы, а пресс-центр запаздывает с выпуском сводок. Я нес еще какую-то ахинею, кажется, обвинил Батуринского в «гроссмейстерских ничьих», а затем ушел, не попрощавшись. Настроение было ужасное, грубый шантаж ничего хорошего не сулил. И вдруг...

Вечером следующего дня настала минута, когда я, повинувшись внутреннему зову, двинулся, подобно лунатику, к заветной комнате. У дверей по-прежнему маячил охранник, только на сей раз он был вежлив, как дворецкий в английском замке.

— Вас ждут в верхнем фойе, — произнес он с придыханием.

Я поднялся по боковой лестнице на третий этаж и застыл в изумлении. Моему взору открылась волшебная картина. Часть фойе была отгорожена столиками, на них призывающе поблескивали бутылки со знакомыми этикетками, а над всем этим великолепием возвышалась наша замечательная, несравненная Шура Королева, бессменная хозяйка

ЦШК. Она обворожительно улыбнулась и сообщила, что Виктор Давыдович велел оборудовать здесь небольшой буфетик для журналистов, и она готова пожелать мне как первому посетителю приятного аппетита.

Забегая вперед, замечу, что успехом буфетик не пользовался по причине слишком уж однобокого ассортимента. Я же водил туда друзей и знакомых, и вскоре его прозвали «буфет имени Хенкина», а остряки читали отнюдь не мне посвященную эпиграмму:

Любил он Тютчева и Фета,
Но больше всех любил буфета.

Единственно, чего недоставало мне в «моем буфете», так это общения с участниками турнира. Но я знал, где их найти...

— Ну, ты доволен? — буркнул как-то Батуринский, проходя мимо. Я пожал плечами, демонстрируя неподкупность.

Боюсь, что мораль сей басни будет не слишком понятна молодому поколению. Неужели такой человек, как Батуринский, испугался нелепых угроз? Ну, опубликовал бы я свои глупости в «Комсомолке»: газета пишет, ветер носит...

Это сегодня. А в те времена начальник отдела шахмат как официальное лицо должен был в обязательном порядке отве-

тить на критику. Да и его непосредственное начальство из Спорткомитета могло сделать ему неприятное замечание.

Конечно, я не привел бы свою угрозу в исполнение — слишком уж ничтожны были поводы. Но Батуринский, видимо, в этом уверен не был и как тонкий политик, не поступившись принципами, выбрал самый безобидный вариант — ничейный. Я же лишний раз убедился в том, что сталинское заклинание, вынесенное в эпиграф этих заметок, не было пустым звуком в нашем советском государстве.

ВСЕ МОГУТ КОРОЛИ?

Когда Петросян приезжал в Армению, он погружался в атмосферу всеобщего обожания. Его встречали как национального героя, поклонники ходили за ним толпами,сыпали подарками. Любовь соплеменников вдохновляла, питала его жизненные силы. Однако чрезмерные восхваления, лесть, угодничество создавали у него иллюзию всевластия. Он начал ощущать себя не просто «шахматным королем», а «просто королем». Королем Тиграном. А короли, как известно, могут все.

43-й чемпионат СССР 1975 года собрал в Ереване представительный состав, своим уча-

стием его украсил Тигран Петросян. Освещать турнир приехали многие шахматные журналисты; еженедельник «64» представлял ответственный секретарь Александр Рошаль. Не знаю, чем уж он досадил своему главному редактору, но в какой-то момент Петросян так сильно разгневался, что потребовал лишить его аккредитации и... выслать из Армении! Назревал скандал. Все же так далеко могущество Тиграна Вартановича не простиралось. Изгнать Рошаля из Еревана не удалось, хотя он и был отстранен от обязанностей корреспондента «64».

Оставить собственный еженедельник без материалов о чемпионате Петросян, разумеется, не мог, и, когда он пригласил меня в свой гостиничный номер, я уже знал, что за этим кроется. Без всяких хитростей, словно свершая рокировку, экс-чемпион мира предложил мне заменить опального Рошаля. Казалось, он даже в мыслях не допускал, что такой естественный ход может вызвать у меня возражения.

— Тигран, — сказал я как можно спокойнее, — не стану утверждать, что Рошаль мой лучший друг. Но он мой коллега. Мы много лет работаем бок о бок. Я не хочу быть штрайкбрехером.

Петросян обладал богатой мимикой. Я видел, как меня-

лось его лицо: глаза округлились, брови поползли вверх, уголки губ — вниз. Это отображало недоумение и досаду. Король оказывал мне милость, приближал к своему трону, а я, неблагодарный, пренебрег его расположением.

— Как знаешь, — прошел он, сдерживая раздражение.

Корреспондент для «64» вскоре нашелся: в нашей журналистской братии объявилось «самое слабое звено».

Чемпионат выиграл Петросян, армяне устроили пышный банкет. Меня не пригласили. Это было неспроста. В Ереване я представлял «Комсомольскую правду», редактировал турнирный бюллетень и имел все основания находиться в числе гостей. Но поскольку список приглашенных утверждала Рона Петросян, я понял, что мне дали почувствовать недавнюю опрометчивость. Тогда я подговорил моих коллег из типографии устроить свой банкет, и мы засели в ресторане гостиницы «Ани», где я проживал.

Уже были сказаны первые тосты и выпиты первые рюмки, как к нашему столику подошел посыльный и сообщил, что Тигран Вартанович ждет меня за своим столом. Я полез в бутылку, заявив, что «сидим мы здесь хорошо», что «хаявой» не интересуюсь и никуда не пойду. Мои армяне разом

затараторили, дескать, такое оскорбление Тигран не потерпит, подняли меня из-за столика и всем гуртом проводили до банкетного зала куда-то в центр Еревана.

Я тихонечко вошел в зал, пристроился в конце длинного стола рядом с Олегом Романишиным, и он наполнил мой бокал превосходным армянским коньяком. Петросян меня заметил и приподнял бокал в знак полной амнистии. Сам он спиртных напитков не пил, алкоголь усугублял его глухоту. Я нахально опрокинул в себя целый фужер и встретил насмешливый взгляд Роны Яковлевны. Она всегда считала меня горьким пьяницей. Я же был эпикурейцем.

НЕСПЕТАЯ ПЕСНЬ

В один из декабрьских вечеров 1983 года мне позвонил Петросян. Мы не общались несколько лет, и его предложение было для меня неожиданным.

— Я собрался наконец выпустить книгу, — сказал он. — Может, напишешь что-нибудь?

И после короткой заминки, словно стесняясь, добавил:

— Обо мне...

Речь, как я понял, шла о его будущей книге в серии «Выдающиеся шахматисты мира». «Что-нибудь» означало очерк о жизни и творчестве.

— У тебя же есть свой биограф, — не совсем удачно заметил я, имея в виду писателя Виктора Васильева.

— Я разговариваю с тобой, — в голосе Петросяна послышался упрек. Отшучиваться было неприлично.

— Мне нужно подумать.

— Думай, но не очень долго, — сказал Петросян и повесил трубку.

После всяческих недоразумений, омрачивших наши отношения за 30 лет знакомства, ему было непросто обратиться с такой деликатной просьбой. Мне, конечно, льстило, что он предпочел мое перо другим. Но так ли велик был у него выбор? Как это у Маяковского:

Кто меж нами, с кем велите
знаться?

Чересчур страна наша поэтами
нища...

Виктор Васильев, написавший о Петросяне две книги, уже сказал все, что думал, и это «все» Тиграну Вартановичу не нравилось. Об Александре Рощале он и слышать не хотел, настолько глубоким оказался их разлад. Яков Дамский, если и котировался, был ангажирован другими гроссмейстерами. Оставались, конечно, армянские литераторы. Любой из них с превеликим энтузиастом сочинил бы хоть оду, хоть роман. Но лестью Петросян уже был сыт по горло.

Чего он ждал от меня? Насколько свободен был бы я в своих выводах и оценках? И я решил потянуть с ответом, чтобы выговорить себе большую свободу действий. Увы, взятая мною пауза длилась дольше, чем судьба отмерила Петросяну. Он уже был неизлечимо болен. 13 августа 1984 года его не стало...

Книга «Стратегия надежности» вышла в конце 1985 года. Подбор авторов оказался достаточно случайным. Я был представлен одной беседой с Тиграном Вартановичем в канун его 50-летия. В книгу вошли разные интервью, печатавшиеся в журнале «64». Были среди них и отрывки из бесед Петросяна с Рошалем. Однако имя Рошала ни разу не было названо. Так вдова отомстила своему воображаемому врагу.

Сегодня я жалею, что сразу не принял приглашение Петросяна к сотрудничеству. Если даже мой очерк по тем или иным причинам был бы отвергнут, работа над ним помогла бы ближе подойти к одной из главных загадок этого великолепного шахматиста. Почему человек с ярчайшим тактическим дарованием, с бьющим через край кавказским темпераментом пошел в своем творчестве по пути самоограничения, «наступая на горло собственной песне»?

МЭТРЫ И МЕТРЫ

В старом грузинском анекдоте юноша, отправляясь на свидание, спрашивает у отца, сколько взять денег. «Бэри столько», — говорит отец, показывая пальцами толщину пачки.

Метрическая система годится для многих случаев жизни. Пользуются ею и некоторые литераторы. Виктор Корчной рассказывал, как в конце 50-х годов гроссмейстер Котов, хвастаясь своими писательскими успехами, говорил, что уже написал **15 см книг** и хочет довести их до метра. В последующие годы он усердно трудился на этом поприще и был близок к цели, если бы не внезапная кончина в 1981 году.

— Думаю, он все же достиг своего заветного метра, если включил в «собрание сочинений» все написанные им в КГБ отчеты и ориентировки, — заметил Корчной, подводя итоги литературному творчеству шахматного писателя.

«И КАКОЙ НАСТОЯЩИЙ РУССКИЙ»

Александр Александрович Котов не пил и не курил: у него была молодая красивая жена и он берег здоровье. И вдруг в качестве презента за выступление в ЦК КПСС на Старой

площади ему присыпают хрустальный графин с водкой. С чего бы это? — заволновался Котов.

— Не ломайте голову, гроссмейстер, — сказал я за дружеской беседой у него в гостях. — Любому партработнику ясно, что человек с такими истинно русскими именем и фамилией, как у вас, к тому же двойной тезка Алексина, о котором вы написали гору книг, просто не может не быть выпивохой.

— Ну вы и загнули, — усмехнулся Котов, наливая мне из того самого графина.

В хрустале я разбираюсь так себе, но в водке кое-что смысллю и могу засвидетельствовать, что она была отменной. В конце концов, подумал я после третьей рюмки, партийная награда нашла своего героя, хотя и с некоторой поправкой на анкетные данные.

МЕЛИ, ЕМЕЛЯ...

Шахматисты старшего поколения помнят, наверно, эпиграмму Евг. Ильина и шарж И. Соколова на гроссмейстера Александра Котова:

Звание гроссмейстера —
жар-птица,
О которой грезят мастера.
Но решил гроссмейстер
«опроститься» —
Превратился в мастера пера

Александр Котов

Четверть века назад этот рисунок вместе с другими посвящениями висел в интерьере Центрального шахматного клуба на Гоголевском бульваре. Выставку организовало правление клуба, председателем которого был Котов. Ему нравились эти шаржи и подписи к ним — остроумные, изящные и, главное, не обидные, то есть, как принято было тогда выражаться, дружеские.

Беседуя о достоинствах и недостатках клубного вернисажа, мы с Александром Александровичем коснулись однажды извечного вопроса о границе между юмором и сатирой. Котов был человеком вполне советским, я бы даже сказал, пролетарской закваски, любил мелкие провокации... Оглянувшись, чтобы никто не услышал, он процитировал кра-

мольное в те времена четверостишие:

Мы за смех. Но нам нужны
Подобнее Щедрины,
И такие Гоголи,
Чтобы нас не трогали.

Это была тонкая ирония над цензурным запретом критических стрел в адрес ряда лиц, тем и сторон нашей советской жизни. Но в устах Котова эти строки прозвучали не слишком убедительно, и я решил немного поёрничать. Пойдя к картинке с «ныряющим» гроссмейстером, я сказал, что знаю на него эпиграмму, не такую «причесанную». «Прочтите», — попросил он. «Мели, Емеля — твоя неделя». «Я-то тут при чем? — удивился Котов. — Это старинная русская поговорка! Она может относиться к любому, даже к вам!» — И он рассмеялся, щуря один глаз, — такая у него была манера. «А это смотря как изобразить», — не унимался я и написал на листе бумаги:

Мели, Емеля —
Твоя «Неделя».

Конечно, логотип популярной известинской «Недели» выглядел у меня не так отчетливо, но Котов без труда узнал знакомый шрифт. Он вел там шахматный отдел, вызывавший у многих раздражение

своей претенциозностью. «Опять ваш нахал Ильин!» — вспылил гроссмейстер, забыв, что пять минут назад хвалил поэта за остроумие. Вообще-то Котов не относил себя к числу «неприкосновенных», к тому же обладал неплохим чувством юмора, но, увы, подобно большинству людей, не по отношению к собственной персоне. «Вот вам и разница между юмором и сатирой!» — подвел я итог нашему разговору, умолчав, однако, об авторе этой кусачей щутки.

Ее же действительно придумал мой покойный друг Женя Ильин, но о публикации даже не мечтал. Четверть века дождалась эпиграмма своего часа. Вот он и пробил.

ПИТЬ ХОЧЕТСЯ — ВСТАВАТЬ НЕ ХОЧЕТСЯ

Не знаю, кем больше считал себя Александр Александрович Котов — шахматистом или писателем. Наверное, в разные времена по-разному. В последние годы жизни, думаю, что писателем, поскольку кабинет в его квартире украшала не шахматная символика, а огромное, во всю стену, фото панно с изображением толстовской аллеи в Ясной поляне. В этом пейзаже он, видимо, черпал вдохновение. И однажды оно (вдохновение) при-

вело его... нет, не к созданию исторического полотна наподобие «Войны и мира», а в маленькую столярную мастерскую губернского города Тулы, где он провел свои детские годы. Вот как описывает Котов эпизод из своего детства в автобиографической книге «Мастерство» (цитируется с небольшими сокращениями).

— Шурка, принеси попить.

Проехав голым пузом по шуршащим ступенькам, я опускаю босые ноги со столярного верстака... Слезать мне страшь как не хочется. Но ничего не поделаешь, ослушаться отца нельзя: подхожу к ведру, черпаю полную кружку прозрачной колодезной воды и с наслаждением пью ее. Потом вновь черпаю воду, несу отцу и... получаю нагоняй...

— За что, папа?

— Ты хотел пить?

— Хотел.

— А почему не сходил?

— Так... — мнусь я.

— Значит, если бы я тебя не попросил принести воды, ты до сих пор сидел бы. Пить хочешь, а иди ленишься. Вот за это тебе и попало...

Поразительно, не правда ли? А вот тот же сюжет, только без литературных вывертов.

Поручик слышит сквозь сон, как спящий на полу денщик время от времени бормочет: «Пить хочется — вставать не хочется...»

— Иван! Принеси воды! — приказывает офицер.

— Слушаюсь, ваше благородие! — вскакивает денщик.

— Пей, дурак...

Возникает вопрос: этично ли для описания собственной жизни заимствовать сюжет избитого анекдота?

Раскрывая тайны творчества, Анна Ахматова писала:

Когда б вы знали, из какого сора

Растут стихи, не ведая стыда...

Но то в произведениях художественных. А в автобиографических?

Впрочем, Котов в своем ремесле таких нюансов не различал. Даже глядя на пейзажи Ясной Поляны...

ПОЗВАЛ В НИКУДА

Гроссмейстеры Александр Котов и Альберик 'О'Келли дружили семьями. В 1980 году бельгиец пригласил своих друзей в гости. Пока оформлялись документы на выезд, произошло несчастье — О'Келли скоропостижно скончался. Опасаясь, что поездка сорвется, Котовы никому об этом не сказали и отправились в Бельгию, хотя и на похороны уже не успевали.

Увы, несчастье поджидало самого Александра Александ-

ровича. Вскоре после возвращения в Москву он умер от сердечного приступа.

Помню, как склонный к мистике Василий Васильевич Смыслов многозначительно воздел указательный палец к небу и таинственно прошептал: «О'Келли снова пригласил его...»

Однажды я рассказал об этом случае писателю Аркадию Вайнера, заметив, что и меня больше всего поразило роковое стечье обстоятельств. На Вайнера же произвела впечатление другая сторона этой печальной истории: «Каков же был моральный климат нашего общества, — сказал он, — если человек ради поездки за границу скрывал смерть своего друга».

ОШИБКА КОРЧНОГО

В 1975 году я редактировал специальный выпуск бюллетеня ЦШК «Турниры и матчи». В числе главных спортивных событий был и зональный турнир ФИДЕ, проходивший в Вильнюсе. Планировалась статья о его творческих итогах. Хотелось, чтобы это был взгляд со стороны, авторитетный и беспристрастный. Мой выбор пал на Корчного, известного своими высокими требованиями и нелицеприятием. Но были и другие соображения. Проиграв финальный матч претендентов А. Карпову (1974 г.),

Виктор Львович дал слишком откровенное интервью югославскому телеграфному агентству, за что подвергся гонениям со стороны наших спортивных властей. Ему запретили выезд за границу на международные турниры, снизили стипендию, он стал испытывать материальные затруднения. Я посчитал святым делом поддержать его морально и дать ему немного заработать.

В то время Корчной находился в Доме отдыха архитекторов в Зеленогорске, под Ленинградом. Он согласился написать статью, но попросил меня помочь ему в техническом оформлении материала. Понимая, что хозяин бюллетеня, директор ЦШК Виктор Давыдович Батуринский не будет в восторге от моего протеже, я решил поставить его перед фактом и отправился в Ленинград за свой счет, благо тогда это было не слишком накладно. Два Виктора Львовича весьма плодотворно потрудились, я возвратился в Москву с толстым редакционным портфелем.

Обычно Батуринский в мою работу не вмешивался и очередные номера бюллетеня получал в готовом виде. Но на этот раз он попросил показать ему верстку, видимо, кто-то на меня настучал.

— Что это? — спросил он, презрительно тыча пальцем в аршинные буквы автора статьи.

Виктор Корчной, секретарь ФИДЕ Инеке Беккер и Божидар Кајчић на закрытии финального матча претендентов в Москве, 1974 г.

— Итоги зонального турнира.

— Почему мне не сказал?

— Что не сказал?

— Не прикидывайся дурачком. Корчного я снимаю. Неприятности в Спорткомитете мне не нужны.

— Может, и меня снимешь?

— начал я заводиться.

— Надо будет, сниму.

— А может, посадишь?

В «ругательских» разговорах с Батуриным это был мой любимый конек. Бывшему военному прокурору не нравились намеки на его прежнее ремесло.

— Не мели чепуху, — запыхтел он сигарой. — Я никого не сажал.

— А вот Наглис говорит, что видел ордер на свой арест, подписанный тобою.*

---

* Борис Павлович Наглис, которого Батуринский сменил на посту директора ЦШК, служил в армии в чине майора. Во время войны был арестован по обвинению в контрреволюционной агитации. Реабилитирован после смерти Сталина. Ю. Авербах рассказывал мне, как он попросил вдову Наглиса показать ему связанные с этими событиями документы. «Я сожгла их», — был ответ.

— Врет твой Наглис! — заорал Виктор Давыдович и выпучил на меня и без того выпученные глаза.

Я счел за благо спешно ретироваться.

С Батуринским мы никогда в приятельских отношениях не состояли, не встречались в общих компаниях, разве что давно были знакомы и обращались друг к другу на «ты». Мне по сей день непонятно, почему властный и грозный начальник отдела Спорткомитета терпел мои выкрутасы. При желании он мог причинить мне массу неприятностей, но этого не делал. Напротив, нередко проявлял ко мне странную снисходительность.

Конечно же, я снял из номера статью Корчного, пожалев о затраченных трудах. Впрочем, журналисты к таким огорчениям привыкли. Вот только вильнюсский турнир остался без высококлассного хирургического вмешательства.

Прошло что-то более месяца, в ЦШК появился Корчной. Санкции в отношении него были смягчены, он оформлял документы на какой-то международный турнир.

— Как статья? — спросил он у меня.

Я протянул ему сторублевку.

— Не густо, конечно, но это за не пошедший материал.

— Почему «не пошедший»?

— Я поссорился с Батуринским.

Виктор Львович радостно рассмеялся.

— Вот как! Оказывается, и у тебя с ним проблемы?

Это был, пожалуй, один из немногих случаев, когда Корчной не сфокусировал происходящие события на себе. И ошибся. Только я ему ничего не сказал. Умолчал и о том, что гонорар за не пошедшую статью выложил из своего кармана. Конечно, со временем он бы узнал всю правду. Но не успел. Через полгода гроссмейстер Виктор Корчной уже просил политическое убежище в Голландии.

О ВРЕДЕ И ПОЛЬЗЕ КУРЕНИЯ

Знатоки утверждают, что лучшие в мире сигары производятся на Кубе. Гаванские сигары и впрямь очень ароматные, я бы даже сказал, «вкусные»; они и самые дорогие. С гаванской сигарой во рту нам запомнился великий Ласкер.

А вот Зигберту Таррашу они были не по карману. Он дымил вонючими немецкими, чем ужасно досаждал некурящему Чигорину во время их московского матча 1893 года. Рассказывают, что горячий поклонник Михаила Ивановича табачный фабрикант Бос-

тanjoglo, дабы облегчить жизнь своему любимцу, преподнес Таррашу коробку лучших российских сигар, свернутых из листьев кубинского табака.

— Восхитительно! — воскликнул немецкий гроссмейстер, сделав затяжку. Затем отодвинул подарок в сторону, запалил свое зелье и деловито добавил: — Эти сигары я буду курить только по большим праздникам!..

Граф Альберик О'Келли де Гальвей, чемпион мира в игре по переписке, международный гроссмейстер, международный арбитр, тоже любил сигары, но, как сказал по совершенно другому поводу М.Ю. Лермонтов, «странныю любовью». Будучи главным судьей двух матчей на первенство мира между Петросяном и Спасским 1966 и 1969 годов, он сам и через посредников скупал в московских табачных киосках кубинские сигары и перепродавал их в своей благополучной Бельгии.

Однажды я зашел в его гостиничный номер и застал гроссмейстера за упаковкой картонных коробок.

— У нас, — сказал он мне доверительно, — за одну такую сигару дают от 5 до 10 долларов.

В те годы Москва была завалена гаванскими сигарами. Ими, да еще, пожалуй, саха-

ром Кастро пытался расплатиться за экономическую и военную помощь СССР. Высокосортные сигары шли тогда у нас по рублю за штуку. Курс доллара на черном рынке составлял 3 рубля. Значит, за один доллар можно было купить три сигары и продать их в Бельгии за 30 долларов. Неплохой довесок к графскому бюджету. Видно, О'Келли был обедневшим графом.

В 1966 году на Кубе проводилась XVII всемирная шахматная Олимпиада. Она прошла с невиданным размахом и помпой. Не была забыта и национальная гордость кубинцев — гаванские сигары. Все участники и тренеры получили в подарок по ящичку дорогих сигар. Я на Кубе не был, но перед соревнованиями два месяца тренировал в Москве сборную команду Монголии. В знак о моем участии руководитель монгольской команды Намжил привез мне такую же коробку с 20 сигарами и именной медной дощечкой. Сигары вскоре были раскурены и раздарены, куда-то исчез и ящичек...

Я так и не стал курильщиком сигар. А вот наш шахматный начальник Виктор Давыдович Батуринский пристрастился к этому экзотическому занятию. Однако его увлечение не было связано с гаванской олимпиадой. Недавно Юрий

Львович Авербах рассказал мне, что Батуринский закурил сигару после того, как кто-то нашел в нем сходство с Черчиллем! А великий английский политик, как известно, не выпускал сигару изо рта. Виктор Давыдович пытался это лестное сходство усилить. Было ли оно на самом деле? Вот в чем вопрос!

ГИМНАСТИКА ВРАНЬЯ

Теперь уже всем известно, что крылатые слова «Шахматы — гимнастика ума» принадлежат отнюдь не Владимиру Ильичу Ленину, а Якову Герасимовичу Рохлину, приписавшему их вождю мирового пролетариата. То была грандиозная мистификация, она обросла легендами, и технология ее до сих пор вызывает споры. Недавно этой темы коснулся гроссмейстер Ю. Авербах в статье «Герой своего времени» («64» №1/2003):

«Как же появился этот, будто бы ленинский афоризм? Об этом на склоне лет поведал сам Рохлин. Еще в начале 20-х годов, будучи на приеме у активного участника Октябрьской революции, старого большевика-ленинца Н. Подвойского, он спросил:

— Правда ли, что Ленин считал шахматы гимнастикой ума?

— Да, — ответил Подвойский.

Этого оказалось достаточно, чтобы мнимое высказывание вождя мирового пролетариата растиражировали, и оно стало помогать распространению шахмат в нашей стране».

Вообще, если спросить миллион людей, считают ли они шахматную игру гимнастикой ума, большинство ответит утвердительно. Но чтобы вложить эту сентенцию в уста Ленина, необходимо было авторитетное свидетельство. И Рохлин начинает фантазировать.

Его рассказы шиты белыми нитками. Сомнительно, чтобы зеленый юнец, каким был Яков Герасимович в начале 20-х годов, вот так просто примчался из Петрограда в Москву, попал на прием к Николаю Подвойскому, государственному деятелю в ранге народного комиссара, вел с ним какой-то серьезный разговор и, наконец, ловко подсунул вопрос с готовым ответом, не оставив старому большевику-ленинцу ничего иного, как робко поддакнуть. И еще. Почему Рохлин пустил ленинское высказывание в оборот только через 30 лет после этого разговора, если он, конечно, имел место?

Действительно, ленинский афоризм выплыл из-под рохлинского пера в 50-е годы, ког-

да Яков Герасимович начал кипучую организационную деятельность гостренера Спорткомитета РСФСР. «Ленинские слова, — пишет Авербах, — производили магическое действие на чиновников любого ранга, даже ничего не смысливших в шахматах; они помогали открывать новые клубы, организовывать новые соревнования».

Неприятности угрожали со стороны Института марксизма-ленинизма, оберегавшего чистоту наследия классиков. А в ленинских сочинениях и воспоминаниях о нем современников никаких намеков на «гимнастику ума» не содержалось. И тогда гостренер Спорткомитета привлек в качестве свидетеля известного в прошлом шахматиста, большевика-революционера А. Ильина-Женевского, якобы слышавшего это высказывание от самого Ильича. Подтвердить или опровергнуть эти утверждения свидетель не мог, поскольку погиб в 1941 году в Ленинграде от немецкой бомбы. Однако возражений было предостаточно. Почему, например, Александр Федорович рассказал о таком со всех точек зрения примечательном эпизоде только Рохлину, а не включил его в свою книгу «Записки советского мастера», изданную в 1929 году в Ленинграде?

Тогда Яков Герасимович нашел другого свидетеля —

Н. Подвойского. Его тоже нельзя было ни о чем спросить, он скончался в 1948 году. Первоначальная версия выглядела следующим образом. В 1920 году, будучи начальником Всеобщего, Николай Подвойский рассказал Ленину о решении провести в Москве шахматную олимпиаду. «Что ж, предложение интересное, — заметил В.И. Ленин, — ведь шахматы — гимнастика ума». Именно так описал эту беседу Рохлин в статье «Гимнастика ума» («Шахматы в СССР», №4/1980). Интересно только, каким образом он узнал об этой беседе, да еще в таких подробностях?

Яков Герасимович не принадлежал к числу тех людей, которых в старости мучает раскаяние. Рассказ, услышанный Авербахом, не исповедь, а очередное вранье. Но это вранье на протяжении многих советских лет приносило шахматам заметную пользу. Вот почему шахматные историки относятся к Рохлину снисходительно и не спешат бросать в него камни. Может, они и правы. Невинный обман, который позволил себе Яков Герасимович ради процветания шахмат, ничто по сравнению с фальсификацией истории нашей страны, но, как мы теперь подозреваем, и истории всего человечества.

И все же осадок в душе остается пренеприятный...

ЧЬИ ПРЕГРЕШЕНИЯ?

В 60-х годах прошлого (страшно сказать!) столетия я редактировал «Бюллетень Центрального шахматного клуба СССР» и в одном из номеров поместил стихотворение Н. Подгоричани «Хлеб». Вот несколько строф.

Кто никогда голодным не был,
Кто от цинги не умирал,
Тот разве знает цену хлеба,
Тот разве крошки сбирав?

Чьи прегрешенья искупали
Мы за решеткою тюрьмы?
Там цену хлеба мы узнали,
Хлебнули вдоволь горя мы.
Там цену хлеба мы узнали,
И все ж, таясь от сторожей,
Мы мякоть хлеба в пальцах
мяли,
Лепили пешек и ферзей.

Далее поэтесса рассказывала, как игра в шахматы помогала узникам выживать в нечеловеческих условиях, а в заключение возвращалась к фиigureм из хлеба:

Я шахмат видела немало —
Чудесных, радующих глаз,
Из серебра и из сандаля,
Из ценных бивней и пластмасс,

Но те дороже несказанно,
Что из тюремного пайка,
Презрев угрозу наказанья,
Лепила узника рука!

Великолепные строки, полные глубокого смысла и выстраданных чувств!

В те времена ни одна печатная строка не могла увидеть свет без цензуры. Когда журнальные полосы легли на стол уполномоченной Главлиты при нашем издательстве В. Данковой, она вызвала меня «на ковер» и, скривив губы, спросила: «Чьи это прегрешенья искупала за решеткою тюрьмы поэтесса?»

Риторическая недомолвка могла стать поводом для запрета публикации, поскольку о любых прегрешениях советской власти говорить вслух не полагалось...

И тут меня осенило.

— А ведь нашей поэтессе сто пятьдесят лет, — сказал я вкрадчиво.

— И что из того? — удивилась уполномоченная Главлиты.

— А то, — произнес я торжественно, — что прегрешенья она искупала еще при проклятом царизме!

Вера Ивановна Данкова была женщиной невредной. Собачья работа, связанная с необходимостью постоянно что-то запрещать и вычеркивать, утомляла ее. Предложенная мною лазейка показалась ей удачной. Она улыбнулась и, ставя разрешительный штамп, проинесла заговорщицким тоном:

— Значит, при «проклятом царизме»? Так и договоримся.

Ей тоже нужна была «легенда» на всякий случай...

Ну а Нине Михайловне Подгоричани — поэтессе, переводчице и, кстати, неплохой шахматистке — было в то время лет семьдесят, 17 из которых она провела не в «царских застенках», а в сталинских лагерях, искупая прегрешенья великих вождей коммунизма. Уже после реабилитации поэтесса публиковала свои стихи во многих, в том числе шахматных изданиях. Шахматы она безумно любила и воспевала их до конца жизни.

ПОД КОЛПАКОМ У МЮЛЛЕРА

В 1955 году в Москве проходил турнир претенденток на первенство мира. В числе 20 участниц выступали три американки — Гизела Грессер, Мона Мэй Карфф и Соня Граф-Стивенсон. Это были дамы, уже перешагнувшие бальзаковский возраст, но еще не утратившие честолюбивых надежд. Их опекал международный мастер Эдуард Ласкер, однофамилец второго чемпиона мира.

Как и следовало ожидать, американки не составили серьезной конкуренции советским шахматисткам, что вызвало некоторые трения в их рядах. Однажды в пресс-büro,

где я работал референтом, вошла Соня Граф-Стивенсон, самая известная среди заокеанских шахматисток. В ее багаже хранились два матча с легендарной Верой Менчик, пусть проигранные, но зато эпохальные. Хотя в пресс-büro, как всегда, крутились разные люди, американка направилась прямехонько ко мне, ибо я был единственным, кто с умным видом передвигал фигуры на шахматных досках. До этого я наблюдал за ней только из зрительного зала, теперь же мог разглядеть вблизи.

Это была небрежно причесанная крашеная блондинка, как говорится, со следами белой красоты. Паутинки морщинок разбегались из уголков неспокойных серых глаз. Тонкие губы едва хранили память о помаде. Какая-то неустроенность сквозила во всем ее облике, казалось, она не знала, с чего начать.

Я помог ей, спросив по-немецки, чем могу быть полезен. Услышав свой родной язык, она сразу прониклась ко мне доверием. Ах, пожаловалась она без всякого предисловия, мистер Ласкер, их общий тренер, не успевает обслуживать своих дам, ей приходится готовиться в одиночку, а это так трудно! А все ваши шахматистки имеют персональных помощников, и она, бедная Соня, находится по сравнению

с ними в неравных условиях...

Тут она смерила меня оценивающим взглядом и спросила, не соглашусь ли я помочь ей в подготовке к оставшимся до конца турнира встречам.

Сегодня такое сотрудничество могло стать предметом обсуждения, но в те времена однозначно квалифицировалось как измена родине.

Я огляделся — наша затянувшаяся беседа на иностранном языке привлекла внимание посторонних — и ощутил смутное беспокойство, знакомое всем советским людям. Мое замешательство американка истолковала по-своему. Она заверила меня, что оплатит мои труды. При этом глаза ее стали маслянистыми...

Воспитанный в духе морального кодекса строителей коммунизма, я едва не выпалил, что советский тренер с женщиной денег не берет, но сдержался и, отговорившись занятостью, коварно посоветовал ей обратиться в оргкомитет соревнования...

Турнир закончился победой Ольги Рубцовой, второй была Лариса Вольперт, третьей — Эдит Келлер-Герман из ГДР. Американки расположились в нижней половине таблицы.

После официального закрытия турнира, как обычно, намечался банкет. Я спросил у гроссмейстера Левенфиша, моего начальника по пресс-

бюро, могу ли я рассчитывать на приглашение. Он сказал, что видел мою фамилию в соответствующем списке и что все разузнает. Напрасно ждал я его возвращения в пресс-бюро. Григорий Яковлевич бесследно исчез за дверями банкетного зала...

Несолено хлебавши ехал я домой на трамвае и по дороге анализировал причины столь очевидной по отношению ко мне дискриминации. В конце концов, я остановился на следующем варианте. Соня ничего не поняла и обратилась со своей просьбой к кому-то из членов оргкомитета турнира. Тот сообщил об этом члену другого, более компетентного комитета, который в свою очередь уже имел информацию о моей приватной беседе с американкой в пресс-бюро. С того самого момента я оказался, как бы сейчас сказали, под колпаком у Мюллера. Нет, мне не выкручивали руки в камере пыток, а просто вычеркнули из списка приглашенных на банкет, дабы пресечь возможность «близкого контакта третьего рода» с подозрительной «инопланетянкой» в непринужденной обстановке...

Спустя некоторое время мои догадки подтвердил и Левенфиш, извинившись за свою некомпетентность в вопросах государственной безопасности.

ДУША КАКОЙ ПАРТИИ?

В своей книге «Судьба барабанщиков» (Москва, 1999) известный журналист Павел Гутионтов к одному из сатирических очерков дает такой эпиграф:

«Пешки — душа партии». Заголовок, который хулиган Виктор Хенкин безнаказанно предposлал своему шахматному комментарию, опубликованному в «Комсомольской правде» в дни работы XXV съезда КПСС в 1976 году».

А дело, по существу, и выеденного яйца не стоило — обычна советская демагогия. Я вел в «Комсомолке» так называемый «Шахматный клуб» и в тот самый день поместил статью, посвященную 250-летию со дня рождения Филидора. В его знаменитом изречении «Пешки — душа шахматной партии» я убрал слово «шахматной» из чисто стилистических соображений, чтобы не употреблять его дважды (рядом с «Шахматным клубом»). Вот и получилось «Пешки — душа партии».

В те времена во всех карманах искали фиги. В моем заголовке усмотрели намек на коммунистическую партию, которую я вольно или невольно сравнил со сборищем безликих пешек. Моя вина отяготилась тем обстоятельством, что в эти дни проходил очередной съезд КПСС.

Когда меня вызвали «на ковер», я изобразил святую невинность и заметил, что, хотя имел в виду только партию шахматную, ничего оскорбительного для коммунистической партии в афоризме Филидора не находжу. Даже «самый лучший поэт нашей эпохи» В. Маяковский, воспевая революционные заслуги Владимира Ильича Ленина, воспользовался аналогичным образом: «В люди выведя вчерашних пешек строй...»

На меня посмотрели как на марсианина, обругали за «политическую безграмотность», но никаких оргвыводов не сделали. Видимо, не было указаний сверху.

Нынешнему поколению россиян трудно объяснить смысл этой придирки. КПСС была единственной политической партией — «умом, честью и совестью нашей эпохи» — и по отношению к себе не позволяла никаких вольностей.

И все-таки меня одолевают сомнения: «партия пешек» — это хорошо или не очень? И если при сегодняшнем плюрализме публично объявить, что «пешки — душа ЛДПР» или, скажем, «Единой России», обидятся или нет их функционеры?

ЧЕМУ НЕ УЧАТ ЧЕМПИОНЫ

Давным-давно, лет эдак 40 назад, сочинил я стихотворную

подковырку и напечатал ее в новогоднем номере «Шахматной Москвы».

Маэстроу Эстрину

Разыграв дебют избитый,
Никогда не будет битый,
Но творя самостоятельно,
Битым будет обязательно.

Многие шахматисты обиделись бы за такую насмешку, пусть даже и справедливую. Но только не Яков Борисович. Он, конечно, не разделял моей оценки его творческих способностей, но радовался каждому упоминанию своего имени в печати, ибо это прибавляло ему известности.

Эстрин был человеком общительным, обходительным и, в общем-то, незлобивым. Характер ему портил червь тщеславия, рвавшийся наружу, подобно «Чужим» в голливудских страшилках. Завоевав после многолетних попыток звание чемпиона мира в игре по переписке, он возомнил себя ровней великим шахматистам, чем шокировал «все прогрессивное человечество». «Не по чину берет», — сердито отозвался о нем Тигран Петросян, вообще-то не питавший к нему неприязни. Когда же Эстрин простодушно спросил у Ботвинника: «Почему меня недолюбливают шахматисты?», Михаил Моисеевич со свойственной ему безапел-

ляционностью отрезал: «Потому что вы требуете от жизни большего, чем заслуживаете».

Но Яков Борисович не унимался. В 1979 году он выпустил в Германии книгу «Чемпионы мира учат шахматам», а в 1985-м переиздал ее. Название книги говорит и о ее содержании, и об авторах. Только читателей поучают не 12 законных к тому времени чемпионов мира, а 13, и под этим крайним номером значился не кто иной, как сам Эстрин.

Но уже близок час, когда, победив Карпова, на шахматный Олимп взойдет Гарри Кимович Каспаров и отберет свое любимое число «13», узурпированное беззастенчивым переписочником.

Ну, а книжную обложку, которую мы здесь воспроизво-

Внизу слева от Карпова — Яков Борисович Эстрин

дим, можно и вовсе отнести к историческим курьезам. В созвездие шахматных королей затесался самозванец. Он пристроился в нижнем ряду слева и делает вид, что находится здесь на законных основаниях. Тем, кто никогда не видел Якова Борисовича Эстрина, предлагаю полюбоваться на его изображение.

В нашем шахматном королевстве, полном интриг, ревности и зависти, такая неприкрытая агрессия могла бы вызвать чуть ли не «Бурю в пустыне», но она не вызвала даже бурю в стакане воды. Изданная в ФРГ книга попала в СССР всего в нескольких экземплярах, осевших на полках завзятых коллекционеров. Реакция же зарубежных шахматистов мне неизвестна. Возможно, и там книга прошла незамеченной.

В середине 60-х годов прошлого столетия, когда началась девальвация шахматных званий, Василий Николаевич Панов пустил в ход острую щутку. Перефразируя Гете, он говорил, что всех считает мастераами, пока они не докажут обратное. Проживи Панов подольше, он был бы вправе сказать то же самое и о гроссмейстерах. В последние годы мы и вовсе наблюдали картину разрушения всей шахматной иерархии. Титул чемпиона мира из абсолютного, чем мы всегда гордились, превратился чуть ли

не в «ведомственный». Он присваивался разным шахматистам по различным версиям, порой без участия общепризнанных фаворитов. И теперь можно всех считать чемпионами мира, пока они не докажут обратное.

В этом смысле претензии Якова Борисовича Эстрина на мировое господство кажутся не слишком вызывающими...

НЕ ЛЮБО – НЕ СЛУШАЙ

Где-то в конце 40-х, в первые послевоенные годы мы с Володей Симагиным частенько встречались у Яши Эстрина в его отдельной трехкомнатной квартире на улице Кирова, ныне Мясницкой. По тем временам такая «жилплощадь» считалась сказочной роскошью и давала простор не только фантазиям. Мы были молоды, беспечны, играли в шахматы, ходили в кино, ухаживали за девушками и приглашали их на танцы под патефон. Главным танцором был Эстрин. Я еще заметно прихрамывал после ранения, а Симагин вообще не умел танцевать и наблюдал за нами сквозь толстые стекла очков.

Он был влюблён в красивую девушку Инну, но не знал, как к ней подступиться. Случалось, правда, он провожал ее до дому, и на следующий день мы с неподдельным интересом

расспрашивали его об успехах на ниве ухаживания. «Я уже держал ее за голую руку», — признался он как-то, краснея. Симагин был человеком целомудренным и стеснительным; агрессивным он становился лишь за шахматной доской.

Однажды он заподозрил во мне соперника и сильно огорчился. Конечно, красивая Инна нравилась и мне, но дорогу влюбленному Володе я ни в коем случае переходить не собирался. Он не верил и хмурился. Масла в огонь подлил Эстрин. «Все споры за женщин решаются в поединках», — безапелляционно заявил он и

предложил нам разыграть девушку в шахматы, как это случилось в средние века в каком-то итальянском городке.

В те годы Симагин был уже признанным мастером, я же зеленым приготвишкой. Он нещадно громил меня за шахматной доской каждый раз, когда мы за нее садились, а поэтому воспринял предложение с энтузиазмом, хотя некоторые этические вопросы его определенно смущали. Они, видимо, и оказали влияние на ход нашего поединка из шести блиц партий. Володя нервничал и грубо ошибался. Впервые в жизни я выиграл у него не одну, а целых

Владимир Симагин и Александр Котов

две партии и свел матч вничью со счетом 3:3. «Играем до первой победы!» — горячился Володя. Я же наотрез отказался — не из-за Инны, а ради славы: теперь я мог хвастаться, что устоял в кровопролитном поединке против «самого Симагина».

А что же Инна? В лучших традициях плутовского романа она досталась Яше Эстрину, едва Симагин уехал на какой-то турнир. Увы, это была не последняя неудача Володи в амурных дела. Случилось так, что спустя некоторое время он и Тигран Петросян влюбились в одну девушку по имени Рона Яковлевна. Кого она выбрала, известно всем...

А Эстрин продолжал пользоваться успехом у женщин и настолько преуспел на этом поприще, что не избежал насмешек со стороны Григория Яковлевича Левенфиша, тоже не промаха в амурных дела. «Яков Борисович, — подтрунивал долговязый гроссмейстер над низкорослым Эстриным, — хоть и не емкий, но е...»

Эта присказка прилепилась к нему надолго. Сам же Яков Борисович объяснял свой неподдельный интерес к прекрасной половине человечества чисто эстетическими категориями. «Почему ты все время заглядываешься на встречных женщин?» — негодовала его супруга. «Мне нравится, как они устроены», — спокойно отвечал супруг.

Зачем я об этом рассказываю? Кому это надо? Надеюсь, тем читателям, кто не ограничивает свой кругозор базой данных, кто за 27-м ходом какого-нибудь дебютного варианта хочет увидеть живого человека, этот самый ход совершившего. И если я не расскажу о нем сегодня, то завтра вместе со мной уйдут и мои воспоминания, как ушли они вместе с Эстриным.

Яков Борисович интересно рассказывал и скучно писал. А знал и помнил он массу занятых историй, поскольку много разъезжал и был на короткой ноге с известными шахматистами. Однажды, это было в конце 1986 года, он предложил мне сделать с его слов литературную запись. «Получится неплохая книга», — улыбнулся он. Я включил диктофон и попросил выдать что-нибудь на-гора. Вот что он рассказал.

Один зарубежный графолог попросил меня раздобыть автографы советских чемпионов мира, чтобы по почерку определить их характер.

Я позвонил Ботвиннику.

— Завтра в 10 часов 35 минут жду вас в своей лаборатории, — сказал Михаил Моисеевич.

Позвонил Петросяну.

— А Ботвинник согласился? — был первый вопрос Тиграна Вартановича.

Позвонил Смыслову.

— Автограф, — задумчиво произнес Василий Васильевич.

— Что-то не припомню, давно не писал... Попробуйте позвонить через месяц.

Таль я повстречал в раздевалке Центрального шахматного клуба.

— Дайте лист бумаги, — сказал Михаил Нехемьевич и тут же, надев пальто в один рукав и прислонив бумагу к стене, свободной рукой нацарапал немыслимыми буквами какую-то абракадабру.

Узнав о том, как собирались автографы, графолог, поблагодарив меня, отписал: «Теперь они излишни».

Миниатюра мне понравилась. Собрать книгу из таких вот забавных историй, рассказанных разными авторами, удавалось немногим литераторам. Но к этому времени Эстрин был неизлечимо болен, и я посчитал неэтичным воспользоваться коротким сроком, отпущенном ему в этой жизни... Он умер на операционном столе через два месяца после нашей беседы.

И все-таки я жалею, что тогда остановил диктофон. Ведь нерассказанными остались его воспоминания...

ЭТО ДВУХ СОЛОВЬЕВ ПОЕДИНОК

Одну из своих самых сердитых эпиграмм Евгений

Ильин адресовал Михаилу Талю:

Раз вышел он
Из ряда вон,
Но, говорят,
Встал снова в ряд.

О последствиях поэт мог не беспокоиться, поскольку мильнейший экс-чемпион мира на остроумные уколы никогда не обижался. И уж вовсе не было основания для обиды на бесхитростные строки легендарного Абрама Яковлевича Моделя, сочиненные им в 1973 году.

В турнирном зале
Порой болтали,
Что Таль не тот,
Что Таль сдает...

Но мы-то знали,
Что ложен слух:
В здоровом Тале —
Здоровый дух!

Стихи слабенькие и вообще на эпиграмму не тянут. Скорее, на дифирамбы. Но две заключительные строки великолепны. И именно они поразили — нет, не Таль, а Евгения Ильина, который долго не мог успокоиться, что эта в общем очевидная игра слов пришла в голову не ему, а какому-то дилетанту.

Еще один поединок «двух соловьев» разыгрался у меня на глазах. В нем схлестнулись та-

Михаил Таль: раз вышел он из ряда вон...

кие гиганты пера, как Панов и Загорянский. Более разных людей трудно себе представить. Холеный красавец Евгений Александрович Загорянский, потомственный князь (поговаривали, что подмосковная Загорянка — его родовое имение), денди с манерами аристократа, завсегдатай ипподрома — и Василий Николаевич Панов, человек с «заячьей губой», советский разночинец, прямой и резкий, как напильник. Казалось, что конфликт между ними будет наподобие классового — не на живот, а на смерть, но вылился он в форменный пустяк..

Стычка произошла на турнире претенденток 1955 года. Одной из фавориток считалась

Ольга Игнатьева, но надежд не оправдала и проигрывала партию за партией. И тогда всегдаший возмутитель спокойствия Панов взялся за ее тренера Загорянского. Зайдя как-то в пресс-бюро, он приколол к доске, где вывешивались сводки, листочек бумаги с весьма двусмысленными строчками:

Из тренёров пора уже гнать
его —
Очень плохо играет Игнатьева.

Как раз незадолго до описываемых событий вышла книга генерала А. Игнатьева «50 лет в строю». Она стала бестселлером и даже породила несколько анекдотов. Например,

такой: московские продавщицы газированной воды пишут книгу под названием «50 лет в струю». Что касается рифмы «гнать его — Игнатьева», то она звучала в одном из эпизодов, описанных генералом.

Пришедший в пресс-büро за сводкой Загорянский прочитал адресованные ему строчки, скрочил брезгливую мину и молча удалился. На следующий день он приколол к доске объявлений свой «ответ Чемберлену»:

Не остроумно и не ново
Сие двустишие Панова.
И точно знает эта гадина,
Что даже рифма им украдена!

Пришел Панов, сорвал листок и унес с собой. Возможно, он хранится в его домашнем архиве.

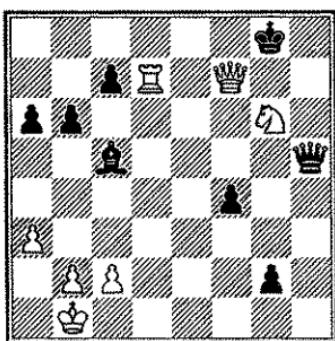
Как ни странно, очной разборки не последовало. Дуэлянты остались при своих. Победителя не оказалось. Вернее, победили оба, оставив о себе яркие воспоминания, которые спустя полвека послужили темой для этой публикации. Как говорят мудрецы, люди не умирают, пока о них помнят живые.

СТОЛИК С «БОРОДОЙ»

«Вперед, Казимирыч!» Этот воинственный клич знал в свое

время весь шахматный СССР. Так поддерживал боевой дух один из самых неугомонных шахматных игроков Александр Казимирович Толуш, когда сражался в блиц «со звоном». Прибаутки сыпались из его уст чаще, чем удары пальцев по кнопке часов. Кто не слышал крылатых словечек: «Прошу исполнить!», «Сгорели пирожки», «Играйте, Дзиндзилевич!» и совсем уж знаменитое — «Вам матец, Михаил Моисеевич!»

А. Толуш — М. Ботвинник

Эта кошмарная диаграмма никогда не воспроизводилась, поскольку ни теоретического, ни практического интереса не представляла, зато могла здорово рассердить патриарха наших шахмат Михаила Моисеевича Ботвинника. Она иллюстрировала единственный случай в его карьере, когда он получил «живой мат» на доске. И не где-нибудь «у Проньки», как любил говорить незабвенный директор ЦШК Борис Павло-

вич Наглис, а в самом главном турнире 1944 года — финале 13-го чемпионата СССР. Намотал же этот клубок из белых фигур не кто иной, как Толуш, и поставил мат ходом 56. $\mathbb{N} f6:f7$ (коня) по всем правилам шахматного кодекса.

В пылу цейтнота Ботвинник не сразу понял, что произошло, и сделал еще один ход, последний перед контролем времени.

Какой — неизвестно, но, судя по позиции, «напрашивался» 56...g1 $\mathbb{N}$ +. Тогда-то, рассказывают очевидцы со сцены, Александр Казимирович откинулся на спинку стула и с самодовольной усмешкой произнес «бессмертное»: «Вам ма-

тец, Михаил Моисеевич!» В экстремальных ситуациях он, подобно героине «Пигмалиона», начинал изъясняться на привычном жаргоне. «Превзойти Толуша в «шахматном звоне» мог только Тартаковер», — сказал однажды гроссмейстер Котов, немало пострадавший от обоих.

Толуш был почти на полтора десятка лет старше меня, и когда наши пути пересеклись, мое представление о нем как о человеке и шахматисте уже сложилось достаточно полно. Шахматные партии, которые мне довелось видеть, выдавали в нем бесстрашного бойца остратакующего стиля, а слухи о гусарских выходках лишь дополняли образ человека решительного и непредсказуемого.

Чего только о нем не рассказывали! О том, как в 1944 году на первенстве спортивного общества «Большевик» в Киеве лейтенант Толуш (тогда еще шла война) неизвестно по какому поводу открыл стрельбу из пистолета в воздух. Скандал удалось замять, но директор гостиницы поклялся, что ни одного шахматиста больше на порог не пустит. О том, как в общем-то не геркулесова телосложения Толуш скрутил в бараний рог карманного вора в Елисеевском гастрономе, а в Одессе обратил в бегство двух уличных хулиганов. Как, будучи старшим тренером нашей

Александр Толуш

молодежной сборной, готовящейся к поездке за рубеж, возвращался на спортивную базу в приличном подпитии и, перелезая через забор, сломал ногу...

Мы познакомились в конце 50-х годов на московском ипподроме, где он не упускал случая попытать счастья каждый раз, когда приезжал из Ленинграда. Вместе с Евгением Загорянским и шашечным мастером Давидом Гинзбургом они просаживали на бегах приличные по тем временам деньги, но когда, случалось, выигрывали, были щедры и хлебосольны. «Пошли в ресторан ВТО, — смачно говорил Толуш, — там харч хороший».

Он любил вкусно поесть. А вот на карточные игры меня никогда не приглашали, очевидно, по причине низкой квалификации...

Можно лишь удивляться, как при таком бесшабашном отношении к жизни и самому себе Толушу удавалось держаться на шахматном плаву почти 30 лет. Десять раз пробивался он в финал чемпионатов СССР сквозь жесточайший спортивный отбор, всегда стремился к максимальному результату и однажды едва не поймал жар-птицу, за которой гонялся полжизни.

Я хорошо помню тот турнир, финал 24-го чемпионата СССР 1957 года, потому что

присутствовал на нем как тренер ленинградского мастера Льва Аронсона, моего одноклубника. Он ни на что не претендовал, и работы у меня было немного. Турнир собрал сильнейших шахматистов страны, кроме Ботвинника и Смыслова, занятых подготовкой к матчу на первенство мира. Но в спор фаворитов неожиданно вмешались две яркие фигуры — 46-летний Толуш и 20-летний Таль, тогда еще пребывавший в мастерском звании. Вместе с Бронштейном они подошли к последнему туру с 13-ю очками; на пол-очка отставал Керес. Коварный жребий свел под занавес двух главных героев. Послушаем Михаила Тала.

«Помню, как мы сели за шахматный столик. На край стола легла пачка «Казбека» — этому сорту Александр Казимирович не изменял. Я сделал ход. Толуш поправил галстук, не спеша записал на бланке ответный ход... Подчеркнуто спокойно передвинул фигуру. Я и теперь помню наизусть эту партию... В староиндийской защите Толуш немного промедлил и получил позицию, где его фантазия и жажда рукопашного боя не находили почвы. Александр Казимирович никогда не любил кропотливой защиты, но в этой решающей встрече, словно нарочно, сложилась позиция, где ему пришлось держать оборону. Моя

же атака развивалась сама собой... В какой-то момент я почувствовал, что соперник поставил крест на исходе встречи. Нет, внешне его настроение не изменилось. Толуш невозмутимо сидел за доской. Может, чуть чаще, чем обычно, открывал коробку «Казбека»... С таким же олимпийским спокойствием Александр Казимирович остановил часы и поздравил меня со званием чемпиона...»

Впервые за всю послевоенную историю в первенстве СССР победил мастер, опередив к тому же восемь носителей высшего звания.

Ныне, по прошествии стольких лет, мне совершенно ясно: как бы хорошо ни играл Толуш, в поединке с Талем он был обречен на неудачу. Натиску юного рижанина противостоять было практически невозможно. Он несся к вершине славы с неукротимой энергией молодости и таланта. Ему при надлежало будущее. До «коронации» оставалось три года...

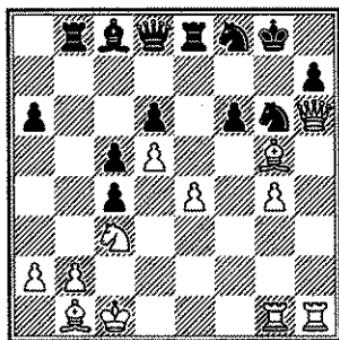
Это я теперь такой умный, а в том далеком 1957 году казалось, что все могло быть иначе. Особенно самому Александру Казимировичу Толушу, бесстрашному бойцу и оптимисту. Что пережил он, когда увидел, как рушатся все его надежды?

Вернемся в Центральный дом культуры железнодорожников, где проходил чемпио-

нат, и опишем сцену, которую не мог видеть Таль.

Последний тур уже клонился к закату, как в комнату для участников, расположенную рядом со сценой, вошел Толуш. Тренеры и журналисты как раз обсуждали его партию с Талем; рижанин играл белыми.

М. Таль – А. Толуш

Позиция черных оценивалась как тяжелая, но если бы им удалось заблокировать пешку e4, они еще могли рассчитывать на защиту. Ход, однако, был за Талем.

Толуш подошел к буфетной стойке, за которой мы с его старым другом, заведующим отделом информации «Вечерней Москвы» Всеволодом Васильевичем Шевцовым неспешно потягивали кофе с коньячком.

— Сева, — сказал он, не обращая на меня внимания, — ты заказал столик у Бороды?

Борода — это прозвище знакомого метрдотеля из ресто-

рана ВТО, куда давние друзья частенько наведывались.

Шевцов удивленно вскинул брови.

— Казимирыч, ты сошел с ума, партия еще играется...

— Немедленно закажи, через 20 минут все будет конечно, — невозмутимо произнес Толуш и вернулся на сцену.

Шевцов постоянно посещал шахматные соревнования, над некоторыми даже шефствовал, но в игре не разбирался совершенно. В оценке позиции он безгранично доверял гроссмейстеру Толушу и, видимо, решил, что тот просит заказать банкетный стол по случаю победы над Талем, которая произойдет через 20 минут! Но меня-то обмануть было трудно, я видел, что Толуш терпит неудачу и готовит ночное утешение в любимом ресторане. И все же я восхитился его самообладанием, иммунитетом великого игрока к ударам судьбы...

Таль, конечно, сыграл 30.e5!, и через 20 минут, как и предсказывал Толуш, все было кончено: 30... $\mathbb{N}$:e5 (30...fg 31. $\mathbb{A}$:g6 hg 32. $\mathbb{W}$ h8+ $\mathbb{Q}$ f7 33. $\mathbb{B}$ h7+) 31. $\mathbb{A}$:g6 $\mathbb{B}$ b7 32. $\mathbb{A}$ e4 fg 33. $\mathbb{B}$ f1 $\mathbb{B}$:e4 34. $\mathbb{A}$:e4 $\mathbb{B}$ g7 35. $\mathbb{B}$ f6 $\mathbb{A}$:g4 36. $\mathbb{B}$ h1 $\mathbb{B}$ d7 37. $\mathbb{B}$:d6 $\mathbb{W}$ e7 38. $\mathbb{B}$:a6 $\mathbb{W}$ h8 39. $\mathbb{A}$:h7 $\mathbb{B}$ b8 40. $\mathbb{A}$ f5+ $\mathbb{W}$ g8 41. $\mathbb{A}$ e6+ $\mathbb{A}$:e6 42. $\mathbb{B}$:e6. Чёрные сдались.

Зал взорвался аплодисментами в честь нового кумира, а для Толуша неприятности еще не закончились. Бронштейн

сыграл вничью с Холмовым, а Керес свою партию выиграл. В итоге они разделили 2–3-е места, лишив Толуша даже бронзовой медали...

А Шевцов мне впоследствии рассказывал, как они отмечали несостоявшуюся победу у Бороды. Гроссмейстер был весел, остроумен и ни единным словом не обмолвился ни о своей неудаче, ни о шахматах вообще...

Ох, не хотел бы я повстречаться с теми кошками, что скребли у него на душе.

И ОДИН БУЛЬКА

У меня зазвонил телефон.

— И один булька! — произнес в трубке знакомый голос.

Я едва не свалился со стула.

Это был мой старый друг Виктор Эммануилович Карт, никто другой так сказать не мог. Мы не виделись целую вечность, и вот теперь он разговаривал со мной из немецкого Ганновера. На меня посыпалась восклицания: «А помнишь, как ты?!», «А помнишь, как мы?!», «А помнишь, как они?!» Я помнил.

Мы встречались с Картом почти на всех крупных соревнованиях в бывшем СССР, я в качестве журналиста, он как тренер знаменитых львовских гроссмейстеров. Дурацкая

фраза, вынесенная в заголовок, относится к 1975 году. В Ереване проходил 43-й чемпионат Советского Союза. Там я рассказал Карту глупенький анекдот.

Два преподавателя Московского университета задумали проверить, найдется ли хоть один грамотный студент, кто слово «кофе» употребит в мужском роде.* Они пристроились у кофеварки в студенческой столовой. Подходили юноши и девушки, просили: «Одно кофе», «Двойное кофе», «Кофе и булочку». Но вот появился молодой человек и заказал: «Один кофе...» Преподаватели радостно встрепенулись, но тут же услышали вдогонку: «...и один булька!» Парень оказался иностранцем.

В ереванском Театре оперы и балета, где проходил чемпионат, был уютный бар. Мы с Картом туда частенько наведывались. Заказывая традиционную чашечку кофе, мы, бывало, переглядывались и добавляли: «И один булька». На нашем языке это означало «по рюмке коньяка». Он ведь булькал!

В Ереван Виктор Эммануилович привез всех своих питомцев. Александр Белявский и Олег Романишин были уча-

стниками турнира, а еще не обстрелянному Адриану Михальчишину предстояло окунуться в атмосферу большого шахматного соревнования. Несмотря на спортивное соперничество, львовяне выглядели дружной семьей. Они вместе гуляли, обедали, готовились. Никто не вел себя «первой скрипкой». Но в каждом доме, как говорят англичане, есть «свой скелет в шкафу», и я его однажды ненароком потревожил.

Помнится, мы вели за обеденным столом оживленную беседу. Все, кроме Белявского. Я спросил, почему он сегодня такой молчаливый?

— А я на вас обиделся, — сказал он неожиданно.

Видимо, что-то задело его в моих газетных репортажах, дело для журналиста привычное.

— Саша, — произнес я торжественно, — ты попал в неплохую компанию. На меня уже обижались Ботвинник, Смыслов, Петросян...

Все рассмеялись, но тут же попрятали свои улыбки. Я понял, что, намекнув на амбиции Белявского, задел чувствительную струну их взаимоотношений. Поймав мой настороженный взгляд, Карт одобрительно кивнул мне головой.

Я всегда восхищался тем, как удавалось Карту сохранить баланс отношений между эти-

---

* По нынешним правилам это существительное можно, кажется, употреблять и в среднем роде.

ми замечательными, талантливыми, но честолюбивыми и сложными по характеру ребятами. Он всегда был тонким психологом. Даже я, человек, прямо скажем, не слишком сдержаный и импульсивный, рядом с ним чувствовал себя комфортно...

* * *

Вот уже два года, как Виктор Эммануилович Карт живет с дочкой в Германии. Во Львове, говорит он, стало очень тоскливо. Заслуженному тренеру СССР, выдающемуся педагогу, воспитавшему когорту известных всему миру гроссмейстеров, в «самостийной» Украине места не нашлось...

В Ганновере Карт занимается с двумя маленькими учениками. Когда-то я уговаривал его пойти по второму тренерскому кругу. Он отвечал, что не имеет на это душевных сил. Может быть, в благополучной Германии у него открылось второе дыхание?

Здоровья тебе, дорогой друг, «и один булька!»

ЭКСТРАСЕНСОВ НЕ ПУСКАТЬ

В середине прошлого столетия у всех на слуху было имя экстрасенса Вольфа Мессинга, выступавшего со своими зага-

дочными опытами на театральных сценах и в клубах. Неизвестно, какими судьбами его занесло из Германии в СССР, но в лапы Лаврентия Павловича Берия он угодил беспрепятственно. О чем беседовал палач с ясновидящим и что он ему предлагал, догадаться нетрудно. Мессинг от сотрудничества с КГБ отказался и незамедлительно очутился за решеткой. Удивлению тюремщика не было предела, когда через некоторое время, глядя в окно своего кабинета, он наблюдал, как его недавний пленник, проходя мимо «железного Феликса», машет ему на прощанье ручкой. Об этом эпизоде В. Корчной рассказывает в одной из глав книги. Как удалось Мессингу преодолеть тюремные запоры и обмануть блестительных стражников, остается загадкой.

Увы, байка не нова. Сходные трюки проделывал знаменитый итальянский экстрасенс Пинетти, посетивший Петербург аж двести лет тому назад, в 1799 году.

Заинтересованный рассказами придворных, русский царь Павел I пригласил Пинетти во дворец. После выступления фокусник заявил, что может проходить сквозь запертые двери. Тогда ему было предложено явиться за гонораром на следующий день к 12 часам. К тому времени все ворота царского дворца были заперты и

все ключи лежали на столе в кабинете Павла I.

В 11 часов 55 минут сквозь дворцовую решетку была просунута депеша начальника департамента полиции: «Пинетти не выходил из дома». А через 5 минут он уже входил в кабинет к царю.

— Вы опасный человек, —
сказал ему царь.

— Только чтобы развлечь
Ваше Величество.

— Не собираетесь ли вы покинуть Санкт-Петербург?

— Да, если только Ваше Величество не пожелает продолжить мои выступления.

— Het

— В таком случае, я уеду через неделю.

Пинетти предупредил царя накануне отъезда о том, что завтра в полдень он уедет одновременно через все пятнадцать городских застав. Слух об этом разнесся по городу, и в назначеннное время повсюду столпились любопытные. В докладе, представленном царю, полиция сообщала, что паспорт Пинетти был зарегистрирован на всех пятнадцати заставах...

Вот так. Хотите — верьте, хотите — нет.

Приблизимся, однако, к нашим дням. Однажды, это было весной 1961 года, мы с

гроссмейстером А. Лилиенталем сидели на галерке Театра эстрады и наблюдали за одной из партий матча-реванша на первенство мира между М. Ботвинником и М. Талем. Вдруг Андрэ Арнольдович тихонько тронул меня рукой:

— Поглядите, Виктор, —
прощептал он, — во втором
ряду партера слева сидит
Вольф Мессинг.

Едва с его губ сорвалось это имя, а может быть, и чуточку раньше, к нам резко обернулся мужчина из второго ряда. Это был самый натуральный Мессинг (я знал его по выступлениям). Он оглядел нас внимательным взглядом и снова превратился в обычновенного зрителя.

Не знаю, как относился Мессинг к Ботвиннику или Талю, но с этого момента его в турнирном зале ни разу не было. Оказалось, Ботвинник потребовал от организаторов матча, чтобы Мессинга в турнирный зал не пускали. Ботвинник прекрасно понимал, какую опасность для его игры может излучать враждебно настроенный экстрасенс.

Слово Ботвинника было тогда для организаторов законом. Слово Корчного в последние времена, увы...

ПРИЛОЖЕНИЯ

Указатель партнеров В. Корчного

(цифры обозначают номера партий и фрагментов)

Багиров – 10	Моландер – 33
Бологан – 32	Нежметдинов – 6
Ботвинник – 5	Петросян – 19
Геллер – 15	Полугаевский – 20, 27
Дымов – 1	Рагозин – 2
Карпов – 17, 24, 25, 26	Смыслов – 4, 29, 30
Каспаров – 28	Спасский – 21, 22, 23
Левант – 3	Суэтин – 11
Майлс – 18	Тайманов – 31
Матанович – 7	Таль – 8, 9, 14
Мекинг – 16	Фишер – 12
	Штейн – 13

Указатель дебютов

(цифры обозначают номера партий)

Дебют Рети:	Французская защита:
A06 – 29; A08 – 16; A11 – 5	C02 – 23, 33; C10 – 8
Английское начало:	Венгерская партия:
A34 – 27	C50 – 2, 4
Волжский гамбит:	Испанская партия:
A57 – 18	C80 – 25; C83 – 11; C91 – 12
Голландская защита:	Ферзевый гамбит:
A85 – 1; A87 – 14; A91 – 22	D47 – 20; D58 – 21
Защита Алехина:	Защита Боголюбова:
B02 – 3	E11 – 28
Защита Каро-Канн:	Новоиндийская защита:
B15 – 26	E15 – 19; E17 – 17
Сицилианская защита:	Защита Нимцовича:
B32 – 10; B67 – 31; B69 – 6;	E24 – 30; E47 – 24
B84 – 13; B94 – 7	Староиндийская защита:
	E73 – 32

ТУРНИРНЫЕ И МАТЧЕВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ФИЛИПА КОРЧНОГО

Год	Турнир	+	-	=	М
1947	Ч-т СССР среди юношей, Ленинград	+8	-0	=7	1
1948	Ч-т СССР среди юношей, Таллинн	+5	-2	=0	1-2
1949	Командный ч-т СССР среди юношей, Москва	+5	-0	=1	1
1950	Чемпионат Ленинграда	+8	-3	=2	2
1952	Чемпионат Ленинграда	+6	-4	=3	4
1952	Чемпионат СССР, Москва	+8	-5	=6	6
1953	Ч-т общества Наука, Одесса	+10	-0	=4	1
1953	Командный чемпионат СССР	+3	-2	=2	2
1953	Чемпионат Ленинграда	+8	-2	=3	2
1954	Чемпионат СССР, Киев	+10	-3	=6	2-3
1954	Бухарест	+10	-1	=6	1
1954	Командный ч-т мира среди студентов, Осло	+3	-1	=3	3-4
1954	Командный чемпионат СССР	+3	-2	=5	4
1955	Чемпионат Ленинграда	+16	-1	=2	1
1955	Командный чемпионат СССР	+7	-0	=2	1
1955/56	Гастингс	+5	-0	=4	1-2
1956	Чемпионат СССР, Ленинград	+6	-1	=10	4
1956	Командный ч-т мира среди студентов, Упсала	+5	-0	=2	1
1956	Чемпионат СССР (полуфинал), Фрунзе	+17	-1	=0	1
1957	Чемпионат Ленинграда	+11	-2	=4	1-2
1957	Командный чемпионат Европы, Баден	+5	-0	=1	1
1958	Чемпионат РСФСР, Сочи	+7	-2	=10	2-4
1959	Краков	+6	-0	=5	1
1960	Чемпионат СССР, Ленинград	+12	-3	=4	1
1960	Буэнос-Айрес	+9	-2	=8	1-2
1960	Санта-Фе	+	3	-1	=3
1960	Кордoba	+5	-0	=2	1
1961	Чемпионат СССР, Москва	+9	-2	=8	2
1961	Командный ч-т Европы, Оберхаузен	+8	-0	=1	1
1961	Будапешт	+9	-1	=5	1
1962	Чемпионат СССР, Ереван	+10	-1	=8	1
1962	Межзональный турнир, Стокгольм	+9	-3	=10	4-5
1962	Турнир претендентов, Кюрасао	+7	-7	=13	5
1963	Гавана	+14	-2	=5	1
1964	Чемпионат Ленинграда	+12	-0	=4	1

1964	Чемпионат СССР, Киев	+11	-0	=8	1
1965	Ереван	+6	-0	=7	1
1966	Бухарест	+11	-0	=3	1
1966	Мемориал Чигорина, Сочи	+10	-2	=3	1
1966	Командный чемпионат СССР, Москва	+5	-0	=5	1
1966	Чемпионат СССР, Тбилиси	+4	-0	=16	4-5
1967	Ленинград	+10	-0	=6	1
1967	Межзональный турнир, Сус	+9	-3	=10	2-4
1968	Вейк-ан-Зее	+10	-1	=4	1
1968	Пальма-де-Мальорка	+11	-0	=6	1
1969	Сараево	+9	-0	=6	1
1969	Лухачевице	+8	-0	=7	1
1969	Гавана	+8	-1	=6	1-2
1969	Пальма-де-Мальорка	+6	-2	=9	3-4
1970	Матч СССР — сборная мира, Белград	+0	-1	=3	
1970	Загреб	+7	-2	=8	2-6
1970	Чемпионат СССР, Рига	+12	-1	=8	1
1971	Вейк-ан-Зее	+7	-2	=6	1
1971/72	Гастиングс	+8	-1	=6	1-2
1972	Пальма-де-Мальорка	+7	-2	=6	1-3
1972	Амстердам	+7	-0	=8	2
1973	Межзональный турнир, Ленинград	+11	-1	=5	1-2
1973	Командный чемпионат Европы, Бат	+3	-1	=2	1
1975	Мемориал Алехина, Москва	+8	-4	=3	3-5
1975/76	Гастиングс	+5	-2	=8	4
1976	Амстердам	+5	-1	=9	1-2
1977	Монтре	+4	-0	=5	1
1978	Вейк-ан-Зее	+5	-1	=5	2
1978	Беэр-Шева	+11	-0	=2	1
1979	Сан-Пауло	+7	-0	=6	1-2
1979	Йоханнесбург	+6	-1	=5	1
1979	Буэнос-Айрес	+8	-0	=5	1-2
1979	Биль	+11	-0	=2	1
1979	Линарес	+6	-2	=5	2-4
1980	Вейк-ан-Зее	+6	-2	=5	3
1980	Лондон	+5	-1	=7	1-3
1981	Рим	+7	-0	=2	1
1981	Лон-Пайн, опен	+5	-0	=4	1
1981	Бад-Киссинген	+8	-0	=2	1
1981	Лас-Пальмас	+5	-3	=2	3-4
1981	Баден-Баден	+6	-2	=5	3
1981	Йоханнесбург	+4	-3	=5	2-3

1982	Лугано, опен	+7	-0	=2	1
1982	Чемпионат Швейцарии	+8	-1	=0	1
1983	Лихтенштейн, опен	+8	-0	=1	1
1983	Пасадена, опен	+9	-0	=3	1-2
1984	Вейк-ан-Зее	+7	-0	=6	1-2
1984	Беэр-Шева	+6	-0	=6	1-2
1984	Сараево	+5	-0	=8	1-2
1984	Лихтенштейн, опен	+8	-0	=1	1
1984	Биль	+5	-2	=4	3
1984	Париж	+6	-0	=3	1
1985	Титоград	+5	-1	=5	1-2
1985	Линарес	+5	-3	=3	3-4
1985	Торонто, опен	+6	-0	=3	1-2
1985	Западный Берлин, опен	+7	-1	=1	1-2
1985	Тилбург	+5	-2	=7	1-3
1985	Брюссель	+9	-0	=4	1
1986	Вена, опен	+4	-0	=5	1-2
1986	Канны	+3	-1	=5	2-6
1986	Лугано, опен	+7	-1	=1	1-4
1986	Брюссель (SWIFT)	+5	-2	=4	2
1986	Брюссель	+3	-2	=5	2
1987	Вейк-ан-Зее	+7	-1	=5	1-2
1987	Беэр-Шева	+6	-0	=5	1-2
1987	Брюссель (SWIFT)	+5	-3	=3	4-5
1987	Межзональный турнир, Загреб	+8	-2	=6	1
1987	Тилбург	+5	-4	=5	4
1988	Беэр-Шева	+7	-2	=5	2-3
1988	Ханинге	+3	-2	=6	4-5
1988	Ройан	+5	-0	=4	1
1988	Амстердам	+3	-1	=6	1
1988/89	Гастингс	+4	-1	=9	1
1989	Лугано, опен	+7	-0	=2	1-2
1989	Кубок мира, Барселона	+6	-3	=7	4
1989	Клермон-Ферран	+4	-2	=5	1-5
1989	Амстердам	+3	-2	=5	2-3
1989	Тилбург	+4	-1	=9	2
1990	Роттердам	+2	-0	=4	1
1990	Амстердам	+2	-2	=6	3
1990/91	Памплона	+4	-1	=4	2
1991	Мемориал Эйве, Амстердам	+2	-2	=5	5
1991	Саламанка	+5	-2	=4	3-4
1991	Лас-Пальмас	+5	-2	=2	1-3

1992	Поляница-Здруй	+4	-0	=7	2
1993	Буэнос-Айрес	+3	-1	=7	3
1993	Антверпен	+5	-1	=4	1-2
1994	Острава	+4	-0	=6	1
1994	Дортмунд	+3	-3	=3	4-7
1994	Антверпен	+6	-1	=2	2
1994	Хорген	+3	-1	=7	4-5
1995	Сан-Франциско	+5	-0	=6	1
1995	Зональный турнир, Птуй	+6	-0	=8	2-3
1995	Мадрид	+5	-1	=3	1
1995	Гамбург, опен	+6	-0	=3	1
1996	Мальме	+6	-0	=3	1
1996	Копенгаген, опен	+8	-2	=1	1
1996	Мюнстер, опен	+5	-0	=3	1-2
1997	Энгельс-ле-Бен	+5	-1	=3	1-2
1997	Санкт-Петербург	+4	-1	=6	1-3
1997	Гамбург, опен	+6	-0	=3	1
1997	Баден, опен	+6	-0	=3	1
1998	Сараево	+6	-1	=2	1
1998	Зональный турнир, Дрезден	+6	-3	=2	3-6
1998	Бад-Хомбург	+5	-0	=4	1
1998	Леди – Сеньоры, Монако	+6	-0	=6	1
1999	Арнем	+4	-2	=0	1-2
1999	Матч Швейцария – Германия, Цюрих	+4	-0	=6	1
2001	Леди – Сеньоры, Амстердам	+6	-1	=3	1
2001	Биль	+4	-2	=4	1
2001	Хооговен	+2	-2	=2	3
2001	Мемориал Найдорфа, Буэнос-Айрес	+3	-0	=6	2-3
2002	Биль	+2	-2	=6	4
2002	Кюрасао, опен	+6	-1	=2	1
2003	Рейкьявик, опен	+4	-1	=4	2-3
2004	Ч-т Европы среди ветеранов, Дрезден	+6	-0	=1	1
2004	Беэр-Шева (быстрые шахматы)	+7	-2	=2	1
2004	Пакс	+6	-1	=3	1
2004	Монреаль, опен	+6	-0	=3	1
2005	Беэр-Шева (быстрые шахматы)	+9	-1	=3	1

МАТЧИ ПРЕТЕНДЕНТОВ

ЦИКЛ 1967–1969

Четвертьфинал

В. КОРЧНОЙ – С. РЕШЕВСКИЙ

Амстердам, 1968

5,5:2,5   +3   -0   =5

Полуфинал

В. КОРЧНОЙ – М. ТАЛЬ

Москва, 1968

5,5:4,5   +2   -1   =7

Финал

Б. СПАССКИЙ – В. КОРЧНОЙ

Минск, 1968

6,5:3,5   +4   -1   =4

ЦИКЛ 1970–1972

Четвертьфинал

В. КОРЧНОЙ – Е. ГЕЛЛЕР

Москва, 1971

5,5:2,5   +4   -1   =3

Полуфинал

Т. ПЕТРОСЯН – В. КОРЧНОЙ

Москва, 1971

5,5:4,5   +1   -0   =9

ЦИКЛ 1973–1975

Четвертьфинал

В. КОРЧНОЙ – Э. МЕКИНГ

Огаста, 1974

7,5:5,5   +3   -1   =9

Полуфинал

В. КОРЧНОЙ – Т. ПЕТРОСЯН

Одесса, 1974

3,5:1,5   +3   -1   =1

*Финал***А. КАРПОВ – В. КОРЧНОЙ**

Москва, 1974

12,5:11,5 +3 -2 =19

ЦИКЛ 1976–1978*Четвертьфинал***В. КОРЧНОЙ – Т. ПЕТРОСЯН**

Чокко, 1977

6,5:5,5 +2 -1 =9

*Полуфинал***В. КОРЧНОЙ – Л. ПОЛУГАЕВСКИЙ**

Эвиан, 1977

8,5:4,5 +5 -1 =7

*Финал***В. КОРЧНОЙ – Б. СПАССКИЙ**

Белград, 1977

10,5:7,5 +7 -4 =7

*Матч на первенство мира***А. КАРПОВ – В. КОРЧНОЙ**

Багио, 1978

6:5 +6 -5 =21

ЦИКЛ 1979–1981*Четвертьфинал***В. КОРЧНОЙ – Т. ПЕТРОСЯН**

Фельден, 1980

5,5:3,5 +2 -0 =7

*Полуфинал***В. КОРЧНОЙ – Л. ПОЛУГАЕВСКИЙ**

Буэнос-Айрес, 1980

7,5:6,5 +3 -2 =9

*Финал***В. КОРЧНОЙ – Р. ХЮБНЕР**

Мерано, 1980/81

4,5:3,5 +3 -2 =3

Матч на первенство мира
А. КАРПОВ – В. КОРЧНОЙ

Мерано, 1981

6:2   +6   -2   =10

ЦИКЛ 1982–1984

Четвертьфинал

В. КОРЧНОЙ – Л. ПОРТИШ

Бад-Киссинген, 1983

6:3   +4   -1   =4

Полуфинал

Г. КАСПАРОВ – В. КОРЧНОЙ

Лондон, 1983

7:4   +4   -1   =6

ЦИКЛ 1988/89

1/8 финала

Й. ХЬЯРТАРССОН – В. КОРЧНОЙ

Сент-Джон, 1988

4,5:3,5   +3   -2   =3

ЦИКЛ 1991/92

1/8 финала

В. КОРЧНОЙ – Д. САКС

Вейк-ан-Зее, 1991

5,5:4,5   +2   -1   =7

Четвертьфинал

Я. ТИММАН – В. КОРЧНОЙ

Брюссель, 1991

4,5:2,5   +2   -0   =5

ЧЕМПИОНАТ МИРА ФИДЕ, ГРОННИНГЕН 1997

1 раунд

В. КОРЧНОЙ – Г. ЭРНАНДЕС

1,5:0,5   +1   -0   =1

2 раунд

Н. ШОРТ – В. КОРЧНОЙ

3:2   +1   -0   =4

ЧЕМПИОНАТ МИРА ФИДЕ, ЛАС-ВЕГАС 1999*2 раунд***В. КОРЧНОЙ – С. ДОЛМАТОВ**

4:2   +4   -2   =0

*3 раунд***В. КРАМНИК – В. КОРЧНОЙ**

1,5:0,5   +1   -0   =1

ЧЕМПИОНАТ МИРА ФИДЕ, МОСКВА 2001*1 раунд***Л. ПСАХИС – В. КОРЧНОЙ**

2,5:1,5   +2   -1   =1

ТРЕНИРОВОЧНЫЕ МАТЧИ**В. КОРЧНОЙ – Ю. КОТКОВ**

Молотов, 1956

3,5:0,5   +3   -0   =1

В. КОРЧНОЙ – Э. БАКРО

Альбер, 1997

4:2   +3   -1   =2

В. КОРЧНОЙ – И. МОРОВИЧ

Винья-дель-Мар, 1988

4:2   +2   -0   =4

В. КОРЧНОЙ – К. МИТОНЬ

Криница, 1998 (быстрые)

4,5:1,5   +4   -1   =1

В. КОРЧНОЙ – И. МОРОВИЧ

Сантьяго, 1991

2,5:3,5   +0   -1   =5

В. КОРЧНОЙ – Б. СПАССКИЙ

С.-Петербург, 1999 (быстрые)

6:4   +4   -2   =4

В. КОРЧНОЙ – Й. ПИКЕТ

Наймеген, 1993

6:2   +4   -0   =4

В. КОРЧНОЙ – Р. ПОНОМАРЁВ

Донецк, 2001

4:4   +2   -2   =4

В. КОРЧНОЙ – А. ГРИНФЕЛЬД

Беэр-Шева, 1995

3,5:2,5   +2   -1   =3

В. КОРЧНОЙ – Д. САДВАКАСОВ

Астана, 2003

3:5   +0   -2   =6

В. КОРЧНОЙ – СЕ ЦЗЮНЬ

Веньцзую, 1995

3:1   +2   -0   =2

В. КОРЧНОЙ – А. ТИМОФЕЕВ

Казань, 2003

2,5:3,5   +1   -2   =3

В. КОРЧНОЙ – Л. БРУННЕР

Цюрих/Берн, 1996

5:1   +4   -0   =2

В. КОРЧНОЙ – Д. НАВАРА

Прага, 2003

0,5:1,5   +0   -1   =1

В. КОРЧНОЙ – Г. ЭРНАНДЕС

Мерида, 1996

5,5:2,5   +4   -1   =3

ШАХМАТНЫЕ ОЛИМПИАДЫ, ЗА СЕОРНУЮ ССР

(84 партии: +50 -3 =31)

1960	Лейпциг, 4 доска	+8	-0	=5	10,5/13
1966	Гавана, 3 доска	+9	-1	=3	10,5/13
1968	Лугано, 3 доска	+9	-0	=4	11/13
1970	Зиген, 3 доска	+8	-1*	=6	11/15
1972	Скопле, 2 доска	+8	-1	=6	11/15
1974	Ницца, 2 доска	+8	-0	=7	11,5/15

* Этот ноль получен из-за опоздания на партию — тот самый случай, когда Корчной проспал и его никто не разбудил.

ШАХМАТНЫЕ ОЛИМПИАДЫ, ЗА СЕОРНУЮ ШВЕЙЦАРИИ

(106 партий: +37 -14 =55)

1978	Буэнос-Айрес, 1 доска	+7	-0	=4	9/11
1982	Люцерн, 1 доска	+5	-2	=7	8,5/14
1988	Салоники, 1 доска	+5	-2	=5	7,5/12
1990	Нови-Сад, 1 доска	+5	-3	=5	7,5/13
1992	Манила, 1 доска	+2	-0	=6	5/8
1994	Москва, 1 доска	+3	-1	=9	7,5/13
2000	Стамбул, 1 доска	+3	-2	=7	6,5/12
2002	Блед, 1 доска	+5	-1	=5	7,5/11
2004	Кальвия, 1 доска	+2	-3	=7	5,5/12

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Войнович:	
«Эту книгу я читал как боевик»	5
Владимир Маланюк:	
«Честь имею!»	8

ЧАСТЬ I. ГРАЖДАНИН СССР

Глава 1. Детские годы	10
Глава 2. Учеба	24
Глава 3. Первые шаги профессионала	37
Глава 4. Скачок вверх	53
Глава 5. Препятствия	73
Глава 6. Гавана, Сус, Амстердам.	
События шахматные и не только...	81
Глава 7. Матчи и другие дела	87
Глава 8. Накапливаю опыт, политический и профессиональный	95
Глава 9. Исторические матчи.	
Первые поединки с А. Карповым	102
Глава 10. Накануне важных событий, изменивших жизнь ...	112
Глава 11. Год 1974. Матчи	118
Глава 12. После матча. Наказание	130
Глава 13. Год 1976. Бегство	137

ЧАСТЬ II. МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ И ХАРИБДОЙ

Глава 14. Первые столкновения с советской машиной	142
Глава 15. Тройной заслон на пути к Карпову	155
Глава 16. Спасский	165
Глава 17. Перед матчем на первенство мира	180
Глава 18. И грянул бой!	186
Глава 19. Кризис	197
Глава 20. Бурные события на финише	205
Глава 21. Сразу после матча	211
Глава 22. Олимпиада в Буэнос-Айресе и хамелеон Доннер ...	220
Глава 23. Год 1979	226
Глава 24. Бойкот	228
Глава 25. Годы 1979–80. Опять отбор	233
Глава 26. Матч в Меране	239
Глава 27. Тайны шахматных событий	260
Глава 28. США	271
Глава 29. После Мерана	276

Глава 30. Приезд семьи, развод, болезнь жены	280
Игорь Корчной:	
«В руках инквизиции»	282
ЧАСТЬ III. ГРАЖДАНИН МИРА	
Глава 31. Чувствую возраст	297
Глава 32. О судьях вообще и в частности.	
Еще одна победа Батуринского	313
Глава 33. Быстрые шахматы. Каспаров	315
Глава 34. О моем гражданском статусе и о сетчатке	318
Глава 35. Мароци	322
Глава 36. Вейк-ан-Зее, турниры ван Оостерома и другие соревнования	325
Глава 37. Новые правила игры, соревнования в Лас-Вегасе и Москве	328
Глава 38. Шахматы в Швейцарии. Турниры в Биле	331
Глава 39. Новый век	335
Глава 40. Восстановление связей с Петербургом	340
Глава 41. Педагог-тренер	343
Виктор Хенкин: «Со своей колокольни»	346
Приложения	404

Научно-популярное издание

Мемуары шахматиста

Корчной Виктор Львович

Шахматы без пощады

Книга издана в авторской редакции

Компьютерная верстка *A.H. Елькова*

Подписано в печать 10.08.2005.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж 5000 экз. Заказ № 2432.

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — литература научная и производственная

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.2005г.

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, За

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г.Кызыл, ул. Кочетова, 93

ООО «Транзиткнига»
143900, Московская область, г. Балашиха, ш. Энтузиастов, д. 7/1

Наши электронные адреса:www.ast.ru
[E-mail:astpub@aha.ru](mailto:astpub@aha.ru)

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати».

443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

ПЕТЕРГОФСКИЕ
ФОНТАНЫ
1937

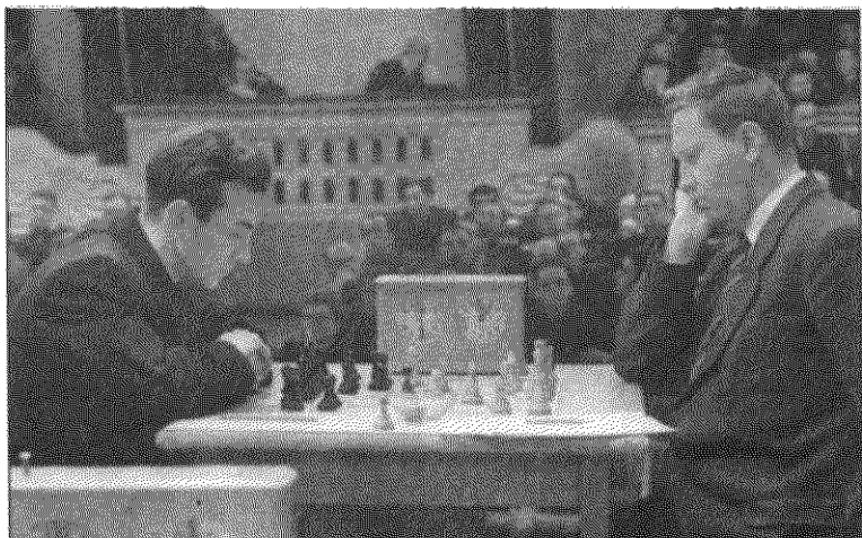
С отцом Львом Меркуьевичем и мамой Розой Абрамовной.
За 4 года до блокады...

1951 год

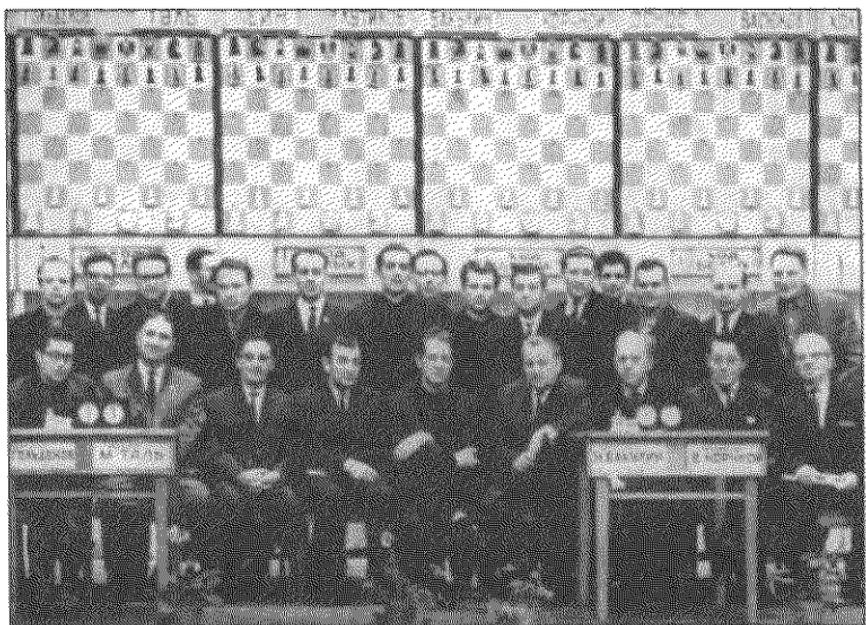
Полуфинал чемпионата СССР (Минск 1952). Сидят (слева направо): Василий Корчмарь, Георгий Бастриков, Исаак Липницкий, Сало Флор, Исаак Болеславский, Владимир Сайгин, Алексей Сокольский, Николай Копаев, Виктор Корчной. Стоят: Владлен Зурахов, Ратмир Холмов, Владимир Загоровский, Юрий Солнцев, Ефим Столляр, Алексей Суэтин, Владимир Антошин, Борис Гольденов, Або Шагалович, Валентина Белова, Георгий Борисенко

Первая победа над Василием Смысловым. 20-й чемпионат СССР (Москва 1952)

1952 год

Чемпионат СССР (Киев 1965). Сидят (слева направо): Евгений Васюков, Борис Гольденов, Леонид Шамкович, Виктор Корчной, Юрий Авербах, Владас Микенас, Николай Бакулин, Борис Баранов, арбитр. Стоят: Владимир Лявданский, Николай Крогиус, Анатолий Лутиков, Ратмир Холмов, арбитр, Леонид Штейн, Анатолий Лейн, Вячеслав Оснос, Георгий Борисенко, два арбитра, Анатолий Банник, Давид Бронштейн и Алексей Суэтин

С женой Беллой на приеме в Восточном Берлине (1960). Справа — переводчица Урсула

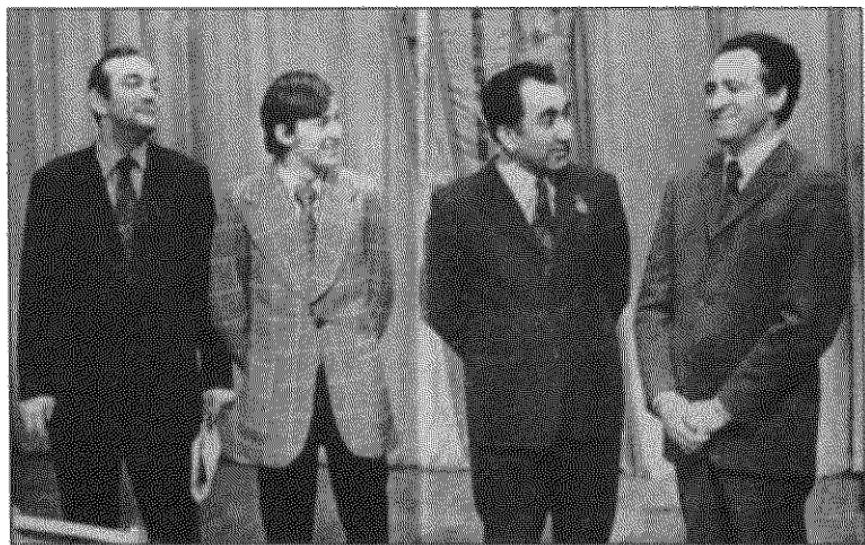
Перед отъездом на Олимпиаду в Лейпциг (1960). Слева направо: Тигран Петросян, Виктор Корчной, Василий Смыслов, Пауль Керес и Михаил Ботвинник

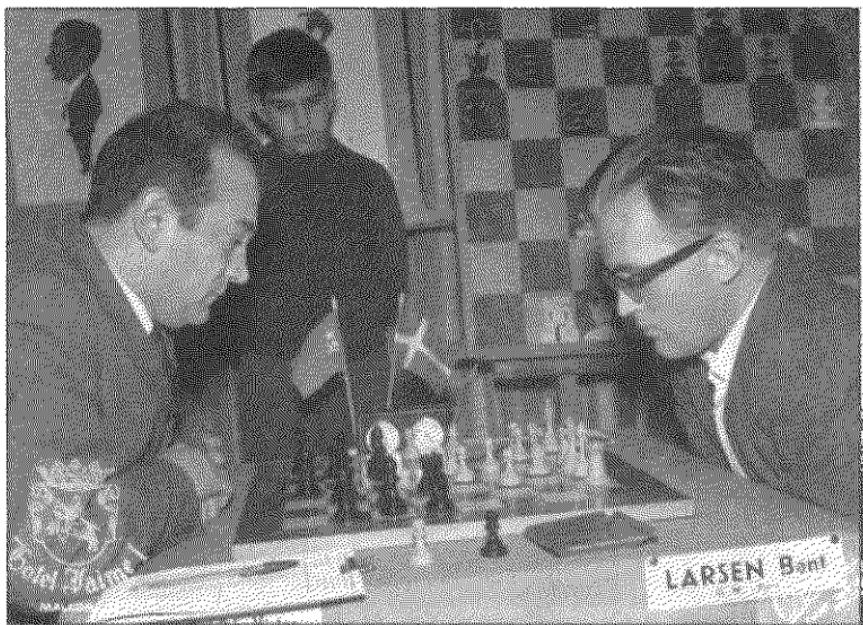
Победители Олимпиады в Гаване (1966). Слева направо: Лев Полугаевский, Виктор Корчной, Леонид Штейн, Тигран Петросян, Игорь Бондаревский (тренер) и Борис Спасский

Слева направо: Борис Спасский, Ефим Геллер, Виктор Корчной, Леонид Штейн и Семен Фурман на «Матче века» (Белград 1970)

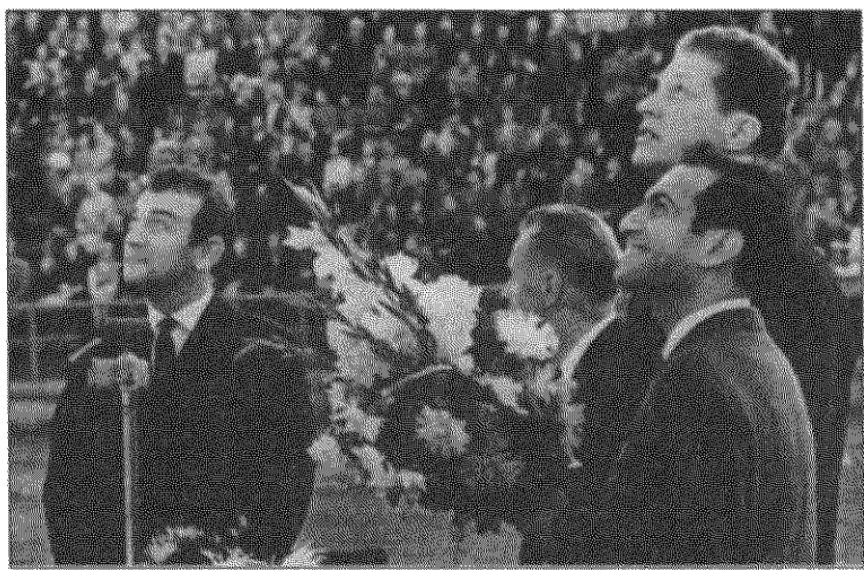
41-й чемпионат СССР (Москва 1973). Слева направо: Виктор Корчной, Анатолий Карпов, Тигран Петросян и Лев Полугаевский

За эту партию с Бентом Ларсеном (Пальма-де-Мальорка 1968)
Виктор Корчной получил приз за красоту

Четвертьфинальный матч претендентов с Ефимом Геллером (Москва 1971). В центре судья Владас Микенас

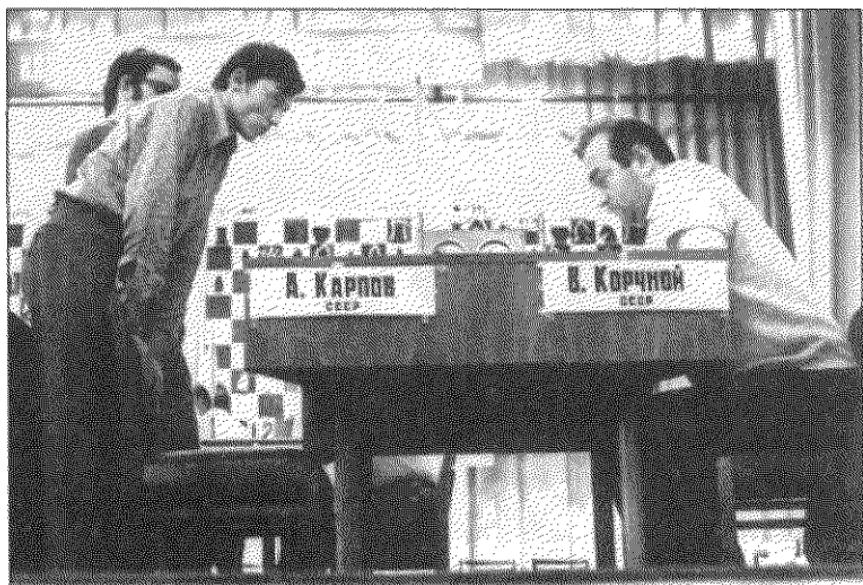
Виктор Корчной, радиокомментатор Вадим Синявский, Михаил Таль и Юрий Авербах на стадионе имени Ленина перед началом партии в «живые шахматы» (Ленинград 1963)

Полуфинальный матч претендентов с Михаилом Талем (Москва 1968). В центре — судья Герман Фридштейн

1966 год. На Олимпиаду в Гаване прилетела сборная СССР. Справа налево: Тигран Петросян, Борис Спасский и Виктор Корчной. По отзыву участников, это была самая праздничная Олимпиада за все время проведения «Турниров наций»

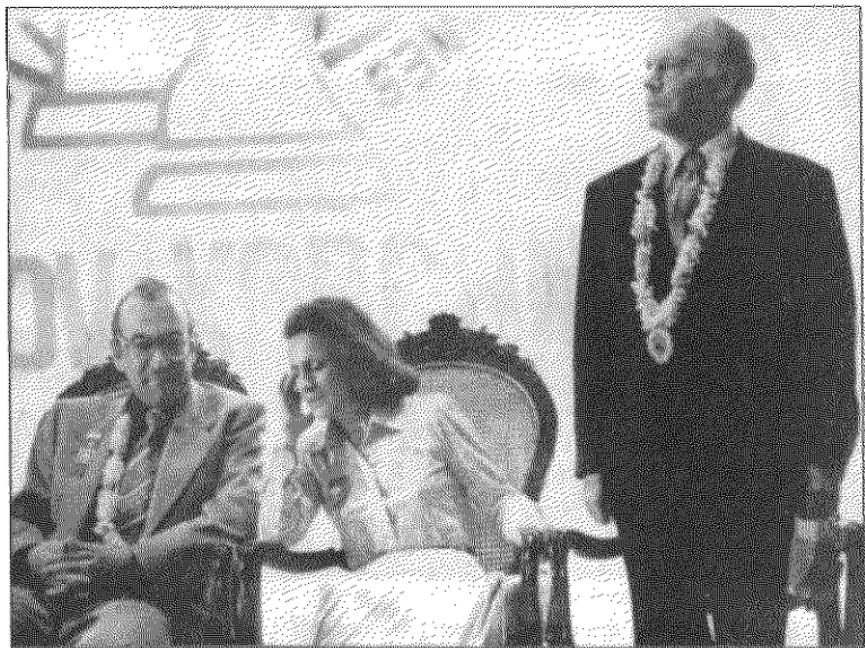
Вот приедет Зухарь... Межзональный турнир (Ленинград 1973)

Финальный матч претендентов (Москва 1974). В центре судья Альберик О'Келли: «Давайте жить дружно!»

На приеме у президента Филиппин Ф. Маркоса (Багио 1978). Справа А. Карпов, В. Батуринский и Ю. Балашов

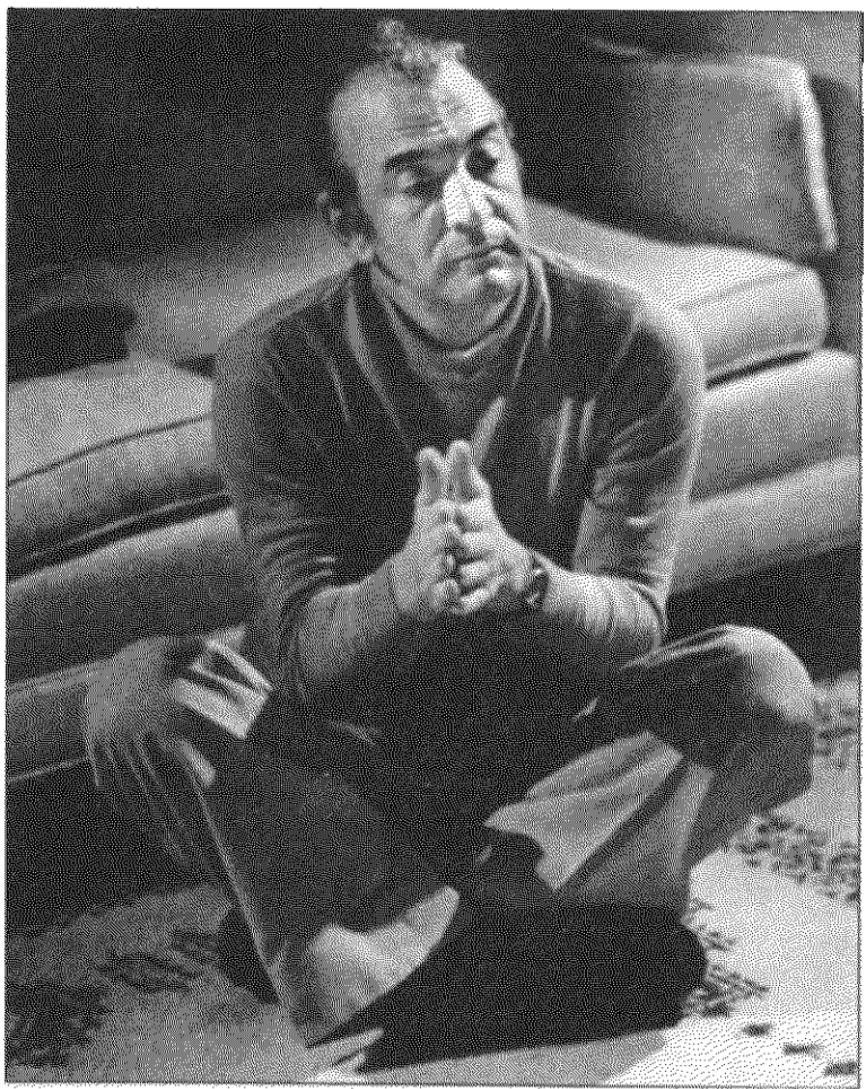
Открытие матча в Багио. Во время исполнения (по ошибке) «Интернационала» сидят В. Корчной и П. Лееверик, стоит посол СССР В. Михайлов. Ему все равно — государственный гимн или партийный

С Флоренсио Кампоманесом на пресс-конференции в Багио (1978)

8 свечек за 8-ю партию... Праздник после победы. Слева направо:
А. Рошаль, А. Карпов, Э. Эдмондсон и доктор В. Зухарь

В позе лотоса. «При каждой неудаче давать умейте сдачи!»

Новое в спортивном этикете: Карпов отменил рукопожатие

Кортчной в растерянности. Главный судья Лотар Шмид еще не понял, что произошло

С женой Беллой на приеме у Джимми Картера, губернатора штата Джорджия, будущего Президента США (1973). Справа от Беллы – Вячеслав Оснос, слева от супругов Картеров – Божидар Каич с женой и г-н Хаглер, по краям – два американских конгрессмена

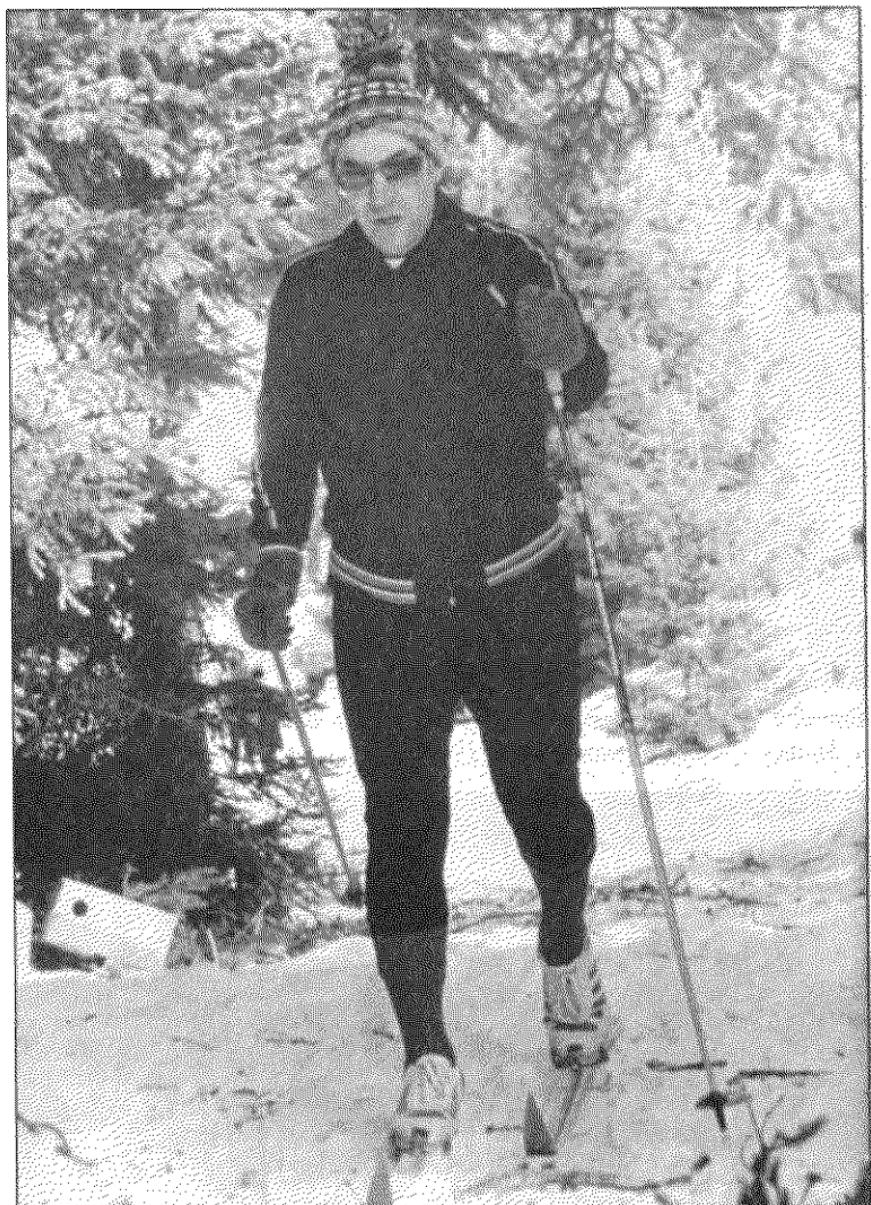
С Президентом Израиля Менахемом Бегином (слева). Рядом с Виктором Корчным – Леонид Левант. 1978 год

Виктор Корчной – обладатель «Оскара» (приза лучшему шахматисту мира) за 1978 год

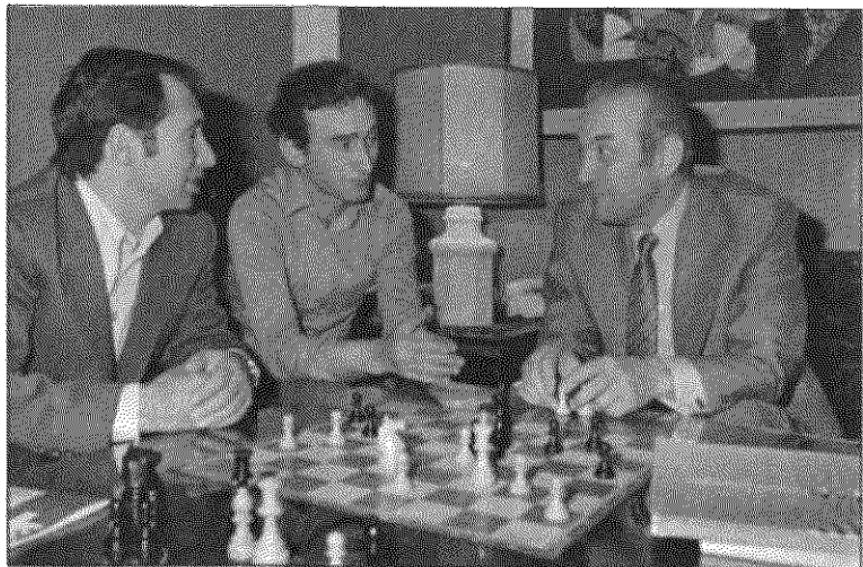
Утренняя пробежка с Майклом Стином (Багио 1978)

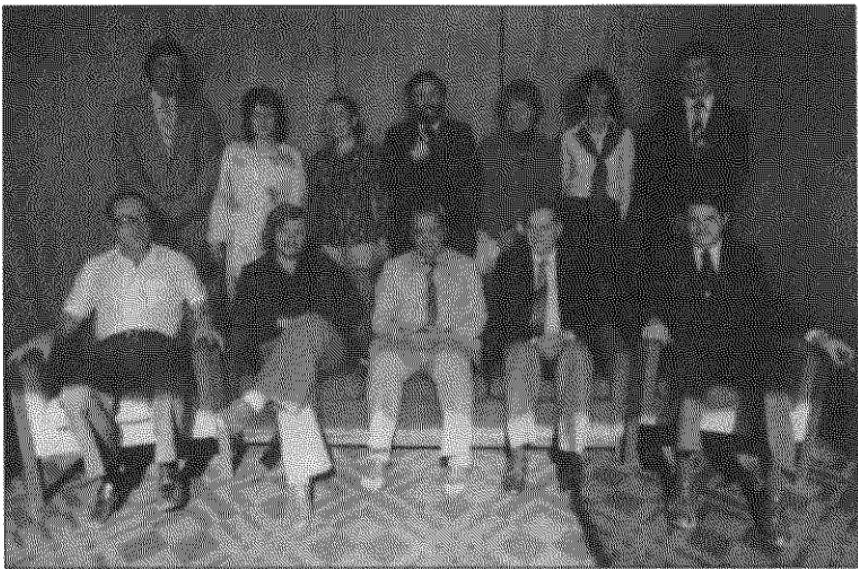
В Швейцарии катаются и на равнинных лыжах. 1980 год

Виктор Корчной, Петра Лееверик, Албан Бродбек, Эдуард Штейн и Майкл Стин (Буэнос-Айрес 1980)

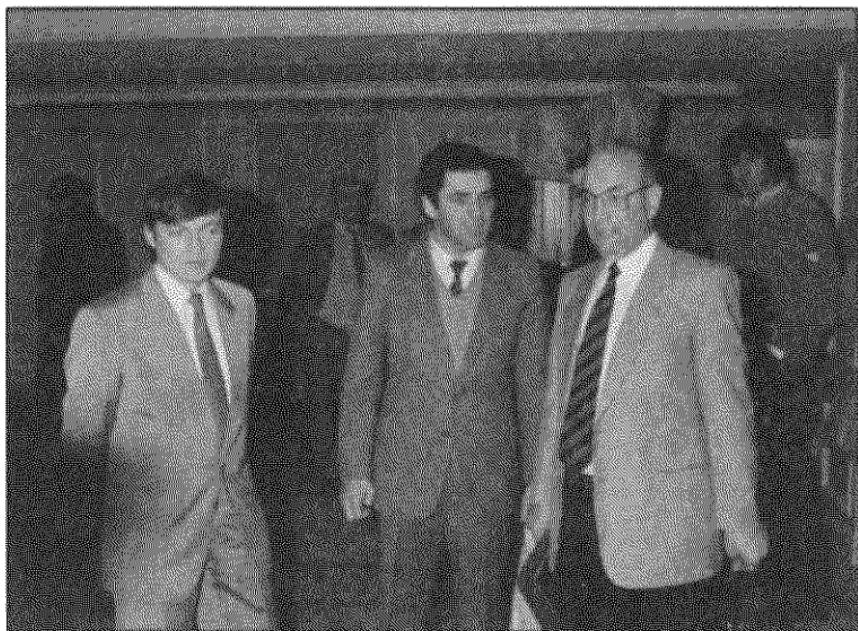
Лев Гутман, Майкл Стин и Виктор Корчной (Мерано 1981)

Турнир в Йоханнесбурге, 1979. Сидят (слева направо): Анатолий Лейн, Энтони Майлс, Виктор Корчной, Вольфганг Унцикер и Билл Ломбарди. Стоят: Питер Бергер, Бобби Лейн, Яна Майлс, Ник Барнетт, Фрая Унцикер, Верго Аалберсберг и Вильгельм Лендман.

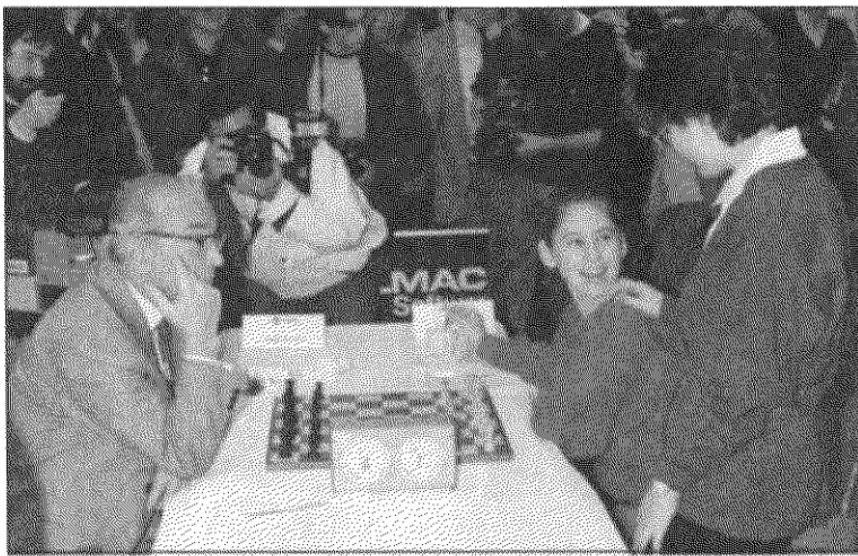
Петра Лееверик. На долю этой хрупкой женщины выпало много испытаний...

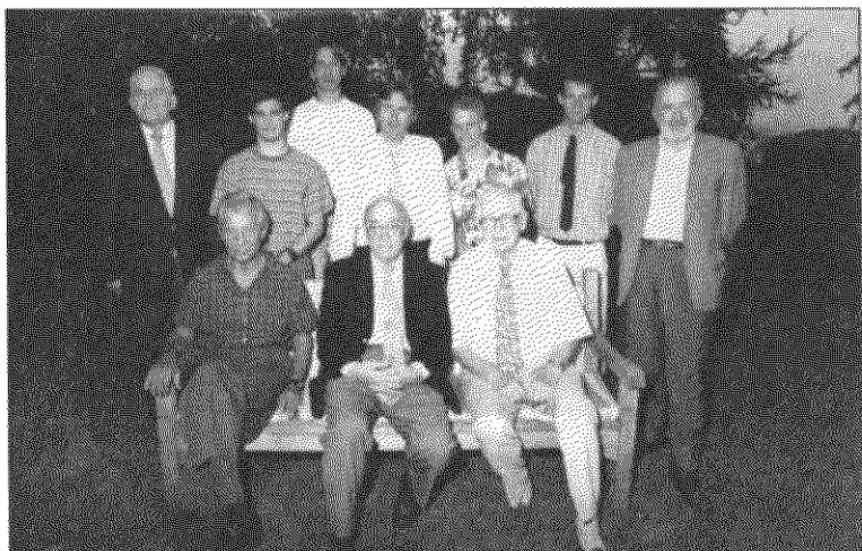
Анатолий Карпов, Гарри Каспаров и Виктор Корчной. Брюссель 1986

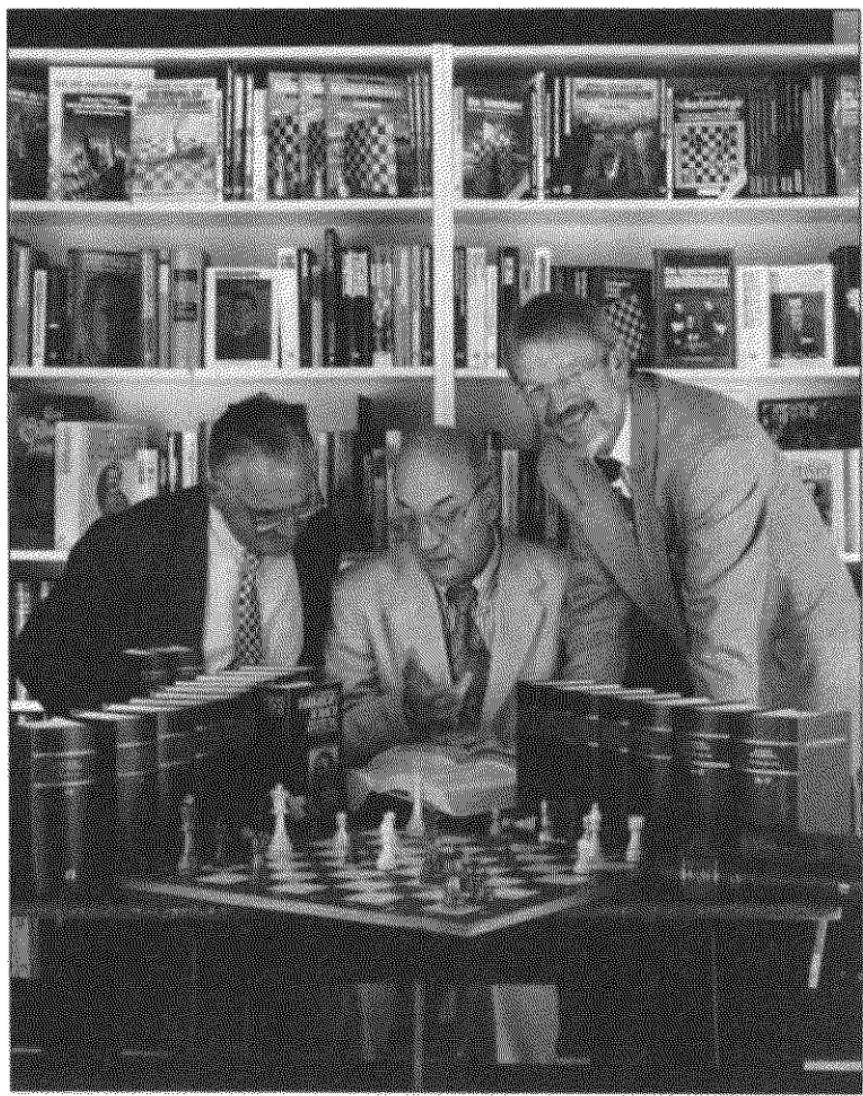
С Василием Иванчуком. Монако 1991

На матче «Леди против сеньоров» (Голландия 1993). Жужа (Сюзан) Полгар подбадривает младшую сестру Юдит

Участники матча «Сеньоры против сильнейших юных шахматистов Швейцарии» (Цюрих 1998). Сидят (слева направо): Светозар Глигорич, Виктор Корчной и Василий Смыслов. Стоят: Вольфганг Унцикер, Янник Пеллестье, Флориан Йенни, Вернер Хуг, Роджер Мур, Ричард Форстер и Бент Ларсен

Виктор Корчной — шахматный редактор издательства «Олмс» (Швейцария). Слева Рудольф Тешнер, справа Хельмут Пфлегер

Матч с Йеруном Пикетом (Голландия 1993)

На встрече с томскими любителями шахмат. Виктора Корчного приветствует спонсор шахматного клуба им. П. Измайлова Татьяна Бетенекова. Справа президент клуба Борис Шайдуллин

С Борисом Спасским (Лугано 1982)

Любимые ученики Зака под портретом учителя в шахматном клубе имени Чигорина (Санкт-Петербург 1997)

Матч с Русланом Пономаревым (Донецк 2001). Слева направо: Олег Иванов, Захар Ефименко, Руслан Пономарев, Сергей Калякин, Виктор Корчной, Наталья Здебская, Екатерина Лагно, Виктор Дмитренко, Юрий Кузубов, Анна Затонских, Татьяна Кононенко

Участников матча приветствует вице-президент фирмы «Данко»
Вениамин Амитан

Матч с Артемом Тимофеевым (Казань 2003). Слева направо: президент Федерации шахмат Татарстана Геннадий Захаров, Виктор Корчной, Петра Леевверик, Артем Тимофеев, судья Яков Дамский и ректор Казанского государственного технологического университета (альма-матер Артема) Сергей Дьяконов

С Давидом Наварой (Прага 2003)

Сеанс одновременной игры в Казани (2001)

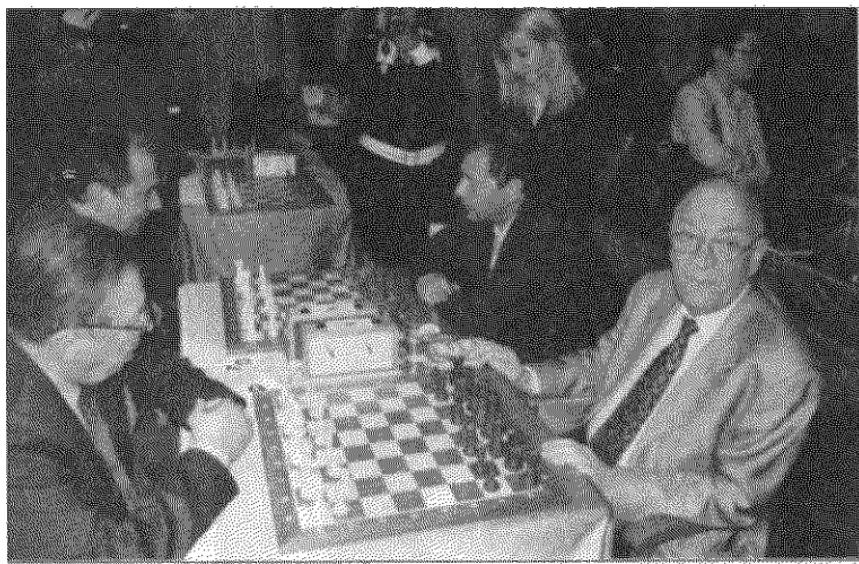
На командном первенстве России (Тольятти 2003)

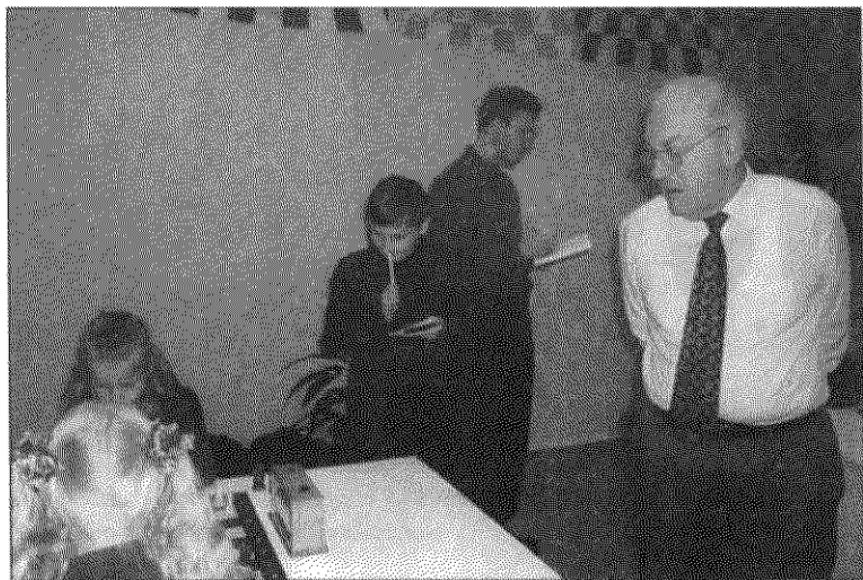
На Матче нового века (Москва 2002). Слева направо: Кирсан Илюмжинов, Давид Бронштейн, Андре Лихтенфельз, Виктор Корчной и Василий Смыслов

Ректор Международного свободного университета Молдовы Андрей Галбен и почетный доктор Виктор Корчной (Кишинев 2002)

На Первоапрельском турнире в поддавки (Москва 2004). Слева академик Леонид Абалкин. Трудно себе представить Корчного «поддающимся»

На Матче поколений (Москва 2002). За юных питерцев Корчной переживал не меньше, чем за самого себя

Петра Лееверик и Виктор Корчной